

С.В. Санников

ОБРАЗЫ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ
ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ
В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
VI ВЕКА

Монография

Новосибирск
2011

УДК 94(4-011) “04” : 930(4-011) “05”
ББК 63.3(4)41 – 332 + 63.1(0)4 + 63.211(0)4
С 18

Рецензенты: доктор философских наук Е.В. Афонасин
(Институт философии и права Сибирского отделения
Российской академии наук)
кандидат исторических наук В.А. Эрлих
(Государственная публичная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения Российской академии наук)

Санников С.В.

С 18   **Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов в западноевропейской историографии VI века: монография / С.В. Санников. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011. – 212 с.**

ISBN 978-5-7782-1599-3

Представленная работа является первым комплексным исследованием образов королевской власти эпохи Великого переселения народов, отраженных в западноевропейской историографии VI века. Применение междисциплинарной методологии позволило структурировать образы власти, изучить особенности формирования содержательного и психологического измерения данных образов, выявить основные тенденции отображения королевской власти в историографических памятниках эпохи становления германских «варварских королевств». В работе анализируются произведения Иордана, Григория Турского, анонима Вalezия и других авторов. Исследование предназначено для историков, культурологов, политологов, антропологов, а также всех интересующихся историей и культурой раннего средневековья Западной Европы.

**УДК 94(4-011) “04” : 930(4-011) “05”
ББК 63.3(4)41 – 332 + 63.1(0)4 + 63.211(0)4**

ISBN 978-5-7782-1599-3

© Санников С.В., 2011.
© Новосибирский государственный
технический университет, 2011.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава 1. Культурно-исторические предпосылки формирования образов власти эпохи раннего средневековья	31
§ 1. Потестарные архетипы римской и германской мифологии: формирование психологических предпосылок восприятия власти в раннесредневековом обществе.....	31
§ 2. Правовые и философские источники представлений раннесредневековых авторов об идеальном правлении.....	42
§ 3. Цивилизационные аспекты формирования образов власти: от проблемы «варварства» к «искусству грамматики».....	48
§ 4. Генезис и типология потестарно-правовых символов германских «варварских королевств».....	58
Глава 2. Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов в произведении Иордана «Getica»	66
§ 1. Семантика термина «король» (<i>rex</i>)	66
§ 2. Характеристика института королевской власти	78
§ 3. Способы передачи и принятия королевской власти	88
§ 4. Германские вожди как носители власти: культурно-исторические источники образа.....	97
Глава 3. Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов в «Истории» Григория Турского	108
§ 1. Происхождение королевской власти.....	108
§ 2. Характеристика института королевской власти.....	115
§ 3. Способы передачи и принятия королевской власти.....	123
§ 4. Ритуалы и символы королевской власти.....	129
Глава 4. Психологическое измерение образов основателей германских «варварских королевств»	135
§ 1. Образы основателей вестготского королевства в произведениях Иордана и Григория Турского.....	135
§ 2. Хлодвиг и Гундобад: дихотомия образов королевской власти в произведении Григория Турского.....	141
§ 3. Преступления Хлодвига: восприятие современников в свете норм германского права.....	147
§ 4. Образы Одоакра и Теодориха как основателей германских королевств в Италии: сравнительный анализ архетипов.....	156
Глава 5. Компаративный анализ содержательной части образов королевской власти	162
§ 1. Характер власти германских «вождей» и «королей»: проблема терминологической объективности раннесредневековых источников.....	163
§ 2. Военно-демократические черты в организации ранних форм королевской власти у германских народов.....	176
§ 3. Возрождение военно-демократических традиций эпохи Великого переселения народов в остготском обществе VI века.....	188
§ 4. Легендарное и историческое в освещении процесса становления германских королевских родов и сакрализации королевской власти.....	197
Заключение	206

«Доказано, что род человеческий живет для королей...»
(Иордан, историк VI в. н.э.)

Западноевропейская историография VI века представляет собой уникальное культурное явление эпохи системного социального «перехода». В этот период историки впервые начинают воспринимать германский институт королевской власти в свете его интеграции в историю римского государства, оценивать его с точки зрения общественных интересов и благополучия подданных, описывать королевскую власть не только в публичных и ритуальных ее проявлениях, но и в повседневных аспектах, начинают давать морально-нравственную оценку правления и политики королей. Формируемые историками рассматриваемой эпохи образы королевской власти являются одними из ключевых для понимания изменений, происходящих в традициях написания истории в эпоху перехода от античности к средневековью.

Данные изменения обусловлены многочисленными факторами, начиная от этнокультурной идентичности авторов произведений, до существенной трансформации самого содержания отношений власти и подданства в рамках описываемых политических образований. Если в классический период развития римской литературы произведения, посвященные вопросам происхождения и общественного устройства германцев, носили характер этнографического экскурса в жизнь варваров, обитающих на периферии цивилизованного мира, то теперь произведения жанра *origo gentis* являются прологом новейшей истории всего западного мира. Произведения, создаваемые в рамках формирующейся историографической традиции германских «варварских королевств», предлагают новую интерпретацию мировой истории, и открывают читателю культурный мир, существовавший *ex omni aeternitate* по ту сторону римского лимеса. Находясь в самом эпицентре происходящих в западном мире этнокультурных и политических трансформаций, авторы особенно чутко впитывают веяния времени, отражают категории ментальности нового средневекового общества.

Воссоздание древней истории германских народов и их королевских родов зачастую ставит средневековых авторов перед необходимостью обращения к преданиям и мифам языческого прошлого германцев, требуя осмысления данного наследия с позиций романо-христианской культурной традиции. Образы власти, отраженные в раннесредневековой историографии, представляют собой специфический историко-культурный феномен, испытывающий на себе влияние античной культуры, христианского мировоззрения, традиционных германских ценностей и представлений, а интеллектуальные средства, позволившие историкам германских «варварских» королевств преодолеть антагонизм культурных миров, в пространстве которых формировались образы королевской власти, во многом определили развитие средневековой западноевропейской культуры в целом.

Историография

Исследователи неоднократно обращались к изучению различных аспектов раннесредневековой историографии, института королевской власти, а также самого феномена «варварских королевств». В контексте рассматриваемой проблематики исследовательские работы можно условно разделить по тематическому признаку на несколько основных групп:

1) *Освещающие западноевропейскую историографию эпохи раннего средневековья и произведения отдельных средневековых историков*

В числе работ, посвященных средневековой историографии, в которых получает отдельное освещение раннесредневековая историография, необходимо отметить работы Г. Шпигель¹, Э. Брайсаха², Д. Дюмвилля³, Р. МакКиттерик⁴, Д.М. Делианнис⁵, К. Брайана⁶, А. Пласманна⁷, Х.Х. Антона⁸, научные сборники под редакцией Г. Альтхоффа, И. Фрида и П. Гири⁹, М.Э. Фитцсимонса, А.Дж. Пундта и Ч.Е. Новелла¹⁰, Л.С. Крамера, Л. Крамера и С. Маза¹¹, Р. МакКиттерик¹², И. Хена и М. Иннес¹³, Э. Купера¹⁴, Дж. Масаско¹⁵, К. Холдсворф¹⁶, Г. Альтхоффа¹⁷, А. Шарера и Г. Шайбельрайтера¹⁸. Германская литературная традиция, оказавшая влияние на формирование раннесредневековой историографии, получает освещение в работе Б. Мердока и М.К. Рида¹⁹. Латинская литературная традиция получает

---

¹ Gabrielle M. Spiegel. *The Past as Text: The Theory and Practice of Medieval Historiography* (Baltimore, MD and London, 1997).

² E. Breisach. *Historiography: ancient, medieval & modern*. Chicago, 2007.

³ Dumville D. What is a chronicle? // *The medieval chronicle II: proceedings of the 2nd International Conference on the Medieval Chronicle, Driebergen/Utrecht 16-21 July 1999* / Erik Kooper. Rodopi, 2002.

⁴ R. McKitterick, *Perceptions of the past in the early middle ages* (Notre Dame, 2006).

⁵ Deborah Mauskopf Deliyannis, *Historiography in the Middle Ages* (Leiden: Brill, 2004). ISBN: 9004118810.

⁶ Croke, Brian. "Latin historiography and the barbarian kingdoms." In *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity, Fourth to Sixth Centuries A.D.*, G. Masasco, ed., 349–89. Oxford, 2003.

⁷ Plassmann, Alheydis. 2006. *Origo gentis: Identitäts- und Legitimitätsstiftung in früh- und hochmittelalterlichen Herkunftserzählungen*, *Orbis mediaevalis* 7, Berlin: Akademie Verlag.

⁸ Anton, Hans Hubert, *Origo gentis – Volksgeschichte. Zur Auseinandersetzung mit Walter Goffarts Werk "The Narrators of Barbarian History"*, in: *Historiographie im frühen Mittelalter*, hg. von Anton Scharer und Georg Scheibelreiter (Veröffentlichungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung 32), Wien, München 1994, S. 262–307.

⁹ *Medieval concepts of the past: ritual, memory, historiography* / ed. by Gerd Althoff, Johannes Fried, Patrick J. Geary. 2002.

¹⁰ *The development of historiography*. / ed. by Matthew Anthony Fitzsimons, Alfred George Pundt, Charles E. Nowell. 1967.

¹¹ *A Companion to Western Historical Thought* / ed. by Lloyd S. Kramer, Lloyd Kramer, Sarah C. Maza. 2006.

¹² R. McKitterick ed., *Carolingian Culture* (Cambridge, 1994).

¹³ *The uses of the past in the early Middle Ages* / ed. by Yitzhak Hen, Matthew Innes. Cambridge, 2000.

¹⁴ *The Medieval Chronicle* / ed. by Erik Kooper, Rodopi, Amsterdam, 1999.

¹⁵ *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity, Fourth to Sixth Centuries A.D.*, G. Masasco, ed., Oxford, 2003.

¹⁶ C. Holdsworth ed., *The inheritance of historiography* (1980)

¹⁷ Gerd Althoff et al., eds., *Medieval Concepts of the Past: Ritual, Memory, Historiography* (Cambridge: Cambridge University Press, 2002).

¹⁸ Scharer, Anton, and George Scheibelreiter, eds. *Historiographie im frühen Mittelalter*. Veröffentlichungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung 32. Vienna and Munich, 1994.

¹⁹ Brian Murdoch, Malcolm Kevin Read. *Early Germanic literature and culture*. 2004.

освещение в работе М. Манитуса²⁰. Одной из наиболее обстоятельных обобщающих работ, посвященных историографии эпохи раннего средневековья, может считаться труд В. Гоффарта²¹. В числе работ отечественных авторов необходимо отметить классические работы О.Л. Вайнштейна²², Е.А. Косминского²³, а также работу В.Т. Сиротенко²⁴, посвященную вопросам источниковедения эпохи раннего средневековья.

Библиография работ, посвященных творчеству и жизни Георгия Флоренция (**Григория Турского**) чрезвычайно обширна, и насчитывает более 800 работ²⁵, в связи с чем представляется возможным отметить только наиболее важные в контексте проблематики настоящего исследования работы. Общими работами можно считать труды М. Хайнцельмана²⁶, Х.-В. Гетца²⁷, Э. Джеймса²⁸, А.К. Мюррея²⁹, Дж.М. Уолласа-Хэдрилла³⁰, работу В.Д. Савуковой³¹.

В числе работ, посвященных эпохе Григория Турского и обстоятельствам создания его произведения, необходимо назвать работы Б. Круша³², К. Бегби³³, Г.Л. Бордье³⁴, П. Брауна³⁵, В. Гоффарта³⁶, Дж. Мурхеда³⁷, В. Поля³⁸, М. Хайнцельманна³⁹, Э. Джеймса⁴⁰.

---

²⁰ Manitius, Max. *Geschichte der lateinischen Literatur des Mittelalters*, 1: 216–23; 2: 789ff.; 3: 1061. Munich, 1911, 1923, 1931.

²¹ W. Goffart, *The narrators of barbarian history* (1988).

²² Вайнштейн О.Л. Западноевропейская средневековая историография. М.–Л., 1964.

²³ Косминский Е.А. Историография средних веков: V в. – середина XIX в. : лекции. М., 1963.

²⁴ Сиротенко В. Т. Введение в историю международных отношений в Европе во второй половине IV – начале VI вв. Часть I. Источники. Пермь, 1973.

²⁵ Развернутый библиографический список доступен на персональной странице профессора Аллена Джонса: <http://spectrum.troy.edu/~ajones/gotbibl.html>

²⁶ Heinzelmann, Martin. 1994a. Die Franken und die frankische Geschichte in der Perspektive der Historiographie Gregors von Tours, in Scharer and Scheibelreiter, eds 1994, 326–344.

Heinzelmann, Martin. 1994b. Gregor von Tours (538–594): Zehn Bücher Geschichte. Historiographie und Gesellschaftskonzept im 6. Jahrhundert, Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.

²⁷ Goetz, Hans–Werner. 2003. Gens, Kings and Kingdoms: the Franks, in Goetz, Jarnut and Pohl, eds 2003, 307–44.

Goetz, Hans–Werner. 2004. Die germanisch–romanische (Kultur–)Synthese in der Wahrnehmung der merowingischen Geschichtsschreibung, in Hagermann, Haubrichs and Jarnut, eds 2004, 547–570.

²⁸ James, Edward. 1998. Gregory of Tours and the Franks, in Murray, ed. 1998, 51–66.

²⁹ Murray, Alexander Callander. 2008. Chronology and the Composition of the Histories of Gregory of Tours, *Journal of Late Antiquity* 1, 157–96.

³⁰ Wallace–Hadrill, J. M. “The work of Gregory of Tours in the light of modern research.” *Transactions of the Royal Historical Society*, 5th ser., 1 (1951) 25–45. Repr. in Wallace–Hadrill, *The Long Haired Kings*, 49–70. Oxford, 1962.

³¹ Савукова В.Д. Григорий Турский и его сочинение / В.Д. Савукова // Григорий Турский. История франков. М., 1987. С. 321–350.

³² Krusch, Bruno. “Kulturbilder aus dem Frankenreiche zur Zeit Gregors von Tours (+ 594). Ein Beitrag zur Geschichte des Aberglaubens.” *Sitzungsberichte der Berliner Akademie, phil.–hist. Klasse* (1934) 785–800.

³³ Begbie, C. *A Study of Gregory of Tours and His Times*. Unpubl. diss. London, 1969.

³⁴ Bordier, Henri Léonard. “De la autorité de Grégoire de Tours.” *Correspondence littéraire de Ludovic Lalanne, les 10 et 25 octobre 1861* (1861). Repr. in idem, *Histoire ecclésiastique des Francs*, vol. 2, 405–424. Paris, 1861.

³⁵ Brown, Peter. “Relics and Social Status in the Age of Gregory of Tours.” *The Stenton Lecture, 1976*. Reading, 1977. Repr. in P. Brown, *Society and the Holy in Late Antiquity*, 222–50. London, 1982.

Brown, Peter. “Gregory of Tours: Introduction.” In *The World of Gregory of Tours*, K. Mitchell and I. Wood, ed., 1–28. Leiden, Boston, and Cologne, 2002.

³⁶ Goffart, Walter. “Foreigners in the ‘Histories’ of Gregory of Tours.” *Florilegium* 4 (1982) 80–99. Repr. in Goffart, *Rome’s Fall and After*, London, 1989.

³⁷ Moorhead, John. “Gregory of Tours on the Arian kingdoms.” *Studi medievali* 36 (1995) 903–15.

Особенности творчества Григория как историка получают освещение в работах Д. Бианки⁴¹, М. Боннэ⁴², В.А. Кайес⁴³, О. Чедвика⁴⁴, Дж. Контрени⁴⁵, А.С. Кука⁴⁶, Дж. Фюрера⁴⁷, Х.В. Гаррода⁴⁸, В. Гоффарта⁴⁹, И. Хена⁵⁰, Л. Халфена⁵¹, Г. Халсалла⁵², М. Хайнцельмана⁵³, И. Вайсенштайнера⁵⁴, Я. Вуда⁵⁵.

Источниковая основа произведений Григория Турского рассматривается в работах К.М. Букера⁵⁶, Э. Каина⁵⁷, Э. Кэмерона⁵⁸, П. Барджена и М. Хайнцельмана⁵⁹, Г.К. Хансена⁶⁰, Б. Круша⁶¹, Г. Курта⁶².

---

³⁸ Pohl, Walter. "Perceptions of barbarian violence." In *Violence in Late Antiquity: Perceptions and Practice*, H.A. Drake, ed., 15–26. Burlington, VT, and Aldershot, 2006. Pohl, Walter. "Gregory of Tours and contemporary perceptions of Lombard Italy." In *The World of Gregory of Tours*, K. Mitchell and I. Wood, ed., 131–43. Leiden, Boston, and Cologne, 2002.

³⁹ Heinzelmann, Martin. *Gregory of Tours: History and Society in the Sixth Century*. Tr. by Christopher Carroll. Cambridge, 2001.

⁴⁰ James, Edward. "Gregory of Tours and the Franks." In *After Rome's Fall: Narrators and Sources of Early Medieval History. Essays presented to Walter Goffart*. A. C. Murray, ed., 51–66. Toronto, Buffalo and London, 1998.

⁴¹ Bianchi, Dante. "Da Gregorio di Tours a Paolo Diacono." *Aevum* 35 (1961) 150–66.

⁴² Bonnet, Max. "Zu Gregor von Tours." *Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde* 17 (1892) 199–201.

⁴³ Caires, Valerie A. *Evagrius Scholasticus and Gregory of Tours. A literary comparison*. Diss. University of California, Berkeley, 1976.

⁴⁴ Chadwick, Owen. "Gregory of Tours and Gregory the Great." *Journal of Theological Studies* 50 (1948) 38–49.

⁴⁵ Contreni, John J. "Reading Gregory of Tours in the middle ages." In *The World of Gregory of Tours*, K. Mitchell and I. Wood, ed., 419–34. Leiden, Boston, and Cologne, 2002.

⁴⁶ Cook, Albert Stanburrough. "Bede and Gregory of Tours." *Philological Quarterly* 6 (1927) 315–16.

⁴⁷ Führer, Julian. "Gregor von Tours. Christliche und pagane Tradition." In *Es hat sich viel ereignet, Gutes wie Böses. Lateinische Geschichtsschreibung der Spät und Nachantike*, G. Thome and J. Holzhausen, ed., 105–26. Munich and Leipzig, 2001.

⁴⁸ Garrod, H. W. "Virgil and Gregory of Tours." *The Classical Review* 33 (1919) 28.

⁴⁹ Goffart, Walter. "The conversions of Avitus of Clermont and similar passages in Gregory of Tours." In *"To See Ourselves as Others See Us": Christians, Jews, "Others" in Late Antiquity*, J. Neusner and E. S. Frerichs, ed., 473–97. Chico, CA, 1985. Repr. in Goffart, *Rome's Fall and After*, London, 1989. Goffart, Walter. "From *Historiae* to *Historia Francorum* and back again: aspects of the textual history of Gregory of Tours." In *Religion, Culture, and Society in the Early Middle Ages. Studies in Honor of Richard E. Sullivan*, T.F.X. Noble and J.J. Contreni, ed., 55–76. Kalamazoo, 1987. Repr. in Goffart, *Rome's Fall and After*, London, 1989. Goffart, Walter. *The Narrators of Barbarian History (A.D. 550–800): Jordanes, Gregory of Tours, Bede, and Paul the Deacon*. Princeton, 1988. Paper ed. 2005.

⁵⁰ Hen, Yitzak. "Clovis, Gregory of Tours, and pro-Merovingian propaganda." *Revue Belge de philologie de d'histoire* 71 (1993) 271–76.

⁵¹ Halphen, Louis. "Grégoire de Tours, historien de Clovis." In *Mélanges d'histoire du moyen âge offerts à Ferdinand Lot par ses amis et ses élèves*, 25–44. Paris, 1925. Repr. in Halphen, *A travers l'histoire du Moyen Age*, 31–38. Paris, 1950.

⁵² Halsall, Guy. "Nero and Herod? The death of Chilperic and Gregory's writings of history." In *The World of Gregory of Tours*, K. Mitchell and I. Wood, ed., 337–50. Leiden, Boston, and Cologne, 2002.

⁵³ Heinzelmann, Martin. "Die Franken und die fränkische Geschichte in der Perspektive der Historiographie Gregors von Tours." In *Historiographie im frühen Mittelalter*, Anton Scharer and George Scheibelreiter, ed., 326–44. Vienna and Munich, 1994.

Heinzelmann, Martin. "Gregor von Tours: Die ideologische Grundlegung fränkischer Königsherrschaft." In *Die Fränken: Wegbereiter Europas. Vor 1500 Jahren: König Chlodowig und seine Erben*, 1: 381–88. Mainz, 1996.

⁵⁴ Weisensteiner, Johann. "Cassiodorus Gotengeschichte bei Gregor von Tours und Paulus Diaconus?: eine Spurensuche." *Ethnogenese und Überlieferung: angewandte Methoden der Frühmittelalterforschung*, K. Brunner and B. Merta, ed., 123–28. Vienna and Munich, 1994.

⁵⁵ Wood, Ian N. "The individuality of Gregory of Tours." In *The World of Gregory of Tours*, K. Mitchell and I. Wood, ed., 29–46. Leiden, Boston, and Cologne, 2002.

⁵⁶ Booker, Courtney M. "Precondition to miracle: The construction of discernment and its application in the works of Sulpicius Severus and Gregory of Tours." *Orpheus* 18.1 (1997) 182–95.

Этногенетические аспекты исторической концепции Григория получают освещение в работах Дж. Бэрлоу⁶³, Е. Эвига⁶⁴, Р.А. Гербердинга⁶⁵, К. Митчелл⁶⁶, К. Форетца⁶⁷, Н. Вагнера⁶⁸.

Подробный анализ зарубежной историографии XIX – первой половины XX столетия, посвященной изучению произведения **Иордана** «О происхождении и деяниях гетов» содержится в работе Е.Ч. Скржинской⁶⁹. Последующие работы получили отражение в исследованиях В. Гоффарта⁷⁰, Дж. О’Доннелла⁷¹, А. Кристенсена⁷².

Обстоятельная «внешняя» критика «Гетики» был представлена в работе известного издателя источников Теодора Моммзена⁷³. Значительный вклад в изучение «Гетики» Иордана внесли авторы К.Чиполла⁷⁴, Р.Чесси⁷⁵, Ф.Джунта⁷⁶, обосновавшие самостоятельность Иордана в работе с трудами латинских и греческих авторов. Важной вехой стала работа Норберта Вагнера, посвященная историографии изучения «Гетики»⁷⁷. Некоторые вопросы биографии автора «Гетики» затрагиваются в работах А. Момильяно⁷⁸, М.А. Веза⁷⁹, А. Деманта⁸⁰,

---

⁵⁷ Cain, Andrew. “Miracles, martyrs, and Arians: Gregory of Tours’ sources for his account of the Vandal kingdom.” *Vigiliae christianae* 59.4 (2005) 412–37.

⁵⁸ Cameron, Averil. “The Byzantine sources of Gregory of Tours.” *Journal of Theological Studies*, n. s. 26 (1975) 421–26.

⁵⁹ Bourgain, Pascale, and Martin Heinzelmänn. “L’oeuvre de Grégoire de Tours: la diffusion des manuscrits.” In *Grégoire de Tours et l’espace gaulois*, N. Gauthier and H. Galinié, ed., 273–317. Tours, 1997.

⁶⁰ Hansen, Günter Christian. “Sulpicius Alexander—eine Historiker nach Ammian.” *Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften der Deutschen Demokratischen Republik* 15G (1982) 89–91.

⁶¹ Krusch, Bruno. “Zu den Handschriften Gregors von Tours.” *Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde* 11 (1886) 629

⁶² Kurth, Godefroid. “Les sources de l’histoire de Clovis dans Grégoire de Tours.” *Revue des questions historiques* 44 (1888) 385–447. Repr. in *Congrès scientifique internationale des catholiques tenu à Paris du 8–13 avril 1888*, 2: 339–86. Paris, 1889. Repr in Kurth, *Études franques*, 2: 207–71. Paris–Brussels, 1919.

⁶³ Barlow, Jonathan. “Gregory of Tours and the myth of the Trojan origins of the Franks.” *Frühmittelalterliche Studien* 29 (1995) 86–95.

⁶⁴ Ewig, Eugen. “Le mythe troyen et l’histoire des Francs.” In *Clovis, histoire et mémoire*, M. Rouche, ed., 1: 817–47. Paris, 1997.

⁶⁵ Gerberding, Richard A. “An unnoticed very early fragment of the *Liber Historiae Francorum*.” *Traditio* 43 (1987) 381–86.

⁶⁶ Mitchell, Kathleen. “Marking the bounds: The distant past in Gregory’s history.” In *The World of Gregory of Tours*, K. Mitchell and I. Wood, ed., 295–306. Leiden, Boston, and Cologne, 2002.

⁶⁷ Voretzsch, Karl. “Das Merovingerepos und die fränkische Heldensage.” In *Philologische Studien, Festgabe für Eduard Sievers*, 53–111. Halle, 1896.

⁶⁸ Wagner, Norbert. “Zur Herkunft der Franken aus Pannonien.” *Frühmittelalterliche Studien* 11 (1977) 218–28.

⁶⁹ Иордан. О происхождении и деяниях гетов: *Getica* / Вступ. ст., пер. и коммент. Е.Ч. Скржинской. М., 1960.

⁷⁰ W. Goffart, *The narrators of barbarian history* (1988).

⁷¹ James J. O’Donnell. *The aims of Jordanes // Historia* 31(1982) 223–240.

⁷² Christinsen A.S. *Cassiodorus, Jordanes and the History of the Goths: Studies in a Migration Myth / A.S.Christinsen*. Copenhagen, 2002.

⁷³ Mommsen T. *Jordanis Romana et Getica*. Prooemium, – MGH, Auct. antiquiss., t. V, pars I, Berlin, 1882, p. V–LXXIII.

⁷⁴ Cipolla C., *Considerazioni sulle Getica di Iordanes e sulle loro relazioni colla Historia Getarum di Cassiodoro*, “Memorie della R. Accademia di Torino”, 2a serie, t. 43, Torino, 1893, p. 99–134.

⁷⁵ Cessi R., “*Regnum*” e “*Imperium*” in Italia, I, Bologna, 1919.

⁷⁶ Giunta Fr., *Considerazioni sulla vita e suite opere di Jordanes*, – “Italice”, XXV, 1948.

⁷⁷ Wagner N. *Getica: Untersuchungen zum Leben des Jordanes und zur frühen Geschichte der Goten*. Berlin, 1967.

⁷⁸ A. Momigliano, “Cassiodorus and Italian Culture of His Time,” *Secondo Contributo* (1960) 191–229;

⁷⁹ M. A. Wes, *Das Ende des Kaisertums im Westen des Römischen Reichs* (1967).

О. Джиордано⁸¹, Л. Варади⁸², Д.Р. Брэдли⁸³, Б. Луизелли⁸⁴, Дж. О'Доннела⁸⁵, а также Вальтера Гоффарта⁸⁶, который стремится представить Иордана как вполне самостоятельного историка.

В числе исследований, посвященных реконструкции миграционных процессов эпохи Великого переселения и связанных с ними мифологем необходимо отметить труды Л. Шмидта⁸⁷, А.С. Кристенсена⁸⁸, а также В.П. Будановой⁸⁹. В работе Х. Вольфрама произведение Иордана используется в качестве одного из источников для реконструкции истории готских «племенных образований»⁹⁰. В концептуальном отношении ему противостоит работа П.Дж. Хитера⁹¹, который подвергает критике концепцию Х. Вольфрама, рассматривающего готов скорее как форму политической общности, в формировании которой значительную роль играли королевские династии⁹².

Зарубежная историография первой половины XX столетия, посвященная проблемам реконструкции социальной и политической истории германских народов, в том числе, на основании данных «Гетики» Иордана, находилась под определяющим влиянием работ классиков XIX столетия Г. Зибеля⁹³, Ф. Дана⁹⁴, Э. Витерсхайма⁹⁵ и др. Среди работ середины – второй половины XX столетия можно отметить, в частности, «Историю вестготов» Д. Клауде⁹⁶. Среди работ отечественных историков необходимо отметить труд И.А. Дворецкой⁹⁷. Вопросы политических отношений различных варварских общностей, Западной и Восточной частей Римской империи, отраженные в произведении Иордана, получили освещение в работах Е.Ч. Скржинской⁹⁸, З.В. Удальцовой⁹⁹, И.А. Дворецкой¹⁰⁰, В.П. Будановой¹⁰¹, В.Т. Сиротенко¹⁰² и других авторов.

---

⁸⁰ A. Demandt, *Byzantinische Zeitschrift* 62 (1969) 96–101.

⁸¹ O. Giordano, *Jordanes e la storiografia nel VI secolo* (1973).

⁸² L. Várady, "Jordanes–Studien," *Chiron* 6 (1976) 441–81.

⁸³ D. R. Bradley, "The Composition of the *Getica*," *Eranos* 64 [1966] 67–79).

⁸⁴ B. Luiselli, "Sul de summa temporum di Jordanes," *Romanobarbarica* I(1976) 83–133.

⁸⁵ O'Donnell J.J. The aims of Jordanes // *Historia* 31(1982) P. 223–240. O'Donnell. *Cassiodorus* (1979) 43–54, 271–72.

⁸⁶ Goffart W. *The Narrators of Barbarian History (A.D. 550–800): Jordanes, Gregory of Tours, Bede, And Paul the Deacon* / W.Goffart. Princeton, 1988.

⁸⁷ Schmidt L. *Geschichte der deutschen Stämme...* S.27–28.

⁸⁸ Christinsen A.S. *Cassiodorus, Jordanes and the History of the Goths: Studies in a Migration Myth* / A.S.Christinsen. Copenhagen, 2002.

⁸⁹ Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов / В.П.Буданова. СПб., Алетейя, 1999.

⁹⁰ Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии) / Х.Вольфрам. СПб., Ювента, 2003. С.61–168.

⁹¹ Heather, Peter J. *Goths and Romans*. New York: Oxford University Press, 1991.

⁹² Heather, Peter J. *Goths and Romans...* P.317.

⁹³ Sybel H. *Die Entstehung des deutschen Königtums*. Frankfurt, 1881.

⁹⁴ F.Dahn. *Die Könige der Germanen*. München; Leipzig, 1861–1909. Bd.1–12.

⁹⁵ Wietersheim E. *Geschichte der Völkerwanderung*. Leipzig, 1859–1864.

⁹⁶ Клауде Д. *История вестготов* / Д.Клауде. СПб., Евразия, 2002.

⁹⁷ Дворецкая И.А. *Западная Европа V–IX веков: Раннее средневековье* / И.А. Дворецкая. – М., Прометей, 1990.

⁹⁸ Иордан. О происхождении и деяниях гетов (*Getica*) – Вступит.статья, пер., коммент. Е.Ч.Скржинской./ Иордан. М., Изд.вост.лит., 1960.

⁹⁹ Удальцова З.В. *Италия и Византия в VI в.* / З.В.Удальцова. М., Изд-во АН СССР, 1959.

¹⁰⁰ Дворецкая И.А. *Западная Европа V–IX веков: Раннее средневековье* / И.А. Дворецкая. М., Прометей, 1990.

¹⁰¹ Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов / В.П.Буданова. СПб., Алетейя, 1999.

Необходимо отметить труд И.А. Дворецкой¹⁰³, в котором рассматриваются вопросы образования раннеклассовой государственности с средневековой Европе. В работе З.В. Удальцовой¹⁰⁴ отдельные сведения Иордана использованы в целях реконструкции социально-политического строя остготов V-VI вв.

2) *Посвященные институту королевской власти эпохи раннего средневековья*

Библиография работ, посвященных институту королевской власти эпохи раннего средневековья, также чрезвычайно обширна¹⁰⁵, в связи с чем представляется возможным выделить в данном разделе только наиболее значимые работы. В числе классических работ немецких авторов прошлого столетия необходимо отметить труды Ф. Дана¹⁰⁶, Г. фон Зибеля¹⁰⁷. В.Г. Хоффмайстера¹⁰⁸.

В числе общих работ, посвященных институту королевской власти эпохи раннего средневековья, необходимо отметить работы Ф.-Р. Эркенса¹⁰⁹, Я. Вуда¹¹⁰, И. Элерса¹¹¹, Е. Эвига¹¹², Х.-В. Гетца¹¹³, Т. Майера¹¹⁴, Г. Миттайса¹¹⁵, Р. Венкуса¹¹⁶, Х. Вольфрама¹¹⁷, П. Вормальда¹¹⁸, Дж.Кэннинга¹¹⁹, Г. Шутца¹²⁰,

¹⁰² Сиротенко В. Т. История международных отношений в Европе в IV—VI вв. / В. Т. Сиротенко. Пермь, Изд-во Пермск. Универ-та, 1975.

¹⁰³ Дворецкая И.А. Западная Европа V—IX веков: Раннее средневековье / И.А. Дворецкая. М., Прометей, 1990.

¹⁰⁴ Удальцова З.В. Италия и Византия в VI в. / З.В. Удальцова. М., Изд-во АН СССР, 1959.

¹⁰⁵ Список основной литературы по данной теме (*Das frühmittelalterliche Königtum*), составленный профессором М. Бехером, составляет почти 150 работ. Надо отметить, что данный список не является исчерпывающим.

¹⁰⁶ Felix Dahn, Friedel Dahn. Die Könige der Germanen: das Wesen des ältesten Königthums. 1861.

¹⁰⁷ Heinrich von Sybel. Entstehung des Deutschen Königthums. 1844.

¹⁰⁸ Wilhelm Hermann Hoffmeister. Das Königtum im altgermanischen Staatsleben. 1886.

¹⁰⁹ Franz-Reiner Erkens. Das frühmittelalterliche Königtum: ideelle und religiöse Grundlagen. 2005.

¹¹⁰ Wood, Ian N. "Kings, kingdoms and consent." In *Early Medieval Kingship*, P. H. Sawyer and I. N. Wood, ed., 6–29. Leeds, 1977.

¹¹¹ Ehlers, Joachim, Grundlagen der europäischen Monarchie in Spätantike und Mittelalter, in: *Majestas 8–9* (2001), S.49–80.

Ehlers, Joachim, Der wundertätige König in der monarchischen Theorie des Früh- und Hochmittelalters, in: *Reich, Regionen und Europa in Mittelalter und Neuzeit. Festschrift für Peter Moraw*, hg. von Paul-Joachim Heining [u.a.] (*Historische Forschungen* 67), Berlin 2000, S. 3–19.

¹¹² Ewig, Eugen, Zum christlichen Königsgedanken im Frühmittelalter, in: *Das Königtum. Seine geistigen und rechtlichen Grundlagen. Mainauvorträge 1954*, hg. von Theodor Mayer (*Vorträge und Forschungen* 3), Lindau, Konstanz 1956, Nachdr. Darmstadt 1965, S. 7–73.

¹¹³ Goetz, Hans-Werner, Die Wahrnehmung von "Staat" und "Herrschaft" im frühen Mittelalter, in: *Staat im frühen Mittelalter*, hg. von Stuart Airlie, Walter Pohl und Helmut Reimitz (*Forschungen zur Geschichte des Mittelalters*, 11; *Österreichische Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Klasse: Denkschriften* 334), Wien 2006, S. 39–58.

¹¹⁴ Mayer, Theodor, Das deutsche Königtum und sein Wirkungsbereich, in: *Ders., Mittelalterliche Studien*, Lindau, Konstanz 1963, S. 28–44. Mayer Th. Königtum und Gemeindefreiheit im frühen Mittelalter. — In: *Th. Mayer. Mittelalterliche Studien*. Lindau-Konstanz, 1959, S. 158–159.

¹¹⁵ Mitteis H. Der Staat des hohen Mittelalters. Weimar, 1974.

¹¹⁶ Wenskus, Reinhard, Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen gentes, Köln, Wien 1977.

¹¹⁷ Wolfram, Herwig, Grundlagen und Ursprünge des europäischen Königtums, in: *Leges – Gentes – Regna. Zur Rolle von germanischen Rechtsgewohnheiten und lateinischer Schrifttradition bei der Ausbildung der frühmittelalterlichen Rechtskultur*, hg. von Gerhard Dilcher und Eva-Maria Distler, Berlin 2006, S. 185–196.

¹¹⁸ Wormald, Patrick, Kings and Kingship, in: *The New Cambridge Medieval History. Vol. 1, c. 500–c. 700*, hg. von Fouracre, Paul, Cambridge 2005, S. 571–604.

¹¹⁹ *Histoire de la pensée politique médiévale (300–1450)* Авторы: Joseph Canning. 2003.

М. Хартман¹²¹, а также научные сборники под редакцией Дж. Нельсон, П. Сойера и Я. Вуда¹²², Б. Юссена¹²³, Ф.-Р. Эркенса¹²⁴, Т. фон Майера¹²⁵, С. Аирли, В. Поля и Х. Раймитца¹²⁶.

Ранние формы королевской власти у франков получили освещение в работах В. Юнганса¹²⁷, Р. Бухнера¹²⁸, Р. Бутцена¹²⁹, Дж. Уолласа-Хэдрилла¹³⁰, Г. Хальсалла¹³¹, Ш. Эсдерса¹³², Е. Эвига¹³³, Х.-В. Гетца¹³⁴, Ф. Грауса¹³⁵, К. Хаука¹³⁶, Б. Кастен¹³⁷, Ф. Штааба¹³⁸. Становление королевской власти у англосаксов освещено в работах Ш. Бэр¹³⁹, Д.А. Бинчи¹⁴⁰, Дж. Уолласа-

---

¹²⁰ Herbert Schutz. The Germanic realms in pre-Carolingian Central Europe, 400–750. Herbert Schutz

¹²¹ Hartmann, Martina: Die Königin im frühen Mittelalter. Stuttgart 2009.

¹²² Early Medieval Kingship / Ed. by P.H Sawyer, I.N. Wood. Leeds, 1977.

¹²³ Die Macht des Königs. Herrschaft in Europa vom Frühmittelalter bis in die Neuzeit, hg. von Bernhard JUSSEN, München 2005.

¹²⁴ Das frühmittelalterliche Königtum. Ideelle und religiöse Grundlagen, hg. von Franz-Reiner ERKENS (Ergänzungsbände zum Reallexikon der Germanischen Altertumskunde 49), Berlin 2005.

¹²⁵ Das Königtum. Seine geistigen und rechtlichen Grundlagen. Mainauvorträge 1954, hg. von Theodor MAYER (Vorträge und Forschungen 3), Lindau, Konstanz 1956, Nachdr. Darmstadt 1965.

¹²⁶ Staat im frühen Mittelalter, hg. von Stuart Airlie, Walter Pohl und Helmut Reimitz (Forschungen zur Geschichte des Mittelalters, 11; Österreichische Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Klasse: Denkschriften 334), Wien 2006.

¹²⁷ Junghans, Wilhelm. *Die Geschichte der fränkischen Könige Childerich und Clodovech. Kritische Untersuchungen.* Göttingen, 1857. Fr. tr. 1879. Junghans, Wilhelm. *Histoire critique des regnes de Childebert et de Clodovech.* Tr. Gabriel Monod. Paris, 1879.

¹²⁸ Buchner, Rudolf, Das merowingische Königtum, in: Das Königtum. Seine geistigen und rechtlichen Grundlagen. Mainauvorträge 1954, hg. von Theodor Mayer (Vorträge und Forschungen 3), Lindau, Konstanz 1956, Nachdr. Darmstadt 1965, S. 143–154.

¹²⁹ Butzen, Reiner, Die Merowinger östlich des mittleren Rheins. Studien zur militärischen, politischen, rechtlichen, religiösen, kirchlichen, kulturellen Erfassung durch Königtum und Adel im 6. sowie 7. Jahrhundert (Mainfränkische Studien 38), Würzburg 1987.

¹³⁰ Wallace-Hadrille, J. M. *The Long-Haired Kings and other Studies in Frankish History.* London, 1962. Repr. Toronto, 1982.

¹³¹ Halsall, Guy. "Childeric's grave, Clovis' succession, and the origins of the Merovingian kingdom." In *Society and Culture in Late Antique Gaul: Revisiting the Sources*, R. W. Mathisen and D. Shanzer, ed., 116–33. Aldershot and Burlington, VT, 2001.

¹³² Esders, Stefan, Römische Rechtstradition und merowingisches Königtum. Zum Rechtscharakter politischer Herrschaft in Burgund im 6. und 7. Jahrhundert (Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für Geschichte 134), Göttingen 1997.

¹³³ Ewig, Eugen, Die Merowinger und das Frankenreich, Stuttgart 2001. "Studien zur merowingischer Dynastie." *Frühmittelalterliche Studien* 8 (1974) 15–60. *Spätantikes und fränkisches Gallien. Gesammelte Schriften (1952–1973)*, H. Atsma, ed. 2 vols. Munich, 1976–79. *Die Merowinger und die Frankenreich.* Stuttgart, 1988. Ewig, Eugen. "Die Namengebung bei den ältesten Frankenkönigen und im merowingischen Königshaus. Mit genealogischen Tafeln und Notizen." *Francia* 18.1 (1991) 21–69.

¹³⁴ Goetz, Hans-Werner, Staatlichkeit, Herrschaftsordnung und Lehnswesen im ostfränkischen Reich als Forschungsprobleme, in: *Il Feudalesimo nell'Alto Medioevo (Settimane di studio del Centro Italiano di studi sull'Alto Medioevo 47)*, Spoleto 2000, S. 85–147.

¹³⁵ Graus, František, Volk, Herrscher und Heiliger im Reich der Merowinger, Prag 1965.

¹³⁶ Hauck, Karl, Von einer spätantiken Randkultur zum karolingischen Europa. Hermann Heimpel zum 19. September 1966 gewidmet (Sonderdruck der Frühmittelalterlichen Studien 1), Berlin 1967.

¹³⁷ Kasten, Brigitte, Königssöhne und Königsherrschaft. Untersuchungen zur Teilhabe am Reich in der Merowinger- und Karolingerzeit (MGH Schriften 44), Hannover 1997.

¹³⁸ Staab, Franz. "Les royaumes francs au Ve siècle." In *Clovis, histoire et mémoire*, M. Rouche, ed., 1: 539–66. Paris, 1997.

¹³⁹ Behr, Charlotte, The Origins of Kingship in Early Medieval Kent, in: *Early Medieval Europe* 9 (2000), S. 25–52. Behr, Charlotte, Das kentische Königtum im frühen 6. Jahrhundert, in: *Iconologia Sacra. Mythos, Bildkunst und Dichtung in der Religions- und Sozialgeschichte Alteuropas. Festschrift für Karl Hauck zum 75. Geburtstag*, hg. von Hagen Keller und Nikolaus Staubach (Arbeiten zur Frühmittelalterforschung 23), Berlin 1994, S. 156–165.

¹⁴⁰ Binchy, Daniel.A., *Celtic and Anglo-Saxon Kingship*, Oxford 1970.

Хэдрилла¹⁴¹. Ранние формы королевской власти у скандинавов рассматриваются в книгах К. фон Зее¹⁴², В. Беатке¹⁴³. Институт королевской власти эпохи Великого переселения народов на материале истории готов является предметом рассмотрения в работах Х. Вольфрама¹⁴⁴ и Д. Клауде¹⁴⁵.

Проблема сакральности ранних форм королевской власти у германских народов рассматривается в трудах А. Ангенендта¹⁴⁶, Ш. Дик¹⁴⁷, К.-М. Эдсмана¹⁴⁸, Ф.-Р. Эркенса¹⁴⁹, Дж. Фили-Харник¹⁵⁰, О. Хёфлера¹⁵¹, Х. Вольфрама¹⁵², С. Пекарчика¹⁵³, научном сборнике под редакцией Ф.-Р. Эркенса¹⁵⁴.

В числе работ отечественных авторов необходимо отметить статьи А.Г. Глебова¹⁵⁵, А.И. Селицкого¹⁵⁶, Е.А. Мельниковой¹⁵⁷, И.В. Зиньковской¹⁵⁸.

---

¹⁴¹ Wallace-Hadrill, John-Michael, *Early Germanic Kingship in England and on the continent*, Oxford 1971.

¹⁴² See, Klaus von, *Königtum und Staat im skandinavischen Mittelalter (Skandinavistische Arbeiten 19)*, Heidelberg 2002.

¹⁴³ Baetke, Walter, *Yngvi und Ynglinger. Eine quellenkritische Untersuchung über das nordische „Sakralkönigtum“ (Sitzungsberichte der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig, phil.-hist. Klasse 109,3)*, Berlin 1964.

¹⁴⁴ Wolfram, Herwig, *Gotisches Königtum und römisches Kaisertum von Theodosius dem Großen bis Justinian I.*, in: *Frühmittelalterliche Studien* 13 (1979), S. 1–28.

¹⁴⁵ Claude, D. *Königs und Untertaneneid im Westgothenreich*. In *Historische Forschungen für Walter Schlesinger*; Claude, Dietrich, *Zu Fragen des alemannischen Königtums an der Wende vom 5. zum 6. Jahrhundert*, in: *Hessisches Jahrbuch für Landesgeschichte* 45 (1995), S. 1–16.

¹⁴⁶ Angenendt, Arnold, *Rex et sacerdos. Zur Genese der Königssalbung*, in: *Tradition als historische Kraft*, hg. von Norbert Kamp und Joachim Wollasch, Berlin 1982, S. 100–118.

¹⁴⁷ Dick, Stefanie, *Der Mythos vom germanischen Königtum. Studien zur Herrschaftsorganisation bei den germanischsprachigen Barbaren bis zum Beginn der Völkerwanderungszeit (Ergänzungsband zum Reallexikon der Germanischen Altertumskunde 60)*, Berlin/New York 2008.

Dick, Stefanie, *Zu den Grundlagen des so genannten germanischen Königtums*, in: *Akkulturation: Probleme einer germanisch-romanischen Kultursynthese in Spätantike und frühem Mittelalter*, hg. von Dieter Hagermann, Wolfgang Haubrichs, Jörg Jarnut (Ergänzungsbande zum Reallexikon der Germanischen Altertumskunde 41), Berlin 2004, S. 510–527.

¹⁴⁸ Edsman, Carl-Martin, *Zum sakralen Königtum in der Forschung der letzten hundert Jahre*, in: *La Regalità sacra: contributi al tema dell' VIII Congresso Internazionale di Storia delle Religioni (Roma, aprile 1955)*; S. 3–17.

¹⁴⁹ Erkens, Franz-Reiner, *Sakralkönigtum und sakrales Königtum. Anmerkungen und Hinweise*, in: *Das frühmittelalterliche Königtum. Ideelle und religiöse Grundlagen*, hg. von Franz-Reiner Erkens (Ergänzungsbande zum Reallexikon der Germanischen Altertumskunde 49), Berlin 2005, S. 1–8.

¹⁵⁰ Feeley-Harnik, Gillian, *Herrscherkunst und Herrschaft. Neuere Forschungen zum sakralen Königtum*, in: *Herrschaft als soziale Praxis. Historische und sozial-anthropologische Studien*, hg. von Alf Lüdtke (Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für Geschichte 91), Göttingen 1991, S. 195–253.

¹⁵¹ Hofler, Otto, *Der Sakralcharakter des germanischen Königtums*, in: *Das Königtum. Seine geistigen und rechtlichen Grundlagen. Mainauvorträge 1954*, hg. von Theodor Mayer (Vorträge und Forschungen 3), Lindau, Konstanz 1956, Nachdr. Darmstadt 1965, S. 75–104.

Hofler, Otto, *Germanisches Sakralkönigtum. Band 1: Der Runenstein von Rök und die germanische Individualweihe*, Tübingen 1952.

¹⁵² Wolfram, Herwig, *Methodische Fragen zur Kritik am "sakralen" Königtum germanischer Stämme*, in: *Festschrift für Otto Höfler zum 65. Geburtstag*, hg. von Helmut Birkhan und Otto Gschwantler, Wien 1968, S. 473–490.

¹⁵³ Пекарчик С. Сакральный характер королевской власти в Скандинавии и историческая действительность // *Скандинавский сборник*. 1965. Вып. X. С. 171–200.

¹⁵⁴ Die Sakralität von Herrschaft. Herrschaftslegitimierung im Wechsel der Zeiten und Räume. Fünfzehn interdisziplinäre Beiträge zu einem weltweiten und epochenübergreifenden Phänomen, hg. von Franz-Reiner Erkens, Berlin 2002.

¹⁵⁵ Глебов, А.Г. Представления о короле и королевской власти у англосаксов (по законодательным памятникам VII–IX вв.) // *Право в средневековом мире*. М., 1996. С.208–220.

¹⁵⁶ Селицкий А.И. Проблема генезиса королевской власти у англосаксов // *Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы* Материалы 11-й международной конференции молодых ученых 27–30 декабря 2000 г.

3) Посвященные отдельным правителям эпохи Великого переселения народов и образования «варварских королевств»

Различным аспектам правления и жизни короля франков Хлодвига посвящены работы Ф. Дана¹⁵⁹, Л. Тейса¹⁶⁰, Б.С. Бахраха¹⁶¹, К. Кароцци¹⁶², В.М. Дэли¹⁶³, Ж.-М. Виаллона¹⁶⁴, Дж. Калметта¹⁶⁵, С. Фаннинга¹⁶⁶, Дж. Оливье¹⁶⁷, М. Хайнцельманна¹⁶⁸, Б. Круша¹⁶⁹, В. Левисона¹⁷⁰, Р.В. Матисена¹⁷¹, Л. Пьетри¹⁷², М.В. Саксера¹⁷³, Г. Шайбельрайтера¹⁷⁴, Д. Шанцер¹⁷⁵, М. Спенсера¹⁷⁶, К. Кароцци¹⁷⁷, Д. Клауде¹⁷⁸.

Теодориху Великому посвящены работы И. Коклеуса и И. Перингшёльда¹⁷⁹, Э.фон Виттерсхайма¹⁸⁰, Т. Ходжкина¹⁸¹, Г. Веттера¹⁸²,

---

СПб., 2000. С.317–328; Селицкий А. И. К вопросу о генезисе королевской власти у древних германцев // Скандинавские чтения 1998 года. СПб.: Наука, 1999. С. 58–81.

¹⁵⁷ Мельникова Е. А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (постановка проблемы) // Древнейшие государства Восточной Европы за 1992–1993 гг. М., 1995. С. 16–33.

¹⁵⁸ Зиньковская И.В. «Regnum» Эрманариха: лингвистический и исторический анализ // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 1. С.215–19.

¹⁵⁹ Félix Dahn. Chlodovech. (Historischer Roman aus der Völkerwanderung). Leipzig, 1895.

¹⁶⁰ Laurent Theis. Clovis: de l'histoire au mythe. Editions Complexe, 1996.

¹⁶¹ Bachrach, Bernard S. "Quelques observations sur la composition et les caractéristiques des armées de Clovis." In *Clovis, histoire et mémoire*, M. Rouche, ed., 1: 689–703. Paris, 1997.

¹⁶² Carozzi, Claude. "Le Clovis de Grégoire de Tours." *Le Moyen Âge* 98 (1992) 169–85.

¹⁶³ Daly, William M., "Clovis: How Barbaric, How Pagan?" *Speculum* 69.3 (July 1994):619–664.

¹⁶⁴ Jean-Marie Viallon. Clovis-le-Grand, premier roi chrétien, fondateur de la monarchie française: sa vie, précédée de l'histoire des Francs avant sa naissance, avec les vies des principaux personnages qui ont concouru à la gloire de son règne, tels que sainte Geneviève, sainte Clotilde et saint Remi. 1788

¹⁶⁵ Calmette, Joseph. "Observations sur la chronologie du règne de Clovis." *Comptes Rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-lettres* (1946) 193–202.

¹⁶⁶ Fanning, Steven. "Clovis Augustus and Merovingian Imitatio Imperii." In *The World of Gregory of Tours*, K. Mitchell and I. Wood, ed., 321–35. Leiden, Boston, and Cologne, 2002.

¹⁶⁷ Guillot, Olivier. "Clovis «Auguste», vecteur des conceptions romano-chrétiennes." In *Clovis, histoire et mémoire*, M. Rouche, ed., 1: 705–37. Paris, 1997.

¹⁶⁸ Heinzelmann, Martin. "Clovis dans le discours hagiographique du VIe au IXe siècle." *Bibliothèque de l'École des Chartes* 154 (1996) 87–112.

¹⁶⁹ Krusch, Bruno. "Chlodovechs Sieg über die Alamannen." *Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde* 12 (1887) 291–301.

¹⁷⁰ Levison, Wilhelm. "Zur Geschichte Frankenkönigs Chlodovech." *Bonner Jahrbücher* 103 (1898) 42–67.

¹⁷¹ Mathisen, Ralph W. "Clovis, Anastase et Grégoire de Tours: consul, Patrice et roi." In *Clovis, histoire et mémoire*, M. Rouche, ed., 1: 395–407. Paris, 1997.

¹⁷² Pietri, Luce. "Clovis et l'Église de Tours." In *Clovis, histoire et mémoire*, M. Rouche, ed., 1: 321–30. Paris, 1997.

¹⁷³ Saxer, Mgr Victor. "Les rites du baptême de Clovis dans le cadre de la pratique paléo-chrétienne." In *Clovis, histoire et mémoire*, M. Rouche, ed., 1: 229–41. Paris, 1997.

¹⁷⁴ Scheibelreiter, Georg. "Clovis, le païen, Clotilde, la pieuse. À propos de la mentalité barbare." In *Clovis, histoire et mémoire*, M. Rouche, ed., 1: 349–67. Paris, 1997.

¹⁷⁵ Shanzer, Danuta. "Dating the baptism of Clovis: The bishop of Vienne vs the bishop of Tours." *Early Medieval Europe* 7 (1998) 29–57.

¹⁷⁶ Spencer, Mark. "Dating the baptism of Clovis, 1886–1983." *Early Medieval Europe* 3.2 (1994) 97–116.

¹⁷⁷ Carozzi, Claude. "Le Clovis de Grégoire de Tours." *Le Moyen Âge* 98 (1992) 169–85.

¹⁷⁸ Claude, Dietrich. "Clovis, Théodoric et la maîtrise de l'espace entre Rhin et Danube." In *Clovis, histoire et mémoire*, M. Rouche, ed., 1: 409–20. Paris, 1997.

¹⁷⁹ J.Cochlao, J. Peringskiöld, Vita Theoderici, regis Ostrogothorum et Italiae. Stockholm 1699.

¹⁸⁰ E. v. Wietersheim, Geschichte der Völkerwanderung; zweite, vollst. umgearbeitete Auflage, besorgt von Felix Dahn, II. Leipzig 1881.

¹⁸¹ Th. Hodgkin, Theodoric the Goth: The Barbarian Champion of Civilisation. New York 1897 (Nachdr. 1980).

¹⁸² G. Vetter, Die Ostgoten und Theoderich (Forschungen zur Kirchen- und Geistesgeschichte, 15), Stuttgart 1938.

Б. Рубина¹⁸³, Э. Каспара¹⁸⁴, В. Иенеке¹⁸⁵, Дж. Бовини¹⁸⁶, В. Треу¹⁸⁷, Ю. Юнга¹⁸⁸, Г. Пфайльшиффера¹⁸⁹, В. Энслина¹⁹⁰, Дж. Мурхеда¹⁹¹, А. Энглера¹⁹², М. Аусбюттеля¹⁹³, Дж. Венцель¹⁹⁴. Отдельные аспекты правления короля франков Хильдерика получили освещение в работах В. Юнганса¹⁹⁵, С. Лебека¹⁹⁶. Вестготским королям Алариху I и Алариху II посвящена работа М. Эндрю¹⁹⁷. Правление короля франков Хильперика освещено в работах Ф. Бейерле¹⁹⁸, Ш. Лелонга¹⁹⁹, Р. Венкуса²⁰⁰.

4) *Посвященные изучению различных аспектов феномена власти эпохи средневековья, а также ритуалов и символов власти средневековых королей*

Общими работами, посвященными изучению ритуалов и символизма институтов власти в эпоху раннего средневековья, являются работы Дж. Нельсон²⁰¹, Х. Дж. Хаммера²⁰², М. МакКормика²⁰³, М. Б. Ямпольского²⁰⁴, С. Гаспарри²⁰⁵, М. МакКормика²⁰⁶, а также научные сборники под редакцией

¹⁸³ B. Rubin, Theoderich und Justinian: Zwei Prinzipien der Mittelmeerpolitik (Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 1). München 1953.

¹⁸⁴ E. Caspar, Theoderich der Große und das Papsttum: Die Quellen zusammengestellt nach den Ausg. der MGH (Kleine Texte für Vorlesungen und Übungen, 162), Berlin 1931.

¹⁸⁵ W. Jänecke, Die drei Streitfragen am Grabmal Theoderichs. SB der Heidelberger Akademie der Wiss., phil.-hist.Kl. 1927.

¹⁸⁶ G. Bovini, Il mausoleo di Teodorico. Ravenna 1977; G. Bovini, Das Grabmal Theoderichs des Großen. Ravenna 1977.

¹⁸⁷ Walter Treu. Theoderich der Große: ein Gotensang. Dresden, 1907.

¹⁸⁸ Julius Jung. Theoderich der Grosse. 1898.

¹⁸⁹ Georg Pfeilschiffer. Theoderich der Große: die Germanen im römischen Reich. Mainz (Kirchheim), 1910. Georg Pfeilschiffer. Der Ostgotenkönig Theoderich der Große und die katholische Kirche (kirchengeschichtliche Studien, 3,1/2). Münster, 1896.

¹⁹⁰ W. Enßlin, Theoderich der Große. München 1959.

¹⁹¹ John Moorhead. Theoderic in Italy. 1992.

¹⁹² Aulo Engler. Theoderich der Grosse: der Gotenkönig und seine Zeit. 1998.

¹⁹³ Frank M. Ausbüttel. Theoderich der Grosse. 2003.

¹⁹⁴ Jessica Wenzel. Theoderich der große im Spiegel des Anonymus Valesianus. 2010.

¹⁹⁵ Die Geschichte der fränkischen Könige Childerich und Chlodovech. Karl August, Wilhelm Junghans, 1857. Kritische Untersuchungen zur Geschichte der fränkischen Könige Childerich und Chlodovech. Wilhelm Junghans, 1856.

¹⁹⁶ Lebecq S. The Two Faces of King Childeric: History, Archaeology, Historiography // From Roman Provinces to Medieval Kingdoms. Routledge, 2006. P.272–287.

¹⁹⁷ Andrieu M. Alaric I – Alaric II. DHGE 1 (1912) cols. 1344–46.

¹⁹⁸ Beyerle, Franz. “Das legislative Werk Chilperics I.” *Zeitschrift für Rechtsgeschichte, Germanistische Abteilung* 78 (1961) 1–38.

¹⁹⁹ Lelong, Charles. “Chilpéric, un grand roi méconnu.” *Mémoires de l’Académie des Sciences, Arts et Belles Lettres de Touraine* 6 (1993) 19–37.

²⁰⁰ Wenskus, Reinhard. “Chilperic I (561–584).” In *Reallexikon der germanischen Altertumskunde*, 2d ed., H. Beck, et al., 4: 460–62. Lief, 1982.

²⁰¹ Nelson, J.A. Politics and Ritual in Early Medieval Europe. London, 1986.

²⁰² Hans J. Hummer. Politics and Power in Early Medieval Europe. Alsace and the Frankish Realm, 600–1000. Wayne State University, 2006.

²⁰³ McCormick, Michael. “Clovis at Tours, Byzantine public ritual and the origins of Medieval ruler symbolism.” In *Das Reich und die Barbaren*, E. K. Chrysos and A. Schwarcz, ed., 155–80. Vienna and Cologne, 1989.

²⁰⁴ Ямпольский М.Б. Физиология символического. Кн. I. Возвращение Левиафана: Политическая теология, репрезентация власти и конец старого режима. М., 2004.

²⁰⁵ Gasparri, Stefano, Kingship Rituals in Lombard Italy, in: Rituals of Power: From Late Antiquity to the Early Middle Ages, hg. Von Franz Theuvs und Janet L. Nelson (The Transformation of the Roman World 8), Leiden 2000, S. 95–114.

Ф. Тьюса и Дж. Нельсон²⁰⁷, Н.А. Хачатурян²⁰⁸. Сущность представлений о природе публичной власти в раннесредневековых обществах получает отражение в работах И.Ю. Николаевой²⁰⁹, Д.С. Конькова²¹⁰.

Ритуалы коронации освещаются в книге А.П. Брониша²¹¹, научном сборнике под редакцией Я. Бака²¹². Место и роль королевского двора в политической культуре средневековья получила освещение в работах Дж. Флекенштайна²¹³, а также научном сборнике под редакцией Н.А. Хачатурян²¹⁴. Символическое значение облика носителя королевской власти, его тела и физиологии освещается в работах А. Кэмерона²¹⁵, Дж. Хойе²¹⁶, М. Дизенбергера²¹⁷, научном сборнике под редакцией Н.А. Хачатурян²¹⁸.

5) *Посвященные анализу отдельных аспектов образов власти, отраженных в раннесредневековой литературе*

Некоторые аспекты образов власти, отраженных в раннесредневековой историографии, затрагивались в работах Дж.М. Уолласа-Хэдрилла²¹⁹, К. Кароцци²²⁰, И. Хена²²¹, Я. Вуда²²², М. Дизенбергера и Х. Раймитца²²³,

²⁰⁶ Eternal victory: triumphal rulership in late antiquity, Byzantium, and the Early Medieval West Авторы: Michael McCormick 1990.

²⁰⁷ Rituals of Power from Late Antiquity to the Early Middle Ages. / Ed. by F.Theuws, J.L.Nelson. Leiden, Boston, 2000.

²⁰⁸ Власть, общество, индивид в средневековой Европе / отв. ред. Н.А. Хачатурян; сост. О.С. Воскобойников. М., 2008.

²⁰⁹ Николаева И.Ю. О харизме меровингов или о возможности методологического синтеза и верификации в истории ментальности // Европейские исследования в Сибири. Томск. 2000. С. 58–74; Николаева И.Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск, 2005;

²¹⁰ Коньков Д.С. Проблема власти в раннесредневековом обществе: историографический и методологический аспекты : Дис. канд. ист. наук (на правах рукописи) Томск, 2004.

²¹¹ Bronisch, Alexander Pierre, Krönungsritus und Kronenbrauch im Westgotenreich von Toledo, in: Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Germanistische Abteilung 116 (1999), S. 37–86.

²¹² Coronations. Medieval and early modern monarchic ritual, ed. Bak, Janos M., Berkley 1990.

²¹³ Fleckenstein, Josef. Die Hofkapelle der deutschen Könige (MGH-Schriften 16), Stuttgart 1959.

²¹⁴ Королевский двор в политической культуре средневековья Европы: Теория, символика, церемониал / Отв.ред. Н.А. Хачатурян. М., 2004;

²¹⁵ Cameron, Averil. "How did the Merovingian kings wear their hair?" *Revue Belge de philologie et d'histoire* 43 (1965) 1203–16.

²¹⁶ Hoyer, Jean. "Reges criniti: chevelures, tonsures et scalps chez les Mérovingiens." *Revue belge de philologie et d'histoire* 26 (1948) 479–508.

²¹⁷ Diesenberger, Maximilian, Hair, sacrality and symbolic capital in the Frankish kingdoms, in: The Construction of Communities in the early Middle Ages. Texts, Resources and Artefacts, ed. Richard Corradini, Maximilian Diesenberger und Helmut Reimitz (The Transformation of the Roman World 12), Leiden, New York, Köln 2003, S. 173–227.

²¹⁸ Священное тело короля: Ритуалы и мифология власти / отв. ред. Н.А. Хачатурян. М., 2006.

²¹⁹ Wallace-Hadrill, J. M. "Gregory of Tours and Bede: Their view on the personal qualities of kings." *Frühmittelalterliche Studien* 2 (1968) 31–44. Repr. in Wallace-Hadrill, *Early Medieval History*, 96–114. Oxford, 1975.

²²⁰ Carozzi, Claude. "Le Clovis de Grégoire de Tours." *Le Moyen Âge* 98 (1992) 169–85.

²²¹ Hen, Yitzak. "The uses of the bible in the perception of kingship in Merovingian Gaul." *Early Medieval Europe* 7 (1998) 277–90.

²²² Wood, Ian N. "Gregory of Tours and Clovis." *Revue Belge de philologie et d'histoire* 63 (1985) 249–72. Repr. in *Debating the Middle Ages: Issues and Readings*, L. K. Little and B. H. Rosenwein, ed., 73–91. Oxford and Malden, MA, 1998.

²²³ Diesenberger, Maximilian, Reimitz, Helmut, Zwischen Vergangenheit und Zukunft. Momente des Königtums in der merowingischen Historiographie, in: Das frühmittelalterliche Königtum. Ideelle und religiöse Grundlagen, hg. von

Р. Коллинза²²⁴, И.Ю. Николаевой²²⁵, коллективных монографиях под редакцией М.А. Бойцова и О.Г. Эксле²²⁶, М.А. Бойцова и Ф.Б. Успенского²²⁷.

Исследованию образов власти, формируемых в произведениях интеллектуалов эпохи поздней античности и раннего средневековья, посвящено диссертационное исследование П.П. Шкаренкова²²⁸. На основании анализа широкого круга источников автор прослеживает влияние политических идей поздней античности на восприятие власти в рамках германских «варварских королевств», а также выявляет основные тенденции формирования нового образа королевской власти в рассматриваемую эпоху. Основными источниками исследования послужили сочинения позднеантичных авторов латинского Запада Сидония Аполлинария, Авита Вьеннского, Эннодия, Флавия Кассиодора, Иордана, Венанция Фортуната, Григория Великого. Необходимо отметить, что в работе автора очевидное предпочтение отдается источникам риторического, эпистолярного, дидактического характера, что оставляет значительный простор для дальнейших исследований, посвященных изучению образов королевской власти в западноевропейской историографии VI века.

Проблема исследования

Как отмечает П.П. Шкаренков, «проблемы формирования во второй половине V–VI веках нового образа власти в романо-варварских королевствах, возникших на территории Западной Римской империи, и роль в этом процессе политических идей поздней античности в отечественной историографии **предметом специального исследования никогда не была**». Необходимо в связи с этим отметить, что проблема формирования образа королевской власти в исторических произведениях эпохи становления «варварских королевств» по-прежнему **остается неизученной**, что порождает существенный интеллектуальный пробел в части понимания процесса становления жанра средневековой историографии, ее специфики и важнейших тенденций ее развития.

Объектом исследования являются памятники западноевропейской историографии VI века н.э.

Предметом исследования являются образы королевской власти эпохи Великого переселения народов, представленные в данных памятниках.

Franz–Reiner Erkens (Ergänzungsbände zum Reallexikon der Germanischen Altertumskunde 49), Berlin 2005, S. 214–269.

²²⁴ Collins, Roger. “Theodebert I, Rex Magnus Francorum.” In *Ideal and Reality in Frankish and Anglo–Saxon Society*, P. Wormald, D. Bullough, and R. Collins, ed., 7–33. Oxford, 1983.

²²⁵ Николаева И.Ю. Образ власти в современной историографии: новые подходы и методологии. (По материалам медиевистики) // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1998. Вып. 23. С. 1–32.

²²⁶ Образы власти на Западе, в Византии и на Руси: Средние века. Новое время / ред. М.А. Бойцов, О.Г. Эксле. М., 2008;

²²⁷ Власть и образ: Очерки потестарной имагологии /Отв. редакторы М. А. Бойцов, Ф.Б. Успенский. СПб., 2010.

²²⁸ Шкаренков П.П. Образ власти на рубеже античности и средневековья: от Империи к «варварским королевствам». Диссерт. докт. ист. наук. М., 2009 (на правах рукописи).

Методология

Необходимо отметить, что в отечественной науке до сих пор не было дано определение широко используемому **понятию «образ власти»**. Вопросы изучения образов власти находятся на пересечении познавательных проблем таких дисциплин, как политология, культурология, историческая наука, психология, социология, что не может не сказаться на количестве существующих подходов к изучению данных образов, а также вызывает определенные затруднения с приведением данных подходов в общую методологическую систему. В связи с этим представляется целесообразным начать исследование с обзора основных подходов к изучению образов власти, представленных в научной литературе²²⁹.

Семиотический подход к изучению образов власти получает развитие благодаря работам французского философа Р. Барта, занимавшегося изучением отношений языка и власти²³⁰. В соответствии с данным подходом язык представляет собой своеобразный код, отражающий категории власти и подчинения, являющийся одновременно универсальным средством подавления и принуждения, и основным средством трансляции власти. Несмотря на присутствующую тенденцию к некоторой «демонизации» языковых практик, данный подход представляет интерес тем, что позволяет рассматривать явления культуры в качестве смысловых кодов, и может успешно применяться к анализу символов власти. Семиотический подход к изучению средневековой культуры, в том числе, изучению образов власти эпохи средневековья, представлен в отечественной науке, например, в работах С.С. Аверинцева²³¹. Ярким примером применения данного подхода к изучению образов власти эпохи раннего средневековья может считаться работа М.Б. Ямпольского²³².

Культурологический и историко-антропологический подходы представлены в работах представителей ряда научных школ, наиболее известной среди которых может считаться французская историографическая школа «Анналов». В отечественной историографии одним из видных представителей историко-антропологического подхода может считаться медиевист А.Я. Гуревич²³³. Данный подход ориентирован на междисциплинарный методологический синтез, позволяющий изучать различные аспекты историко-культурного процесса (в том числе, образов

---

²²⁹ В рамках данного анализа я выделяю подходы, которые могут считаться базовыми с методологической точки зрения. Например, политологический подход не выделяется в качестве самостоятельного в связи с тем, что методы политической науки конструируются на основании методов психологии, социологии, антропологии и ряда других научных дисциплин. Формирующееся направление «потестарной имагологии» (См.: Власть и образ: Очерки потестарной имагологии. Алетейя, 2010) представляет большой интерес, однако, вряд ли может пока рассматриваться в качестве самостоятельной дисциплины с точки зрения методологических оснований.

²³⁰ Классические положения данного подхода были представлены в инаугурационной лекции Р. Барта в Collège de France. См.: Barthes R. Inaugural Lecture: Collège de France // A Barthes Reader, 1982.

²³¹ См., напр.: Аверинцев С.С. Символика раннего средневековья (к постановке вопроса) // Семиотика и художественное творчество. М., 1977. С. 315–316.

²³² Ямпольский М.Б. Физиология символического. Кн. I. Возвращение Левиафана: Политическая теология, репрезентация власти и конец старого режима. М., 2004.

²³³ См., напр.: Гуревич А. Я. История и сага. М., 1972.

культуры) через изучение человека, категорий его сознания, истории повседневности, в связи с чем данный подход успешно применяется в сочетании с другими подходами. В частности, на стыке культурно-антропологического и цивилизационного подходов выполнена работа С. Лебека, в которой анализируется образ короля франков Хильдерика²³⁴. На стыке культурологического и семиотического подходов выполнены отдельные работы Г.С. Кнабе²³⁵. На стыке культурологического подхода, семиотики и классической герменевтики выполнено диссертационное исследование П.П. Шкаренкова.

Психологический подход сформировался под влиянием учения о психических аспектах природы власти и авторитета, сложившегося в рамках направления психоанализа. В числе классиков современных гуманитарных наук, использовавших элементы психологического подхода в анализе образов власти, можно назвать М. Фуко, изучавшего связь власти и сексуальности²³⁶. В настоящее время психологический подход к изучению образов власти является одним из наиболее распространенных²³⁷, но, в то же время, далеко не исчерпанных с методологической точки зрения. Большой вклад в развитие данного подхода внесен представителями томской историографической школы Б.Г. Могильницкого. В частности, блестящим примером междисциплинарного синтеза с применением психологического подхода к изучению образов власти эпохи раннего средневековья могут считаться работы И.Ю. Николаевой²³⁸.

Искусствоведческий подход широко представлен в изучении художественных аспектов иконографии власти. Данный подход имеет в своей основе художественный метод, направленный на изучение особенностей конструирования образов в искусстве²³⁹. В медиевистике данный подход получает широкое применение как в исследовании предметных художественных символов власти (геральдике, нумизматике, сфрагистике, изучении портретов и иллюстраций), так и в междисциплинарных семиотических исследованиях. В частности, на стыке искусствоведческого, психологического, и семиотического подходов выполнена работа М.Б.

---

²³⁴ Lebecq S. The Two Faces of King Childeric: History, Archaeology, Historiography // From Roman Provinces to Medieval Kingdoms. Routledge, 2006. P.272–287.

²³⁵ Кнабе Г.С. Избранные труды. Теория и история культуры. М., СПб., 2006; *Он же*. Рим Тита Ливия – образ, миф и история // Тит Ливий. История Рима от основания Города. Т. III. М., 1994.

²³⁶ См.: Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996.

²³⁷ См. более подробно о данном подходе: Шестопал Е.Б. Образы власти в постсоветской России. М., 2004.

²³⁸ Николаева И.Ю. О харизме меровингов или о возможности методологического синтеза и верификации в истории ментальности // Европейские исследования в Сибири. Томск. 2000. С. 58–74. *Она же*. Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск, 2005.

²³⁹ Более подробно: Шутемова Е.А. Семиотический подход к проблеме художественного метода в искусстве и дизайне (Интернет–публикация). См. также: Бранский В.П. Искусство и философия: Роль философии в формировании и восприятии художественного произведения на примере истории живописи. Калининград, 1999.

Ямпольского, посвященная анализу образа королевы Марии-Антуанетты на одной из гравюр, созданных вскоре после ее казни²⁴⁰.

Институционально-правовой подход является перспективным, однако, достаточно редко используемым методом реконструкции исторических образов власти. Примером использования институционально-правового подхода к изучению средневековых образов власти является работа Н.А. Хачатурян, посвященная анализу властных функций бургундского двора на материале трактата Оливье де Ля Марша²⁴¹. Другим примером использования данного подхода к изучению образов власти эпохи раннего средневековья может служить работа А.Г. Глебова, в которой автор анализирует представления англосаксов о короле и королевской власти на материале памятников англосаксонского законодательства VII-VIII веков²⁴².

Таким образом, в современной научной литературе прослеживаются не менее пяти различных методологических подходов к изучению образов власти, и все перечисленные подходы достаточно не просто свести к «единому знаменателю». Для решения данной методологической проблемы и согласования между собой столь различных по своим теоретико-концептуальным основаниям подходов, необходимо, на мой взгляд, более четко структурировать содержание самого объекта исследования, т.е. образа власти.

Попытка структурного анализа совокупности черт «потестарного образа власти» была предпринята в работе К.А. Соловьева²⁴³. Данные черты разделены автором на две группы составляющих: 1) *способ обретения власти* (политико-культурные стереотипы, сложившиеся в данном обществе, к которым апеллирует претендент на власть; идейно-политические теории, обосновывающие права претендента на власть; общественные и государственные институты, участвующие в передаче власти; обряды и церемонии, используемые при переходе власти; обряды и церемонии, при помощи которых выражается согласие народа на переход власти). 2) *способ легитимного действия* (церемониальное поведение, соответствующее действующим представлением об организации власти; бытовое поведение, соответствующее признаваемым в данном обществе этическим нормам; способ принятия государственных решений; способ оформления принятых решений; способ донесения принятых решений до населения; возможности корректировки принятых решений, в зависимости от положительного или отрицательного восприятия его населением).

---

²⁴⁰ Ямпольский М. Королева и гильотина (Письмо, очищение, телесность) // Новое литературное обозрение, 2004. № 65.

²⁴¹ Хачатурян Н.А. Бургундский двор и его властные функции в трактате Оливье де Ля Марша // Двор монарха в средневековой Европе. М., 2001. С.121–136.

²⁴² Глебов, А.Г. Представления о короле и королевской власти у англосаксов (по законодательным памятникам VII–IX вв.) // Право в средневековом мире. М., 1996. С.208–220.

²⁴³ Соловьев К.А. Эволюция форм легитимации государственной власти в древней и средневековой Руси. IX – первая половина XIV вв. Интернет-журнал "Махаон", №1, январь-февраль 1999 г. http://www.history.machaon.ru/all/number_02/diskussi/1/index.html

Данная классификация структурных составляющих образа власти представляется достаточно обоснованной, и применимой к анализу факторов легитимности, соответствующих конкретному социуму и определенной исторической эпохе. В то же время, необходимо учитывать, что образ власти представляет собой явление комплексное, выходящее за рамки процессуальных аспектов легитимации статуса субъекта власти, и лежащее, скорее, в области культуры и психики. Образ власти представляет собой отражение политической действительности, возникающее в результате преломления характеристик субъекта власти в призме восприятия современников или потомков, что должно обязательно учитываться при исследовании и реконструкции данного образа. В частности, образ власти, отраженный в исторических источниках, может носить мифологический характер и диаметрально отличаться от того образа, который был известен современникам самого субъекта власти, более того, не всегда представляется возможным вообще оценить историчность тех или иных образов, в связи с чем историку нередко приходится иметь дело с анализом чистых культурно-мифологических конструкций.

Одним из наиболее обстоятельных в методологическом отношении исследований, посвященных изучению образов власти, может, по всей видимости, считаться работа, выполненная коллективом авторов под руководством Е.Б. Шестопаля²⁴⁴. В рамках данного исследования авторы рассматривают образы власти как особую психологическую реальность, в структуре которой выделяются содержательное и собственно психологическое измерение²⁴⁵. В полной мере соглашаясь с правомерностью подобного разделения, выскажу предположение о том, что отраженные в раннесредневековой историографии образы королевской власти также содержат в своей структуре содержательное и психологическое измерение. При этом составляющие содержательного измерения образа короля (в котором персонифицирован институт королевской власти), получающие отражение в раннесредневековой литературе, могут, на мой взгляд, быть условно разделены на четыре основные группы: 1) характер господства и функциональное содержание власти (источники, способы легитимации, методы удержания и укрепления власти, объем властных полномочий и механизмы их реализации); 2) психосоматические аспекты королевской харизмы (структура личности, физиология, психологический склад, повседневные модели поведения); 3) экстрасоматические аспекты королевской харизмы (реальное и мифологическое происхождение, место и среда обитания, ритуальные модели поведения, сакральные источники власти); 4) внешние атрибуты королевской власти (предметные, вербальные, и процессуальные потестарно-правовые символы).

Данные группы, конституирующие в своей совокупности содержательное измерение образа власти, представляют собой неоднородное с

---

²⁴⁴ Образы российской власти: От Ельцина до Путина / Под ред. Е.Б. Шестопаля. М., 2008.

²⁴⁵ Образы российской власти... С.16.

онтологической точки зрения явление, изучение которого требует выработки комплексного междисциплинарного подхода. Выработку данного подхода необходимо начать с онтологической классификации различных групп составляющих содержательного измерения образа власти. Как мне представляется, рассматриваемые группы могут быть соотнесены с определенными онтологическими сферами²⁴⁶, а именно, социосферой (характер господства), психосферой и биосферой (составляющие харизмы), техносферой и культуросферой (потестарные символы)²⁴⁷. Соответственно, анализ каждой группы составляющих образа короля требует применения специфических методов, которые не всегда будут применимы к анализу другой группы. Это позволяет предложить комплексный метод изучения составляющих содержательного измерения образа власти, который будет включать применение институционально-правового подхода к анализу составляющих, соответствующих социосфере, использование психологического подхода для анализа составляющих, соответствующих психосфере, и применение культурологического, историко-антропологического, искусствоведческого и семиотического подходов к анализу составляющих, соответствующих биосфере, техносфере и культуросфере.

Психологическое измерение образов власти, отраженных в раннесредневековой историографии, требует обращения к категории мифа и мифологических архетипов, поскольку миф выступает своего рода посредником, промежуточным звеном между сферой коллективного бессознательного и публичным коммуникативным пространством, в рамках которого оформляются соответствующие потестарные нарративы. Изучая архаические образы власти, нельзя не обратить внимание на иррациональность, даже нелепость некоторых их составляющих. Во многих случаях эпические правители ведут себя довольно абсурдно с логической точки зрения, характер их действий носит непредсказуемый и алогичный характер (как, например, похождения эпического конунга Свейгдира, давшего обет найти «жилище богов и старого Одина (Godheims og Óðins hins gamla)»²⁴⁸, и блуждавшего по свету в поисках данного жилища). Это одно из наиболее ярких свидетельств того, что в основе данных образов лежит миф – выражение «дологического»²⁴⁹ сознания, не стесненного рамками рациональности. В связи с этим именно через анализ категорий потестарной мифологии мы можем приблизиться к пониманию некоторых психологических особенностей восприятия отношений социального господства и подчинения²⁵⁰.

Образ власти сам по себе представляет разновидность мифа, продукт коммуникации, форму передачи определенной идеи, которая не имеет

---

²⁴⁶ Концепция онтологических сфер представлена в работе: Розов Н.С. Рациональная философия истории: ценности, сферы бытия и динамические стратегии // Гуманитарные науки в Сибири, 1997,1. С.40–44.

²⁴⁷ При построении классификации я разделяю «биотехносферу» Н.С. Розова на биосферу и техносферу.

²⁴⁸ Ynglinga Saga, X.

²⁴⁹ Если пользоваться терминологией Л. Леви-Брюля.

²⁵⁰ Данный вопрос более подробно освещается в рамках первой главы настоящего исследования.

субстанциальных границ. Это позволяет рассматривать образ власти как семиологическую (семиотическую) систему, покоящуюся на «вторичных кодах» (кодами первого порядка являются те, которыми строится сам язык)²⁵¹. С использованием данного подхода в **представленной работе впервые в отечественной науке предлагается определение понятия «образ власти»**. Под образом власти я понимаю вторичную семиологическую систему, включающую в себя связь между совокупностью знаков первого порядка, отражающих содержательные характеристики системы отношений легитимного социального господства и подчинения, и комплексом психических переживаний (феноменов), порожденных восприятием этих знаков.

Методы исследования

В рамках настоящего исследования требуется анализировать содержательное и психологическое пространство определенных исторических явлений, рассматривая при этом три аспекта манифестации психической активности: 1) нарратив; 2) феномен; 3) архетип. Для работы со столь неоднородными по своему характеру явлениями требуется применение широкого спектра методов, направленных как на анализ различных аспектов текстуального содержания исторического источника, так и на выявление ментальных категорий, определявших отношение автора текста к описываемым явлениям, и, что более важно, архетипов коллективного бессознательного, лежащих в основе данных ментальных категорий. В связи с этим, использованные методы могут быть разделены на **исторические** методы анализа текста источника, **семиологические** (семиотические) методы чтения и дешифровки мифов, методы **аналитической психологии** и **феноменологии**, направленные на выявление и анализ потестарно-мифологических архетипов.

В представленном исследовании применялись следующие **исторические методы** анализа текста источника:

1) *Метод терминологического анализа*. Терминологический анализ, «являющийся одним из своеобразных путей раскрытия реального отражения действительности в исторических источниках»²⁵², должен удовлетворять следующим требованиям: 1) в процессе его применения необходимо идти не от терминов к выяснению фактов, а сами термины объяснять условиями, в которых они создавались; 2) терминологический анализ должен быть, по возможности, всесторонним, т.е. он должен не ограничиваться рассмотрением отдельных произвольно подобранных источников, а раскрывать, путем сравнения и сопоставления многих источников, всю многозначность одних и тех же употребляемых в них терминов; 3) к анализу терминов необходимо подходить исторически, т.е. рассматривать термины в развитии, прослеживая изменение их смысла, их содержания в связи с развитием самой исторической

---

²⁵¹ Используются понятия, научная разработка которых была выполнена К. Леви–Строссом под влиянием семиотических концепций Ф. Соссюра. См.: Деррида Ж. Письмо и различие. М., 2007. С.460.

²⁵² Иванов Г.М. Исторический источник и историческое познание... С.150.

действительности; 4) в процессе терминологического анализа, предполагающего критическую интерпретацию содержания исторических источников, необходимо строго отделять объективное содержание того или иного термина от его возможных субъективных искажений в источниках или в исторических исследованиях.

Данные положения могут быть дополнены принципами, сформулированными Г.П. Сааром²⁵³: «Историк... сравнивает все места данного источника, в котором встречается выясняемое слово или оборот речи, и устанавливает, какое именно понятие передается в каждом случае этим словом и в каких именно случаях применяется изучаемый оборот... При определении смысла слов и оборотов речи... никогда не следует изучать слова и отдельные предложения вне их контекста. При изучении их смысла всегда следует иметь в виду источник и его смысл в целом»²⁵⁴.

2) *Метод конкретно-исторического анализа.* Рассматриваемый метод предполагает уточнение времени и места возникновения источника, авторства источника и условий, в которых находился автор при его создании, посредством использования комплекса конкретных исторических данных, имеющихся в распоряжении исследователя. Как отмечает А.П. Пронштейн, чем точнее будут выявлены ответы на перечисленные вопросы, «тем яснее может быть определена степень достоверности и точности заключенных в источнике сведений»²⁵⁵. Данный метод имеет особое значение для уточнения влияния позиции автора источника на информацию, заключенную в источнике.

3) *Индуктивный метод анализа авторской позиции.* Поскольку каждый письменный источник содержит не только конкретные факты и их обобщения, но и определенную систему их изложения (нередко тенденциозного характера), отражающую позицию автора, его отношение к событиям и историческим явлениям²⁵⁶, большое значение для прочтения источника имеет уточнение авторской позиции. Данное уточнение возможно осуществить при помощи индуктивного анализа текста, суть которого заключается в реконструкции общей авторской позиции на основании частных особенностей повествования. Предметом данного анализа могут стать такие особенности произведения, как: 1) тематика (выявление причин актуализации данной темы для автора); 2) общий тон произведения (нередко авторы склонны эксплицитным образом выражать свое отношение к явлениям и событиям); 3) умолчание автором определенных, вероятно известных ему, фактов (пожалуй, одно из наиболее показательных свидетельств тенденциозности изложения); 4) степень достоверности и точности содержащихся в источнике сведений (искажение исторических фактов, выявляемое, как правило, на основании сопоставления и

---

²⁵³ Саар Г.П. Источники и методы их исследования / Г.П.Саар. Баку, Изд-во АзГНИИ, 1930.

²⁵⁴ Цит. по: Пронштейн А.П. Методика исторического источниковедения ... С.157–158.

²⁵⁵ Пронштейн А.П. Методика исторического источниковедения... С.406.

²⁵⁶ См.: Пронштейн А.П. Методика исторического источниковедения ... С.390.

критического анализа источников, также может служить одним из показателей отношения автора к окружающей его действительности).

4) *Метод логико-смыслового анализа текста.* Вслед за С.Н. Быковским²⁵⁷, Е.М. Каштановым²⁵⁸, А.А. Курносовым²⁵⁹, и А.А. Новосельским в настоящей работе признается определенная условность разделения критики источника на «внешнюю» и «внутреннюю». Это обусловлено тем, что «логико-смысловой анализ текста должен вестись на основе и в тесной связи с той конкретно-исторической обстановкой, в условиях которой возник источник»²⁶⁰. Суть логико-смыслового метода заключается в систематизации содержащегося в источнике материала, и построении на основании полученной системы данных логических заключений дедуктивного характера.

5) *Метод сопоставления.* Как отмечает А.П. Пронштейн, «в тех случаях, когда для этого имеется возможность, исследователь не ограничивается методом логически-смыслового анализа известий, содержащихся в источнике, а пользуется методом сопоставления»²⁶¹. Данный метод предполагает сопоставление каждого свидетельства источника «с высказываниями по этому же вопросу в других его частях»²⁶², а также сопоставление «показаний источника по одному и тому же вопросу со свидетельствами других, не зависимых от него документов»²⁶³.

Семиологические (семиотические) методы чтения и дешифровки мифов представлены в работах Р. Барта. Исходным положением анализа является «соотношение двух элементов – означающего и означаемого. Это соотношение соединяет разнопорядковые объекты, а потому представляет собой не равенство, но эквивалентность. Здесь следует помнить: хотя в повседневном языке говорится, что означающее просто выражает собой означаемое, но на самом деле в любой семиологической системе передо мной не два, а три разных элемента; действительно, я воспринимаю не просто один элемент за другим, но и все соотношение, которым они соединены; таким образом, имеется означающее, означаемое и знак, то есть итог ассоциации первых двух членов»²⁶⁴.

Как отмечает Р. Барт, «для мифолога очень важна такая повторяемость понятия, проходящая через разные формы; именно она позволяет ему расшифровать миф – так повторяемость поступка или переживания выдает скрытую в нем интенцию. Тем самым подтверждается, что между объемом

---

²⁵⁷ Быковский С.Н. Методика исторического исследования. / С.Н.Быковский. – Л., ГАИМК, 1931.

²⁵⁸ Каштанов С.М., Курносов А.А. Некоторые вопросы теории источниковедения // Исторический архив, 1962, № 4. С.183–184.

²⁵⁹ Там же.

²⁶⁰ Пронштейн А.П. Методика исторического источниковедения ... С.412.

²⁶¹ Пронштейн А.П. Методика исторического источниковедения ... С.413.

²⁶² Там же.

²⁶³ Там же.

²⁶⁴ Барт Р. Мифологии. М., 2008. С.269.

означаемого и означающего нет регулярного соотношения»²⁶⁵. При этом существует три способа чтения мифа, два первых из которых носят статико-аналитический характер, а третий – динамический²⁶⁶: «1. Если я вглядываюсь в означающее как в нечто пустое, то форма мифа заполняется понятием без всякой двусмысленности, и передо мной оказывается простая система, значение которой вновь обрело буквальность... Такой способ зрения характерен, в частности, для производителя мифов... который исходит из понятия и подыскивает ему форму. 2. Если я вглядываюсь в означающее как в нечто полное, четко отграничивая в нем смысл от формы, а стало быть и вижу деформацию первого под действием второй, то тем самым я расчленяю значение мифа и воспринимаю его как обман... такой тип зрения характерен для мифолога, которые дешифрует миф, понимает его как деформацию. 3. Наконец, если я вглядываюсь в означающее мифа как в некоторую целостную неразличимость смысла и формы, то воспринимаемое мною значение оказывается двусмысленным: во мне срабатывает заложенный в мифе механизм и я становлюсь читателем мифа»²⁶⁷.

Выявление и анализ потестарно-мифологических архетипов предполагает использование методов **аналитической психологии**, сформулированных в работах К.Г. Юнга. Исходным положением метода является положение о том, что: «архетипы проявляются в мифах и сказках, так же как в сновидениях и психотических продуктах фантазии. Материалом, или средой, в которую они оказались вросшими, в первом случае, правда, является смысловая связь, упорядоченная и по большей части непосредственно понятая, в последнем же случае – это вереница образов, непонятная, иррациональная и напоминающая бред, вереница, которая, однако, не лишена смысловой спаянности, пусть и скрытой»²⁶⁸. Архетип может быть выявлен на основании доказательства сюжетно-функциональных параллелей между образами, являющимися продуктом индивидуальной иррациональной психической активности (бредовые идеи душевнобольных, фантазии в состоянии транса и сновидения раннего детства), и мифологическими сюжетами: «Такого материала (продуцируемого индивидуальной психической активностью – С.С.) может быть получено сколько угодно, однако он ничего не стоит, если не удастся его раскопать и отыскать убедительные исторические параллели. Конечно, совсем недостаточно установить связь между сновидением о змее и мифологической змеей; кто же может гарантировать, что функциональное значение змеи в сновидении точно такое же, как и в мифологическом обрамлении? Чтобы провести убедительные параллели, необходимо знать функциональное значение индивидуального символа и затем определить, принадлежит ли мифологический символ, представляющийся параллельным, к

²⁶⁵ Барт Р. Мифологии... С.278.

²⁶⁶ Барт Р. Мифологии... С.288.

²⁶⁷ Барт Р. Мифологии... С.277–278.

²⁶⁸ Юнг К.Г. Структура психики и архетипы. М., 2007. С.82.

обстоятельствам того же рода и имеет ли вследствие этого то же самое функциональное значение»²⁶⁹. В целях соблюдения чистоты метода в настоящей работе я верифицировал все выявленные мной в ходе феноменологического исследования мифов архетипические черты образов власти, сопоставляя их с ключевыми чертами архетипов, выявленных К.Г. Юнгом в ходе работы с психологическим материалом.

Феноменологический метод, использованный в настоящем исследовании, охарактеризован Э. Гуссерлем как феноменологическая редукция: «Важные, опирающиеся на теоретико-познавательную проблематику мотивы оправдывают наименование «чистого» сознания... также и трансцендентальным, а операция, с помощью которой оно обретается, – трансцендентальной ελοχη. Со стороны метода эта операция будет раскладываться на различные шаги «выключения», «введения в скобки» так что наш метод приобретает характер постепенно совершаемой редукции. Ввиду этого мы впредь, и даже преимущественно, станем говорить о феноменологической редукции»²⁷⁰. Сущность метода заключается в том, что «вместе с выключением природного мира со всеми его вещами, живыми существами, людьми из нашего поля суждений выключаются также и все индивидуальные предметности, конституирующиеся благодаря оценивающим и практическим функциям сознания, – всевозможные культурные образования, произведения технических и изящных художеств, наук... эстетические и практические ценности любого вида. Равным образом, разумеется, и действительного такого рода, как государство, нравственность, право, религия»²⁷¹.

Данный метод оптимален для анализа структуры мифологических персонажей, расшифровка образов которых возможна только *per se*, вне контекста исторической действительности, их порождающих. Данные образы должны рассматриваться только в той информационной нагруженности, которая обеспечена им мифологическим нарративом, поскольку любая попытка проведения параллели между мифологическими образами и порождающей их реальностью может увести нас в сторону от подлинного содержания мифа. Это объясняется тем, что в мифах получают выражение категории коллективного бессознательного, формирующие социальную реальность, а не наоборот. Социальные институты являются лишь смутным отражением категорий нашей психики, в глубинах которой заложены категории господства и подчинения. В связи с этим, единственным продуктивным способом выявления сущности данных категорий будет свободный от социально-обусловленной нагрузки феноменологический анализ архетипов потестарной мифологии.

---

²⁶⁹ Юнг К.Г. Структура психики и архетипы... С.20.

²⁷⁰ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М., 2009. С.105.

²⁷¹ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии... С.177.

Хронологические рамки исследования

В диссертационном исследовании рассматриваются источники, протографы которых восходят к VI веку н.э. В качестве вспомогательных источников также привлекаются памятники, относящиеся к иным хронологическим периодам.

Эпоха Великого переселения народов рассматривается в данном исследовании в контексте германских переселений конца IV-V веков. Образы основателей германских «варварских королевств» конца V-начала VI века рассматриваются как генетически восходящие к данной эпохе, несмотря на то, что хронологически они сформированы несколько позже.

Территориальные рамки исследования

Исследование выполнено на материале письменных источников, созданных на территории германских «варварских королевств» Европы, а также источников, созданных на других территориях, но испытывающих на себе определяющее влияние формирующейся историографической традиции данных королевств. В качестве второстепенных и вспомогательных источников привлекаются произведения, созданные на территории Римской империи эпохи принципата, Восточной Римской империи V-VI веков, а также на территории Северной и Западной Европы эпохи раннего средневековья.

Источниковая база исследования

Текст источников анализировался на основании изданий, подготовленных в рамках академической традиции германского источниковедения XIX-XX столетий, а также иных сопоставимых по своему значению изданий²⁷². При работе с источниками предпочтение отдавалось классическим изданиям памятников, представленным в серии *Monumenta Germaniae Historica*²⁷³.

Основными источниками, использованными в работе, являются произведения Иордана, озаглавленные с подачи Теодора Моммзена как «*De origine actibusque Getarum*» (*Getica*)²⁷⁴ и «*De summa temporum vel origine*

---

²⁷² В частности, в работе привлекалось издание «Гетики» Иордана 1679 года (включенное в издание трудов Кассиодора Magni Aurelii Cassiodori opera omnia, in duos tomos distributa / Opera J.Garetii, Rothomagi, 1679, доступное в фонде ГПНТБ СО РАН). Поскольку предметом настоящего исследования являются ментальные категории (образы власти), характеризующие содержательное развитие историографии VI века, а не частные свойства конкретных исторических памятников, в данной работе не представляется целесообразным освещать источниковедческие аспекты анализа рассматриваемых произведений, в том числе, осуществлявшееся исследователями (Т. Моммзеном, Б. Крушем и др.) сопоставление сохранившихся манускриптов, или давать оценку качества работы издателей по публикации источника на языке оригинала. Изыскания подобного рода осуществлялись исследователями в рамках специальных работ, посвященных конкретными историческим памятникам, а также творчеству отдельных историков эпохи раннего средневековья (см. библиографию работ выше).

²⁷³ Электронное издание текстов источников доступно в сети Интернет в рамках совместного проекта Баварской государственной библиотеки и Немецкого научно-исследовательского сообщества: http://bsbdmgh.bsb.lrz.de/dmgh_new/

²⁷⁴ *Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimorum, T.V, Pars Prior. Berolini, 1882. P.53–138.*

actibusque gentis Romanorum» (Romana)²⁷⁵, произведение Георгия Флоренция (Григория Турского) «Historiarum libri X»²⁷⁶, а также произведение анонимного хрониста (Anonymus Valesianus), известное под условным наименованием «Excerpta Valesiana» (pars posterior)²⁷⁷.

Несмотря на то, что место составления произведений Иордана является спорным, в содержательной части «Getica», несомненно, относится к формирующейся западноевропейской историографической традиции, интегрирующей в себя жанр «происхождения народа» (origo gentis).

Второстепенными источниками, использованными в работе в качестве вспомогательных, являются, хроники Кассиодора²⁷⁸, Виктора Тонненского²⁷⁹, Мария Аваншского²⁸⁰, Иоанна Бикларского²⁸¹, Сарагосская хроника²⁸², а также иные хроники, в том числе, восходящие к римским консуляриям²⁸³.

В качестве **субсидиарных источников** привлекались памятники, относящиеся к другим хронологическим периодам («Хроника» Фредегара²⁸⁴, анонимная «Книга истории франков»²⁸⁵, «История лангобардов» Павла Диакона²⁸⁶, «Деяния саксов» Видукинда Корвейского²⁸⁷, «Церковная история народа англос» Беды Достопочтенного²⁸⁸, «Этимологии»²⁸⁹ «Сентенции»²⁹⁰, «История готов, вандалов, свевов» Исидора Севильского²⁹¹, «Анналы»²⁹², «История»²⁹³ и «Германия»²⁹⁴ Тацита, «О граде Божьем» Августина²⁹⁵,

²⁷⁵ Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimorum, T.V, Pars Prior. Berolini, 1882. P.1–52

²⁷⁶ Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum Rerum Merovingicarum. T.I, P.I, Fasc.I. Hannoverae, 1937.

²⁷⁷ Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimorum, T.IX, Vol.I. Berolini, 1892. (Текст включен в раздел Consularia Italica – P.249–339).

²⁷⁸ Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimorum, T.XI, Vol.II. Berolini, 1894. P.109–162.

²⁷⁹ Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimorum, T.XI, Vol.II. Berolini, 1894. P.163–206.

²⁸⁰ Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimorum, T.XI, Vol.II. Berolini, 1894. P.225–240.

²⁸¹ Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimorum, T.XI, Vol.II. Berolini, 1894. P.207–220.

²⁸² Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimorum, T.XI, Vol.II. Berolini, 1894. P.221–224.

²⁸³ Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimorum, T.IX, Vol.I. Berolini, 1892. P.249–339.

²⁸⁴ Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum Rerum Merovingicarum. II, Hannoverae, 1888. P.1–168.

²⁸⁵ Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum Rerum Merovingicarum. II, Hannoverae, 1888. P.215–328.

²⁸⁶ Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum Rerum Langobardicarum. Hannoverae, 1878. 12–187.

²⁸⁷ Die Sächsengeschichte des Widukind von Korvei Monumenta Germaniae Historica, Bd. 60 Hrsg. von Paul Hirsch und Hans E. Lohmann, Hannover 1935 (5. Auflage). Электронный текст источника на языке оригинала:

http://www.hs-augsburg.de/~harsch/Chronologia/Lspost10/Widukind/wid_sax0.html

²⁸⁸ Beda der Ehrwürdige, Kirchengeschichte des englischen Volkes, lateinisch und deutsch herausgegeben von Günter Spitzbart. Darmstadt, 1997. Электронный текст источника на языке оригинала:

http://www.hs-augsburg.de/~harsch/Chronologia/Lspost08/Bede/bed_his0.html

²⁸⁹ Электронный текст источника на языке оригинала:

http://www.hs-augsburg.de/~harsch/Chronologia/Lspost07/Isidorus/isi_et00.html

²⁹⁰ Электронный текст источника на языке оригинала:

http://www.hs-augsburg.de/~harsch/Chronologia/Lspost07/Isidorus/isi_se00.html

²⁹¹ Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimorum, T.XI, Vol.II. Berolini, 1894. 391–481.

²⁹² Электронный текст источника на языке оригинала: <http://www.thelatinlibrary.com/tac.html> Русскоязычный перевод: Тацит Публий Корнелий. Анналы. Малые произведения. История. / Тацит. – М., Ладомир, 2001.

²⁹³ Электронный текст источника на языке оригинала: <http://www.thelatinlibrary.com/tac.html> Русскоязычный перевод: Тацит Публий Корнелий. Анналы. Малые произведения. История. / Тацит. – М., Ладомир, 2001.

²⁹⁴ Tacitus, Germania. ed. M. Fuhrmann, Stuttgart 1972. Электронный текст источника на языке оригинала:

http://www.hs-augsburg.de/~harsch/Chronologia/Lspost02/Tacitus/tac_germ.html

²⁹⁵ Электронный текст источника на языке оригинала: <http://www.thelatinlibrary.com/august.html>

«История против язычников» Павла Орозия²⁹⁶, «География» Страбона²⁹⁷, «История» Веллея Патеркула²⁹⁸, «Эпитама сочинения Помпея Трога» Юстина²⁹⁹, «Книга о разорении Британии» Гильдаса Мудрого³⁰⁰, «Записки о галльской войне» Юлия Цезаря³⁰¹), а также источники, относящиеся к византийской историографической традиции («Война с готами» Прокопия³⁰², «О царствовании Юстиниана» Агафия Миренейского³⁰³, «Хроника» Марцеллина Комита³⁰⁴).

В числе исторических источников юридического характера в работе рассматривались раннесредневековые англосаксонские³⁰⁵ и скандинавские³⁰⁶ законы, «Салический закон» франков³⁰⁷, вестготская «Судебная книга»³⁰⁸, «Римский закон вестготов»³⁰⁹, «Римский закон бургундов»³¹⁰, законодательство Юстиниана³¹¹.

В качестве источника, помогающего раскрыть категории политико-правового дискурса германских королевств VI века, использовались «*Variarum libri*» Флавия Кассиодора Сенатора³¹². При изучении философских источников раннесредневековых представлений об идеальной форме правления и качествах

²⁹⁶ Электронный текст источника на языке оригинала: <http://www.thelatinlibrary.com/orosius.html>

²⁹⁷ Страбон. География / Страбон. // Древние германцы. Сборник документов. М., 1937. С.34–41.

²⁹⁸ Электронный текст источника на языке оригинала: <http://www.thelatinlibrary.com/justin.html>

²⁹⁹ Электронный текст источника на языке оригинала: <http://www.thelatinlibrary.com/vell.html>

³⁰⁰ Электронный текст источника на языке оригинала:

<http://www.vortigernstudies.org.uk/arthist/vortigernquotesgil.htm>

³⁰¹ Электронный текст источника на языке оригинала: <http://www.thelatinlibrary.com/caes.html>

³⁰² Прокопий Кесарийский. Война с готами. / Пер. С. П. Кондратьева. М., 1950

³⁰³ Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана. / Пер., ст. и примеч. М. В. Левченко. М.–Л., 1953.

³⁰⁴ Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimorum, T.XI, Vol.II. Berolini, 1894. P. 60–108.

³⁰⁵ Классическим изданием древнеанглийских законов считается работа: Liebermann F. Die Gesetze der Angelsachsen. Halle, 1903–1915. В числе англоязычных изданий необходимо отметить: The Laws of Early English Kings. Ed. by F. L. Attenborough. Cambridge, 1922; The Laws of the Kings from Edmund to Henry I. Ed. by A. J. Robertson. Cambridge, 1925. Автором настоящей работы выполнен полный русскоязычный перевод всех не переведившихся ранее на русский язык фрагментов кодекса короля Альфреда: Фрагменты кодекса короля Альфреда (предисловие, перевод и комментарии С. В. Санникова) // История государства и права, № 20. Москва, 2009. С.2–7.

³⁰⁶ Из ранней истории шведского народа и государства. Первые описания и законы. М., 1999.

³⁰⁷ Monumenta Germaniae Historica. Legum sectio I. Legum nationum Germanicarum. T.IV, P.II. Hannoverae, 1969.

³⁰⁸ Monumenta Germaniae Historica. Legum sectio I. Legum nationum Germanicarum. T.I. Hannoverae, Lipsiae, 1902. P.33–456.

³⁰⁹ Электронный текст источника на языке оригинала:

http://webu2.upmf-grenoble.fr/Haiti/Cours/Ak/Pdf/Lex_romana_wisigothorum.pdf

³¹⁰ Электронный текст источника на языке оригинала:

<http://webu2.upmf-grenoble.fr/Haiti/Cours/Ak/Barbarorum/burgund.html>

³¹¹ Дигесты Юстиниана. Том 1. Книги 1–4. Перевод с латинского. Отв. ред. Л.Л.Кофанов. М., 2002. Дигесты Юстиниана. Том 2. Книги 5–11. Перевод с латинского. Отв. ред. Л.Л.Кофанов. М., 2002. Дигесты Юстиниана. Том 3. Книги 12–19. Перевод с латинского. Отв. ред. Л.Л.Кофанов. М., 2003. Дигесты Юстиниана. Том 4. Книги 20–27. Перевод с латинского. Отв. ред. Л.Л.Кофанов. М., 2004. Дигесты Юстиниана. Том 5. Полутом 1. Книги 28–32. Перевод с латинского. Отв. ред. Л.Л.Кофанов. М., 2004. Дигесты Юстиниана. Том 5. Полутом 2. Книги 33–36. Перевод с латинского. Отв. ред. Л.Л.Кофанов. М., 2004. Дигесты Юстиниана. Том 6. Полутом 1. Книги 37–40. Перевод с латинского. Отв. ред. Л.Л.Кофанов. М., 2004. Дигесты Юстиниана. Том 6. Полутом 2. Книги 41–44. Перевод с латинского. Отв. ред. Л.Л.Кофанов. М., 2005. Дигесты Юстиниана. Том 7, полутом 1, книги 45–47. Перевод с латинского. Отв. ред. Л.Л.Кофанов. М., 2005. Дигесты Юстиниана. Том 7, полутом 2, книги 48–50. Перевод с латинского. Отв. ред. Л.Л.Кофанов. М., 2005. Дигесты Юстиниана. Том 8. Статьи и указатели. М., 2006.

³¹² Monumenta Germaniae Historica, Auctorum Antiquissimorum T.XII, Berlin, Weidmann, 1894.

идеального правителя в качестве источников привлекались произведения Аристотеля³¹³, Платона³¹⁴, Марка Аврелия³¹⁵, Цицерона³¹⁶.

При реконструкции различных аспектов автохтонной германской культуры в работе рассматривались памятники скандинавской и англосаксонской литературы, в том числе, англосаксонская хроника³¹⁷, памятники древнеанглийской поэзии³¹⁸, в том числе, североевропейская эпопея «Беовульф»³¹⁹, Старшая³²⁰ и Младшая³²¹ Эдда, королевские³²² и родовые саги³²³.

---

³¹³ Аристотель. Сочинения. / Под общ. ред. А. И. Доватура. Т.4. М., 1983.

³¹⁴ Платон. Собрание сочинений. / Под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. Т.3. М., 1994.

³¹⁵ Марк Аврелий. Размышления. / Пер. С. Роговина; послесловие С. Котляревского. М., 2008.

³¹⁶ Цицерон. Диалоги: О государстве. О законах. / Пер. В. О. Горенштейна, прим. И. Н. Веселовского и В. О. Горенштейна, ст. С. Л. Утченко. Отв. ред. С. Л. Утченко. М., Наука. 1966.

³¹⁷ Англосаксонская хроника. / Пер. В.В.Эрлихмана // Беда Достопочтенный. Церковная история. М., 2001. С.220–320. Электронный текст источника на языке оригинала: <http://omacl.org/Anglo/>

³¹⁸ Древнеанглийская поэзия. М.: Наука, 1982. Электронный текст источников на языке оригинала: <http://www.oepoetry.ca/>

³¹⁹ Электронный текст источника на языке оригинала: <http://www.heorot.dk/>

³²⁰ Электронный текст источника на языке оригинала: <http://norse.ulver.com/edda/index.html>

³²¹ Младшая Эдда. Л., 1970. Электронный текст источника: <http://norse.ulver.com/src/snorra/index.html>

³²² Снорри Стурлусон. Круг Земной. М., 1980.

Электронный текст источника: <http://norse.ulver.com/src/isl/index.html>

Электронный текст источника на языке оригинала: <http://www.heimskringla.no/wiki/Heimskringla>

³²³ Электронный текст источников на языке оригинала: <http://norse.ulver.com/src/isl/index.html>

Глава 1. Культурно-исторические предпосылки формирования образов власти эпохи раннего средневековья

§ 1. Потестарные архетипы римской и германской мифологии: формирование психологических предпосылок восприятия власти в раннесредневековом обществе

Проблема архетипов является одной из центральных в творчестве К.Г. Юнга, а ее междисциплинарный характер обусловлен тем, что «в истории народов архетипы встречаются в виде мифов»³²⁴, тогда как на личностном уровне они проявляются «в сновидениях и психотических продуктах фантазии»³²⁵. Исследование архетипов осложняется тем, что, как отмечал сам Юнг, «наблюдающему врачу недостает необходимых исторических сведений, и поэтому он не в состоянии узреть параллелизм между своими наблюдениями и данными, известными из истории духа и культуры. Знаток же мифологии и сравнительной истории религии не является, как правило, психиатром... Поэтому архетипический материал является по большей части чем-то неизвестным, и требуется специальные штудии и подготовка, чтобы такой материал вообще можно было собрать»³²⁶.

Типология архетипов Юнга носит не вполне законченный характер. Как отмечал сам исследователь, «мы просто не знаем, откуда в конечном счете следует выводить... архетип, и так же мало мы знаем о происхождении души»³²⁷. Исследователи выделяют в творчестве Юнга ряд базовых архетипов, таких как архетип Тени, Анимы, смысла (Мудрого Старца), а также Самости. В отдельных случаях автор вместо понятия «архетип» пользовался более пространными понятиями, такими, как «тип» или «фигура»³²⁸. Самыми главным, по предположению автора, фигурами являются «Тень, Старик, Ребенок (включая юного героя), Мать («прамать» или «земная мать») в качестве верховной личности («демоническая» и потому главенствующая, надстоящая) и соответствующая ей противоположность – девушка, затем Анима у мужчины и Анимус у женщины»³²⁹. Отдельное исследование Юнга посвящено архетипу Трикстера.

Концепция архетипов получила широкое применение в различных сферах человеческой деятельности, включая политическую теорию³³⁰ и маркетинг³³¹.

³²⁴ Юнг К.Г. Структура психики и архетипы. М., 2009. С.38.

³²⁵ Юнг К.Г. Структура психики и архетипы... С.82.

³²⁶ Юнг К.Г. Структура психики и архетипы... С.122.

³²⁷ Юнг К.Г. Архетип и символ. М., 1991. С.244.

³²⁸ Юнг К.Г. Структура психики и архетипы... С.115.

³²⁹ Юнг К.Г. Структура психики и архетипы... С.115.

³³⁰ Щербинина Н.Г. Героический миф в конструировании политической реальности России. Автореферат диссертации доктора политических наук (на правах рукописи). Москва, 2008.

³³¹ Весьма интересная практическая типология архетипов представлена в работе: Марк М., Пирсон К. Герой и бунтарь. Создание бренда с помощью архетипов / Пер. с англ. под ред. В. Домнина, А. Сухенко. СПб., 2005.

Применение данной концепции в рамках политической теории стало возможным благодаря тому, что в сферу политического анализа все больше проникает концепция «политического мифа»³³². Дальнейшее использование указанных конструктов очевидно требует уточнения принципов дифференциации современной политической и архаической сакральной мифологии, а также более четкого определения политической функции архаических мифов.

Для решения указанной проблемы мной предложено в рамках архаической сакральной мифологии помимо космогонических, антропогонических и теогонических представлений выделить потестарную мифологию – сферу мифологических представлений о сверхъестественном происхождении публичной власти³³³. Как правило, данный комплекс мифов связан с представлениями о правлении богов среди людей, что отражает индоевропейскую модель происхождения публичной власти. В частности, в произведении Макробия присутствует следующее описание: «Предки постановили, чтобы храм Сатурна был казной римлян, потому что говорят, когда Сатурн жил в Италии, никакого воровства в его владениях не совершалось»³³⁴. Сходные представления обнаруживаются, например, в древнескандинавской мифологии: «При Фрейре начался мир Фроди. Тогда были урожайные годы во всех странах. Шведы приписывали их Фрейру... а когда Фрейр умер, они тайно перенесли его в курган и сказали шведам, что он жив, и сохраняли его там три года. Все подати они ссыпали в курган, в одно окно – золото, в другое – серебро, а в третье – медные деньги. И благоденствие и мир сохранялись»³³⁵. Очевидно, что в приведенных выше примерах речь идет об одном и том же индоевропейском мифе, в различных его вариациях.

Потестарная мифология зарождается в рамках догосударственных обществ, она не создается по воле интерпретатора – ее природа сакральна, ее содержание транслируется прорицателями или жрецами в процессе некоего сакрального откровения, и хранится как предание. К потестарной мифологии, по всей видимости, относится генеалогия древних королевских родов, возводивших свои фамильные корни к племенным божествам. Данный раздел мифологии граничит с этногенетической мифологией – комплексом мифологических представлений о происхождении народа. В этногенетической мифологии наиболее ярко проявляется партиципационная составляющая,

---

Некоторый недостаток работы состоит в том, что авторы слишком вольно пользуются категорией «архетип», отдавая ее от изначальной смысловой нагрузки, данной К.Г. Юнгом.

³³² Cassirer E. *Myth of the State*. New Haven, London, 1946.; Flood C.G. *Political Myth: A Theoretical Introduction*. New York, 2002.; Bottici C.A. *Philosophy of Political Myth*. Cambridge, 2007.

³³³ См. более подробно: Санников С.В. *Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов*. Новосибирск, 2009. С.13–18.

³³⁴ Цит. по: Кофанов Л.Л. *Lex и ius: возникновение и развитие римского права в VII–III вв. до н.э.* М., 2006. С.191.

³³⁵ *Inglinga Saga*, X: «Á hans dögum hófst Fróðafriður. Þá var og ár um öll lönd. Kenndu Svíar það Frey... En er Freyr var dauður báru þeir hann leynilega í hauginn og sögðu Svíum að hann lifði og varðveittu hann þar þrjá vetur. En skatt öllum helltu þeir í hauginn, í einn glugg gullinu en í annan silfrinu, í hinn þriðja eirpeningum. Þá hélst ár og friður».

отмеченная Л. Леви-Брюлем. Распространенным является миф о происхождении народа от божественного прародителя. Данный миф выражен во многих архаических преданиях, например, в отраженном в произведении Видукинда Корвейского представлении о том, что германский народ готов получили название по имени своего вождя Гота: «Они называются готами по имени собственного своего вождя Гота»³³⁶. Данное свидетельство Видукинда интересным образом перекликается с упомянутой в произведении Иордана особенностью поклонения готов Одину как «родителю» (Иордан): «геты были восхвалены до такой степени, что говорилось, будто бы некогда Марс, провозглашенный в вымыслах поэтов богом войны, появился именно у них... Этого Марса готы постоянно ублажали жесточайшим культом (жертвою ему было умерщвление пленных), полагая, что возглавителя войн пристойно умиловать пролитием человеческой крови. Ему посвящалась первая добыча, в его честь подвешивали на стволах деревьев трофеи. Готы более, чем другие, проникнуты были религиозным к нему горением, и казалось, что поклонение их воздается родителю (*parenti devotio numinis videretur inpendi*)»³³⁷. Не исключено, что Видукинд транслировал отголоски этой же мифологической традиции, поскольку этимологически наименования Гот, Геат, Гаут восходят к прагерманскому Guth или Guthan – «божество».

Политическая мифология носит более узкий по сравнению с этногенетической и потестарной мифологией характер, является продуктом цивилизации, и возникает в результате интеллектуального синтеза. Данная мифология может носить заказной характер, является продуктом творчества, направлена на решение какой-либо конкретной политической задачи. Политическая мифология активно интегрирует элементы этногенетической и потестарной мифологии, при этом может успешно соседствовать с ними в рамках одного и того же произведения. Характерно, что создатели политической мифологии, как правило, – не жрецы или прорицатели, а, скорее, – интеллектуалы, преследующие определенные политические цели. Примером политического мифа может служить возведение Аврелием Кассиодором правящего остготского рода Амалов через этногенетические мифы к героям античной истории. Другим ярким примером политической мифологии является разработка Вергилием сюжета о происхождении рода Октавиана Августа и Юлия Цезаря от потомков Энея. Сюда же, по всей видимости, относится миф о троянском происхождении королевского рода франков.

В целях верификации высказанной мной гипотезы о правомерности подобного методологического разделения политической, потестарной и этногенетической мифологии в рамках архаического мифологического пространства я предлагаю обратиться к оценкам современников данных произведений, для того, чтобы уточнить, воспринимали ли они их содержание как единое целое, или также осознавали различную природу содержательных

---

³³⁶ Res gestae Saxoniarum I, 18.

³³⁷ Get. 41.

составляющих данных произведений. Прекрасным материалом для анализа является комментарий к Вергилию, выполненный в конце IV века н.э. Мавром Сервием Гоноратом. Комментируя «Энеиду» автор отмечает следующее: «Особенности поэмы ясны... в ней участвуют божественные и человеческие персонажи; она объединяет в себе реальные [события] с вымышленными. Ибо очевидно, что Эней прибыл в Италию. А то, что Венера разговаривает с Юпитером и что послан на землю Меркурий, – это вымысел... Замысел же Вергилия состоит в том, чтобы подражать Гомеру и восхвалить Августа, прославляя его род, ибо он – сын Атии, матерью которой была Юлия, сестра Цезаря. А Юлий Цезарь ведет свое происхождение от Юла, сына Энея, как и подтверждает сам Вергилий: «Имя, происходящее от самого Юла...»³³⁸. Таким образом, Гонорат выделяет в поэме Вергилия, как минимум, три составляющих: достоверную с его точки зрения этногенетическую составляющую предания (прибытие Энея в Италию), вымышленную сакрально-мифологическую (предание о жизни и деяниях различных божеств), политическую составляющую (происхождение рода Юлия Цезаря от потомков Энея). Данный подход литературного критика эпохи поздней античности подтверждает правомерность предложенного разделения архаического мифологического комплекса на несколько составляющих.

В основе образов власти лежат потестарно-мифологические архетипы, понимаемые в рамках настоящего исследования как установки психической деятельности, врожденные и унаследованные формальные условия функционирования образов бессознательного, ассоциируемых с комплексом отношений социального господства и подчинения. Необходимо еще раз подчеркнуть, что «термин «архетип» зачастую истолковывается неверно, как некоторый вполне определенный мифологический образ или мотив. Но последние являются не более чем сомнительными репрезентациями; было бы абсурдным утверждать, что такие переменные образы могли бы унаследоваться. Архетип же является тенденцией к образованию таких представлений мотива, – представлений, которые могут значительно колебаться в деталях, не теряя при этом своей базовой схемы»³³⁹.

Потестарные архетипы, отраженные в мифологических образах богов, как правило, проецируются на образы легендарных героев прошлого, поскольку данные образы также носят глубоко мифологический характер. В связи с этим, эпический материал, содержащий значительный объем мифологической составляющей, является одним из наиболее информативных для выявления архетипического начала образов власти. При рассмотрении архетипов, определяющих формирование образов власти в римской и германской эпической традиции, я опираюсь на типы мифологических фигур (образов,

---

³³⁸ Вергилий. Энеида / Перевод С. Ошерова под ред. Ф. Петровского. Сервий. Комментарии к 'Энеиде' Вергилия / Перевод и прим. Н. Федорова. М.: Лабиринт, 2001.

Электронный текст: ancientrome.ru/antlittr/servius/serv1.htm

³³⁹ Юнг К. Г. Архетип и символ. М., 1991. С. 64–65.

наделенных ключевыми характеристиками), выявленные мной на предыдущем этапе исследования³⁴⁰. В процессе анализа образов власти с применением методов феноменологической редукции и аналитической психологии были выявлены следующие верифицируемые фигуры:

Искатель (проводник) – мифологическая фигура, являющаяся, по всей видимости, проекцией архетипа мужского душевного начала (Анимус). В греческой мифологии данный образ «представлен Гермесом, посланцем богов – в сновидениях он обычно является проводником-помощником»³⁴¹. В памятниках скандинавской мифологической традиции черты фигуры такого рода прослеживаются в образе Одина, отправившегося со своим народом в северные страны, чтобы создать там королевство, а также в образе эпического конунга Свейгдира, давшего обет найти «жилище богов и старого Одина»³⁴², и блуждавшего по свету в поисках данного жилища. Атрибутами данного персонажа являются странствия, поиски, совершение походов. В концептуальном срезе рассматриваемый образ связан с переменами, поиском лучшей участи, различного рода новациями³⁴³.

Одним из ярких эпических героев, носящих на себе отпечаток рассматриваемого архетипа, является «роком ведомый» (*fato profugus*) Эней, которого в течение многих лет носит «по волнам морским и по суше»³⁴⁴. Мотив обретения нового царства «за морем», являющийся лейтмотивом Энеиды³⁴⁵, был очень близок сознанию германцев эпохи Великого переселения народов, в связи с чем сразу вскоре после образования германских «варварских королевств» троянский миф был прочно интегрирован в германские этногенетические и генеалогические предания.

В средневековой культуре данный архетип нередко получает выражение в образах правителей, «призванных из-за моря». В древнерусской летописи данный архетип отражен в образе варяга Рюрика и его спутниках Синеусе и Труворе. В Англосаксонской хронике черты данного архетипа присутствуют в образе английских вождей Хенгеста и Хорса, прибывших в Британию со своими дружинами по приглашению одного из предводителей бриттов. В произведении Иордана данный архетип находит отражение в образе эпических королей Берига, Филимера, под началом которых готы совершили легендарное переселение из Скандинавии в земли Причерноморья.

---

³⁴⁰ См.: Санников С.В. Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов в раннесредневековой западноевропейской историографии. Новосибирск, 2009. С.13–18.

³⁴¹ См. понятие «Анимус» в словаре: Зеленский В.В. Толковый словарь аналитической психологии. М., 2008.

³⁴² *Ynglinga Saga*, X: «*Godheims og Óðins hins gamla*».

³⁴³ Не исключено, на мой взгляд, что потестарный аспект этого образа восходит к эпохе мезолита, когда локальные группы охотников-собирателей совершали продолжительные миграции вслед за мигрирующими стадами животных. Напомню, однако, что историческая обусловленность данного образа не имеет большого значения в связи с тем, что его анализ осуществляется в категориях феноменологических.

³⁴⁴ *Aeneidos* I, 756. Здесь и далее по тексту русскоязычные цитаты приводятся по переводу С. Ошерова под ред. Ф. Петровского

³⁴⁵ *Aeneidos* II, 780; III, 385 и др.

Праведник – фигура восстановителя легитимного порядка, справедливости, получающего помощь сверхъестественных сил. Праведник нередко выступает как носитель справедливого начала на фоне временного господства несправедливости. Как отмечает К.Г. Юнг, «психология не знает, что представляют добро и зло сами по себе; она их знает только как суждения об отношениях. «Добром» является то, что кажется подходящим, приемлемым или ценным с определенной точки зрения, злом – нечто противоположное»³⁴⁶. Праведник выступает таковым на фоне разрушения определенного сакрального порядка, неполноценности существующих отношений. В связи с этим есть основания полагать, что данный образ носит отпечаток архетипа Самости: «Будучи апофеозом индивидуальности, самость имеет атрибуты единственности и единовременности. Но поскольку психологическая самость представляет собой трансцендентальное понятие, охватывающее совокупное содержимое и сознания, и бессознательного, оно поддается описанию только в терминах антиномий»³⁴⁷. Праведность, таким образом, противопоставляется порочности, беззаконию, нарушению порядка.

В образе Энея явно представлены черты фигуры праведника, – во многих фрагментах произведения герой зовется «благочестивый Эней»³⁴⁸. Праведность Энея заключается в следовании воле высших сил, исполнении замысла богов, что является залогом успеха в преодолении выпавших на его долю испытаний. В германской культуре данный архетип прослеживается как в эпических произведениях, восходящих к дохристианской культуре (например, в Беовульфе – своеобразном кодексе чести германской знати), так и в христианской историографии эпохи Великого переселения народов (в полной мере данный архетип прослеживается в образе Хлодвига в произведении Григория Турского «История франков»).

Герой – одна из наиболее значимых фигур, прослеживаемых в эпосе и потестарной мифологии, неоднократно привлекавшая внимание исследователей политической мифологии³⁴⁹. Одним из первых роль «героя» в качестве носителя власти осветил в своем фундаментальном исследовании Т. Карлайл³⁵⁰. Большой интерес представляет влияние различных архетипов на формирование потестарно-мифологической фигуры «героя». В сфере бессознательного фигура героя испытывает, на мой взгляд, отпечаток архетипа Тени – стихийно-инстинктивного, темного начала человеческой психики. Героическое начало нередко связано с пробуждением в человеке животной составляющей, что повергает окружающих в состояние ужаса: «Один мог сделать так, что в бою

³⁴⁶ Юнг К.Г. Aion. Исследование феноменологии самости. М., 1997. (Глава «Христос, символ самости»).

³⁴⁷ Там же.

³⁴⁸ Aeneidos I, 305; I, 378; IV, 393; XII, 310 и др.

³⁴⁹ Щербинина Н.Г. Героический миф в конструировании политической реальности России. Автореферат диссертации доктора политических наук (на правах рукописи). Москва, 2008. Чернышев Д.А. Архетип героя в контексте изучения политической мифологии: один из важнейших инструментов управления обществом. Электронная публикация: www.ulsu.ru/departments/centres/coach/quastion/2008/chern.doc

³⁵⁰ Carlyle T. On Heroes, Hero Worship, and the Heroic in History. New York, 1866.

его недруги становились слепыми или глухими или наполнялись ужасом, а их оружие ранило не больше, чем хворостинки, и его воины бросались в бой без кольчуги, ярились, как бешеные собаки или волки (*sem hundar еда vargar*), кусали свои щиты, и были сильными, как медведи или быки (*sem birnir еда gríðungar*). Они убивали людей, и ни огонь, ни железо не причиняли им вреда»³⁵¹. Весьма сходный характер имеет описание действий воинов Энея при обороне Трои: «Яростью я их зажег. И вот, точно хищные волки / В черном тумане, когда ненасытной голод утробы / Стаю вслепую ведет, а щенки с пересохшею глоткой / Ждут по логовам их,— мы средь вражеских копий навстречу / Гибели верной бредем по срединным улицам Трои»³⁵². В связи с этим, уместно вспомнить высказывание К.Г. Юнга о том, что «все архетипы имеют как позитивную, благоприятную, светлую сторону, которая указывает вверх, так и ту, которая указывает вниз — частично негативную и неблагоприятную, частично хтоническую, но в остальном просто нейтральную»³⁵³.

Согласно мнению Дж.Хендерсена, фигуре героя на определенных этапах его жизненного пути также соответствует архетип трикстера³⁵⁴. Весьма ярко черты трикстера прослеживаются, на мой взгляд, в образе конунга Грама, добывающегося руки и сердца дочери шведского конунга в обличье великана: «Он прибыл в Готланд и пугал людей по пути, шагая в козлиных кожах, обмотанный пёстрыми шкурами животных и держа в правой руке ужасное оружие, таким образом изображая одеяние великана»³⁵⁵. Не менее явно данные черты прослеживаются и в других деяниях этого конунга: «Он объявлял войну Сумбли, конунгу финнов, но когда он положил глаз на дочь конунга, Сигню, он сложил свое оружие, превратившись из противника в поклонника, и, обещая убраться со своей собственной женой, он обещал клятвы с нею. Но, тотчас занявшись войной с Норвегией, которую он поднял против Свипдага конунга за возвращение его сестры и его дочери, он получил известие от посыльного о предательстве Сумбли, что обещал Сигню в замужество Хенрику, государю саксов. Тогда, любя более деву, чем воинов своих, он оставил свою армию, упорно ведя путь в Финляндию, и ворвался на свадьбу, которая была уже начата. Приняв облик крайней подлости, он уселся бесславно за стол. Когда спросили, что его принесло, он назвал лиходейство. Наконец, когда все были

---

³⁵¹ Ynglinga Saga, VI: «Óðinn kunnir svo gera, að í orustu urðu óvinir hans blindir еда daufir еда óttafullir en vopn þeirra bitu eigi heldur en vendir en hans menn fóru brynjulausir og voru galnir sem hundar еда vargar, bitu í skjöldu sína, voru sterkir sem birnir еда gríðungar. Þeir drápu mannfólkið en hvorki eldur né járn orti á þá».

³⁵² *Aeneidos* II, 355–382: «sic animis iuuenum furor additus. inde, lupi ceu / raptorez atra in nebula, quos improba uentris / exegit caecos rabies catulique relictis / faucibus exspectant siccis, per tela, per hostis / uadimus haud dubiam in mortem mediaeque tenemus urbis iter».

³⁵³ Юнг Карл Густав. Душа и миф. Шесть архетипов/ Сост. В.И. Менжулина. Пер. В.В.Наукманова под общ. ред. А.А.Юдина. Киев, 1996. С.308.

³⁵⁴ Sallie Nichols. Jung and Tarot: an archetypal journey. Weiser, 1980. P.32.

³⁵⁵ Saxo Grammaticus, I, 4. «Inita Gothia cum deturbandorum obuiorum gratia caprinis tergoribus amictus incederet ac variis ferarum pellibus circumactus horrificumque dextra gestamen complexus giganteas simularet exuvias». Русскоязычный перевод здесь и далее по тексту приводится по электронной публикации: <http://norse.ulver.com/person/tild/dd01.html>

пьяны, он пристально взглянул на деву, и среди веселого пира, глубоко проклял переменчивость жен и громко хвалил свои собственные доблестные деяния»³⁵⁶.

Влияние архетипа младенца на мифологическую фигуру героя получает выражение в эпическом образе конунга данов Скильда Скевинга: «Первый – Скильд Скевинг / войсководитель / не раз отрывавший /вражьи дружины / от скамей бражных / За все, что он выстрадал / в детстве, найденыш / ему воздалось»³⁵⁷. Сходное влияние может быть отмечено в образе короля лангобардов Ламиссио, который младенцем был найден в пруду, а затем принят в королевский дом³⁵⁸. В последующих главах будет продемонстрировано, как средневековые авторы проецируют архетип ребенка при формировании героического образа носителя королевской власти, как правило, через констатацию его «чудесного происхождения».

Фигура героя во многих своих аспекта близка фигуре праведника, но что указывает соседство данных ипостасей в образе Энея: «Нашим царем был Эней: справедливостью, храбростью в битвах / И благочестьем никто не мог с ним в мире сравниться»³⁵⁹; «О троянский герой, вознесен ты молвою, но выше / Мощью в бою вознесен! Чему нам прежде дивиться, / Что прославлять: справедливость твою или подвиг твой трудный?»³⁶⁰. Необходимо отметить, что фигура «героя» во многих случаях также близка фигуре «защитника», однако, данные образы не тождественны, что вполне прослеживается на примере тандема Хродгар (защитник) – Беовульф (герой).

Влияние мифологической фигуры «героя» на формирование образа политического лидера является весьма значительным в эпоху Великого переселения народов, что прослеживается, в частности, на примере произведении Иордана, в котором архетип «героя» ярко выражен в образе германского вождя Фритигерна, который вступил в неравную вооруженную борьбу с римлянами, и привел свой народ к победе. Характерно, что сам Иордан называет Фритигерна «героем»³⁶¹, и отмечает, что его деяния воспевались германцами в песнях, т.е. стали сюжетом героического эпоса.

Мудрец (мудрый старец) – образ, являющийся манифестацией архетипа Духа (Смысла). Данный архетип прослеживается в германском потестарно-мифологическом образе бога и эпического конунга шведов Одина как носителя сакрального знания, дававшего ему власть над живыми и

³⁵⁶ Ibid. «Adversus Sumblum Phinnorum regem bellum professus ad aspectum filiae eius Signes depositis armis ex hoste procus evasit eamque promisso coniugis suae repudio pactus despondit. Quam cum bello Norvagico, quod adversum Suibdagerum regem ob sororis filiaeque stuprum susceperat, admodum occupatus Saxoniae regi Henrico Sumbli perfidia in matrimonium promissam nuntio didicisset, propior virginis quam militum caritati relicto exercitu tacitus in Phinniam contendit inchoatisque iam nuptiis superveniens extremae vilitatis veste sumpta despicibili sedendi loco discubuit. Rogatus quidnam afferret, medendi sollertiam profitetur. Ad postremum, omnibus ebrietate madentibus, puellam intuens mediis perstreptentis convivii gaudiis per summam femineae levitatis execrationem maximamque virtutum suarum gloriationem indignationis magnitudinem huiusmodi carmine patefecit».

³⁵⁷ Beowulf, 1–10.

³⁵⁸ Paulus.Diaconus. Historia langobardorum. I, 15.

³⁵⁹ Aeneidos I, 544–545

³⁶⁰ Aeneidos XI, 124–125

³⁶¹ Get.43: «quales vix heroas fuisse miranda iactat antiquitas».

мертвыми³⁶². Элементами данного образа являлась способность понимать язык животных, разговаривать с мертвыми и представителями других миров, учить, а также давать законы. Как отмечает К.Г. Юнг, «для достижения своих целей он, как правило, пользуется помощью животных, в особенности птиц»³⁶³. Образ мудрого старого правителя широко эксплуатируется в эпосе «Беовульф», в которой мудрость (*frod*) выступает одной из составляющих сакральной харизмы конунга³⁶⁴.

В «Энеиде» данный архетип представлен фигурой «родителя Анхиза»³⁶⁵, отца Энея, после смерти которого Эней принимает на себя многие его функции. Самому Энею, имеющему божественное происхождение, приписывались сверхъестественные способности понимать язык птиц и толковать знамения богов: «Трои сын, глашатай богов! Ты Фебову волю / Видишь в движенье светил, в треножниках, в лаврах кларийских, / Птиц ты знаешь язык и приметы проворных пернатых»³⁶⁶. Эней выступает мудрым устройтелем нового мира для потомков троянцев: «Быстрые наши суда уж давно стояли на суше, / Свадьбы справлять начала молодежь и вспахивать нивы, / Я же строил дома и законы давал»³⁶⁷.

Влияние данного архетипа на средневековых авторов можно проследить на примере произведения Иордана «О происхождении и деяниях гетов», в котором автор упоминает легендарного короля остготов Германариха, дожившего, согласно свидетельству Иордана, до 110 лет, и подчинившего себе другие племена «умом своим и доблестью» (*prudentia et virtute*), а также заставившего их подчиняться его законам³⁶⁸. Как отмечали исследователи, Иордан завывшал древность письменного права остготов, упоминая о подчинении различных племен законам Германариха³⁶⁹, что может, по всей видимости, рассматриваться как одно из свидетельств эксплуатации Иорданом архетипа «мудрого старца» при формировании данного образа³⁷⁰.

Жертва – специфический потестарно-мифологический образ, являющийся одним из возможных выражений архетипа Самости. Жертва выступает как некое наполнение, завершение жизненного пути фигуры Праведника. Одной из ранних форм выражения данного архетипа может считаться образ скандинавского бога Одина, принесенного в жертву самому

³⁶² Ynglinga Saga, II–V.

³⁶³ Юнг К.Г. Структура психики и архетипы... С.153.

³⁶⁴ Beowulf, 196, 1306, 1318, 2209 и др.

³⁶⁵ Aeneidos III, 525.

³⁶⁶ Aeneidos III, 359–361

³⁶⁷ Aeneidos III, 134–136

³⁶⁸ Get. 120.

³⁶⁹ Более подробно точку зрения Е.Ч. Скржинской см.: Иордан. О происхождении и деяниях гетов. СПб., 1997. С.236; мнение А.И. Неусыхина см.: там же. С.467.

³⁷⁰ Характерно, при этом, что сама парадигма власти как подчинения законам властителя вполне могла быть воспринята Иорданом из римской культуры. Ср. фрагмент Энеиды (IV, 230): «Правил средь грома боев и от крови Тевкра высокой / Род произвел и весь мир своим подчинил бы законам (ac totum sub leges mitteret orbem)».

себе³⁷¹. Сюжет с принесением конунгов в жертву в отдельных случаях выражен эксплицитно, как в случае с эпическим шведским конунгом Домальди, которого принесли в жертву на собрании хёвдингов в Уппсале, возложив на конунга вину за неурожайный год³⁷². В других случаях потестарно-мифологический архетип «жертвы» прослеживается по вторичным признакам, таким, как нелепость обстоятельств гибели эпического конунга, как, например, в случае гибели шведского конунга Ванланди, которого насмерть затоптала финская колдунья, конунга Агни, повешенного за свое шейное украшение (гривну) на дереве, или конунга Фьельнира, утонувшего в чане с медовухой.

В «Энеиде» рассматриваемый архетип ярко представлен в образе последнего троянского царя Приама, принявшего смерть на жертвеннике во время взятия Трои врагами³⁷³. В средневековой культуре образ жертвы является достаточно распространенным, учитывая высокую смертность в военно-аристократической среде, мифологичность восприятия власти, сакральность фигуры правителя в традиционном сознании³⁷⁴. В произведении Иордана рассматриваемый образ прослеживается в неоднократных упоминаниях о гибели конунгов при падении с коня или под копытами коней, сопровождавшихся многолетним оплакиванием погибшего конунга. Оценивая мифологическую составляющую данных сюжетов, необходимо упомянуть, что, согласно свидетельству Тацита, среди германских народов кони считались не просто священными животными, но «посредниками богов»³⁷⁵. Присутствующий в рамках германской эпической традиции сюжет о принятии смерти от коня, таким образом, может рассматриваться как вариация на тему жертвоприношения, и свидетельствует, на мой взгляд, о реализации архетипа «жертвы».

Защитник (Родитель) – фигура, черты которой формируются в результате интеграции архетипов Анимуса (мужской манифестации правителя) и проекции Анимы («Царство Божие», «земля обетованная»). Наиболее завершенной формой выражения данных черт может считаться упомянутый К.Г. Юнгом миф о «золотом веке»³⁷⁶, в рамках которого правитель опекает своих подданных. Совпадение функций защитника и оплодотворителя земли

³⁷¹ Havamal, 138: «Veit ek, at ek hekk vindgameiði á nætr allar níu, geiri undaðr ok gefinn Óðni, sjalfr sjalfum mér».

³⁷² Ynglinga Saga, XV.

³⁷³ Aeneidos II, 550–553.

³⁷⁴ О распространенности образа правителя–«страстотерпца» в средневековой культуре см.: Николаева И.Ю., Мухин О.Н. Власть в традиционных обществах: психосоциальная и культурная символика // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. Краеведение. Археология. Этнография. № 288. Томск, 2005. С.30–36.

³⁷⁵ Цит.по: Тацит Публий Корнелий. Анналы. Малые произведения. История. М., 2001. С.463. Сакрализация германцами коней связана, по всей видимости, с древними индоевропейскими культами, восходящими к эпохе кочевничества (ср. сакрализацию коровы в индийских культах).

³⁷⁶ Необходимо отметить блестящее исследование Ю.Г. Чернышова, посвященное комплексу мифов о «Золотом веке» в Древнем Риме: Чернышов Ю.Г. Социально–утопические идеи и миф о “золотом веке” в Древнем Риме. Изд. 2–е, испр. и доп. Ч. 1. До установления принципата. Новосибирск, 1994. Чернышов Ю.Г. Социально–утопические идеи и миф о “золотом веке” в Древнем Риме. Изд. 2–е, испр. и доп. Ч. 2. Ранний принципат. Новосибирск, 1994.

прослеживается в образе бога Одина как эпического конунга Швеции, который должен был «защищать страну и приносить жертвы за урожайный год»³⁷⁷. В данном случае весьма показательно сращивание функций защитника и оплодотворителя земли (родителя), в одном мифологическом образе. Весьма интересна проекция отца (оплодотворителя) на Энея, который во многих фрагментах произведения награждается именем *pater*³⁷⁸.

Представление о верховном правителе как о защитнике является глубоко укорененным в традиционном сознании, на что указывает «большое количество эпитетов, выражающих идею защиты, покровительства», среди которых *leod gebyrgea* («защитник народа» – 269), *helm* («защитник, шлем» – 371, 456), *eodor* («охранитель» – 428, 663), *folces hyrde* («пастырь народа» – 610), *epelweard* («хранитель племени» – 2210), *folces weard* («страж народа» – 2513) и др.»³⁷⁹. В средневековой историографии, фигура «защитника» четко прослеживается, например, в образе эпического короля Остроготы, при котором готы «счастливы и мирно жили в своей стране (*in patria feliciter in pace versantur*) до тех пор, пока жив был вышеупомянутый их Острогота»³⁸⁰. Архетип Анимуса нередко формирует образ верховного правителя, являющегося источником плодородия земли и богатства народа, в том числе, посредством своих выдающихся сексуальных способностей. Данный архетип наиболее ярко выражен в образе мифологического конунга Ингви (Фрейра), который считался в древней Скандинавии богом плодородия³⁸¹.

---

³⁷⁷ Ynglinga Saga, VIII: «... verja land þeirra fyrir ófriði og blóta þeim til árs».

³⁷⁸ Aeneidos V,358; V,827; V,868 и др.

³⁷⁹ Мельникова Е.А. Меч и лира. Англосаксонское общество в истории и эпосе. М., 1987.

³⁸⁰ Get. 100.

³⁸¹ Ynglinga Saga, X.

§ 2. Правовые и философские источники представлений раннесредневековых авторов об идеальном правлении

Культурное наследие германских «варварских королевств» V–VII вв. может рассматриваться в качестве одного из ярких примеров рецепции достижений античной мысли в европейской истории. Отечественные и зарубежные авторы уже неоднократно обращались к анализу различных аспектов данного феномена³⁸², однако, многие связанные с ним вопросы остаются недостаточно изученными, в частности, – вопрос о философских и правовых источниках раннесредневековых представлений об идеальной форме правления и качествах идеального правителя.

Одним из основных источников, традиционно привлекаемых для изучения политической культуры германских «варварских королевств», являются «*Variarum libri*» Флавия Кассиодора³⁸³, содержание которых представляет особенную ценность в связи с тем, что отражает аутентичные категории официального политико-правового и административного дискурса рассматриваемой эпохи. К проблеме философского влияния на политические воззрения Флавия Кассиодора обратился в своей недавней статье П.П. Шкаренков, справедливо отметив, что на идеи и представления Кассиодора «сильнейшее влияние оказала античная политическая теория и философская традиция неоплатонизма, столь популярная в позднем Риме»³⁸⁴. Соглашаясь в полной мере с данным выводом автора, отмечу, что вопрос о философских и правовых источниках раннесредневековых представлений об идеальной форме правления и качествах идеального правителя, отраженных, в том числе, в посланиях Флавия Кассиодора, требует, по всей видимости, дальнейшего изучения. Как отмечает М. Колиш, «Институции» и переводы Кассиодора демонстрируют его глубокое знакомство с большей частью языческой и христианской литературы его времени»³⁸⁵, что дает основание предположить наличие широкого круга идей, заимствованных автором из античной культуры.

В рамках данного раздела представляется целесообразным рассмотреть один из аспектов рассматриваемой проблемы – характер представлений о «справедливом» правлении, образ которого формируется в посланиях Флавия Кассиодора. В *Variarum* первое упоминание о такого рода правлении встречается в послании короля Теодориха римскому императору Анастасию, составленном

---

³⁸² Библиография работ представлена в исследованиях: Уколова В.И. Античное наследие и культура раннего средневековья : (конец V – середина VII века) / В. И. Уколова ; отв. ред. Л.С. Чиколини. М., 1989. Шкаренков П.П. Образ власти на рубеже античности и средневековья: от империи к варварским королевствам. Диссертация доктора исторических наук (на правах рукописи). М., 2009.

³⁸³ Cassiodori Senatoris *Variarum*, *Monumenta Germaniae Historica, Auctorum Antiquissimorum Tomus XII*, Berlin, Weidmann, 1894. 599 с. (Далее по тексту – *Variarum*). Электронная версия: http://bsb.dmggh.de/dmggh_new/

³⁸⁴ Шкаренков П.П. Римская традиция образа идеального правителя в Остготской Италии // Вестник древней истории. 2008. № 4. С.162.

³⁸⁵ Colish M.L. *The Stoic Tradition from Antiquity to the Early Middle Ages*. Leiden, 1990. P.249.

Кассиодором: «Посему, благочестивейший принцепс, согласуется с Вашим могуществом и честью, чтобы мы искали согласия с Вами, от чьей любви мы настолько преуспели. Вы являетесь прекраснейшим украшением всех королевств, Вы – спасительный оплот всего мира, к которому по праву обращены взоры прочих властителей, которые находят в Вас нечто исключительное, – мы более всех (их), с божественной помощью изучив в Вашем государстве, как править римлянами в соответствии со справедливостью»³⁸⁶. В приведенном фрагменте обращает на себя внимание используемое автором выражение «правление в соответствии со справедливостью» (*aequabiliter imperare*), – сходные сентенции присутствуют в составленном Кассиодором послании королевы Амаласвенты сенату города Рима, в котором восхваляется «книжное знание» (*eruditio litterarum*), «которое превосходно улучшает природное достоинство»: «Там разумный найдет, как стать мудрее; воин узнает, как укрепить доблесть души; а правитель получит знание, каким образом управлять народом в соответствии со справедливостью (*sub aequalitate*)»³⁸⁷. Принимая во внимание то, с какой настойчивостью Кассиодор подчеркивал в своих посланиях сходство между образом остготских правителей и римского императора³⁸⁸, становится очевидно, что упоминаемое им правление «в соответствии со справедливостью» является частью модели государственного управления, которое соответствует в представлении Кассиодора традициям римской государственности.

Рассматривая вопрос об интеллектуальных источниках представлений о рассматриваемой форме государственного управления, необходимо отметить, что в римской философской и правовой традиции существовало несколько значений понятий *aequitas*, *aequum*³⁸⁹. В контексте настоящего исследования особенное значение, вероятно, имеют следующие:

1. Соответствующее праву. В данном контексте это понятие употребляется в известном изречении Цельса («...право (*ius*) есть наука о добром и справедливом (*ars boni et aequi*)»)³⁹⁰, а также в работах Марка Туллия Цицерона («Гражданское право (*ius civile*) – это установленная справедливость (*aequitas constituta*) в отношении тех, кто принадлежит одной гражданской общине (*qui eiusdem civitatis sunt*)»)³⁹¹; «...[Ничто не было в такой мере] признаком царской власти, как проявление справедливости (*explanationem aequitatis*)»³⁹²). Рассматриваемое понимание категории «справедливости», вероятно, является древнейшим, поскольку прослеживается уже в работах

---

³⁸⁶ *Variae* I, 1.

³⁸⁷ *Variae* X, 3.

³⁸⁸ Шкаренков П.П. Римская традиция образа идеального правителя в Остготской Италии // Вестник древней истории. 2008. № 4. С.166.

³⁸⁹ Paulys Realencyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft. Erster Band Aal–Apollokrates. Stuttgart, 1894. P.598–605.

³⁹⁰ Дигесты Юстиниана. Том 1. Книги 1–4. Перевод с латинского. Отв. ред. Л.Л.Кофанов. М., 2002. С.73.

³⁹¹ Цит. по: Дождев Д.В. Римское частное право. Учебник для вузов. М., 1996. С.30.

³⁹² Цицерон. Диалоги: О государстве. О законах. / Пер. В. О. Горенштейна, прим. И. Н. Веселовского и В. О. Горенштейна, ст. С. Л. Утченко. Отв. ред. С. Л. Утченко. М., Наука. 1966. С.76.

Платона: «Установления закона и получили имя законных и справедливых – вот каково происхождение и сущность справедливости»³⁹³. Употребление понятия *aequum* в указанном контексте встречается и у Кассиодора («...справедливым считается тот, кто судит по праву»³⁹⁴).

2. Соответствующее принципам справедливости и гуманности. Развитие данного употребления термина отмечено в работе Д.В.Дождева: «Если прежде *ius* и *aequum* были синонимами и «*aequum est*» означало «*ius (iustum) est*», выражая идею нормального, правильного, соответственного, – то теперь *ius* воспринимается как нечто установленное и жесткое, что может не всегда отвечать естественному порядку вещей, тогда как «*aequum*» получает этический оттенок смысла и выступает в сочетании «*bonum et aequum*» («доброе и справедливое»)»³⁹⁵. Весьма характерным, на мой взгляд, может считаться дуализм категорий справедливости и законности, получающий отражение в мифологической паре Дикэ (Δίκη) – Эвномия (Εὐνομία). Для римской культуры характерно аналогичное разделение персонифицированных категорий «*Aequitas*» (справедливость) и «*Iustitia*» (правосудие), которое получило отражение в развитии соответствующих мифологических образов, изображавшихся на римских монетах в виде женских фигур с соответствующими каждой из них атрибутами – весами и рогом изобилия (*Aequitas*) или жертвенным сосудом и посохом (*Iustitia*). Представление о суровости справедливости, основанной на применении закона (*iustitia*), транслируется в средневековой энциклопедической литературе, в частности, в работах Исидора Севильского: «Королевскими достоинствами в особенности являются два: справедливость (*iustitia*) и милосердие (*pietas*) – но милосердие более почитаемо в королях, поскольку правосудие само по себе сурово»³⁹⁶. В посланиях Аврелия Кассиодора также присутствуют фрагменты, в которых прослеживается четкое различие понятий *aequitas* и *iustitia*: «Принимай решение для общего блага согласно правосудию (*iustitiae*), поскольку тот, кто полагается только на справедливость (*aequitatem*), не беспристрастен»³⁹⁷.

3. Соответствующее природе. В этом значении данное понятие неоднократно употребляется в «Дигестах» Юстиниана («Ибо отвечает требованиям природы (*natura aequum est*), чтобы никто не обогащался за счет ухудшения положения другого»³⁹⁸; «...нет ничего столь же соответствующего естественной справедливости (*natural aequitati*), как придать юридическую силу воле собственника, желающего перенести свою вещь на другого»³⁹⁹). Для уточнения вопроса о том, могло ли сходное понимание термина применяться

³⁹³ Платон. Собрание сочинений. / Под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. Т.3. М., 1994. С.118.

³⁹⁴ *Variae* I. 3.

³⁹⁵ Дождев Д.В. Римское частное право. Учебник для вузов. М., 1996. С.29.

³⁹⁶ *Isidori Hispalensis Episcopi Etymologiae sive Originum libri*. IX, 3. Электронный адрес: http://www.hs-augsburg.de/~harsch/Chronologia/Lspost07/Isidorus/isi_et00.html

³⁹⁷ *Variae* III, 13.

³⁹⁸ Цит. по: Дождев Д.В. Римское частное право. Учебник для вузов. М., 1996. С.46.

³⁹⁹ Цит. по: Дождев Д.В. Римское частное право. Учебник для вузов. М., 1996. С.380.

им в отношении государственного устройства, необходимо отметить, что в римской философской традиции наблюдалось две различные позиции по вопросу о соотношении природы и государства. Более ранняя, восходящая к учению Платона и Аристотеля, представлена, в частности, в работах Цицерона. В соответствии с данной концепцией, государство является прямым продолжением природного устройства: «Ничто так не соответствует праву и естественному порядку (*ius condicionemque naturae*), как империй (*imperium*), без которого не могут держаться ни дом (*domus*), ни гражданская община (*civitas*), ни народ (*gens*), ни человечество (*hominum universum genus*) в целом, ни вся природа (*res rerum natura*), ни сама вселенная. Ибо и вселенная повинуетя божеству, и ему покорны и моря, и суша, к жизнь людей подчиняется велениям высшего закона»⁴⁰⁰.

Другая, более поздняя, традиция, представленная в работах юристов начала III в. н.э., четко дифференцирует социальное и природное начало. В соответствии с этой традицией «основание царств» введено «правом народов», которым, в свою очередь, «пользуются народы человечества», – «можно легко понять его отличие от естественного права: последнее является общим для всех животных, а первое – лишь для людей (в их отношениях) между собой»⁴⁰¹. Объяснить произошедшее изменение в понимании римскими мыслителями сущности государства и проблемы его происхождения можно, на мой взгляд, в свете административной реформы императора Каракаллы (*Antoniniana constitutio de civitate*), в результате которой все свободные жители римских провинций получили римское гражданство. Наделение гражданскими правами бывших перегринов (значительная часть которых отождествлялась с «варварами») требовало от римских юристов выработки принципиально нового взгляда на естественные права людей неримского происхождения, что стало возможным благодаря тезису о природном правовом равенстве всех людей.

В работах Аврелия Августина, знакомых Кассиодору⁴⁰², проблема связи государства с природой получает новую, христианскую, интерпретацию – несмотря на то, что государство, согласно точке зрения Августина, противоречит природе и является следствием дефекта человеческой воли, возникшего в результате грехопадения, государство является необходимым для наставления грешников, поскольку социальное неравенство является средством удержания несвободных от дурных поступков: «...несправедливо, чтобы одни люди были в рабстве у других людей, владычествующих над ними; однако, если несправедливости этой не станет придерживаться повелевающее государство, чья страна обширна, то оно не сможет управлять провинциями. От лица справедливости был дан ответ: это справедливо потому, что таким людям рабское состояние полезно и что это делается им на пользу, когда делается

⁴⁰⁰ Цицерон. Диалоги: О государстве. О законах. / Пер. В. О. Горенштейна, прим. И. Н. Веселовского и В. О. Горенштейна, ст. С. Л. Утченко. Отв. ред. С. Л. Утченко. М., Наука. 1966. С.133–134.

⁴⁰¹ Дигесты Юстиниана. Том 1. Книги 1–4. Перевод с латинского. Отв. ред. Л.Л.Кофанов. М., 2002. С.73.

⁴⁰² Colish M.L. The Stoic Tradition from Antiquity to the Early Middle Ages. Leiden, 1990. P.249.

разумно; то есть, когда у бесчестных людей отнимут возможность совершать беззакония, то угнетенные окажутся в лучшем положении, между тем как они, не будучи угнетены, были в худшем»⁴⁰³. Данная концепция получит распространение в средневековой литературе, – в частности, в работах Исидора Севильского сущность государства рассматривается в сходном ключе: «И вот почему у народов избираются правители и короли (*principes regesque electi sunt*): чтобы через внушение страха удерживать своих людей от зла, и через подчинение законам направить их к праведной жизни»⁴⁰⁴. «Короли получили свое название от правления (*reges a regendo vocati*)... но не правит тот, кто не направляет (*non corrigit*): потому имя короля удерживается теми, кто поступает праведно (*recte... faciendo*), и утрачивается теми, кто совершает грех (*peccando*)»⁴⁰⁵.

Для христианских мыслителей средневековья сохраняет значение связь между идеей «римской свободы» и идеального государства, что прослеживается на примере трансляции отдельных аспектов «римского мифа» и олицетворения идеалов «римской свободы». В послании понтифика Григория Великого встречается, в частности, следующее утверждение: «... в этом состоит разница между королями племен и императорами Рима, – что короли племен являются властителями рабов, – а императоры Рима – властителями свободных людей»⁴⁰⁶. Сходный дискурс прослеживается в риторике Кассиодора: «Возвращаясь к древней свободе (*antiquam libertatem*), облачитесь в одеяния римских нравов, оставьте варварство, удалите свирепость помыслов: при справедливости (*aequitate*) нашего времени не к лицу вам вести образ жизни, согласно чужим обычаям... Примите постепенно правовые обычаи (*iuridicos mores*), пусть [вас] не стесняет новизна того, что проверено [временем]. Ведь что может быть счастливее, чем люди, полагающиеся только на законы, и не страшась прочего? Публичные права (*iura publica*), без сомнения, являются облегчением человеческой жизни, союзниками слабых, сдерживателями сильных»⁴⁰⁷. Понятие *aequitas*, ассоциируемое Кассиодором с состоянием свободы (*libertas*), очевидно, употребляется автором в контексте правовой защищенности и соответствия образа жизни требованиям законодательства. Соотношение свободы и законности можно проследить у Кассиодора и в следующем фрагменте: «Мы желаем жить по праву римлян (*iure Romano*), которых мы защищаем оружием, и мы не менее заинтересованы в сохранении морали, чем это возможно в условиях войны. Иначе в чем польза того, чтобы сбросить варварский беспорядок, если не жить по законам (*vivatur*

---

⁴⁰³ Цицерон. Диалоги: О государстве. О законах. / Пер. В. О. Горенштейна, прим. И. Н. Веселовского и В. О. Горенштейна, ст. С. Л. Утченко. Отв. ред. С. Л. Утченко. М., Наука. 1966. С.65.

⁴⁰⁴ *Isidori Hispalensis Sententiae*, III, 47. Электронный адрес:

http://www.hs-augsburg.de/~harsch/Chronologia/Lspost07/Isidorus/isi_se00.html

⁴⁰⁵ *Isidori Hispalensis Episcopi Etymologiarum sive Originum libri*. IX, 3. Электронный адрес: http://www.hs-augsburg.de/~harsch/Chronologia/Lspost07/Isidorus/isi_et00.html

⁴⁰⁶ Цит. по: Barnish S.J.B. *Cassiodorus: Variae*. Liverpool, 1992. P.27.

⁴⁰⁷ *Variae* III, 17.

ex legibus)?... Права не должны нарушаться при господстве справедливости (imperante iustitia), ни защитник свободы (libertatis defensor) не должен оказывать поддержки беглым рабам»⁴⁰⁸. Сопоставление представленных фрагментов позволяет сделать вывод о том, что в представлении Кассиодора господство aequitas гармонично дополняет господство iustitia в государственной политике, отражая совершенную форму отношений правителя и его подданных. Подобная гармония ярко выражена в послании короля Теодориха комиту Колоссию: «Оберегай справедливость (aequitatem), доблестно защищай невиновность души, чтобы иметь возможность среди дурных обычаев [других] народов проявлять правосудие (iustitiam) готов»⁴⁰⁹.

Представления Аврелия Кассиодора о «справедливом» правлении, при котором свобода граждан соседствует с соблюдением принципов законности и справедливости, испытывают на себе влияние интеллектуального наследия различных школ и направлений, среди которых, по всей видимости, классическая греческая философия⁴¹⁰, стоическая философия⁴¹¹, а также ряд концепций римского права классического и постклассического периодов⁴¹². Данное исследование может считаться, скорее, постановкой проблемы, однако, уже на данном этапе можно сделать вывод о том, что идеальный образ власти, отраженный в посланиях Кассиодора, соответствует глубоким правовым и философским традициям, многие из которых восходят к эпохе «золотого века» римского права и античной философии.

---

⁴⁰⁸ *Variae* III, 43.

⁴⁰⁹ *Variae* III, 23.

⁴¹⁰ Одним из первых к проблеме связи государства с идеей справедливости обратился, по всей видимости, Сократ. В работах Платона данной связи придается большое значение: «Мы основываем это государство, вовсе не имея в виду сделать как-то особенно счастливым один из слоев его населения, но, наоборот, хотим сделать таким все государство в целом. Ведь именно в таком государстве мы рассчитывали найти справедливость, а несправедливость, наоборот, в наихудшем государственном строе» [Платон. Собрание сочинений. / Под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. Т.3. М., 1994. С. 189]. Еще более четко эта мысль оформлена в работах Аристотеля: «Понятие справедливости связано с представлением о государстве, так как право, служащее мерилom справедливости, является регулирующей нормой политического общения» [Аристотель. Сочинения. / Под общ. ред. А. И. Доватура. Т.4. М., 1983. С.380].

⁴¹¹ В произведении одного из последних наиболее влиятельных стоиков Марка Аврелия, в частности, отражено представление «о государстве (πολιτεία), с законом, равным для всех, где признаются равенство и равное право на речь», также о «единодержавии (βασιλεία), которое всего более почитает свободу подданных» [Марк Аврелий. Размышления. / Пер. С. Роговина; послесловие С. Котляревского. М., 2008. С. 9].

⁴¹² Прежде всего, в части семантики и соотношения понятий aequitas и iustitia.

§ 3. Цивилизационные аспекты формирования образов власти: от проблемы «варварства» к «искусству грамматики»

В рамках различных культур можно обнаружить наличие сходных понятий, содержание которых отражает представление о состоянии «цивилизованности» и «варварства». Эти понятия трансформируются и эволюционируют, но не утрачивают своего определяющего значения для идентификации культуры. Этот аспект удачно подчеркнут в тезисе датского антрополога Х. Дриссена о том, что «каждое общество, которое считает себя цивилизованным, нуждается в модели варварства...»⁴¹³. Примером тому может служить активное обращение к проблеме «варварства» в эпоху т.н. «Остготского Возрождения», поиск путей переосмысления проблемы в контексте взаимодействия культур.

Для носителей остготской государственной идеи отправным моментом являлось восприятие римской культуры и отказ от «варварского» образа, с которым традиционно отождествлялся германский мир. Так, в послании Теодориха к Гундобаду, королю Бургундов, Теодорих пишет: «Известно, что при Вас Бургундия вещи изысканнейшие лицезреет, изобретения древних восхваляет: Вашими усилиями оставляет варварский образ жизни (*propositum gentile deponit*), и благодаря мудрости своего короля приобщается достижениям разумнейших»⁴¹⁴. В данном фрагменте «вещи изысканнейшие»⁴¹⁵ (*res subtilissimae*), это, по всей видимости, часть того самого «великолепного блеска Рима», о котором писал Аммиан Марцеллин⁴¹⁶, и который вызывал «великое восхищение» готов в описании Иордана⁴¹⁷.

В другом послании, обращенном ко всем провинциалам Галлии, Теодорих пишет о «римском обычае», который «способствовал процветанию предков». Далее следуют особо важные сентенции: «Возвращаясь... к древней свободе, облачитесь в одеяния римских нравов, оставьте варварство (*exuite barbariem*), удалите свирепость помыслов: при справедливости (*aequitate*) нашего времени не к лицу вам вести образ жизни, согласно чужим обычаям (*moribus alienis*)»⁴¹⁸. Очевидно, что Теодорих придавал большое значение новому состоянию своих граждан и представителей других «варварских» народов, которых он стремился видеть подчиненными его славному роду. Это новое состояние однозначно рассматривалось как отстранение от «варварских» традиций, объединение «не только имений, но и самих душ готов и римлян»⁴¹⁹. Образ жизни, отличный от нравов римских граждан, объявляется остготскими

⁴¹³ Средние века. Вып.61. М., 2000.

⁴¹⁴ *Variarum libri XII* (I,46). Первод с латинского мой – С.С.

⁴¹⁵ В данном послании речь идет о механических часах.

⁴¹⁶ *Res Gestae* (XIV,6,7). Цит.по: Аммиан Марцеллин. Римская история. Пер. с лат. Кулаковского Ю.А., Сони А.И./ Аммиан Марцеллин. – СПб., Алетейя, 1996.

⁴¹⁷ *Get.* 144.

⁴¹⁸ *Cassiodori Aurelii Variarum libri XII* (III,17). Первод с латинского мой – С.С.

⁴¹⁹ *Cassiodori Aurelii Variarum libri XII* (II,16).

королями «чужим»: «Ты вошёл в школы афинян... чтобы учение греков сделать наукой римской»⁴²⁰, т.е. «нашей», «своей» наукой, пишет Теодорих Боэцию. Новая культура заявляет о праве «преемства», возрождении древней традиции: «Вы вновь облачаетесь в одеяния римских нравов». Поражает даже текстуальное сходство с фрагментами из Каролингского Возрождения: «К древним обычаям вновь возвращаются нравы людские»⁴²¹.

Однако, при сопоставлении данных тенденций со свидетельствами Прокопия Кесарийского обнаруживается определенное противоречие. Согласно Прокопию, готы, желая жить более согласно с «варварскими обычаями», ссылаются именно на Теодориха, который «не позволял никому из сыновей готов посещать школы учителей», т.е. заниматься науками, подобно «первым лицам у римлян»⁴²². Для разрешения подобного рода противоречий необходимо выяснить, о каких именно «обычаях» идет речь в работах Прокопия и Кассиодора, т.к. представляется, что в данном случае имеет место некоторое расхождение между римским и остготским пониманием «цивилизованности» и «варварства». Важно правильно оценить то значение, которое играл «римский обычай» для новой остготской государственности. «Римский обычай» в представлении готов, это то, что отделяет «древний... и благородный со времён предков»⁴²³ род римлян от племени не менее древних и славных ратными делами готов. Племя готов, «прославившись чудесным образом»⁴²⁴, достигло «вершины римской власти»⁴²⁵, но из писем Теодориха становится ясно, что такое достижение не будет состоявшимся без возрождения Imperium'a под его личным началом. Такое «возрождение» на первом этапе неизбежно обращается к проблеме «варварства». Необходимо дистанцироваться как от повседневных проявлений данного качества, что найдет свое отражение в законотворческой деятельности Теодориха, так и от исторического участия готов в складывании образа *varvaricum'a*, что, в свою очередь, будет отражено в творчестве Кассиодора.

А.Р. Корсунский, ссылаясь на 17 письмо III книги *Variarum*, отмечает, что «варварство» для Теодориха - это «примитивное состояние общества, которому он противопоставляет римскую свободу и цивилизованность»⁴²⁶. Хотя данное определение в целом верно указывает направление, оно, тем не менее, ставит ряд вопросов. Теодорих (точнее сказать, его квестор Кассиодор) действительно использует такое понятие, как «*libertas antiqua*» (т.е. «древняя свобода»): «Возвращаясь к древней свободе... облачаясь в одеяния римских нравов...», но Боэций свидетельствует, что проблема остается по-прежнему неразрешенной:

⁴²⁰ Cassiodori Aurelii Variarum libri XII (I,45).

⁴²¹ Муадвин. Цит. по: Памятники средневековой латинской литературы IV – IX веков. М., 1970. С.230.

⁴²² Война с готами (I,2:6–14). Цит.по: Прокопий Кесарийский. Война с готами. Пер. Кондратьева С.П. /

Прокопий Кесарийский. М., Изд-во Акад. Наук СССР, 1950.

⁴²³ Cassiodori Aurelii Variarum libri XII (IX,25).

⁴²⁴ Get. 89.

⁴²⁵ Get. 88

⁴²⁶ Корсунский А.Р. К вопросу об эдикте Теодориха // Европа в средние века. М., 1972. С.22

«Я был обвинен в том, что надеялся на восстановление римской свободы»⁴²⁷. Становится ясно, что для Теодориха «древняя свобода» не есть то же, что «свобода римская», и это вполне объяснимо, учитывая тот факт, что фигура императора для него обладала максимальной суммой *maiestas* (т.е. общественного величия) и о восстановлении «римской свободы» не могла идти речь. Представление об исконной германской свободе также в данном случае не подходит, т.к. система отношений, обозначенная, как *Germanorum libertas* противопоставлялась в целом миру *Imperium*⁴²⁸, и именно «варварству» Павел Орозий приписывает «неспособность подчиняться законам»⁴²⁹, т.е. «свободу» от каких-либо обязательств перед обществом. Теодорих же, наоборот, предлагает вернуться к иному прочтению понятия «свободы», противопоставляя её варварскому беззаконию, подобно тому, как это сделает в своё время Аламанно Ринуччини: «скорее само подчинение законам и есть высшая свобода... ибо мы подчиняемся законам, чтобы быть независимыми»⁴³⁰.

У Прокопия встречается свидетельство, что Теодорих не оставил после себя законов⁴³¹, но автор, скорее всего, заблуждается на этот счёт, т.к. человек, пославший письмо с похвалой к Гундобаду, не мог не знать об издании последним кодекса обычного права бургундов (*Lex Gundobada*) и сборника норм римского права (*Lex Romana Burgundionum*). Учитывая амбиции Теодориха, его слова о том, что Бургундия через приобщение достижений разумнейших людей оставляет варварские устремления, сложно предположить, что Теодорих не уделял внимания систематизации права в своем королевстве⁴³². Аноним Валезия прямо свидетельствует, что Теодорих «своим эдиктом установил правосудие (*edictum suum, quo ius constituit*)»⁴³³. В пользу остготского происхождения «Эдикта»⁴³⁴ говорит также и то, что Теодорих стремился провести в жизнь подчинение закону с очевидной настойчивостью: в обращении к «варварам Паннонии», Теодорих призывает их подражать готам и отказаться от обычая решения споров в обход суда. Удалить «свирепость помыслов», оставить «варварство» в понимании Теодориха значит соблюдать закон и правопорядок внутри государства, не пользоваться оружием против сограждан: «Отложите оружие, кто не имеет врагов. Хуже всего, что против подданных поднимаете руку»⁴³⁵. Важным свидетельством приоритетов

⁴²⁷ Бозций. Утешение философией. М., 1990. С.197.

⁴²⁸ См.: Кнабе Г.С. Корнелий Тацит. М., 1981. С. 137.

⁴²⁹ Цит. по: Скржинская Е.Ч. Примечания // Иордан. О происхождении... С.299.

⁴³⁰ Цит. по: Брагина Л.М. Аламанно Ринуччини и его диалог «О свободе» // Средние века. Вып.45., М., 1982. С.127–128.

⁴³¹ Война с готами (II,6,17). Цит.по: Прокопий Кесарийский. Война с готами. Пер. Кондратьева С.П. / Прокопий Кесарийский. М., Изд-во Акад. Наук СССР, 1950.

⁴³² Существует точка зрения о том, что остготские правители занимались законотворческой деятельностью, однако, памятники остготского права не сохранились: Drew K.F. *The Laws of the Salian Franks*. P.25.

⁴³³ *Excerpta Valesiana*, XII.

⁴³⁴ В настоящее время эдикт по-прежнему приписывается рядом исследователей более раннему вестготскому правителю Теодориху II (хотя итальянские исследователи предпочитают версию остготского происхождения). См. более подробно: Drew K.F. *The Laws of the Salian Franks*. Philadelphia. 1991 P.22.

⁴³⁵ *Cassiodori Aurelii Variarum libri XII* (III,24). Первод с латинского мой – С.С.

Теодориха в отношении государственного строительства может считаться фрагмент сочинения Иордана, т.н. «завещание Теодориха»: «Он объявил им... чтобы они чтили короля, возлюбили сенат и римский народ, а императора восточного почитали (вторым) после Бога»⁴³⁶. Данное свидетельство, в целом, укладывается в общую картину на основании других документов⁴³⁷, и такое завещание представляется достоверным.

Проблемным вопросом остается вопрос о статусе новой варварской монархии. Важным свидетельством по данному вопросу является высказывание Прокопия Кесарийского, о том что «он (Теодорих - С.С.) не пожелал принять ни знаков достоинства, ни имени римского императора, но продолжал (скромно) называться и в дальнейшем именем Rex (так варвары называют своих начальников)»⁴³⁸. Издатель и комментатор Кассиодора Ж. Гарет подтверждает это положение, отмечая, что Теодорих действительно именовался Rex, в отличии от Одоакра, который называл себя императором⁴³⁹. Однако, Кассиодор в своей «Хронике» свидетельствует, что Одоакр отказался от императорского достоинства, и это свидетельство представляется соответствующем исторической действительности⁴⁴⁰. Исследователь вопроса В.Т. Сиротенко придерживается мнения, что Одоакр действительно не претендовал на продолжение великодержавной политики, в отличии от Теодориха, который фигурирует в источниках как «*dominus romanorum*» и даже «*augustus*»⁴⁴¹.

Вероятно, в этом заключается один из самых важных моментов «Остготского возрождения», который сближает его с последующими европейскими «Возрождениями» – его политический контекст, верное понимание которого помогает решить ряд вопросов, связанных с особенностями культурного развития эпохи (например и то, что остготы не придавали большого значения образованности). Из анализа писем Теодориха становится ясно, что его политика была продуманным комплексом мер, направленным на преодоление психологического барьера между варварским происхождением остготов и их новым государственным статусом.

Для Теодориха сохранение римских институтов и атрибутов власти было гарантом того, что готы не вернуться *ad mores*, к племенным «естественным» нравам, т.е. к «варварству». Это должно было стать первым этапом восстановления былого римского влияния на «Провинцию», т.е. заполнения той политической ниши, которая образовалась в Галлии после

---

⁴³⁶ Get. 304–305

⁴³⁷ В частности, *Variarum libri* Аврелия Кассиодора.

⁴³⁸ Война с готами (I,1,26). Цит. по: Прокопий Кесарийский. Война с готами. Пер. Кондратьева С.П. / Прокопий Кесарийский. М., Изд-во Акад. Наук СССР, 1950.

⁴³⁹ См. комментарий J.Garetius к Var. (I, 1) // Magni Aurelii Cassiodori opera omnia, in duos tomos distributa / Opera J.Gareti, Rothomagi, 1679.

⁴⁴⁰ См. главу, посвященную императору Зинону в «Chronica» // Magni Aurelii Cassiodori opera omnia, in duos tomos distributa / Opera J.Gareti, Rothomagi, 1679.

⁴⁴¹ См.: Сиротенко В.Т. История международных отношений в Европе во второй пол. IV – нач. VI вв. Пермь, 1975. С. 235.

исчезновения там руководящего римского влияния. Для настоящего исследования это имеет принципиально важное значение, т.к. Теодорих в данном случае должен быть воспринимаем не как подражатель (пусть даже он сам стремится им выглядеть⁴⁴²), но как претендент на реальное преемство.

Может быть поставлен вопрос о том, по какой причине Теодорих не принимал мер, направленных на обучение готов «свободным искусствам», несмотря на то, что как свидетельствует Прокопий Кесарийский, среди готов были образованные люди, даже знакомые с философией Платона⁴⁴³. Вероятно, это объясняется тем, что Теодориху достаточно привлечь на государственную службу «последних римлян», чтобы уже считаться покровителем «римского обычая». Если образованность некогда и отличала римлян от варваров⁴⁴⁴, то уже Аммиан Марцеллин свидетельствует, что «библиотеки навсегда закрыты, как гробницы»⁴⁴⁵, а «иные (римляне - С.С.) боятся науки как яда»⁴⁴⁶. Образованность все более становится уделом избранных. Сидоний Аполлинарий пишет буквально следующее: «так как ныне порушены все ступени, отделявшие некогда высоту от низости, то единственным знаком благородства скоро останется владение словесностью»⁴⁴⁷. Диоклетиану не нужно хорошее образование, чтобы стать «отцом золотого века» в представлении Элия Лампридия⁴⁴⁸. У Требеллия Поллиона встречаем следующую максиму: «в императоре нужны одни качества, а от оратора и поэта требуются другие»⁴⁴⁹. Это представление получает законченный вид в оценке остготов: «Теодорих... захватил императорскую власть... хотя о всяких науках он не слышал даже краем уха»⁴⁵⁰. В отличие от Карла Великого, Теодориху Великому нет необходимости заниматься возрождением собственно «свободных искусств». Если, например, тот же Ноткер Заика свидетельствует, что «когда Карл стал единовластным правителем в западных странах мира, занятия науками почти повсюду были забыты»⁴⁵¹, то это свидетельство хотя и напоминает по виду слова Аммиана Марцеллина «библиотеки навсегда закрыты», имеет принципиально иное значение.

«Забыть науки» в VII - VIII веках означает полностью потерять их, утратить связь эпох. Если же «библиотеки... закрыты» во время Аммиана

---

⁴⁴² Напр., в *Variarum libri* (I,1).

⁴⁴³ Война с готами (I,3,1). Цит.по: Прокопий Кесарийский. Война с готами. Пер. Кондратьева С.П. / Прокопий Кесарийский. М., Изд-во Акад. Наук СССР, 1950.

⁴⁴⁴ О чем могут свидетельствовать, например, следующие высказывания: «Хотя он (Сильван – С.С.) родился от отца – варвара, но достаточно хорошо усвоил римскую образованность» (Цит.по: Римские историки IV века. М.,1997. С. 156), «Он (Юлий – С.С.) называл их неучами и варварами» (Цит.по: Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т.2. М.,1963. С.451).

⁴⁴⁵ Аммиан Марцеллин. История (XIV,6,18).

⁴⁴⁶ Аммиан Марцеллин. История (XXVIII,4,14).

⁴⁴⁷ Цит.по: История всемирной литературы. Т.2. М.,1984. С.447.

⁴⁴⁸ Цит.по: Гаспаров М.Л. Памятники поздней античной научно-художественной литературы II–V века. М.,1964. С.311.

⁴⁴⁹ Цит.по: Федорова Е.В. Люди императорского Рима. М.,1990. С.233.

⁴⁵⁰ Война с готами (I,1,29).

⁴⁵¹ Цит. по: Памятники средневековой... – С. 369.

Марцеллина, то речь идет всего лишь о том, что наука становится достоянием избранных, перестает быть явлением массового характера. «Свободные искусства» продолжают жить как во времена Теодориха, так и после него, и возрождать их не нужно. Речь идет только о сохранении культуры, о чем красноречиво свидетельствует высказывание Симмаха: «Молю вас, сделайте так, чтобы мы, стариками, смогли передать своим потомкам то, что еще детьми получили от отцов»⁴⁵².

«Варварство» для Теодориха - это прежде всего отсутствие единой централизованной власти, подобной императорской, с соответствующими институтами, и отсутствие письменного закона, либо подчинения ему среди граждан. Хотя Теодорих высказывал восхищение науками через своего квестора, они, очевидно, не представляли для него способ отрыва от состояния «варварства», что существенно отличает «Остготское Возрождение», скажем, от Каролингского или Оттоновского. В данном случае, если мы хотим верно оценить степень возрождения культуры (в том числе и политической культуры) *Imperium*'а в деятельности Теодориха, опять-таки следует обратиться к оценкам современников эпохи: «Теодорих был... самым настоящим императором, ничуть не хуже наиболее прославленных»⁴⁵³.

Вопрос об отношении королевской власти к «свободным искусствам» приобрел политическое значение после смерти Теодориха и обострения борьбы за престол в Остготском королевстве, о чем можно судить на основании письма, составленного от имени короля Аталариха в 533 году, адресованного сенату города Рима. Предметом послания является проблема своевременной и полной выплаты заработной платы преподавателям «свободных искусств» города Рима:

«Король Аталарих сенату города Рима.

По праву обратиться о делах сыновей к лицам, известным нам под именем Отцов, ведь для вас самих необходимо помышлять о преуспевании сыновей, и вам важно процветание римского учения. Нельзя поверить, чтобы вы были обеспокоены этим меньше нас, поскольку и отпрыски ваши выросли прославленными, и собрание стало советом, благодаря усердию в чтении.

Недавно (а наша обеспокоенность происходит благодаря вашей заботе), до нас дошли слухи о том, что учителя римского красноречия не получают свою установленную плату, и из-за хищений некоторых лиц, суммы, предназначенные для оплаты труда школьных учителей, были уменьшены. Поэтому, одновременно с открытым поощрением развития искусств, постановляем, что противоречит священному праву отнимать что-либо у учителей юности, которых надлежит побуждать к славному учению через рост поощрений.

Воистину первая школа грамматики является прекрасным основанием учености, славной матерью красноречия, которая мышление обновляет к славе,

⁴⁵² Симмах. Цит. по: История римской литературы. Т.2. М., 1962. С. 406.

⁴⁵³ Procopius Caesariensis. De bello Gothico (I, 1, 29).

учит говорить без изъяна. Ведь в речи оратора ошибка звучит так же неуместно, как для добрых нравов чуждо преступление. Подобно тому, как музыкант созвучием хора делает песню прекрасной, грамматик расстановкой размера в соответствии с ударением заставляя речь звучать как музыку.

Грамматика – начальница слов, служанка человеческого рода, которая через упражнение в красивейшем чтении древних авторов поддерживает наше благоразумие. Этим не пользуются варварские короли – тому предназначено быть только среди законных правителей. Прочие народы полагаются на оружие – лишь те обращаются к красноречию, которые уступают римским правителям. По этой причине звук трубы призывает к состязанию ораторов гражданского права; по этой причине знатнейшие лица прославлены красноречием; и не говоря лишнего, скажем, что об этом идет речь в настоящем послании.

Посему, Отцы сенаторы, вашей заботе, властью, который мы божественной милостью наделены, поручаем, чтобы принимающий должность в школе свободных наук, будь то грамматик, или оратор, или толкователь права, без какого-либо умаления получал плату как и его предшественник. И, прежде всего, вашему первейшему сословию и остальным наделенным властью членам славнейшего сената следует проследить, чтобы до тех пор, пока всякий из этих учителей способен надлежащим образом исполнять свое дело, не претерпевал бы нечестивого умаления содержания ни путем пропуска выплаты, ни путем ее уменьшения, но под вашим управлением и надзором имел свой достаток в безопасности, если соблюдает постановления префекта города.

И чтобы он нисколько не зависел от неопределенного намерения выделить ему содержание, пусть учителю, как только истекнут шесть месяцев, от установленной суммы выплачивается половина, остаток же – в течение года, с возмещением задолженности по содержанию (а неисполнение обязанности платить является нарушением), или в кратчайший срок. При этом желаем нашим постановлением непоколебимо установить, что если кто-либо по расчету упустит время исполнения своей обязанности, пусть искупит потерю лишнего времени, претерпев убыток, поскольку честное исполнение заслуживает похвалы, а жадность заслуживает наказания.

Если нашей властью щедро одариваемы актеры, которые увеселяют народ, хотя такой необходимости они не имеют, насколько более важно без задержки выплачивать содержание ученым людям, через которых происходят и честные нравы, и наш дворец напитывается даром красноречия. Мы, однако, также повелеваем вашему почтенному собранию сообщить учителям наук, что подобно тому, как мы озабочены их доходами, мы настойчиво требуем от них большего старания в деле обучении молодежи. С настоящего времени утрачивает силу их жалобное заявление о том, что ум не должен быть занят двумя делами одновременно. Отныне они проверенно

имеют сносное жилище; пусть теперь заслуженно предадутся лишь одной заботе – а именно, – всю силу души направят на изучение славных искусств»⁴⁵⁴.

Представленная в послании хвалебная ода «искусству грамматики» изящно дополнена реминисценциями одной из актуальных в социальном отношении тем эпохи поздней античности, затронутой, в том числе, в «Сатирах» Ювенала: «Дело великой души - не забота купить покрывало / Но созерцанье коней, колесниц, божественных ликов / Той Эринии, кем приведен в смятение Рутул... Если б Вергилий был без слуги, не имел бы жилища / Сносного, то из волос Эринии все гидры упали б / Мощным звуком труба, онемев, не взыграла бы... Кто же Келаду отдаст, Палемону ученому столько / Сколько их труд заслужил грамматика? А ведь из этой / Мелочи (плата у них куда чем у риториков меньше!) / Кой-что откусит на долю свою и дядька безмозглый / И выдающий урежет себе... А кончится год, получай-ка / Сколько за день собирает с толпы победитель из цирка...»⁴⁵⁵.

Анализируя содержание представленного послания, нельзя не задаться вопросом о том, кто был инициатором и вдохновителем его составления. Сложно предположить, что подлинным автором послания мог быть семнадцатилетний король Аталарих, который к концу своего правления, согласно свидетельству Прокопия Кесарийского, «предавшись безграничному пьянству, впал в болезнь и в полный маразм»⁴⁵⁶. Несмотря на то, что король благодаря усилиям матери успел получить основы римского образования, и теоретически вполне мог стать проводником ценностей римской образованности, последние годы его жизни были омрачены влиянием тех представителей германского нобилитета, которые были заинтересованы в полном разрыве наследника трона с римскими традициями: «По мере того как он становился взрослым, они стали побуждать его к пьянству, к общению с женщинами, окончательно портили его характер и, пользуясь его неразумием, внушали ему непослушание матери, так что он вообще не считал нужным считаться с ней»⁴⁵⁷.

В качестве наиболее вероятного кандидата на роль идеолога данного послания может, по всей видимости, рассматриваться префект претория Флавий Кассиодор, назначение которого на столь высокую должность в 533 году исследователи склонны связывать с временной победой королевы Амаласвенты⁴⁵⁸. Вероятно, уже в начале 530-х годов у Кассиодора вызревает замысел создания в Риме школы теологии, который он позже будет пытаться реализовать совместно с римским папой Агапитом (535-536 гг.): «Я пытался вместе с блаженнейшим папой Агапитом, собрав и оплатив расходы преподавателей, основать в Риме христианскую школу, подобную той, что долгое время существовала в Александрии, а теперь устроена в сирийском

⁴⁵⁴ Перевод с латинского мой – С.С.

⁴⁵⁵ Ювенал. Сатиры / Пер. Д. С. Недовича и Ф. А. Петровского, вступ. ст. А. И. Белецкого. М.–Л., 1937.

⁴⁵⁶ Procopius Caesariensis. De bello Gothico I, 3.

⁴⁵⁷ Procopius Caesariensis. De bello Gothico I, 2.

⁴⁵⁸ Barnish S.J.B. Cassiodorus: Variae. Liverpool, 1992. P.50.

городе Низибии, в которой и душа бы могла устремиться к вечному спасению, и язык обрел бы безукоризненное и благонравнейшее красноречие»⁴⁵⁹. Изучение грамматики⁴⁶⁰ являлось необходимой составляющей постижения светских и божественных наук, о чем автор позже напишет в своем «Наставлении»: «Грамматика есть искусство изысканной речи, заимствованное у знаменитых поэтов и писателей, ее задача состоит в создании прозы и стихов без изъянов. Вершина ее – в обретении способности к совершенной речи и безукоризненному письму через знание»⁴⁶¹. Озабоченность автора положением и оплатой труда школьных учителей, по всей видимости, напрямую связана со стремлением Кассиодора реализовать в будущем свой план по созданию в Риме школы богословия.

Во многих вопросах автор, несомненно, оказывал большое влияние на политическую жизнь остготского королевства, однако, вряд ли возможно предположить, что при составлении значимых в политическом отношении посланий он действовал без оглядки на мнение представителей королевской фамилии. Судьба Симмаха и Боэция была слишком серьезным уроком для римской аристократии, чтобы Кассиодор решился им пренебречь. Очевидно, что в подобных делах Кассиодор действовал в согласии с королевой Амаласвентой, покровительствовавшей римской культурной традиции и оказывавшей поддержку представителям римской аристократии.

Королева взошла на трон в качестве регента при своем малолетнем сыне после смерти ее отца, короля Теодориха Амала, в 526 году. Первые годы ее правления характеризовались относительным благополучием, 30-е же годы прошли в тяжелой борьбе с представителями германской знати, ставившими под сомнение легитимность ее правления. Как отмечает Прокопий Кесарийский, «из варваров многие уже восставали против нее и без стеснения требовали, чтобы она, женщина, сложила царскую власть»⁴⁶². Одной из тенденций государственной политики Амаласвенты рассматриваемого периода была романизация политической элиты, что выражалось, в том числе, в получении ее сыном, королем Аталарихом, римского образования: «Амалазунта хотела, чтобы ее сын по своему образу жизни был совершенно похож на первых лиц у римлян и уже тогда заставляла его посещать школу учителя»⁴⁶³. Подобная направленность ее деятельности не устраивала значительную часть германского нобилитета, предъявлявшего свои требования королеве в ультимативной форме: «Собрались те, которые у готов считались наиболее высокопоставленными, и, придя к Амалазунте, обвиняли ее, что сын ее

---

⁴⁵⁹ Шкаренков П.П. *Translatio imperii: Флавий Кассиодор и римская традиция в Остготской Италии* // Новый исторический вестник. 2005. № 2. С. 5–22.

⁴⁶⁰ Кассиодор выделяет два грамматических искусства (*artes grammaticae*): критику текста (*emendatio*) и культурно-историческую экзегезу (*enarratio*) [Cooper K. *The fall of the Roman household*. Cambridge, 2007, P.80].

⁴⁶¹ *Средневековая Европа глазами современников и историков. Часть II. Европейский мир X–XV вв.* М., 1995. С.370.

⁴⁶² Procopius Caesariensis. *De bello Gothico* I, 2.

⁴⁶³ Procopius Caesariensis. *De bello Gothico* I, 2.

воспитывается у них неправильно и не так, как следует для их вождя; что науки очень далеки от мужества, а наставления старых людей по большей части обычно приводят к трусости и нерешительности. Потому необходимо, чтобы тот, кто в будущем хочет быть смелым в любом деле и стать великим, был избавлен от страха перед учителями и занимался военными упражнениями... «Так вот, государыня, – сказали они, – всем этим педагогам отныне вели убираться по добру по здорову, а Аталариху дай товарищами кого-нибудь из сверстников, которые, проводя с ним свои цветущие годы, будут побуждать его к доблести, согласно нашему варварскому обычаю. Услыхав это, Амалазунта хотя и не одобрила их слов, но, боясь какого-либо заговора со стороны этих лиц, сделала вид, что ей по душе их речи, согласилась со всем, чего требовали от нее варвары»⁴⁶⁴.

Предприняв решительные меры по физическому устранению наиболее влиятельных политических оппонентов из среды германской знати, королева добилась некоторого укрепления своих позиций, восстановив, по всей видимости, к 533 году влияние на своего сына. В рассматриваемом послании короля Аталариха римскому сенату королева публично продемонстрировала геокультурные приоритеты своей государственной политики, одновременно упразднив возможные сомнения представителей римской аристократии в том, под чьим влиянием находится юный король. Данное послание представляет, таким образом, политический ход, реализованный по замыслу двух людей – Кассиодора и Амаласвенты, преследовавших каждый свои цели, но объединенных общей идеей создания готско-римского государства, которое стало бы наследницей традиций Западной римской империи.

Таким образом, преодоление проблемы «варварства» с использованием интеллектуального инструментария, предложенного Кассиодором, было обусловлено не только необходимостью интеграции истории остготов в римскую культурно-историческую традицию, но и создания нового образа остготской королевской власти. Данные аспекты новой историографической концепции находились в тесной связи друг с другом. Как отмечается в послании короля Аталариха к римскому сенату, связанному с провозглашением Кассиодора префектом претория, Кассиодор «занялся древним родом остроготских королей («tetendit se in antiquam prosapiem nostram») и путем розысков почти исчезнувших преданий («maiorum notitia sana») и рассеянных по книгам сведений вывел готских королей из тьмы забвения и возродил («restituit») Амалов во всем блеске их рода. Таким образом, «начало», или происхождение, готов «он превратил в римскую историю», сделал историю готов частью истории римской («originem Gothicam historiam fecit esse Romanam»)»⁴⁶⁵.

---

⁴⁶⁴ Procopius Caesariensis. De bello Gothico I, 2.

⁴⁶⁵ Цит. по: Скржинская Е.Ч. Введение // Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica) – Вступит.статья, пер., коммент. Е.Ч.Скржинской./ Иордан – М., Изд.вост.лит., 1960.

§ 4. Генезис и типология потестарно-правовых символов германских «варварских королевств»

Большой интерес представляет проблема генезиса правовых символов германских «варварских королевств» и их генетическая связь с институтами доклассового общества. Феномен символизма обычного права представляет собой явление, находящееся на пересечении познавательных проблем целого ряда социальных наук, таких, как история, правоведение, культурология. Интерес европейских исследователей к данному явлению сформировался в XVIII-XIX столетиях в рамках зарождающейся социальной философии⁴⁶⁶ и исторической школы права⁴⁶⁷, и был поддержан как представителями романтической историографии⁴⁶⁸, так и сторонниками «новой исторической науки»⁴⁶⁹. В советской научной литературе разработка комплекса проблем, связанных с символизмом обычного права, осуществлялась в рамках исследований ментальных категорий родового и феодального обществ, предпринятых А.Я. Гуревичем⁴⁷⁰.

Изучение элементов правового символизма в культурологическом контексте представляет, на мой взгляд, большой интерес, однако, не может являться исчерпывающим. Наиболее плодотворным представляется подход, при котором феномен правового символизма мог бы рассматриваться с применением методов различных социальных наук, в том числе, исторической науки, теории и истории права, современной культурной антропологии. Важный шаг в направлении научного анализа феномена правового символизма был сделан современными отечественными исследователями Н.Н. Вопленко⁴⁷¹, А.В. Никитиным⁴⁷², А.Ю. Глушаковым⁴⁷³, в работах которых предприняты попытки дать универсальное определение понятию «правовой символ», осуществить классификацию правовых символов, проследить развитие государственно-правовой символики в древней и средневековой Руси.

Новым направлением исследования может стать применение концепции правовых символов к изучению процесса эволюции королевской власти и раннеклассовой государственности в рамках германских «варварских королевств». Представляется, что при рассмотрении доклассовых и раннеклассовых обществ целесообразно вести речь не только о «государственно-правовых символах», но и о более широкой категории

⁴⁶⁶ Символизм права одним из первых отметил в своем исследовании итальянский философ Дж.Вико. См.: Исаев, И.А. Символизм правовой формы (историческая перспектива) // Правоведение, № 6, 2002.

⁴⁶⁷ Grimm, J. Deutsche Rechtsalterthumer. Göttingen, 1828.

⁴⁶⁸ Michelet, J. Origines du droit francais. Paris, 1837.

⁴⁶⁹ См., напр.: Le Goff, J. Le rituel symbolique de la vassalite // Le Goff, J. Pour un autre moyen age. Paris, 1977. P.349-420.

⁴⁷⁰ См.: Гуревич, А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.

⁴⁷¹ Вопленко, Н. Н. Правовая символика // Правоведение. 1995. № 4-5. С. 71-73.

⁴⁷² Никитин, А.В. Правовые символы. Диссертация канд.юр.наук. Н.Новгород, 1999.

⁴⁷³ Глушаков, А. Ю. Государственно-правовые символы в системе легитимации публичной власти древней и средневековой Руси IX – I половины XV вв. Диссертация канд.юр.наук. СПб, 2003.

символов, которую я предлагаю обозначить как «потестарно–правовые символы» (или, для краткости, «потестарные символы») ⁴⁷⁴. Развивая предложенное А.В. Никитиным рабочее определение «правового символа» ⁴⁷⁵, определим «потестарный символ» как создаваемый и поддерживаемый обществом (нормами обычного права) условный образ, отличительный знак, используемый в особом процедурном порядке, и представляющий собой видимое, либо слышимое культурно-ценностное образование (которому субъект права придает особый правовой смысл, связанный с отношениями власти и подчинения в социальной иерархии), выступающее средством легитимации верховной власти. Данное понимание потестарной символики позволит применить концепцию правовых символов к изучению институтов публичной власти не только раннегосударственных, но и догосударственных этносоциальных образований.

Вербальные потестарные символы ⁴⁷⁶

Данные символы фиксируются, прежде всего, в официальных документах, в которых лицо, наделенное полномочиями публичной власти, фигурирует в качестве составителя документа (эдикта, капитулярия, письма), инициатора или участника его составления (например, «варварской правды»), в качестве адресата или объекта повествования (в переписке, хронике, историческом сочинении). В германских варварских королевствах широко представлены все перечисленные выше виды документов.

В приведенной ниже таблице систематизированы содержащиеся в различных источниках формулы обращений к германским королям эпохи становления германских «варварских королевств».

<i>Адресат обращения</i>	<i>Формула</i>	<i>Источник</i>
Германские короли (франков, бургундов, вестготов и др.)	ad excellentiam vestram	Var.(III, 4), (III, 3); Epistolae Austrasicae, XL
Король франков Хильдеберт	domino excellentissimo atque praecellentissimo	Epistolae Austrasicae, XLI
Король франков Хильдеберт	viro glorioso	Epistolae Austrasicae, XLII
Король вестготов Атанагильд	domino gloriosissimo	Epistolae Austrasicae, XXVIII
Король вестготов Реккаред	gloriosissimo atque excellentissimo... regi	Gregorius ad Reccaredum regem Gothorum
Король Нортумбрии Осва	domino excellentissimo	Bedae Hist.Ecclesiast. (III, 29)
Король Нортумбрии Кеольвульф	gloriosissimo regi	Bedae Hist.Ecclesiast. (inscriptio)
Король франков Хлодвиг	gloria celsitudinis tuae	Hist.franc. (II, 32)

⁴⁷⁴ В данном случае мной используется термин «потестарность», введенный в научный оборот отечественными исследователями: Ю.П. Аверкиевой, Ю.В. Бромлеем.

⁴⁷⁵ Никитин, А.В. Правовые символы. Автореф. дисс. канд.юр.наук. Н.Новгород, 1999. Глава 1, параграф 2.

⁴⁷⁶ При рассмотрении отдельных групп потестарных символов берется за основу классификация государственно–правовых символов А.Ю. Глушакова.

Приведенные выше формулы содержат вербальные потестарные символы (*rex, dominus, vir gloriosus*), которые представляют собой вариацию римских потестарных символов эпохи домината, адаптированных к статусу новой варварской монархии.

Отдельный комплекс официальных титулов (имен) представлен в *intitulatio* королевских посланий и иных официальных документов. В некоторых случаях данные титулы также известны по сообщениям историков «варварских королевств», археографическим свидетельствам, а также благодаря римским источникам. Наиболее распространенными титулами (именами) являются *Flavius, Augustus*, и *princeps*, которые приводятся ниже.

<i>Носитель титула</i>	<i>Титул (имя)</i>	<i>Источник</i>
Теодорих Амал	flavius	Epistulae Theodoricianae Variiae, IX.
Теодорих Амал	semper augustus	Надпись на мраморной плите в районе Terracina, Via Appia ⁴⁷⁷
Теодорих Амал	princeps	Var. (I, 6) и др.
Теодорих Амал	dominus	Var. (III, 11) и др.
Хлодвиг Меровинг	consul aut augustus	Hist.franc. (II, 38).
Автари	flavius rex	Paul.Diac. (III.16), (III.28)
Тевдис	flavius rex	Палимпсест Леонского собора ⁴⁷⁸
Эвтарих	flavius cilliga	Надпись на Наварском камне (Novariensem lapidem) и др. ⁴⁷⁹

Употребление императорского имени *Flavius* в отдельных случаях (Теодорих, Эвтарих) имело правовое основание, выражавшееся в официальном пожаловании германскому королю консульских инсигний⁴⁸⁰. Но, в отдельных случаях (Автари, Тевдис), присвоение германскими королями императорских титулов (имен) осуществлялось без надлежащих оснований. Присвоение королями титула *Augustus* во всех случаях осуществлялось самовольно, и зачастую, в обход их официальной дипломатической линии.

Отдельную группу источников представляют юридические документы, которые также нередко содержат раздел *intitulatio*, а во многих случаях – исторические прологи, в которых также упоминаются титулы и формулы, отражающие статус короля. Ниже приводится таблица, обобщающая содержащиеся в юридических документах (варварских правдах, эдиктах, кодексах, постановлениях соборов) и хрониках королевские титулы.

⁴⁷⁷ См.: Cambridge Ancient History. Vol.XIV. Cambridge, 2000. P.532.

⁴⁷⁸ Boletín de la Real Academia de la Historia. Tomo 14, Año 1889.

⁴⁷⁹ Более подробно: Giovanni Battista De Rossi. Inscriptiones Christianae urbis Romae septimo saeculo antiquiores. T.I (pars prima). Libr. Pontificia, 1861. P.436.

⁴⁸⁰ Х. Вольфрам и Т.Дж. Дунлап связывают присвоение Теодориху имени Flavius Amalus Theodoricus с обретением им римского гражданства. Wolfram H., Dunlap T.J. History of the Goths. California, 1990. P.286.

<i>Носитель титула</i>	<i>Титул (имя)</i>	<i>Источник</i>
Король франков (Хлодвиг и др.)	dominus	Lex Salica, 1
Король лангобардов (Ротари)	dominus, vir excellentissimus	Edict.Rothari, invocatio
Король Лангобардов (Гримоальд)	dominus, gloriosissimus rex, vir excellentissimus	Grimoaldi leges, prologus
Король вестготов (Сисенанд)	dominus noster gloriosissimus	Concilium Toletanum quartum, 1
Король вестготов (Рекаред)	dominus noster gloriosissimus	Synodus Toletana tertia, fidei confessio
Король бургундов (Гундобад)	vir gloriosissimus	Lex Gundobada (prima constitutio A)
Король бургундов (Сигизмунд)	dominus noster gloriosissimus	Lex Gundobada (prima constitutio B), 1
Король вестготов (Эвтарих)	gloriosus vir DN	Cassiodori Chronica, 515
Король вестготов (Вамба)	dominus, gloriosus	Chronica regum Visigothorum, 44-45
Король вестготов (Эрвигий)	gloriosus dominus noster	Chronica regum Visigothorum, 47

Историки германских королевств также широко используют для обозначения власти короля римские термины «potestas»⁴⁸¹, «principatus»⁴⁸², «maiestas»⁴⁸³, «dignitatum»⁴⁸⁴. Важной составляющей вербальной потестарной символики, при этом, является констатация богоизбранности короля.

На монетах вандалов традиционно употреблялось сокращения DNR (Dominus Noster Rex), DN (Dominus Noster), RX (Rex) и сокращенное, либо полное, имя короля⁴⁸⁵. Сходные монограммы DN, титулы REX, RIX и имя короля употребляются на остготских монетах⁴⁸⁶. На монете короля Аталариха присутствует изображение короля в полном вооружении, причем сокращение DN присутствует на обеих сторонах монеты, в одном случае перед именем Аталариха, в другом – перед именем императора Юстиниана⁴⁸⁷. Начиная со времени короля Австразии Теодеберта и короля вестготов Леовегильда широко применяется чеканка золотых монет с именем и изображением короля, заменяющим императорские⁴⁸⁸. Начиная с VI в. н.э. обращение римских монет в

⁴⁸¹ Get. 67.

⁴⁸² Get. 174, 246.

⁴⁸³ Get. 215, 218.

⁴⁸⁴ Paulus Diac. III, 35.

⁴⁸⁵ Akerman, J. A descriptive catalogue of rare and unedited Roman coins. London, 1834. P.401–402.

⁴⁸⁶ Ibid, P.398–399.

⁴⁸⁷ Ibid., P.397.

⁴⁸⁸ Клауде, Д. История вестготов. СПб., Евразия, 2002. С.118.

Германии существенно сокращается, и они вытесняются монетами германских королей⁴⁸⁹.

Предметные потестарные символы

Описывая процесс принятия власти, Иордан упоминает наделение соответствующими знаками власти (*potestatis insignia*)⁴⁹⁰, принятие которых означает для Иордана, по-видимому, наделение лица «королевским величием» (*fastigium regali*)⁴⁹¹. Не вполне, однако, ясно, а каких именно знаках власти идет речь. К примеру, рассматривая отрывок «Амал Винитарий удержал все знаки своего господствования (*principatus sui insignia retinente*)»⁴⁹², возможно предположить, что в данном фрагменте выражение «*principatus insignia*» употребляется фигурально, подчеркивая лишь характер власти Винитария. Однако в другом фрагменте сочинения можно встретить более конкретное упоминание материальных знаков, символов власти, когда при погребении «проносили тело великого короля (*tanti regis*) с его знаками величия (*cum suis insignibus*)»⁴⁹³. Данные символы величия, таким образом, сопровождали короля даже в последний путь.

В сочинении Павла Диакона содержится свидетельство, указывающее на то, что короля сопровождали в последний путь его украшения и оружие. Как отмечает автор, «Гизельперт, прежний герцог веронский (*dux Veronensium*), приказал открыть гробницу Альбоина, вынул оттуда его меч (*spatam eius*) и все находившиеся там украшения (*et si quid in ornatu ipsius inventum*)»⁴⁹⁴. Традиция погребения королей в сопровождении парадного вооружения и большого количества ценностей находит подтверждение в археологическом материале королевских погребений эпохи Великого переселения, в частности в погребении франкского короля Хильдерика⁴⁹⁵.

В материале североевропейских погребений знати нередко присутствует особый штандарт, описание которого встречается в произведении Беды Достопочтенного: «Перед ним (*королем англосаксов – С.С.*) несли штандарт (*vexillum*), именуемый римлянами «туфа», а англами «туф» (*quod Romani tufam, Angli appellant thuuf*)»⁴⁹⁶. В произведении Павла Диакона содержится свидетельство того, что поражение короля и войска могло сопровождаться лишением данного символа власти, что воспринимается автором как лишение самой королевской власти⁴⁹⁷. Данный потестарный символ, по всей видимости,

⁴⁸⁹ См.: Bursche, A. Circulation of Roman Coinage in Northern Europe in Late Antiquity // *Histoire&Mesure*. Vol.XVII.

⁴⁹⁰ Get. 278.

⁴⁹¹ Get. 171.

⁴⁹² Get. 246.

⁴⁹³ Get. 214.

⁴⁹⁴ Paulus.Diaconus. *Historia langobardorum*. II, 28.

⁴⁹⁵ См.: James, E. Burial and Status in the Early Medieval West. In: *Transactions of the Royal Historical Society, Fifth Series*, Vol. 39, (1989), P.23–40.

⁴⁹⁶ Paulus.Diaconus. *Historia langobardorum*. II, 16.

⁴⁹⁷ Paulus.Diaconus. *Historia langobardorum*. I, 20.

восходит к родовым сакральным символам, которые, согласно описанию Тацита, хранились в священных рощах, и выносились оттуда во время битв⁴⁹⁸.

Важный комплекс предметных потестарных символов связан с облачением короля. Иордан в своем сочинении обращает внимание на то, что король остготов, принимая римский административный титул, «снял с себя частное платье и одежду своего племени (*privatum abitum suaеque gentis vestitum seponens*) и принял пышное царское облачение (*insigne regio*) уже как правитель готов и римлян»⁴⁹⁹. Описание аналогичного обряда принятия триумфальных символов римских консулов, совершенного королем Хлодвигом, содержится и в произведении Григория Турского: «В базилике святого Мартина его (*Хлодвига – С.С.*) облачили в пурпурную тунику и мантию, а на голову возложили венец»⁵⁰⁰.

По всей видимости, германский нобилитет уже в эпоху Великого переселения проявлял выраженную тенденцию к восприятию римской потестарной атрибутики. Весьма ценным в данном отношении является свидетельство Сидония Аполлинария, описавшего знатного франкского юношу эпохи Великого переселения народов, одежда которого «из пурпура и белого шелка была украшена золотом»⁵⁰¹, что напоминает потестарную символику римских патрициев, включавшую пурпурную мантию-трабею, белый плащ, отороченный пурпуром, а в древнейший период – также вышитые золотом мантии⁵⁰².

Подобное облачение не характерно для традиционного германского общества, и германцы в отдельных случаях стремились подчеркнуть преемственность древнегерманских традиций. Согласно свидетельству Исидора Севильского, король вестготов Леовигильд «первым сел на трон в королевских одеяниях; ибо прежде правители носили те же одежды и сидели на тех же сидениях, что и остальной народ»⁵⁰³. Отдельные древнегерманские атрибуты королевской власти (такие, как длинные волосы у франков) сохраняли определяющее значение вплоть до окончания эпохи раннего средневековья.

Процессуальные символы

Согласно представлениям раннесредневековых авторов, король приобретает свой статус лишь после процедуры принятия власти⁵⁰⁴. Характеризуя процесс наделения лица королевской властью в древнегерманском обществе, мне представляется возможным выделить две различные процедуры, отраженные в тексте источников: 1) передача и принятие королевского титула (королевского достоинства); 2) возведение на

⁴⁹⁸ Tacitus. *Germania*, VII.

⁴⁹⁹ *Get.* 295.

⁵⁰⁰ *Gregorii Turonensis libri Historiarum* II, 38.

⁵⁰¹ Цит. по: История средних веков / Стасюлевич, М.М. М., 1999. С.90.

⁵⁰² См.: Кофанов, Л.Л. *Lex et Ius: возникновение и развитие римского права в VIII–III вв. до н.э.* М., 2006. С.275.

⁵⁰³ *Isidori Hispalensis Historia de regibus Gothorum, Wandalorum et Svevorum*, LI. По: Клауде, Д. История вестготов... С.117.

⁵⁰⁴ *Get.* 73, 252. *Paulus.Diaconus. Historia langobardorum*. IV, 30.

престол. Разделение данных процедур наиболее четко прослеживается в следующем свидетельстве Павла Диакона: «Агилульф, бывший родственником короля Автари по матери, принял на себя в начале ноября королевский титул (*regiam dignitatem*). Но на престол его возвели (*in regnum... levatus est*) только в мае месяце, на всеобщем собрании лангобардов в городе Милане»⁵⁰⁵.

При описании процесса наделения Торисмуда королевским титулом, Иордан отмечает, что готы передали наследнику власть, «...гремя оружием (*armis insonantibus*)»⁵⁰⁶. Использование оружия при передаче королевской власти является указанием на соответствие рассматриваемого действия древней германской традиции, согласно которой считалось, что «воздать похвалу оружием (*armis laudare*)... самый почетный вид одобрения»⁵⁰⁷. Аврелий Кассиодор, описавший в одном из своих посланий обстоятельства избрания остготского короля согласно «обычаю предков» (*more maiorum*)⁵⁰⁸, отмечает, что данная процедура совершалась «среди обнаженных мечей... не в тесноте покоев, но в широком поле... под рев военных труб»⁵⁰⁹: «...наши соплеменники готы, по обычаю предков, среди обнаженных мечей, подняв на щит, принесли нам знаки королевского достоинства... чтобы оружие даровало почет тому, кто уже стяжал славу на поле брани»⁵¹⁰. В произведении Тацита содержится описание древнегерманского ритуала, согласно которому после процедуры аккламации новопровозглашенного короля «ставили на большой щит и поднимали на плечи»⁵¹¹. Описание сходного действия можно встретить и в сочинении Григория Турского, в фрагменте, повествующем об избрании Хлодвига королем кельнских франков: «Как только они (франки – С.С.) это услышали, они в знак одобрения стали ударять в щиты и кричать (*plaudentes tam parmis quam vocibus*), затем подняли Хлодвига на круглом щите и сделали его над собой королем (*super se regem constituunt*)»⁵¹².

Процедура возведения избранного короля на престол, составляющая вторую часть процесса наделения королевской властью, известна по фрагменту, сохранившемуся в сочинении Павла Диакона: «Адалоальд, в цирке Медиолана, в присутствии своего отца, короля Агилульфа и послов Теудеперта, короля франков, был возведен в королевское достоинство над лангобардами (*levatus est... rex super Langobardos*)»⁵¹³. Присутствие послов франкского короля Теудеперта при возведении на престол короля лангобардов, по всей видимости, отражает рудимент обряда усыновления по оружию, согласно которому сын короля проходил инициацию, получая оружие «от короля какого-нибудь другого народа (*a rege gentis exterae*)». Принятие королевской власти, как

⁵⁰⁵ Paulus.Diaconus. Historia langobardorum. III, 35.

⁵⁰⁶ Get. 215.

⁵⁰⁷ Tacitus. Germania, XI.

⁵⁰⁸ Var. X, 31

⁵⁰⁹ Цит.по: Корсунский, А.Р. Возникновение феодальных отношений в Западной Европе. Вып.2. М.,1968. С.27.

⁵¹⁰ Там же.

⁵¹¹ Тацит. История IV, 15.

⁵¹² Цит.по: Григорий Турский. История франков. М., 1987. С.58.

⁵¹³ Paulus.Diaconus. Historia langobardorum. IV, 30

можно заключить из свидетельства Григория Турского, сопровождалось принесением королю присяги на верность и оказанием ему «королевских почестей»⁵¹⁴.

Описанные выше процедуры принятия королевского титула и возведения в королевское достоинство представляют собой, по всей видимости, различные этапы эволюции одного и того же процессуального потестарного символа. Тем не менее, в рамках германских «варварских королевств» прослеживается уникальная ситуация, при которой старый и новый процессуальные символы в течение определенного времени сосуществуют и даже дополняют друг друга.

Таким образом, анализ потестарно-правовой символики германских «варварских королевств» дает многочисленные свидетельства рецепции римской потестарной символики, синтеза римских и германских потестарных символов, а также эволюции ряда древнегерманских культурно-символических комплексов, сопровождавших становление ранних форм королевской власти у германских народов⁵¹⁵. Проникновение римской потестарной символики в германскую культуру, достигающее своего апогея в рамках германских «варварских королевств», является результатом длительного процесса культурного взаимодействия, и прослеживается, на мой взгляд, начиная с эпохи позднего латена и раннего римского железного века Северной Европы. Идея единой державной, божественной власти, чуждая традиционному германскому обществу, стала своеобразной моделью для *imitatio*⁵¹⁶ со стороны германских королей. Использование латинизированной потестарной символики носило характер идеологической борьбы за правопреемство императорской власти на территории Западной Римской империи, что оказалось впоследствии одним из определяющих факторов многочисленных варварских «Возрождений» (остготского, вестготского, каролингского, оттоновского). Как справедливо отметила В.И.Уколова, «хотя римский мир распался, универсалистская идея римской государственности продолжала жить в общественном сознании эпохи»⁵¹⁷.

---

⁵¹⁴ Gregorii Turonensis libri Historiarum III, 14.

⁵¹⁵ Результаты анализа подтверждают высказанный мной ранее тезис о том, что политогенез германских народов носил вторичный характер, факторами которого являлось влияние целого ряда европейских и азиатских иерархических структур, а также позволяют выдвинуть предположение, что государственно-правовые символы происходят не просто от общезначимых, но именно от потестарных символов, генетически восходящих к атрибутам престижа и сакральным родовым символам, характерным для акефальных обществ.

⁵¹⁶ Var (I, 1).

⁵¹⁷ Уколова В.И. Культура остготской Италии // Средние века. Вып. 46. М., 1983. С. 6.

Глава 2. Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов в произведении Иордана «Getica»

§ 1. Семантика термина «король» (*rex*)

Рассмотрение содержащегося в произведении Иордана «О происхождении и деяниях гетов» образа короля и королевской власти эпохи Великого переселения народов представляется целесообразным начать с текстуально-терминологического анализа созданного автором образа королевской власти, уточнения семантики терминов, использованных при создании данного образа. Использование термина «король» (*rex*) применительно к историческим фигурам в произведении Иордана отличается значительным многообразием⁵¹⁸. В разных частях своего произведения автор прилагает данный термин к весьма разноплановым фигурам, в частности – предводителям британских племен⁵¹⁹, гето-фракийским царям⁵²⁰, римским императорам Галлу и Волузиану⁵²¹, египетскому фараону Весозису⁵²², персидским царям Киру⁵²³, Дарию⁵²⁴ и Нарсею⁵²⁵, царю мидян Сорну⁵²⁶, царям фригов Приаму и Еврифилу⁵²⁷, предводителям гуннов Аттиле⁵²⁸, Баламберу⁵²⁹ и Динтцику⁵³⁰, вождям сарматов⁵³¹, аланов⁵³² и антов⁵³³.

Использование Иорданом термина *rex*

Rex, reges	Имена	Getica §
Исторические короли гетов	Theodoricus (rex, Gothorum Romanorumque regnator)	24 и др.
	Aithanaricus	142 и др.
	Halaricus (Alaricus Magnus)	146, 245 и др.
	Segeticus	163 и др.
	Valia	164 и др.
	Ataulfus	158 и др.
	Theodoridus	175 и др.

⁵¹⁸ См. таблицу 1.

⁵¹⁹ Get. 14, 238.

⁵²⁰ Get. 47, 58, 63, 65, 67, 73 и др.

⁵²¹ Get. 106.

⁵²² Get. 47.

⁵²³ Get. 61 и др.

⁵²⁴ Get. 63.

⁵²⁵ Get. 110.

⁵²⁶ Get. 47.

⁵²⁷ Get. 60.

⁵²⁸ Get. 178.

⁵²⁹ Get. 130, 248.

⁵³⁰ Get. 272.

⁵³¹ Get. 277.

⁵³² Get. 194, 236.

⁵³³ Get. 247.

Rex, reges	Имена	Getica §
	Valamir	199 и др.
	Thorismud (rex Vesegotharum)	227 и др.
	Theoderidus (rex Vesegotharum)	229 и др.
	Euricus (rex Vesegotharum)	237 и др.
	Alarichus (rex Vesegotharum)	245 и др.
	Vinitharius (rex Ostrogotharum)	246 и др.
	Hunimundus (rex Ostrogotharum)	250 и др.
	Thorismud (rex Ostrogotharum)	250
	Valamir (rex Ostrogotharum)	252 и др.
	Thiudimer (rex Ostrogotharum)	281 и др.
	Theodahadus (rex Ostrogotharum)	299
	Thiudis (rex Vesegotharum)	302
	Thiudigisglosa (rex Vesegotharum)	303
	Athalaricus (rex Ostrogotharum)	305 и др.
	Vitigis (rex Ostrogotharum)	310 и др.
Легендарные короли готов	Berig	25 и др.
	Filimer	26 и др.
	Ostrogotha	90 и др.
	Ariaricus et Aoricus	112
	Geberich	112 и др.
	Hermanaricus (nobilissimus Amalorum)	116
Короли германцев	Roduulf (rex Rugorum)	24
	Fastida (rex Gepidarum)	97
	Visimar (rex Vandalorum)	113
	Gyzericus (rex Vandalorum)	167 и др.
	Gunthamundus (rex Vandalorum)	170 и др.
	Thrasamundus (rex Vandalorum)	170 и др.
	Ilderich (rex Vandalorum)	170
	Gelimer (rex Vandalorum)	170
	Ardaricus (rex Gepidarum)	199 и др.
	Riciarius (rex Suavorum)	229 и др.
	Gnudiuchus et Hilpericus (reges Burgundzorum)	231
	Odoacer (rex Torcilingorum)	242 и др.
	Hunimundus (rex Suavorum)	274
	Halaricus (rex Suavorum)	277
	Lodoin (rex Francorum)	295
	Sigismundus (rex Burgundzorum)	297
	Herminfredus (rex Thuringorum)	299
Trasaricus	300	
Римские императоры	Gallus et Volusianus (imperatores, regibus)	106
Цари и короли различных народов	Sornus (rex Medorum)	47
	Vesosis (rex Aegyptiorum)	47 и др.
	Tanausis (rex «Gothorum» (Getarum))	47 и др.
	Telefus (Thelephus, rex «Gothorum» (Getarum))	58 и др.

Rex, reges	Имена	Getica §
	Priamus (rex Frygum)	60
	Euryphylus (rex Frygum)	60
	Cyrus (rex Persarum)	61 и др.
	Thomyra (regina Getarum)	61
	Darius (rex Persarum)	63
	Antyrus (rex «Gothorum» (Getarum)	63
	Gudila (rex «Gothorum» (Getarum)	65
	Perdicca (rex Macedoniae)	66
	Buruista (rex «Gothorum» (Getarum)	67
	Comosicus (rex «Gothorum» (Getarum)	73
	Coryllus (rex «Gothorum» (Getarum)	73
	Narseus (rex Persarum)	110
	Balamber (rex Hunnorum)	130
	Sangibanus (rex Alanorum)	194
	Attila (rex Hunnorum)	195 и др.
	Beorgus (rex Alanorum)	236
	Riutimus (rex Brittonum)	238
	Boz (rex Antorum)	247
	Balamber (rex Hunnorum)	248
	Dintzic (rex Hunnorum)	272
	Beuca et Babai (reges Sarmatorum)	277
Разное	reges Getarum	1
	pilleati	40
	Padus (quem Italiae soli fluviorum regem dicunt)	150
	turba regum diversarumque nationum ductores	200
	Attila rex omnium regum	201
	Odoacer rex gentium	243
	rex grassatoribus	301
	reges (Brittonum)	14
	regali stirpe genitos	175

Комментируя использование Иорданом термина «гех», А.И.Неусыхин отмечает наличие непоследовательности в употреблении автором данного термина⁵³⁴. Такой вывод имеет под собой существенные основания, учитывая тот факт, что Иордан применяет данный термин по отношению к лицам самого разного уровня, в том числе, к тем, кого он обозначает в других местах титулами иного рода (к примеру – римским императорам⁵³⁵). В то же время, необходимо отметить, что хотя сам факт наличия непоследовательности в использовании автором термина «гех» не вызывает сомнений, причины появления такой непоследовательности далеко не очевидны.

⁵³⁴ Неусыхин А.И. Комментарий к первому изданию «Getica» // Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica) - Вступит.статья, пер., коммент. Е.Ч.Скржинской./ Иордан - М., Изд.вост.лит., 1960.

⁵³⁵ Get. 106.

В отдельных фрагментах своего сочинения Иордан демонстрирует определенность в использовании понятия «король», как бы противопоставляя данное наименование иным титулам, обозначающим статус представителей публичной власти: «*Короли свавов (Suavorum reges) Гунимунд и Аларик двинулись походом на готов, опираясь на помощь сарматов, которые подошли к ним как союзники с королями своими (regibus suis) Бевкой и Бабаем. Они призвали остатки скиров, чтобы те вместе с их старейшинами (eorum primatibus) Эдикой и Гунульфом жестоко сразились, как бы в отмщение за себя*»⁵³⁶ (в данном фрагменте королевская власть свавов и сарматов очевидно позиционируется по отношению к власти представителей знати у «остатков» племени скиров). Характеризуя организацию власти в вестготском обществе эпохи расселения в римских провинциях Мезии и Фракии, Иордан отмечает, что ими управляли «*приматы их и вожди (primates eorum et duces), которые возглавляли их вместо королей (regum vice illis praeerant)*» (курсив мой – С.С.)⁵³⁷.

На основании имеющихся свидетельств можно сделать вывод о том, что Иордан оперирует в своем сочинении некоторой моделью королевской власти, которую, на основании определенных критериев, он отличает от иных форм организации власти. Реконструкцию данной модели целесообразно начинать с уточнения и дифференциации культурно-исторических традиций, к которым прибегает Иордан при создании образа королевской власти. В частности, необходимо уточнить, насколько использование термина «гех» в сочинении Иордана соотносится с римской, германской, иными культурно-историческими традициями, а также вопрос о том, насколько автор следует в данном вопросе номенклатуре Аврелия Кассиодора.

Элементы римской культурно-исторической традиции

Как уже отмечалось в исследовательской литературе, понятие *rex* во многих случаях ассоциировалось в среде интеллектуалов эпохи поздней античности с тиранической формой правления⁵³⁸. Знакомство Иордана с данной культурно-исторической традицией интерпретации термина *rex* проявляется, в частности в отрывке, в котором говорится о «тирании» короля Одоакра: «Гесперийская сторона... и город тот – глава и владыка мира – почему носятся они, как по волнам, подчиняясь тирании короля торкилингов и рогов... (sub regis Thorcilingorum Rogorumque tyrranide fluctuatur)»⁵³⁹. Рассматривая вопрос о причинах появления данного фрагмента в сочинении Иордана, можно с высокой долей вероятности приписать концепцию данного отрывка сочинению Аврелия Кассиодора, стремившемуся в своем творчестве представить

---

⁵³⁶ Get. 277.

⁵³⁷ Get. 134.

⁵³⁸ Шкаренков П.П. Королевская власть в остготской Италии по «Variae» Кассиодора. Миф, образ, реальность / П.П.Шкаренков. - М., РГГУ, 2003.

⁵³⁹ Get. 291.

Теодориха Амала преемником римских императоров и восстановителем легитимных форм правления.

Отголосок римской трактовки института королевской власти присутствует и в отрывке, содержащем речь императора Валентиниана к готам, награждающего предводителя гуннов Аттилу титулом «тирана» (в то время как сам Иордан последовательно применяет к Аттиле термин «гех»⁵⁴⁰): «Благоразумно будет... соединить наши усилия против тирана, посягающего на весь мир (*adversus orbis conspirare tyrannum*)»⁵⁴¹. Цитируя Валентиниана⁵⁴², Иордан подспудно раскрывает черты, характеризующие тираническую форму правления в позднеантичной интерпретации: 1) «жажда порабощения» (*optat... habere servitium*)⁵⁴³; 2) несправедливые войны («он не ищет причин для войны (*causas proelii non requirit*)») ⁵⁴⁴; 3) произвол («что бы ни совершил это и считает законным (*quidquid commiserit, hoc putat esse legitimum*)») ⁵⁴⁵; «он презирает право и божеский закон (*qui ius fasque contemnens*)») ⁵⁴⁶; 4) «тщеславие» и «надменность» (*ambitus, superbia*)⁵⁴⁷. Вполне вероятно, что концепция данного фрагмента также целиком заимствована Иорданом из произведения Кассиодора.

Таким образом, можно заключить, что Иордан определенно знаком с римской культурно-исторической традицией, для которой было характерно сближение королевской (в традиции русскоязычного перевода т.ж. используется термин «царской») власти с тиранической. Несмотря на это, общая направленность сочинения Иордана находится вне русла данной традиции. В подавляющем большинстве случаев Иордан оставляет без внимания римскую трактовку термина «гех», придавая данному термину совершенно иную направленность. В частности, описывая политическую борьбу в королевстве вандалов, он противопоставляет легитимную королевскую власть тиранической власти Гелимера: «Они соблюдали это на протяжении многих лет и в благоденствии владели королевством (*regnum feliciter possiderunt*), не запятнав себя, как обычно бывало у других варварских племен, междоусобной войной, потому что каждый, в свою очередь, один за другим принимал власть и правил народом в мире (*in pace populis imperavit*). Порядок же их наследования был таков: первый – Гизерих, отец и владыка, следующий – Гунерих, третий – Гунтамунд, четвертый – Тразамунд, пятый – Ильдерих. Этого последнего, на беду собственному племени и позабыв наставления прародителя, изгнал из королевства и убил Гелимер; сам же, как тиран, преждевременно захватил власть (*interemptum tyrannide praesumpsit*)»⁵⁴⁸.

---

⁵⁴⁰ Get. 178, 179, 195, 201 и др.

⁵⁴¹ Get. 187.

⁵⁴² См.: Get. 187.

⁵⁴³ Get. 187.

⁵⁴⁴ Get. 187.

⁵⁴⁵ Get. 187.

⁵⁴⁶ Get. 187.

⁵⁴⁷ Get. 187.

⁵⁴⁸ Get. 169-170.

Характерно также и то, что в интерпретации Иордана, Теодорих Амал, избавляя Италию от «тирании» Одоакра, принимает «по решению императора Зинона... пышное царское облачение (*insigne regio*)»⁵⁴⁹. Несмотря на то, что данный отрывок, по всей видимости, отражает историческое признание Восточным римским императором статуса Теодориха Амала, у Иордана, при этом, не вызывает смущения принятый Теодорихом римский титул.

Другим вопросом, имеющим значение для выявления влияния римской культурно-исторической традиции на использование Иорданом различных терминов при обозначении статуса представителей публичной власти, является вопрос о корреляции в сочинении Иордана терминов *rex* и *princeps*. Так, Аврелий Кассиодор, детально разрабатывавший номенклатуру титулов германских королей Италии, отдавал явное предпочтение (во всяком случае, во времена Теодориха Великого) термину *princeps*⁵⁵⁰, который демонстрировал преемственность власти остготских королей по отношению к власти римских императоров. Необходимо отметить, что в отдельных случаях Иордан также оперирует термином *princeps*, однако смысл, вкладываемый автором в данный термин, вероятно, существенно отличается от вкладываемого Кассиодором.

Титулом *princeps* Иордан награждает предводителей племен квадов и свевов (лишенных королевской власти), предводителя гуннов Аттилу, императоров Севера, Константина, Валента, Феодосия, Гонория и др., ни разу не применяя данный термин для обозначения статуса Теодориха или кого-либо из исторических королей готов (хотя характер их власти вполне может обозначаться термином *principatus*)⁵⁵¹.

Использование Иорданом терминов «*princeps*», «*principatus*»

Princeps, principatus	Объект применения термина	Цитата	Getica §
Лидеры германских и других «варварских» народов	Лампето и Марпезия	Lampeto et Marpesia principatui subrogarunt	49
	Дорпаней	Gothis autem Dorpaneus principatum agebat	76
	Вожди квадов	Quadorum principes	89
	Вождь свевов	de suo genere principem constituerent	234
	Винитарий Амал	Vinithario tamen Amalo principatus sui insignia retinente	246
	Торисмуд	secundo principatus sui anno	250
	Филимер	tenens principatum Getarum	121
	Аттила	arbitratur se mundi totius principem constitutum	183

⁵⁴⁹ Get. 295.

⁵⁵⁰ Во всяком случае, во времена Теодориха Великого.

⁵⁵¹ Более подробно использование термина *principatus* изложено в прилагающейся таблице.

Principes, principatus	Объект применения термина	Цитата	Getica §
Римские императоры и должностные лица	Сулла	Romanorum Sylla potitus est principatum	67
	Север	Principes	84, 85
	Галлиен	Gallienus arripuit principatum	106
	Константин	a Constantino principe	115 и др.
	Валент	permisso principis insederunt	133
	Феодосий	Theodosio principe	140 и др.
	Гонорий	principes	154 и др.
	Валентиниан	Valentiniano principi	167
	Маркиан	ad Orientis principem Marcianum	225
	Патриций Анфимий	Anthemium patricium suum ordinans Romae principem distinavit	236 и др.
	Император Лев	Leonis principis	239 и др.
	Маркиан	a principe tunc Marciano gratissime suscepti distributas sedes	263 и др.
Юстиниан	laudabiliori principi cessit	315	
Разное	«Восточный принципат»	in orientali principatu	139
	Римские императоры	Principes, principes Romanorum	76, 101, 105, 161 и др.
	Императоры Римской империи	Romani regni... principibus	309
	Император Восточной Римской империи	ad Orientis principem Marcianum	225
	Восточный император	principemque Orientalem	304 и др.
	«наследственное право»	principatui hereditario iure	66
	Верховная власть (у готов)	principatum a parentibus deferre	174

Термин *principatus* употребляется в сочинении Иордана в нескольких значениях:

1) Верховная власть (королевская, императорская). В данном контексте термин используется для характеристики власти предводителя гетов Дорпанея⁵⁵², легендарного короля готов Филимера⁵⁵³, исторических королей готов Винитария Амала⁵⁵⁴, Торисмуда⁵⁵⁵, римского императора Галлиена⁵⁵⁶, Маркиана⁵⁵⁷, других римских императоров⁵⁵⁸.

⁵⁵² Get. 76.

⁵⁵³ Get. 121.

⁵⁵⁴ Get. 246.

⁵⁵⁵ Get. 250.

⁵⁵⁶ Get. 106.

⁵⁵⁷ Get. 225.

2) Публичная власть. В данном контексте Иордан применяет термин *principatus* для обозначения власти легендарных предводительниц готских «амазонок» Лампето и Марпезии⁵⁵⁹, а также власти предводителей свевов⁵⁶⁰ и квадов⁵⁶¹, бравших на себя исполнение функций «легитимной» (в представлении Иордана) королевской власти.

3) Держава. В данном контексте термин широко используется Иорданом для обозначения Восточной Римской империи⁵⁶².

4) Правление, властвование. В данном контексте термин используется, к примеру, при повествовании о событиях второго года правления Торисмуда: «...secundo principatus sui anno»⁵⁶³.

Текстуальный анализ сочинения Иордана показывает, что в отношении королей Иордан отдает предпочтение термину *rex*, тогда как термином *princeps* может обозначаться статус императора, либо предводителя некоторой этнополитической общности, не имеющей короля, обладающего полнотой суверенной власти.

Элементы германской (готской) культурно-исторической традиции

Как отмечает П.П. Шкаренков, «перевод Библии Ульфила, датируемый концом IV в., отличался скрупулезной точностью при передаче греческих слов βασιλευς и αρχων. Мы находим следующие эквиваленты: αρχων = princeps = reiks; βασιλευς = rex = thiudans»⁵⁶⁴. В работе Иордана, как уже отмечалось выше, данная номенклатура не соблюдается. Рассматривая возможные причины отклонения Иордана от готской литературной традиции, отметим, что в научной критике неоднократно высказывался тезис о том, что язык перевода Вульфила отличается от исторического готского языка⁵⁶⁵. В связи с этим, тезис о корреляции греко-латинской библейской номенклатуры реальной готской системе титулов, выводимый на основании анализа перевода Вульфила, не может приниматься в качестве аксиомы. На основании имеющихся источников можно сделать вывод лишь о том, что в готском языке действительно существовали различные термины для обозначения титулов власти.

В словаре Морица Гейне⁵⁶⁶ даны следующие дефиниции понятий reiks и thiudans: «Reiks, st. m., Herrscher, Oberste, Obrigkeit, [leztuv]; Mt. 9, 18. 23. Luc. 18, 18. Joh. 7, 48. Eph. 2, 2 u. ö. nom. pl. reiks; Joh. 7, 26. Röm. 13, 3»; «Thiudans,

---

⁵⁵⁸ Get. 76, 101, 105, 161 и др.

⁵⁵⁹ Get. 49.

⁵⁶⁰ Get. 234.

⁵⁶¹ Get. 89.

⁵⁶² Get. 139, 225, 304 и др.

⁵⁶³ Get. 250.

⁵⁶⁴ Шкаренков П.П. Королевская власть в остготской Италии по «Variae» Кассиодора. Миф, образ, реальность / П.П.Шкаренков. - М., РГГУ, 2003. С.48.

⁵⁶⁵ См. более подробно: Davis, Graeme. Codex argenteus: lingua gotorum aut lingua gotica? // Journal of Language and Linguistics. Vol. 1 No. 3 2002. Электронная версия http://www.shakespeare.uk.net/journal/1_3/davis1_3.html

⁵⁶⁶ Включен в издание Stamm F.L., Heyne M., Wrede F. Ulfilas, oder die uns erhaltenen Denkmäler der gotischen Sprache. Paderborn, 1913. S. 232-332. Электронная версия http://www.ling.upenn.edu/~kurisuto/germanic/goth_heyne.txt

st. m., König; Mt. 5, 35. 11, 8. 25, 40. Joh. 6, 15. 19, 12. 1. Tim. 1, 17. 2, 2 и. ö.». Таким образом, в готском лексиконе существовали понятия, обозначающие статус «влиятельного человека, властителя, человека, наделенного властью» (*reiks*) и статус «короля» (*thiudans*). Иордан, будучи готом по происхождению, вероятно, четко осознает фактическую разницу между властью германского короля и местного вождя, в связи с чем в его сочинении возникают упомянутые сентенции, разграничивающие характер власти «вождей» и «королей»: «...приматы их и вожди (*primates eorum et duces*), которые возглавляли их вместо королей (*regum vice illis praeerant*)»⁵⁶⁷.

В то же время, будучи германцем, Иордан не всегда осознает разницу между латинскими титулами, обозначающими статус представителей публичной власти, в связи с чем в его работе проявляется еще одна характерная черта германской культурно-исторической традиции - терминологическая контаминация титулов короля и императора. В частности, в отрывке *Get.* 106 Иордан называет римских императоров Галла и Волузиана «королями»: «Вышеупомянутые же императоры (*imperatores*) Галл и Волузиан... лишь только достигли власти, заключили союз с готским племенем. Спустя недолгое время, после того как пали оба правителя (*nec longo intervallo utrisque regibus occumbentibus*), Галлиен захватил принципат»⁵⁶⁸. Необходимо отметить, что тенденция к сближению терминов *regnum* и *imperium* характерна, в целом, для позднеантичного дискурса. Как отмечает П.П. Шкаренков, «сомнения, испытываемые авторами относительно возможности и способов употребления слова *rex* и производных от него применительно к императорской власти, начинают рассеиваться со второй половины IV века. Этот феномен обнаруживается равным образом и у языческих и у христианских авторов, так что можно предположить, что речь идет о магистральной тенденции развития языка и идеологии, даже если в каждом конкретном случае могут быть выявлены и какие-то частные причины, стимулирующие данные процессы. Впрочем, самое сознательное и очевидное смешение императорской и царской власти мы можем проследить у христианских авторов»⁵⁶⁹.

Необходимо отметить, что данная тенденция вполне могла развиваться, испытывая, помимо прочего, влияние германской этнокультурной традиции, для которой характерно отождествление власти римских императоров и германских королей⁵⁷⁰. Данное отождествление наглядно прослеживается в германоязычных памятниках эпохи раннего средневековья, в частности, в известной «Англосаксонской хронике»⁵⁷¹, в тексте которой термин *rice* (власть,

---

⁵⁶⁷ *Get.* 134.

⁵⁶⁸ *Get.* 106

⁵⁶⁹ Шкаренков П.П. С.25.

⁵⁷⁰ Необходимо отметить, что в средневековой литературной традиции терминологическое различие окончательно стерлось. См., например: Павел Диакон. История лангобардов (VI, 12).

⁵⁷¹ Электронный вариант текста манускрипта A - Parker MS; Corpus Christ College, Cambridge MS 173 ff. 1-32 доступен на сайте университета Georgetown:

<http://www8.georgetown.edu/departments/medieval/labyrinth/library/oe/texts/asc/index.html>

королевство) используется в равной мере по отношению к власти римских императоров и германских королей.

Использование термина *rice* (власть, королевство)
в «Англосаксонской хронике» применительно к событиям эпохи
Великого переселения народов и образования германских королевств

Субъекты власти	Год	Использование термина
Римские императоры Маркиан и Валентиниан (о наследовании власти в Римской Империи)	449	Her Mauricius 7 Ualentes onfengon rice 7 ricsodon .vii. winter.
Король Эск (о наследовании власти в королевстве Кент)	488	Her Æsc feng to rice 7 was .xxiiii. wintra Cantwara cyning
Кердик скончался, и его сын Кинрик правил двадцать шесть лет	534	Her Cerdic forþferde, 7 Cynric his sunu ricsode forþ .xxvi. wintra
Король Кевлин (о наследовании власти в Уэссексе) Король Элла (о наследовании власти в Нортумбрии)	560	Her Ceawlin feng to rice on Wesseaxum, 7 ælle feng to Norþanhymbra... rice, Idan forðgefarenum. 7 heora ægðer rixade .xxx. wintra.
Король Этельбрикт (о наследовании власти в королевстве Кент)	565	Her feng Æðelbriht to Cantwara rice. 7 heold .liii. wintra.
Король Этельрик (о наследовании власти в Нортумбрии)	588	Her ælle cyning forþferde, 7 æþelric ricsode æfter him .v. gear.

Контаминация терминов *regnum* и *imperium* прослеживается также в рамках готской традиции эпохи Великого переселения народов. В частности, Х.Вольфрам отмечает, что на оттисках медалей из Силадь-Шомльё братья-императоры Валентиниан I и Валент названы «Regis (reges) Romanorum»⁵⁷².

В произведении Иордана термин «королевство» (*regnum*) нередко используется в качестве обозначения римского государства (*regnum Romanorum*): «Был он убит Пуппионом в Аквилейе и оставил государство Филиппу» (*occisusque Aquileia a Puppione, regnum reliquid Philippo*)⁵⁷³; «После кончины Деция римским государством овладели Галл и Волузиан» (*Defuncto tunc Decio Gallus et Volusianus regnum potiti sunt Romanorum*)⁵⁷⁴ и др. Характерно, что в 236 параграфе «Гетики» Иордан пользуется терминами «королевство» и «империя» как синонимами.

⁵⁷² Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии). СПб., Ювента, 2003. С.161-162.

⁵⁷³ Get. 88.

⁵⁷⁴ Get. 104.

Использование Иорданом понятия «Regnum Romanum»

Содержание фрагмента	Getica
occisusque Aquileia a Puppione, regnum reliquid Philippo... regni Romani	88
Defuncto tunc Decio Gallus et Volusianus regnum potiti sunt Romanorum	104
quasi murum regni sui contra ceteras statuit gentes	132
Haec in sino regni Romani super mare Ionio	148
ad suum regnum reducere	164
revocata est regni Romani	172
Maximus tyrrannico more regnum invasit	235
Leo imperator, qui in Orientali regno Marciano successerat	236
regnum reliquid Olybrio... a regno deiciens	239
Quo conperto Nepus fugit Dalmatias ibique defecit privatus a regno	241
Augustulum filium eius de regno pulsum	242
Gothorum dehinc regibus Romam Italiamque tenentibus	243
Romani regni	244, 264, 290, 303, 309
regnum accederet Orientalem	283

Элементы греко-римской историографической традиции

Использование Иорданом термина *rex* во многом испытывает на себе влияние герко-римской историографической традиции. В частности, повествуя о противостоянии гетов и персов, Иордан ссылается на свидетельство римского историка Помпея Трога («Pompeio Trogo testante...»⁵⁷⁵), сочинение которого дошло до нас в сокращении историка II-III вв. н.э. М.Юниана Юстина. Обращаясь к тексту сочинения Юстина, можно встретить использование термина *rex*, аналогичное встречающемуся в отдельных фрагментах произведения Иордана. В частности, в сочинении Юстина термином *rex* обозначается статус египетского фараона Весозиса («Vezosis... rex Aegyptius»)⁵⁷⁶, персидских царей Кира («rex Cyrus»)⁵⁷⁷ и Ксеркса («rex Xerxes»)⁵⁷⁸, термином *regina* обозначается статус царицы скифов Тамиры («regina Scytharum Tamyra»)⁵⁷⁹.

Характеризуя данную традицию использования термина *rex* для обозначения статуса представителей публичной власти различного уровня, можно обозначить ее как греко-римскую, учитывая, что труд Помпея Трога, как установлено, «в значительной степени базировался на греческом оригинале, скорее всего принадлежавшем старшему современнику Трога Тимагену

⁵⁷⁵ Get. 61.

⁵⁷⁶ Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога, (1,1). Русскоязычный перевод: Юстин Марк Юниан. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiae Philippicae» / Юстин. - М., Изд-во СПбГУ, 2005.

⁵⁷⁷ Юстин. Эпитома... (1,6) и др.

⁵⁷⁸ Юстин. Эпитома... (2, 10) и др.

⁵⁷⁹ Юстин. Эпитома... (1, 8).

Александрийскому – автору произведения «О царях». Кроме того, в нем (или же в его греческом первоисточнике) чувствуется заметное влияние таких авторов, подверженных кинико-стоическим влияниям, как Эфор, Феопомп и Посидоний»⁵⁸⁰. При этом, исследователи, принимая во внимание «наличие в произведении постоянно повторяющихся характерных терминов с придаваемым им своеобразным значением, определенный схематизм в их употреблении» склонны делать вывод о «достаточно самостоятельном духе работы Трога или, по крайней мере, об авторском осмыслении греческого оригинала»⁵⁸¹. Представленная в работе Помпея Трога манера использования термина *rex* для обозначения власти представителей «варварского» мира может, на мой взгляд, рассматриваться в качестве одной из характерных черт античной историографической традиции.

Таким образом, возможно проследить влияние ряда культурно-исторических традиций на формирование образа королевской власти в произведении Иордана. Данные традиции могут быть условно охарактеризованы как римская классическая (для которой характерно сближение «царской» власти с тиранической), германская (для которой характерна контаминация титулов короля и императора), готская «библейская» (для которой характерно четкое разделение власти *reges* и *principes*), и античная историографическая (характеризующая представителей публичной власти «варварского» мира общим термином *reges*). При этом, значительное влияние на создаваемый автором образ королевской власти оказывает модель организации власти в Римской империи, гето-фракийских обществах, гуннской «кочевой империи», а также германских «варварских королевствах».

---

⁵⁸⁰ Козулин В.Н. Особенности концепции примитивизма у Помпея Трога // Античное общество - IV: Власть и общество в античности. Материалы международной конференции антиковедов, проводившейся 5-7 марта 2001 г. на историческом факультете СПбГУ. СПб., 2001.

⁵⁸¹ Там же.

§ 2. Характеристика института королевской власти в произведении Иордана

В качестве терминов для обозначения власти короля Иордан использует словосочетания «regia potestas»⁵⁸², «principatus»⁵⁸³, «regia maiestas»⁵⁸⁴, «fastigium regali»⁵⁸⁵. Содержание данных терминов, очевидно, нуждается в уточнении. В качестве материала для анализа я выбираю фрагменты источника, характеризующие социально значимые действия короля, совокупность которых, вероятно, будет в значительной мере отражать содержание перечисленных выше понятий. В качестве социально значимого действия будем рассматривать публичное действие, оказывающее влияние на организацию, уклад, либо состояние общества⁵⁸⁶.

Согласно представлениям Иордана, король совершает следующие социально значимые действия⁵⁸⁷:

Правит (regnare): «правил... пятый после Берига король Филимер, сын Гадарига» (quinto rege regnante post Berig Filimer, filio Gadarigis)⁵⁸⁸. Следует отметить, что Иордан использует данный термин как по отношению к власти короля, так и по отношению к власти римского императора: «Когда правил император Север» (nam hic Severo imp. regnante)⁵⁸⁹.

Использование Иорданом термина «regnare»

Субъект действия	Использование термина	Getica
Филимер (король готов)	quinto rege regnante post Berig Filimer	26
Бурвиста (царь гетов)	regnante Gothis Buruista	67
Гай Тиберий	Gaius Tiberius iam tertius regnat Romanis	68
Домициан	Domitiano imperatore regnante	76
Максимин	Is triennio regnans	83
Север	Nam hic Severo imp. regnante	84
Филипп	Philippo... regnante Romanis	89
Галл и Волузиан	ubique regnaverunt gratiosi	106
Гизерих (король вандалов)	diu regnans	169
«Царствующие»	regnantibus	175, 255

⁵⁸² Get. 67.

⁵⁸³ Get. 174, 246.

⁵⁸⁴ Get. 215, 218.

⁵⁸⁵ Get. 171.

⁵⁸⁶ Как можно видеть, предложенное понимание «социально значимого действия» во многом соотносится с концепцией «социального действия» М.Вебера (см.: Вебер М. Основные социологические понятия / Пер. с нем. М. И. Левиной // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С.602-603 и далее), однако, не в полной мере ему соответствует.

⁵⁸⁷ Латинский глагол приводится в форме инфинитива.

⁵⁸⁸ Get. 26, см. также Get. 278.

⁵⁸⁹ Get. 84.

Субъект действия	Использование термина	Getica
Бледа	Bleda... qui magnae parti regnabat Hunnorum	181
Рикиарий (король свевов)	iudicans oportunitatem tempus subreptionis incomposita initia temptare regnantis	229
Майориан	ipse non diu regnans	236
Гизерих (король вандалов)	in Africa quietus regnaret	244
Гунимунд	rexit eos Hunimundus	250
Тиудимер	quamvis dudum cum fratribus regnans	278
Бабай (король сарматов)	superbiae tumore regnabat	282
Гликерий	Glycerius regnabat imperator	283
Везеготы	Vesegothas eorum parentes regnare	284
Тиудигисглоза	non diu regnans	303
Аталарих и Амаласвента	per octo annos in pace regnarunt	305
Племя готов	fortissimamque gentem diuque regnantem	313

Как уже отмечалось выше, контаминация власти короля и императора характерна, в целом, для готской традиции. По отношению к власти короля Иордан нередко использует глагол «*властвовать*» (*imperare*): «Они... в благоденствии владели королевством... один за другим принимал власть и правил народом в мире» (*regnum feliciter possiderunt... suoque ordine unus post unum regnum excipiens in pace populis imperavit*)⁵⁹⁰. Иордан достаточно произвольно пользуется термином «*imperare*», прибегая к нему как в случаях, когда подчеркивается абсолютный характер власти короля («Он властвовал, таким образом, над всеми племенами Скифии и Германии, как над собственностью» (*omnibusque Scythiae et Germaniae nationibus ac si propriis laboribus imperavit*), так и характеризуя власть мелких вождей, которых он пренебрежительно называет «царьками» (*regulus*): «готским племенем всегда управлял его собственный царек» (*genti Gothorum semper proprius regulus... imperaret*)⁵⁹¹.

Использование Иорданом термина «*imperare*»

Субъект действия	Использование термина	Getica
Дикиней (жрец гетов)	non solu mediocribus, immo et regibus imperaret	71
Корилл (царь гетов)	per quadraginta annos in Dacia suis gentibus imperavit	73
Диоклетиан и Максимиан	imperante Dioclitiano et Maximiano	91

⁵⁹⁰ Get. 169.

⁵⁹¹ Get. 249.

Субъект действия	Использование термина	Getica
Германарих (король готов)	omnibusque Scythiae et Germaniae nationibus ac si propriis laboribus imperavit	120
Народ готов	ut cives et domini possessoribus imperare	137
«...кто окажется победителем»	et iam securus qui victor existeret imperaret	152
Короли вандалов	suoque ordine unus post unum regnum excipiens in pace populis imperavit	169
Винитарий (король остготов)	Sed dum tali libertate vix anni spatio imperasset	248
Готский «царек» (наместник гуннов)	genti Gothorum semperum proprius regulus, quamvis Hunnorum consilio, imperaret	249
Тиудимер, Валамир и Видимер	...tamen... imperabant, ut ipsi Attilae Hunnorum regis imperio deservirent	253
Сыновья Атилы	dum inconsulti imperare cupiunt cuncti, omnes simul imperium perdiderunt	259

Характерно то, что по отношению к власти римских императоров Иордан чаще пользуется глаголом *regnare*, тогда как глагол *imperare*, наоборот, чаще характеризует власть «варварских» предводителей. Характеризуя упомянутые выше лексические особенности повествовательной манеры Иордана, необходимо отметить, что Иордан не только часто следует готской традиции смешения политических терминов, но, как бы оправдывая свое происхождение и манеру (а также придерживаясь норм профессионального этикета своего времени), называет себя «agrammatus»⁵⁹². Необходимо также принять во внимание тот факт, что, как справедливо отметил С.С. Аверинцев, «Гетика» Иордана является первой известной современным исследователям латинской книгой, написанной германцем.

Возможно, на мой взгляд, предположить, что Иордан действительно не вполне осознает разницу между содержанием власти германского короля и римского императора, в связи с чем смешение различных терминов является естественным следствием авторских представлений о тождественном характере власти остготских королей и их италийских предшественников.

Носит знаки власти

Как это явствует из работы Иордана, король приобретает свой статус лишь после принятия власти. Для выражения процесса принятия власти Иордан пользуется выражением *in regno conscendere* («воцарение»)⁵⁹³. Характеризуя процесс принятия власти, Иордан упоминает наделение соответствующими знаками власти (*potestatis insignia*). «После смерти Валамера готы поспешили к брату его Тиудимеру; некогда правивший вместе с братьями, но принявший тем

⁵⁹² Get. 266.

⁵⁹³ Get. 73, 252.

не менее знаки высшей власти» (Gothi tunc Valamero defuncto ad fratrem eius Thiudimer confugerunt. qui quamvis dudum cum fratribus regnans, tamen auctioris potestatis insignia sumens)⁵⁹⁴; Принятие знаков власти означает для Иордана, по-видимому, наделение лица упомянутым «королевским величием» (fastigium regali)⁵⁹⁵.

Не всегда, однако, ясно, а каких именно знаках власти ведет речь Иордан. К примеру, рассматривая отрывок «Амал Винитарий удержал все знаки своего господствования (principatus sui insignia retinente)»⁵⁹⁶, возможно предположить, что в данном фрагменте выражение «principatus insignia» употребляется фигурально, подчеркивая лишь характер власти Винитария. Однако в другом фрагменте сочинения можно встретить более конкретное упоминание материальных знаков, символов власти: «Даже вражеское высокомерие, казалось, склонится, когда проносили тело великого короля (tanti regis efferrī cadaver) со всеми знаками величия (cum suis insignibus)»⁵⁹⁷. Данные символы величия, таким образом, сопровождали короля даже в последний путь. Другой фрагмент сочинения Иордана дает возможность предположить, что упомянутые символы могли быть связаны со значительными материальными ценностями: «...в лоно этой могилы опустили Алариха со множеством сокровищ (cum multas opes)»⁵⁹⁸. В пользу данного предположения могут быть также приведены используемые Иорданом выражения «царская пышность» (regio apparatus)⁵⁹⁹ и «царственное великолепие» (regali pompa)⁶⁰⁰.

В одном из фрагментов своего сочинения Иордан дает косвенное указание на связь понятия «знаки власти» с облачением италийского короля остготов: «Теодорих, по решению императора Зинона, снял с себя частное платье и одежду своего племени (privatum abitum suaеque gentis vestitum seronens) и принял пышное царское облачение (insigne regio) уже как правитель готов и римлян»⁶⁰¹. Принятие «знаков власти», как следует из данного фрагмента, сопровождалось оставлением традиционной германской одежды. Необходимо, однако, учитывать, что в данном фрагменте Иордан ведет речь о принятии Теодорихом римского титула, в связи с чем не вполне ясно, насколько принятое Теодорихом новое облачение соответствовало традиционному облачению германского короля.

Принуждает к подчинению законам (legibus vivere facere): «...он заставил их жить в соответствии с природой, по собственным законам» (naturaliter propriis legibus vivere fecit)⁶⁰²; принуждает жить в соответствии со своими

---

⁵⁹⁴ Get. 278.

⁵⁹⁵ Get. 171.

⁵⁹⁶ Get. 246.

⁵⁹⁷ Get. 214.

⁵⁹⁸ Get. 158.

⁵⁹⁹ Get. 165.

⁶⁰⁰ Get. 138.

⁶⁰¹ Get. 295.

⁶⁰² Get. 69.

законами: «Германарих... заставил их повиноваться своим законам» (Hermanaricus... suisque parere legibus fecit)⁶⁰³. У Иордана способность «принуждать» к подчинению законам ассоциируется, вероятно, с римской государственной моделью, и Иордан экстраполирует данную модель на готов и других представителей barbaricum'a. Известно, что система отношений, обозначенная, как Germanorum libertas противопоставлялась в целом миру Imperium'a⁶⁰⁴, и именно «варварству» Павел Орозий приписывает «неспособность подчиняться законам»⁶⁰⁵. На рубеже V-VI веков остготами была проведена значительная работа по преодолению данного историко-культурного барьера⁶⁰⁶. Теодорих Великий провозглашает разрыв с «варварским» прошлым остготов, активно занимается правотворческой деятельностью, и стремится провести в жизнь подчинение закону с очевидной настойчивостью, регулярно обращаясь к своим соотечественникам в официальных посланиях⁶⁰⁷.

Исследователи сходятся во мнении о том, что Иордан в своем сочинении намеренно завышает древность письменного права готов⁶⁰⁸. Как отмечает Исидор Севильский, «в правление короля Эвриха, готы начали записывать свои законы, которые прежде были известны *только как традиции и обычаи* (курсив мой – С.С.)»⁶⁰⁹. Обычное право сохраняло свою определяющую роль на всем протяжении древней истории германцев. Известно, что попытка насадить в Германии римскую систему судопроизводства и принципы «права народов» окончилось в свое время гибелью римских легионов под командованием Вара. Вряд ли возможно, в связи с этим, предположить, что германские короли могли принудить племена к подчинению своим «законам».

Sudum (iudicere): «Он (Комозик – С.С.) был у них и королем, и первосвященником (rex... et pontifex) по причине своей учености; и судил (iudicabat) он народ с высшей справедливостью (in summa iustitia)»⁶¹⁰. Необходимо отметить, что данное свидетельство привлекается Иорданом не из германской истории, поскольку в приведенном фрагменте Иордан прибегает к своей излюбленной контаминации фракийского народа гетов и германского народа готов.

⁶⁰³ Get. 116.

⁶⁰⁴ См.: Кнабе Г.С. Корнелий Тацит. Время. Жизнь. Книги / Г.С.Кнабе. - М., Наука, 1981. С. 137.

⁶⁰⁵ Цит. по: Иордан. О происхождении и деяниях гетов. - СПб., 1997. - С.299.

⁶⁰⁶ См.: Санников С.В. Критерии «варварства» эпохи «Остготского Возрождения» // Труды XXXIX МНСК. Новосибирск, 2001. С.62-71.

⁶⁰⁷ См. напр. Var. (III,24).

⁶⁰⁸ Более подробно точку зрения Е.Ч.Скржинской см.: Иордан. О происхождении и деяниях гетов. СПб., 1997. С.236; мнение А.И.Неусыхина см.: там же. С.467.

⁶⁰⁹ Isidori Hispalensis Historia de regibus Gothorum, Wandalorum et Svevorum, XXXV: Sub hoc rege Gothi legum statuta in scriptis habere coeperunt, nam antea tantum moribus et consuetudine tenebantur. Русскоязычный перевод здесь и далее по тексту цит. по: Исидор Севильский. История готов, вандалов и севов. - Пер. Т.А. Миллера / Исидор Севильский // Памятники средневековой латинской литературы IV-IX вв. М., 1970. Электронная версия: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Isidor_S/frameset.htm

⁶¹⁰ Get. 73.

Как отмечал Цезарь, у германцев «в мирное время... главы регионов и областей (*principes regionum atque pagorum*) творят суд и улаживают споры»⁶¹¹. Вопрос о соотношении судебной власти глав областей и общественного собрания более подробно раскрывается в сочинении Тацита. «На тех же собраниях также избирают старейшин, отправляющих правосудие в округах и селениях (*eliguntur in isdem conciliis et principes, qui iura per pagos vicisque reddunt*); каждому из них дается охрана численностью в сто человек из простого народа (*centeni singulis ex plebe comites*) - одновременно и состоящий при них совет (*consilium*), и сила, на которую они опираются (*simul et auctoritas adsunt*)»⁶¹².

Рассматриваемое общество остается еще в целом субъектом власти, т.к. ни один участник общественного собрания не вправе ущемить права и достоинство свободного члена племени («...казнить, заключать в оковы и подвергать телесному наказанию не позволено никому...»⁶¹³), кроме как в случае принятия общего решения (если речь идет, например, о наказании преступника): «Перед народным собранием также можно выступать с обвинением и предлагать на разбирательство дела, влекущие за собой смертную казнь»⁶¹⁴.

По всей видимости, должность выборного лица, проводившего судебные тяжбы по отдельным областям у древних германцев, упоминавшегося Цезарем, сопоставима с ролью шведского лагмана (*lagman*), толкователя закона, управлявшего областью вместе с советом хёвдингов (*hofdingi*)⁶¹⁵. Среди германских источников, освещающих роль общественного собрания при проведении судебных тяжб, возможно выделить «Сагу о гутах»⁶¹⁶, содержащую описание общественного устройства острова Готланд до включения этой области в сферу влияния шведских конунгов. Как можно заключить из текста, вся территория острова делилась на три тридьюнга (*tritiungar*, трети)⁶¹⁷, население которых собиралось на регулярные тинги (*ting*, собрания) третьей по случаю принесения регулярных человеческих жертвоприношений, и по особым случаям на «тинг всех гутов» (*gutnal ting*)⁶¹⁸. Согласно действовавшей традиции, возникавшие судебные распри должны были «разрешаться в том же самом тридьюнге, в котором возникли», а если спор не был разрешен, его следовало «передать на обсуждение всех людей (*til aldra manna samtalan*)»⁶¹⁹,

⁶¹¹ Цезарь. Цит. по: Древние германцы. Сборник документов. М., 1937. С.29

⁶¹² Tacitus. *Germania*, 12. Цит. по: Тацит Публий Корнелий. *Анналы. Малые произведения. История.* / Тацит. - М., Ладомир, 2001.

⁶¹³ Тацит. Цит. по: Древние германцы... С.59.

⁶¹⁴ Там же. С.62.

⁶¹⁵ См. Ковалевский С.Д. *Образование классового общества и государства в Швеции* / С.Д.Ковалевский. - М., Наука, 1977. С.101.

⁶¹⁶ *Gutasaga*. Общепринятое в науке название для заключительной части древнешведского (древнегутского) сборника законов *Gutalag*. В русском переводе опубликована: *Сага о гутах.* // Средние века. М., 1975. Вып.38. С.307-311.

⁶¹⁷ См. *Сага о гутах...* С.307.

⁶¹⁸ Там же. С.308.

⁶¹⁹ *Сага о гутах...* С.309.

т.е. на тинг всех гутов. Решение общего тинга приравнивалось к «совету страны», и считалось выражением высшей судебной власти.

В остготском королевстве Италии высшую судебную инстанцию представлял собой уже королевский совет⁶²⁰. Необходимо, однако, учитывать, что, как справедливо отметил А.Р.Корсунский, «у остготов под влиянием римских политических и юридических учреждений и идей королевская власть в считанные годы из органа военной демократии переросла в орган государственной власти»⁶²¹. Королевский совет, вероятно, во многом испытывал на себе влияние позднеимперского института комитата⁶²².

Возглавляет (praeire): «часть их, владевшую восточной стороной, возглавлял Острогота» (*ibi pars eorum, qui orientali plaga tenebat, eisq̄ue praeerat Ostrogotha*)⁶²³. Исполнение функций главы определенной этнополитической общности является в представлении Иордана неотъемлемым правом (обязанностью) короля. Реализация данной функции осуществляется, прежде всего, посредством предводительства военными походами⁶²⁴, принятия политических решений⁶²⁵, представления интересов своего народа в дипломатических отношениях⁶²⁶.

Иордан рассматривает в качестве нормы положение, при котором функции главы этнополитической общности исполняет король. В случае отсутствия королевской власти данная общность может возглавляться предводителями меньшего уровня. Как уже отмечалось выше, характеризуя организацию власти в вестготском обществе эпохи расселения в римских провинциях Мезии и Фракии, Иордан отмечает, что ими управляли «*приматы их и вожди (primates eorum et duces)*, которые возглавляли их *вместо королей (regum vice illis praeerant)*» (курсив мой – С.С.)⁶²⁷.

Постановляет (ordinare): «Перед кончиной призвал он ряд своих сыновей и приказал (*ordinavit*) им, чтобы не было между, ними борьбы в домогательстве власти (*ne inter ipsos de regni ambitione intentio esset*)»⁶²⁸. Данное действие короля соответствует упомянутой концепции управления «*imregio*», которую Иордан применяет по отношению к характеристике власти германских королей. Рассматриваемое действие, вероятно, может служить одним из существенных

⁶²⁰ См.: Корсунский А.Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе / А.Р.Корсунский. - М., Изд-во МГУ, 1963. С.96.; Удальцова З.В. Италия и Византия в VI в. / З.В.Удальцова. - М., Изд-во АН СССР, 1959. С.152-153.; Дворецкая И.А. Организация управления в остготском королевстве // ВВ. т.21. 1962. С.14-15.

⁶²¹ Корсунский А.Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963. С.96.

⁶²² См. более подробно: Удальцова З.В. Италия и Византия в VI в. / З.В.Удальцова. - М., Изд-во АН СССР, 1959; Шкаренков П.П. Римский сенат и сенаторская аристократия в Остготской Италии // «Новый исторический вестник», 2001, № 2 (4). С.45-63.

⁶²³ Get. 82.

⁶²⁴ Get. 190, 250, 283 и др.

⁶²⁵ Get. 99, 101 и др.

⁶²⁶ Get. 142-143, 189, 274 и др.

⁶²⁷ Get. 134.

⁶²⁸ Get. 169.

показателей отличия королевской власти от власти предводителей иного уровня, поскольку право на осуществление данного действия изначально не свойственно германскому институту общественного предводительства. Как свидетельствует Тацит, описавший традиции германского общества I в. н.э., у германцев «вожди главенствуют скорее примером, чем на основании права приказывать (...duces exemplo potius quam imperio)»⁶²⁹. Характерно также и то, что, как свидетельствуют более поздние источники, в традиционном германском обществе в мирное время власть короля была ограничена волей совета бондов, - по данным Римберта, у свеев «в обычае, что всякое общественное дело более зависит от единодушной воли народа (in populi unanima voluntate), чем от королевской власти»⁶³⁰.

Истоки представлений Иордана о характере властно-распорядительного начала королевской власти возможно, на мой взгляд, проследить при анализе фрагмента, освещающего характер власти братьев Тиудимера, Валамира и Видимера⁶³¹. Согласно свидетельству Иордана, братья таким образом повелевали (imperabant) племенем готов, «что сами [в свою очередь] подчинялись власти Атиллы, гуннского короля (Attilae Hunnorum regis imperio deservirent)», и «им не было возможности отказаться от борьбы против своих же родичей, везеготов, потому что приказание владыки (necessitas domini), даже если он повелевает отцеубийство (parricidium si iubet), должно быть исполнено»⁶³². Представляется, на мой взгляд, возможным высказать предположение о том, что существенное влияние на формирование взглядов Иордана о характере директивного начала королевской власти оказала административная модель гуннской кочевой империи.

Держит во власти (tenere): «...короля Атиллы, державшего [в своей власти] весь варварский мир» (Attilae regis barbariae tota tenenti)⁶³³; «...с тех пор Италию и Рим стали держать готские короли» (Gothorum dehinc regibus Romam Italiamque tenentibus)⁶³⁴. Данное действие, по всей видимости, также рассматривается Иорданом как реализация концепции «imperio», о чем может свидетельствовать, к примеру, следующий отрывок: «И начали тогда готы, уже не как пришельцы и чужаки, но как [римские] граждане и господа повелевать землевладельцами (domini possessoribus imperare) и держать в своей власти все северные области вплоть до Данубия (totasque partes septentrionales usque ad Danubium suo iuri tenere)»⁶³⁵

---

⁶²⁹ Germania, VII. Цит. по: Древние германцы... С.189.

⁶³⁰ Там же. С.94.

⁶³¹ Get. 253.

⁶³² Get. 253.

⁶³³ Get. 179.

⁶³⁴ Get. 243.

⁶³⁵ Get. 137.

Усыновляет (adoptare filium): «пленника своего усыновил» (eundem, quem seperat, adoptans sibi filium)⁶³⁶. Возможность «усыновления по оружию» являлась прерогативой и важным дипломатическим инструментом в руках германских королей. Согласно древней традиции, будущий вождь германского племени проходил своеобразную инициацию путем получения оружия из рук предводителя другого племени. Как отмечал Павел Диакон, оставивший описание ряда ритуалов передачи власти в традиционном обществе лангобардов, «...господствует обычай, что сын короля не раньше может садиться за стол вместе с отцом (ut regis cum patre filius prandeat), как получив оружие от короля какого-нибудь другого народа (a rege gentis exterae)»⁶³⁷. Сходный обычай, по всей видимости, отражен в тексте англо-саксонской поэмы «Беовульф», в эпизоде, в котором юный вождь из народа гаутов отправляется к конунгу данов, для того, чтобы прославить себя ратными подвигами: «...тогда был дан мне совет, моим народом, лучшими из него, мудрыми людьми (ceorlas), король Хродгар (theoden Hrodgar), что тебя я должен искать»⁶³⁸. В награду за успешную службу король данов называет вождя гаутов своим сыном: «...теперь, Беовульф, ...я как сына (for sunu) буду любить тебя»⁶³⁹.

Покоряет племена (gentes perdomare): «Германарих... покорил много весьма воинственных северных племен» (Hermanaricus... multas et bellicosissimas arctoi gentes perdomuit)⁶⁴⁰. Необходимо отметить, что постоянная военная активность рассматривалась античными авторами в качестве одного из характерных свойств «варварского» мира, яркими представителями которого являлись германцы. В частности, Страбон, описывая прирейнских германцев отмечает, что «они попеременно друг с другом владеют то одними, то другими местами и принимают одни от других искру войны, всегда уничтожая своих предшественников»⁶⁴¹. Войны действительно сопровождали большую часть древней истории германских народов, начиная с момента выхода германцев на периферию римского мира. Можно полагать, что Великое переселение народов выступило своего рода катализатором захватнических войн, в ходе которых «покорение племен» могло, в ряде случаев, становиться жизненной необходимостью.

Покорение племен также характерно для этапа перехода от организации простого вождества к структуре компаундного вождества, либо «варварской империи». В качестве примера можно привести эволюционный фактор в

---

⁶³⁶ Get. 274.

⁶³⁷ Historia langobardorum (I, 23): «non esse apud nos consuetudinem, ut regis cum patre filius prandeat, nisi prius a rege gentis exterae arma suscipiat».

⁶³⁸ Beowulf, 415-417 (*перевод мой – С.С.*). По: Электронная версия: <http://www.heorot.dk/beo-intro-rede.html>
Необходимо отметить, что существующий русскоязычный перевод В.Тихомирова (см.: Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., Художественная литература, 1975) хотя и отличается художественной ценностью (поскольку передает поэтический характер источника), далек от текста оригинала.

⁶³⁹ Beowulf, 946-947 (*перевод мой – С.С.*). По: Электронная версия: <http://www.heorot.dk/beo-intro-rede.html>

⁶⁴⁰ Get. 116.

⁶⁴¹ Страбон. География (IV, 3, 4). Цит. по: Древние германцы. Сборник документов... С.35.

развитии свевово-маркоманской общности короля Маробода, который «достиг среди своих соплеменников верховной власти (*principatum*), не насильно навязанной, случайной и неустойчивой, а напротив, прочной и основанной на согласии подданных»⁶⁴². Далее, заняв вместе со своими соплеменниками территорию к востоку от Герцинского леса, «он подчинил себе всех соседей отчасти при помощи оружия, а отчасти путем мирных переговоров»⁶⁴³.

Особенное восхищение германцев вызывал предводитель гуннов Аттила, ставший героем германо-скандинавского эпоса как великий конунг и завоеватель. Отголосок данных представлений может быть отмечен и в сочинении Иордана, который называет Аттилу «великим королем» (*praecipuus rex Attila*), «...который с неслыханным дотоле могуществом один овладел скифским и германским царствами» (*qui inaudita ante se potentia solus Scythica et Germanica regna possedit*)⁶⁴⁴. Рассматривая возможные источники создаваемого Иорданом образа короля как завоевателя, необходимо, на мой взгляд, также обратиться к сочинению Помпея Трога. Как следует из сочинения Помпея Трога, «...первым среди всех царей Ниний, царь Ассирийский... пошел войной на своих соседей, и подчинил народы вплоть до границ Ливии»⁶⁴⁵.

Таким образом, исходя из анализа терминологии, используемой Иорданом применительно к институту королевской власти, можно видеть, что Иордан намеренно сближает власть готских королей с властью римских императоров, а также гуннских и гето-фракийских царей. Реконструкция образа королевской власти на основании содержащихся в рассматриваемом произведении сведений позволяет сделать вывод о том, что образ короля в сочинении Иордана соответствует образу самодержца, суверена. Созданный Иорданом образ королевской власти может считаться уникальным образом эпохи Великого переселения народов, испытывающим на себе влияние различных культурных традиций, сочетающим разнородные социальные измерения, и представляющим собой воплощение идеи государственной власти, основанной на принципах объединения варварского и цивилизационного начала.

---

⁶⁴² Веллей Патеркул. Цит. по: Древние германцы... С.43.

⁶⁴³ Там же.

⁶⁴⁴ *Get.* 257.

⁶⁴⁵ Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога (I, 1).

§ 3. Способы передачи и принятия королевской власти

Важной составляющей образа королевской власти в произведении Иордана является способ передачи и принятия королевской власти. Иордан знаком с различными способами передачи и принятия власти, ряд из которых Иордан фиксирует на материале германских обществ. Данные способы могут быть охарактеризованы следующим образом:

1. Принятие власти от соплеменников (избрание королем).

В качестве одного из способов легитимной передачи власти Иорданом рассматривается принятие власти от соплеменников, или избрание королем. Назначение королей выборным путем является одной из древних германских традиций, зафиксированных еще в сочинении Тацита⁶⁴⁶. В произведении Иордана данный способ наиболее ярко представлен в эпизоде, описывающем предательство короля готов Теодахада. В тот момент, когда поведение доверенных лиц Теодахада показалось «готскому войску... подозрительным», «оно криком требует свергнуть Теодахада с престола (*Theodahadum clamitat regno pellendum*) и поставить королем (*in rege levandum*) вождя их Витигеса, который был теодахадовым оруженосцем. Так и было сделано. Тут же, на Варварских полях, Витигес вознесен на престол... (*in regno levatus*)»⁶⁴⁷.

Иордан пользуется различными выражениями для описания рассматриваемого способа получения королевского титула (*in regno levatus*⁶⁴⁸, *creatus est rex*⁶⁴⁹, *ordinatio regem*⁶⁵⁰, *rex constituitur*⁶⁵¹). Наиболее часто автор пользуется глаголами *ordinare* и *constituere*.

Использование Иорданом глагола **ordinare** (в контексте «назначения»):

Объект действия	Цитата	Get.
Аларих	<i>ordinato super se rege Halarico</i>	146
Ромул Августул	<i>Augustulo vero a patre Oreste in Ravenna imperatore ordinato</i>	242
Авит	<i>secessit Placentia, ibique episcopus est ordinatus</i>	240
Римисмунд	<i>Rimismundum sibi Suavi regulum ordinaverunt</i>	234
Теодорих Амал	<i>Theodorico vero gentis suae regem... ordinato</i>	289

⁶⁴⁶ Tacitus. *Germania*, VII: «Reges ex nobilitate, duces ex virtute sumunt». Цит. по: Тацит Публий Корнелий. *Анналы. Малые произведения. История.* / Тацит. - М., Ладомир, 2001.

⁶⁴⁷ Get. 309-310.

⁶⁴⁸ Get. 309-310.

⁶⁴⁹ Get. 147.

⁶⁵⁰ Get. 146, 289.

⁶⁵¹ Get. 163, 164 и др.

В случаях использования Иорданом глагола *ordinare* при описании процесса получения титула путем назначения или выборов, субъектом действия может выступать как социальная общность (например, в случае назначения королем готов Алариха⁶⁵², епископом Плаценции - Авита⁶⁵³, «царьком» (*regulus*) свевов - Римисмунда⁶⁵⁴), так и отдельные личности (как в случае «назначения» королем готов Теодориха Амала⁶⁵⁵, римским императором – Ромула Августула⁶⁵⁶). Объектом действия выступает кандидатура на роль представителя публичной власти (короля, епископа, императора).

Использование Иорданом глагола **constituere**
(в контексте «избрания, поставления»):

Объект действия	Цитата	Get.
Сегерих	post cuius mortem Segericus rex constituitur	163
Валя	Dehinc iam... rex constituitur Valia	164
Аттила	arbitratur se mundi totius principem constitutum	183
Предводитель свевов	sibi de suo genere principem constituerent	234
Тиудис	tutorem in Spaniae regno Amalarici nepotis constituit	302
Аталарих	Athalaricum... regem constituit	304

При использовании в аналогичном контексте глагола *constituere*, субъектом действия может выступать социальная общность (как в случае назначения королей готов Сегериха⁶⁵⁷, Валии, предводителя свевов⁶⁵⁸), так и отдельные личности (как в случае назначения Тиудиса опекуном Амаларика⁶⁵⁹, королем готов - Аталариха⁶⁶⁰). В отдельном случае Иордан использует данный глагол без обозначения субъекта действия, как бы подразумевая наличие силы, подобной Провидению (как в случае обретения Марсова меча Аттилой⁶⁶¹).

Передача власти

Для обозначения действия по передаче власти Иордан пользуется глаголами *tradeo*⁶⁶² и *deferro*⁶⁶³. В целях уточнения сущности процесса передачи

⁶⁵² Get. 146

⁶⁵³ Get. 240

⁶⁵⁴ Get. 234

⁶⁵⁵ Get. 289

⁶⁵⁶ Get. 242

⁶⁵⁷ Get. 163

⁶⁵⁸ Get. 164

⁶⁵⁹ Get. 302

⁶⁶⁰ Get. 304

⁶⁶¹ Get. 183.

⁶⁶² Get. 158. «regnumque Vesegotharum Ataulfo... tradent»

⁶⁶³ Get. 215. «Gothi... regiam deferunt maiestatem»

власти, обозначаемого данными терминами, необходимо рассмотреть содержащуюся в сочинении Иордана характеристику совершаемых при этом действий. Свидетельства данного рода, содержащиеся в сочинении Иордана, немногочисленны, но достаточно информативны. В частности, при описании процесса наделения королевской властью Торисмуда, Иордан отмечает, что готы передали наследнику власть, «...гремя оружием (*armis insonantibus*)»⁶⁶⁴. Использование оружия при передаче королевской власти является, на мой взгляд, указанием на соответствие рассматриваемого действия древней германской традиции, согласно которой считалось, что «воздать похвалу оружием (*armis laudare*)... самый почетный вид одобрения»⁶⁶⁵. Рассматриваемое свидетельство Иордана позволяет заключить, что передача власти совершалась в присутствии общественного собрания.

Аврелий Кассиодор, описавший в одном из своих посланий обстоятельства избрания остготского короля согласно «обычаю предков» (*more maiorum*)⁶⁶⁶, отмечает, что данная процедура совершалась «среди обнаженных мечей... не в тесноте покоев, но в широком поле... под рев военных труб»⁶⁶⁷. Можно полагать, что упомянутый «обычай предков» включал в себя совершение описанного в сочинении Тацита ритуала, согласно которому, после процедуры аккламации новопровозглашенного короля «ставили на большой щит и поднимали на плечи»⁶⁶⁸. Описание сходного действия можно встретить и в сочинении Григория Турского, в фрагменте, повествующем об избрании Хлодвига королем кельнских франков: «Как только они (франки – *C.C.*) это услышали, они в знак одобрения стали ударять в щиты и кричать (*plaudentes tam parmis quam vocibus*), затем подняли Хлодвига на круглом щите и сделали его над собой королем (*super se regem constituunt*)»⁶⁶⁹. Сопоставление указанных свидетельств позволяет предположить, что описываемый в сочинении Иордана способ передачи власти является формой реализации древнего германского обычая, зафиксированного еще Корнелием Тацитом, и сохранявшего силу в течение значительного периода времени у различных германских народов.

2. Наследование согласно «праву наследования».

Иордан упоминает «право наследования» власти в фрагменте, повествующем о судьбе афинского царя Перидикки, «которого Александр... оставил своим преемником (*reliquerat successorem*) на основе наследственного

---

⁶⁶⁴ Get. 215.

⁶⁶⁵ Tacitus. *Germania*, 11. Цит. по: Тацит Публий Корнелий. *Анналы. Малые произведения. История.* / Тацит. - М., Ладомир, 2001.

⁶⁶⁶ Cassiodori Aurelii *Variarum libri XII* (X.31.1).

⁶⁶⁷ Ibidem.: «...inter procinctuales gladios... Non enim in cubilis angustiis, sed in campis late ...inter ...tubis conserantibus...». См. также русский перевод: Корсунский А.Р. *Возникновение феодальных отношений в Западной Европе.* Вып.2. М., 1968. С.27.

⁶⁶⁸ Тацит. *История IV*, 15. Цит. по: Тацит Публий Корнелий. *Анналы. Малые произведения. История.* / Тацит. - М., Ладомир, 2001.

⁶⁶⁹ *Gregorii Turonensis libri Historiarum* (II, 40).

права (*hereditarium iure*) в государстве Афинском (*Atheniensium principatui*)»⁶⁷⁰. Основание «наследственного права», по всей видимости, представляется автору приоритетным в случаях преемства королевской власти, обозначаемого дежурным выражением «*successio in regno*».

Использование Иорданом терминов *successor*, *successio*

Successor	Цитата	Getica
Еврифил (сын Телефа)	Thelepho vero defuncto Euryphylus filius successit in regno	60
Пердикка (афинский преемник Александра на основании «наследственного права»)	Adversus Perdiccam Macedoniae regem, quem Alexander apud Babylloniam ministri insidiis potans interitum Atheniensium principatui hereditario iure reliquerat successorem	66
Германарих	Hermanaricus nobilissimus Amalorum in regno successit	116
Атанарих	Aithanaricoque rege, qui tunc Fritigerno successerat	142
Теодерид	Et illi iam post mortem Valliae Theoderidum ei dederant successorem	175, 176
Аттила и Бледа	cum Bleda germano Hunnorum successit in regno	180
Император Лев	Leo imperator, qui in Orientali regno Marciano successerat	236
Аларих II	Huic successit proprius filius Alarichus	245
Торисмуд	Eoque defuncto successit Thorismud filius eius	250
Валамир	Ex quibus per successione parentum Valamir in regno conscendit	252
Видимер	Et mox Vidimer Italiae terras intravit, extremum fati munus reddens rebus excessit humanis, successorem relinquens Vidimer filium suumque synonymum	284

Анализируя использование рассматриваемого выражения в сочинении Иордана, можно сделать заключение о том, что Иордан стремится подчеркнуть преемственность, непрерывность власти даже в тех случаях, когда для этого нет достаточных оснований, в частности – в случае отношений между предводителями готов Атанарихом и Фритигерном. Как упоминает Исидор Севильский, «...на тринадцатом году императора Валента, готы в Истрии разделились между Атанарихом и Фритигерном, устроив взаимную резню»⁶⁷¹. По свидетельству Зосима, «Атанариха изгнали три предводителя разных частей (μοιρα) готов, а именно: Фритигерн, Аллотей (Алафей) и Сафрак,

⁶⁷⁰ Get. 66.

⁶⁷¹ Isidori Hispalensis Historia de regibus Gothorum, Wandalorum et Svevorum, VII: Aera CDXV, anno XIII imperii Valentis, Gothi in Istrum adversus semetipsos in Athanarico et Fridigerno divisi sunt, alternis sese caedibus depopulantes.

направлявшиеся в поход для захвата Македонии и Эпира. Атанарих бежал с ближайшими соратниками (*συν τῷ οικείῳ πληθει*) к Феодосию в Константинополь, вскоре умер там и был похоронен «царским погребением»⁶⁷². В свете данных свидетельств высказывание Иодана о том, что «Атанарих... наследовал Фритигерну (*Fritigerno successerat*)»⁶⁷³ представляется не соответствующим исторической действительности.

По всей видимости, определенная тенденциозность в выражении идеи преемственности власти у остготов воспринята Иорданом из сочинения Кассиодора, в котором «изложение спускается по поколениям и королям (*per generations regesque*) от древнейших времен и доныне»⁶⁷⁴. Из текста сочинения можно также сделать вывод о том, что на Иордана производит сильное впечатление модель наследственно-династических отношений в королевстве вандалов, которое он выделяет среди прочих королевств «варварских народов» особо строгим порядком наследования: «...каждый, в свою очередь (*suoque ordine*), один за другим принимал власть (*unus post unum regnum excipiens*)»⁶⁷⁵. Вполне закономерно, что Иордан стремится экстраполировать ряд элементов наследственного права на традиции передачи власти в остготском обществе доиталийского периода.

Сочинение Иордана содержит свидетельства, которые могут рассматриваться как указание на существования «права наследования» у готов во времена короля Валамира: «*Ex quibus per successionem parentum Valamir in regno conscendit*»⁶⁷⁶. Перевод данного фрагмента Е.Ч.Скржинской («Из них, наследуя сородичам, вступил на престол Валамир») удачно отражает мысль Иордана, поскольку в качестве эквивалента латинскому понятию *successio* предлагается русское понятие «наследование». Представляется, что использованный Иорданом оборот *per successionem parentum* содержит имплицитную апелляцию к своего рода наследственному праву, или некоему установленному порядку передачи власти по наследству. Необходимо, в связи с этим, отметить, что, как отмечает Е.Ч.Скржинская (комментируя эпизод с передачей Тиудимером власти юному Теодориху), Иордан склонен несколько «модернизировать»⁶⁷⁷ существовавшие у готов способы передачи королевской власти.

В произведении Иордана встречается указание на существование среди остготов практики «оставления преемником» (*successorem relinquere*) во времена остготского вождя Видимера. Так, Видимер якобы «оставил преемником» своего одноименного сына Видимера: «*Et mox Vidimer Italiae terras intravit, extremum fati munus reddens rebus excessit humanis, successorem*

⁶⁷² Цит. по: Иордан. О происхождении и деяниях народа готов. СПб, 1997.

⁶⁷³ Get. 142

⁶⁷⁴ Get. 1.

⁶⁷⁵ Get. 169.

⁶⁷⁶ Get. 252.

⁶⁷⁷ См.: Иордан. О происхождении и деяниях гетов. СПб., 1997. С.354.

relinquens Vidimer filium suumque synonymum»⁶⁷⁸. Характерно, что Иордан в данном фрагменте использует то же выражение (*successorem relinquere*), что и при описании «наследственного права» в Афинском государстве⁶⁷⁹. Несмотря на это, не вполне, на мой взгляд, ясно, какой именно процесс обозначен Иорданом в данном случае при помощи выражения «оставление преемником» (*successorem relinquere*). Иордан либо подразумевает наличие среди остготов права преимущественного наследования власти по очереди родства, либо наличие практики публичного провозглашения наследником.

Уточнению значения данного выражения может способствовать содержащееся в сочинении Иордана свидетельство о назначении наследником Теодориха Амала: «...король Тиудимер... назначил наследником власти своей сына Теодориха» (*rex Thiudimer... Theodoricum filium regni sui designat heredem*)⁶⁸⁰. Таким образом, возможно сделать вывод о том, что под выражением «оставить преемником» Иордан подразумевает некое публичное назначение наследником («*designatio heredem*»⁶⁸¹), подобное описанному в фрагменте о назначении Аталариха наследником остготского королевства в Италии: «Когда он (Теодорих – С.С.) достиг старости и осознал, что через короткое время уйдет с этого света, он созвал готов — комитов и старейшин своего племени — и поставил королем (*regem constituit*) Аталариха, сына дочери своей Амаласвенты, мальчика, едва достигшего десяти лет, но уже потерявшего отца своего, Евтариха. Он (Теодорих) объявил им в повелениях, звучавших как завещание (*si testamentali voce*), чтобы они чтили короля (*regem colerent*)...»⁶⁸². Необходимо отметить, что достоверность свидетельства о назначении Аталариха преемником Теодориха Амала не вызывает больших сомнений, поскольку находит многочисленные исторические подтверждения⁶⁸³. Данное назначение происходило в условиях, когда характер власти остготского короля претерпел уже существенные изменения под влиянием институтов позднеримского общества, и подобное назначение стало возможным.

Как отмечает А.И. Неусыхин, «Следует заметить, что передача королевской власти у древних германцев издавна происходила путем сочетания решения народного собрания и избрания королем заранее намеченного лица из среды знати... Тем не менее, перелом в характере королевской власти и в порядке ее наследования у древнегерманских племен за время от I до V в., несомненно, имел место, но он оформился именно в эпоху основания варварских королевств на территории бывшей Римской империи. До этого провозглашение того или иного лица королем в народном собрании и

---

⁶⁷⁸ Get. 284.

⁶⁷⁹ Get. 66.

⁶⁸⁰ Get. 288.

⁶⁸¹ Get. 288.

⁶⁸² Get. 304.

⁶⁸³ Сам факт престолонаследия малолетним Аталарихом, подтвержденный, в частности, Прокопием Кесарийским, уже позволяет с достаточной долей вероятности полагать, что кандидатура наследника нуждалась в существенной поддержке, выраженной, к примеру, в завещании правящего короля.

назначение данного лица его предшественником в качестве наследника королевской власти могло иметь место в самых различных сочетаниях, причем первое и второе могло играть то большую, то меньшую роль — в зависимости от конкретной ситуации»⁶⁸⁴.

Действительно, как свидетельствует Тацит, описавший выборы Италика королем херусков, немаловажную роль при его избрании играло его благородное происхождение и родство с Арминием: «Обращаясь к народу, он постоянно напоминал, что не ворвался силою к не желавшим его, но призван ими, так как превосходит всех знатностью; пусть они испытают его доблесть на деле, достоин ли он своего дяди Арминия, своего деда Актумера... В ответ на это толпа шумно выражала ему одобрение»⁶⁸⁵.

Необходимо также отметить, что Иордан употребляет термин «наследник» (*heres*) и по отношению к лицам, не получившим королевскую власть. В частности, характеризуя планы Беремуда Амала в отношении вестготского королевства, Иордан отмечает, что, «сознавая свою доблесть и благородство происхождения (*virtutis et generis nobilitate*), он тем легче мог считать, что родичи передадут верховную власть ему (*principatum a parentibus deferre*), известному наследнику многих королей (*heredem regum constabat esse multorum*)»⁶⁸⁶. Таким образом, упомянутое Иорданом «право наследования» не служило само по себе гарантией получения власти, поскольку нуждалась в реализации путем подтверждения со стороны соплеменников либо «родичей», по всей видимости, - в форме одобрения в присутствии общественного собрания.

3. Захват власти

Другим известным Иордану способом получения королевской власти является «захват» (*presumptio*)⁶⁸⁷ власти. Необходимо отметить, что Иордан применяет данный термин как в отношении действия, направленного на захват королевской власти⁶⁸⁸, так и в отношении действия, направленного на захват императорской власти: «...цезарем сделан (*Caesar effectus*) был в Равенне Гликерий, причем скорее путем захвата, чем избрания (*presumptione quam electione*)»⁶⁸⁹. Помимо Гликерия, данный термин используется Иорданом в отношении двух других исторических фигур – узурпатора Константина⁶⁹⁰, а также короля вандалов Гелимера⁶⁹¹.

---

⁶⁸⁴ Неусыхин А.И. Рецензия на первое издание «*Getica*» // Иордан. О происхождении и деяниях гетов (*Getica*) - Вступит.статья, пер., коммент. Е.Ч.Скржинской./ Иордан - М., Изд.вост.лит., 1960.

⁶⁸⁵ *Annals* XI, 17. Цит.по: Тацит Публий Корнелий. *Annals*. Малые произведения. История. / Тацит. - М., Ладомир, 2001. С.239.

⁶⁸⁶ *Get.* 174.

⁶⁸⁷ *Get.* 165, 170, 239.

⁶⁸⁸ *Get.* 170.

⁶⁸⁹ *Get.* 239.

⁶⁹⁰ *Get.* 165.

⁶⁹¹ *Get.* 170.

Использование Иорданом термина *presumptio*

Субъект действия	Использование термина	Getica
узурпатор Константин	sed non diu tenens regno praesumpto	165
Гелимер	Quem malo gentis suae Gelimer inmemor atavi praeceptorum de regno eiectum et interemptum tyrannide praesumpsit	170

Согласно классическим римским представлениям, захват власти подразумевал наделение ее нового обладателя статусом тирана. В связи с этим, возникает вопрос, насколько Иордан следует данной традиции интерпретации способа получения власти путем захвата, и как в представлении Иордана соотносится действие по захвату власти со статусом «тирана».

В различных фрагментах своего произведения автор применяет термин «тиран» (*tyrannum*) по отношению к узурпатору римской провинции Мезии Эмилиану⁶⁹², узурпатору Галии Евгению⁶⁹³, предводителю гуннов Аттиле⁶⁹⁴, германскому царьку Агривульфу⁶⁹⁵, римскому узурпатору Максиму⁶⁹⁶, королю Италии Одоакру⁶⁹⁷.

Использование Иорданом термина *tyrannum*

Объект применения термина	Использование термина	Getica
Эмилиан	tyrannidem in Moesia arripuit	105
Евгений	contra Eugenium tyrannum	145
Гелимер	Quem malo gentis suae Gelimer inmemor atavi praeceptorum de regno eiectum et interemptum tyrannide praesumpsit	170
Аттила	adversus orbis conspirare tyrannum	187
Агривульф	potius tyrannica elatione superbiens	233
Максим	Maximus tyrrannico more regnum invasit	235
Одоакр	sub regis Thorcilingorum Rogorumque tyrannide	291

⁶⁹² Get. 105

⁶⁹³ Get. 145

⁶⁹⁴ Get. 187

⁶⁹⁵ Get. 233

⁶⁹⁶ Get. 235

⁶⁹⁷ Get. 291

Текстуальный анализ сочинения Иордана позволяет сделать вывод о том, что автор, в целом, придерживается римской традиции использования термина *tyrannus*. Данная особенность, в частности, удачно прослеживается в фрагменте сочинения, в котором захват (*presumptio*) королевской власти Гелимером расценивается как проявление тирании: «...как тиран, преждевременно захватил власть (*interemptum tyrannide praesumpsit*)»⁶⁹⁸.

Необходимо, при этом, отметить, что Иордан отличает захват власти (*presumptio*) от овладения (*remeatus*) властью. Овладение властью (возвращение власти) осуществляется легитимным, установленным образом, несмотря на возможное применение силы. Овладение властью является реализацией упомянутого выше «права наследования». Так, согласно повествованию Иордана, Торисмуд был вынужден «...возвращаться на свои места и овладеть королевской властью, оставленной отцом» (*...ut ad sedes proprias remearet regnumque, quod pater reliquerat, arripere*)⁶⁹⁹. Для того, чтобы уточнить суть данного действия, возможно обратиться к сочинению Григория Турского, который приводит данный фрагмент сочинения Иордана в следующей интерпретации: «После сражения Аэций сказал Торисмоду: Скорей возвращайся в свою страну (*in patriam*), чтобы из-за происков брата ты не лишился отцовского королевства (*patris regno*). Услышав это, Торисмод быстро отправился в путь, чтобы своим приездом опередить брата и раньше его захватить трон отца (*patris cathedram adepturus*)»⁷⁰⁰.

Таким образом, Иордан знаком с различными способами передачи и принятия власти, ряд из которых Иордан фиксирует на материале германских обществ. Автору известна процедура передачи королевской власти в народном собрании, возможность принятия королевской власти согласно установленному «праву наследования», а также способ получения королевской власти путем насильственного захвата (узурпации). Иордан противопоставляет узурпацию власти «праву наследования», рассматривая первое как нарушение легитимного порядка передачи и получения власти. В произведении Иордана отмечается тенденция к экстраполяции «наследственного права» на древнюю историю остготов, связанная, по всей видимости, с историографической концепцией автора (воспринятой, отчасти, из работы Аврелия Кассиодора), направленной на увеличение древности наследственной власти остготского рода Амалов.

---

⁶⁹⁸ Get. 170.

⁶⁹⁹ Get. 216.

⁷⁰⁰ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 7.

§ 4. Германские вожди как носители власти: культурно-исторические источники образа

Необходимо отметить, что употребление термина «вождь» (*dux*) в произведении Иордана отличается большей последовательностью, нежели употребление термина «король» (*rex*). Исторические фигуры, применительно к которым используется данный термин, могут быть отнесены к нескольким социальным категориям, преимущественно – к римским военачальникам и должностным лицам, германским военным вождям, а также иным военным предводителям.

Данный термин применяется автором к таким римским военачальникам и должностным лицам, как Галл⁷⁰¹, Эджиций⁷⁰², Фуск⁷⁰³, Приск⁷⁰⁴, Лупицин и Максим⁷⁰⁵, Сципион⁷⁰⁶, Камунд⁷⁰⁷, Гелариан⁷⁰⁸, Велезарий⁷⁰⁹. Термин *dux* также употребляется по отношению к таким германским и гето-фракийским вождям и королям, как Ситалк⁷¹⁰, Респа, Ведук и Тарвар⁷¹¹, Геберих⁷¹², Фритигерн, Алатей и Сафрак⁷¹³, Теодорид⁷¹⁴, Синдерит⁷¹⁵, Витигес⁷¹⁶, Гунила⁷¹⁷, Аргайт и Гунтерих⁷¹⁸.

Таблица 12. Использование Иорданом термина *dux*

Dux, duces	Имена	Getica
Римские военачальники и должностные лица	Галл	102 и др.
	Эджиций	240
	Военачальник дунайского региона	76
	Фуск	77 и др.
	Приск	103
	Лупицин и Максим	134 и др.
	Сципион (* Е.Ч.Скржинская опустила титул)	230
	Камунд	282
	Гелариан (патриций и военачальник)	287

⁷⁰¹ Get. 102 и др.

⁷⁰² Get. 240

⁷⁰³ Get. 77 и др.

⁷⁰⁴ Get. 103

⁷⁰⁵ Get. 134 и др.

⁷⁰⁶ Get. 230

⁷⁰⁷ Get. 282

⁷⁰⁸ Get. 287

⁷⁰⁹ Get. 307 и др.

⁷¹⁰ Get. 66

⁷¹¹ Get. 107

⁷¹² Get. 115

⁷¹³ Get. 134

⁷¹⁴ Get. 190

⁷¹⁵ Get. 308

⁷¹⁶ Get. 309

⁷¹⁷ Get. 311

⁷¹⁸ Get. 91

Dux, duces	Имена	Getica
	Велезарий	307 и др.
Германские вожди	Ситалк (egregius Gothorum ductor) Респа, Ведук и Тарвар Геберих Фритигерн, Алатей и Сафрак Теодорид Синдерит Витигес Гунила Аргаит и Гунтерих (nobilissimos doctores)	66 107 115 134 190 308 309 311 91
Вожди разных народов	Бливила (пентаполитанский вождь) Тесандр («вождь Греции») Кандак («вождь аланов»)	265 60 265
Разное	«неверные полководцы» (ducibusque infidelibus) «верный полководец» (fidei ductor) «верховный вождь» (summus ductor) «вожди и короли» Аттилы «новый вождь» «сильнейший вождь»	172 172 196 200 202 315

Несмотря на общую когерентность подхода Иордана к использованию термина *dux*, нельзя не отметить наличие элемента вариативности – так, Иордан применяет к одним и тем же лицам различные термины, в отдельных случаях называя того или иного представителя публичной власти «королем», в других – «вождем» (как, например, в отношении короля Гебериха или предводителя вестготов Фритигерна). В одном из фрагментов своего произведения Иордан образно называет «вождем» императора Юстинина⁷¹⁹. Уточнение причин появления данных особенностей использования Иорданом термина «вождь» (*dux*) предполагает выявление и рассмотрение тех культурно-исторических традиций, которые оказали влияние на автора в данном отношении.

Римская традиция использования термина Dux

Одним из основных источников, дающих информацию о статусе римских «дуксов» эпохи поздней Империи, является «Notitia Dignitatum omnium tam civilium quam militarium utriusque imperii» («Список всех достоинств, как гражданских, так и военных, обеих империй», далее по тексту – Notitia Dignitatum). Данный перечень содержит наименования гражданских и военных должностей, входивших в административную систему Империи, с указанием соответствующих структурных подразделений, находившихся под управлением лиц, замещавших данные должности. Notitia Dignitatum является документом,

⁷¹⁹ Get. 315.

предположительно созданным около 400 г. н.э.⁷²⁰, что дает основание рассматривать его как отражающий административно-территориальные реалии Римской Империи рубежа IV-V вв н.э.

Важное место в структуре должностей занимают так называемые *duces*, возглавляющие военизированные структурные подразделения на границах Римской империи. *Notia Dignitatum* называет 12 «дуксов» Западной римской империи, и 13 «дуксов» Восточной римской империи:

Западная римская империя	
1	Dux Limitis Mauretaniae Caesariensis
2	Dux Limites Tripolitani
3	Dux Pannoniae primae et Norici ripensis.
4	Dux Pannoniae secundae.
5	Dux Valeriae ripensis.
6	Dux Raetiae primae et secundae.
7	Dux Sequanicae.
8	Dux Tractus Armorici et Neruicani.
9	Dux Belgicae secundae.
10	Dux Germaniae primae
11	Dux Britanniae (Dux Britanniarum).
12	Dux Mogontiacensis
Восточная римская империя	
1	Dux Libyarum
2	Dux Thebaidos
3	Dux Foenicis
4	Dux Eufraetensis et Syriae
5	Dux Palaestinae
6	Dux Osrhoenae
7	Dux Mesopotamiae
8	Dux Arabiae
9	Dux Armeniae
10	Dux Moesiae secundae
11	Dux Scythiae
12	Dux Daciae ripensis
13	Dux Moesiae primae

Как отмечает Е.В.Фаращян, «дуксы ведут свое начало со II в., когда складывались экспедиционные корпуса, состоящие из легионных вексилляций. Командиры этих корпусов назывались *duces* и подчинялись исключительно императору. К III в. военная необходимость привела к тому, что вексилляции не успевали возвращаться в свои легионы, постепенно превращались в

⁷²⁰ Гиббон датировал данный документ рамками 395 и 407 гг. н.э. Бёри, вслед за Ходжкином (Hodgkin. Italy and her Invaders, Vol. 1, P. 717) рассматривает в качестве вероятной даты создания документа 402 год. О.Зеек (Otto Seeck // Hermes, Vol. XI, 71-78) полагает, что документ был создан около 378 года н.э., и на протяжении последующих лет в него вносились корректирующие правки. См. более подробно Medieval Sourcebook: <http://www.fordham.edu/halsall/source/notitiadignitatum.html>

самостоятельные армейские единицы. Соответственно экстраординарные должности командующих экспедиционными войсками становятся административной нормой. Кроме того, в наиболее стратегически важных регионах империи, к середине III в., под давлением обстоятельств центральная власть вынуждена была пойти на чрезвычайные меры - объединение нескольких провинций в единый оборонный комплекс – *ducatum*»⁷²¹. Рассматриваемые «дуксы» представляли собой в III в н.э. значительную политическую силу, совмещавшую полномочия гражданского и военного управления, поставлявшую потенциальных кандидатов на роль узурпаторов власти в провинциях⁷²². Только административная реформа императора Диоклетиана, предусматривавшая изъятие гражданских полномочий из власти «дуксов», оказалась эффективной мерой, существенным образом ослабившей их политическое влияние, и оградившей «дуксов» от активного участия в общественной жизни.

Необходимо, однако, отметить, что звание «дукса» не определялось исключительно рамками принадлежности к перечисленным высшим административными должностями, но могло даваться и лицам, находившимся на иных ступенях римской социальной иерархии. Как показывает, например, сочинение Флавия Вегеция Рената (*Epitome rei militaris*), датируемое приблизительно тем же периодом, что и *Notitia Dignitatum* (рубеж IV-V вв. н.э.), военачальником (*dux*) мог также именоваться предводитель войска (*exercitus*), либо военного отряда (*auxilia*): «...такой отряд водили часто в поход преторы как младшие вожди (*praetors uelut minores duces ad expeditionem saepe ducebant*); ...под давлением крайней необходимости посылались два вождя с двумя войсками (*duo duces et duo mittebantur exercitus*)»⁷²³.

Необходимо отметить, что использование Иорданом термина *dux* применительно к римским должностным лицам, в целом, находится в русле римской традиции использования данного термина, обозначая «полководца», либо человека, возглавляющего некоторое военизированное административное образование.

Германская традиция военного предводительства

Военное предводительство играло большую роль в германском обществе уже в период I в. до н.э. – I в. н.э., насколько можно судить по сохранившимся римским описаниям германской культуры. Как отмечает Тацит, влиятельные германские вожди (*duces*) пользуются славой «не только у себя в племени, но и

⁷²¹ Фаращян Е.В. Оформление института викариата в административной системе Поздней Римской империи IV в. // Античное общество - IV: Власть и общество в античности. Материалы международной конференции антиковедов, проводившейся 5-7 марта 2001 г. на историческом факультете СПбГУ. СПб., 2001. Цит. по: <http://www.centant.pu.ru/centrum/publik/confcent/2001-03/farash.htm>

⁷²² См.: Фаращян Е.В. Оформление института викариата в административной системе Поздней Римской империи IV в. // Античное общество - IV: Власть и общество в античности. Материалы международной конференции антиковедов, проводившейся 5-7 марта 2001 г. на историческом факультете СПбГУ. СПб., 2001.

⁷²³ Вегеций Ренат (Флавий). Краткое изложение военного дела (III, 1). См.: Вегеций Ренат (Флавий). Краткое изложение военного дела. - пер с лат. С. П. Кондратьева // Вестник древней истории, 1940, № 1, с. 231- 293.

у соседних народов», их «домогаются, направляя... посольства и осыпая дарами»⁷²⁴. О высокой роли и значительном авторитете военных вождей в германском обществе свидетельствует отмеченный Тацитом обычай германцев, который заключался в том, «чтобы каждый добровольно уделял вождям кое-что от своего скота и плодов земных, и это, принимаемое теми как дань уважения, служит также для удовлетворения их нужд. Особенно радуют их дары от соседних племен, присылаемые не только отдельными лицами, но и от имени всего племени, каковы отборные кони, великолепно отделанное оружие, фалеры и почетные ожерелья»⁷²⁵.

Согласно сообщениям Тацита, должность вождя носила выборный характер: «Царей они выбирают из наиболее знатных, вождей - из наиболее доблестных»⁷²⁶. Власть вождя, при этом, носила ограниченный характер, и основывалась, по всей видимости, преимущественно на личной харизме: «Вожди начальствуют над ними, скорее увлекая примером и вызывая их восхищение, если они решительны, если выдаются достоинствами, если сражаются всегда впереди, чем наделенные подлинной властью»⁷²⁷. Личная храбрость и успех в сражениях рассматривались в качестве важнейших предъявляемых германцами к вождю требований: «...если дело дошло до схватки, постыдно вождю уступать кому-либо в доблести, постыдно дружине не уподобляться доблестью своему вождю»⁷²⁸.

Немаловажную роль, по всей видимости, играло происхождение вождя, принадлежность его к знаменитому и прославленному роду: «Выдающаяся знатность и значительные заслуги предков даже еще совсем юным доставляют достоинство вождя; все прочие собираются возле отличающихся телесною силой и уже проявивших себя на деле, и никому не зазорно состоять их дружинниками»⁷²⁹. Слава родственников играла большое значение при возвышении человека, что можно наблюдать значительно позже и у остготов, - так вождь остготов Урайя говорил своим соплеменникам, что он связан узами родства с королем Витигисом, и по этой причине на него могут распространиться его неудачи⁷³⁰.

Выборы вождей, согласно свидетельству Цезаря, происходили в присутствии общественного собрания, в то время как обсуждение кандидатур на данную роль происходило, согласно свидетельству Тацита, во время традиционных пиров: «На пиршествах они толкуют и о примирении враждующих между собою, о заключении браков, о выдвижении вождей, наконец о мире и о войне, полагая, что ни в какое другое время душа не

---

⁷²⁴ Tacitus. *Germania*, XIII. Здесь и далее по тексту русскоязычный перевод цитируется по изданию: Тацит Публий Корнелий. *Анналы. Малые произведения. История.* / Тацит. - М., Ладомир, 2001.

⁷²⁵ *Germania*, XV.

⁷²⁶ *Germania*, VII.

⁷²⁷ *Germania*, VII.

⁷²⁸ *Germania*, XIV.

⁷²⁹ *Germania*, XIII.

⁷³⁰ См.: Procopius *Caesariensis. De bello Gothico.* II, 30.

бывает столь же расположена к откровенности и никогда так не воспламеняется для помыслов о великом»⁷³¹.

Основным фактором влияния вождя являлась дружина, представлявшая собой специфический социальный институт, значение которого было особенно велико на протяжении периода Великого переселения. Как отмечает Тацит, «вожди стремятся, чтобы их дружина была наиболее многочисленной и самой отважною. Их величие, их могущество в том, чтобы быть всегда окруженными большой толпою отборных юношей, в мирное время – их гордостью, на войне – опорой»⁷³². Представляется возможным предположить, что дружина выступала опорой вождя не только, как свидетельствует Тацит, на войне, но уже и в мирное время. Об этом может свидетельствовать другое сообщение автора, в котором говорится, что «чья дружина выделяется численностью и доблестью, тому это приносит известность, и он прославляется не только у себя в племени, но и у соседних народов; его домогаются, направляя к нему посольства и осыпая дарами, и молва о нем чаще всего сама по себе предотвращает войны»⁷³³.

Вознаграждение дружинников носило на начальном этапе натуральный характер (в подавляющем большинстве случаев), можно заключить, что дружинник добровольно оказывался в положении личной зависимости от своего вождя, разделяя с ним трапезы и жилище: «...от щедрости своего вождя они требуют боевого коня, той же жаждущей крови и победоносной фрамеи; что же касается пропитания и хоть простого, но обильного угощения на пирах, то они у них вместо жалованья»⁷³⁴. Данное положение закреплялось принесением присяги на верность вождю, нарушение которой с древнейших времен воспринималось как недостойное преступление: «Те из обещавших, которые не последовали (за вождем) считаются беглецами и изменниками и лишаются впоследствии всякого доверия»⁷³⁵. Специфика отношений, складывавшихся между вождем и дружиной, определялась отношениями верности, сохраняемой даже ценой жизни дружинника: «А выйти живым из боя, в котором пал вождь, – бесчестье и позор на всю жизнь; защищать его, оберегать, совершать доблестные деяния, помышляя только о его славе, – первейшая их обязанность: вожди сражаются ради победы, дружинники – за своего вождя»⁷³⁶.

В произведении Иордана ярко отражены данные особенности отношений германского вождя и его дружины. Как свидетельствует Иордан, вестготский вождь Фритигерн, приглашенный римским чиновником на встречу, «пришел на пиршество с небольшой дружиной (*cum paucorum comitatu ad convivium veniens*)». Наличие дружины, сопровождающей вождя во время его деловых

---

⁷³¹ Germania, XXII.

⁷³² Germania, XIII.

⁷³³ Germania, XIII.

⁷³⁴ Germania, XIV.

⁷³⁵ Цит. по: Снорри Стурлусон. Младшая Эдда. Л., 1970. С.29.

⁷³⁶ Germania, XIV.

поездки, характерно для германских обществ периода становления вожеств. О размерах такого рода дружины можно судить по приведенному Снорри Стурлусоном выражению «дружину составляют двадцать человек» (drott egi tuttugu menn)⁷³⁷. Данное свидетельство можно сопоставить с информацией из англо-саксонской поэмы «Беовульф», главный герой которой отправляется в военный поход с четырнадцатью дружинниками. Сравнение этих показателей с данными о численности дружин эпохи Великого переселения народов, достигавших нескольких сотен и даже тысяч человек⁷³⁸, дает понять, что речь идет о формировании ближайшего окружения вождя, которое, по всей видимости, станет впоследствии основой его «домашней дружины». В вооруженной стычке, возникшей в ходе встречи Фритигерна с представителями римской администрации, вождь продемонстрировал отвагу, столь высоко ценимую германцами. Когда солдаты римского военачальника по приказу последнего пытались перебить дружинников Фритигерна, запертых в другой части здания, «резко раздавшийся голос погибающих отозвался в настороженных ушах Фритигерна; поняв и открыв обман, он обнажил меч, покинул пир, с великой отвагой и стремительностью избавил своих соратников от угрожавшей им смерти и воодушевил их на избиение римлян»⁷³⁹. Подобные действия, равно как и успешная борьба с римлянами, принесли Фритигерну в германской среде такую славу, что, как свидетельствует Иордан, готы, воспевая деяния предков, упоминали героические деяния «Этерпамары, Ханалы, Фридригерна, Видигойи и других; о них у этого племени высокое мнение, и едва ли сама достойная восхищения древность может похвалиться, что были у нее подобные герои»⁷⁴⁰.

Военные успехи лидера не только приносили вождю авторитет и славу, но и напрямую отражались на материальном обеспечении вождя и его дружины, что приводило к резкому усилению роли войны в жизни нобилитета. Как показывает сочинение Тацита, занятие военными набегами быстро становится основным занятием вождя: «Содержать большую дружину можно не иначе, как только насилем и войной»⁷⁴¹. Подтверждением тому может служить деятельность видного германского вождя Ариовиста, отряд которого, по свидетельству Юлия Цезаря, «в течении четырнадцати лет не видел над собой крова (tectum non subissent)»⁷⁴². Сходные явления можно наблюдать и в раннюю эпоху викингов (периода «внутренней колонизации»), когда «только тот мог с полным правом называться морским конунгом (saekonungr), кто никогда не спал под закопченной крышей и никогда не пировал у очага»⁷⁴³.

⁷³⁷ Снорри Стурлусон. Младшая Эдда. Л., 1970. С.174.

⁷³⁸ См.: Дряхлов В.Н. Древнегерманская дружина по данным Аммиана Марцеллина // Античный вестник. Вып.1. Омск, 1994. С.145.

⁷³⁹ Get. 136.

⁷⁴⁰ Get. 43.

⁷⁴¹ Germania, XIV.

⁷⁴² Цит. по: Древние германцы... С.13.

⁷⁴³ Снорри Стурлусон. Круг Земной... С.28.

Как отмечает А.Я. Гуревич, «вожди, дружинники, несомненно, выделялись их основной массы населения как своим образом жизни, воинственным и праздным, так и немалыми богатствами, которые были ими награблены, получены в подарок или в результате торговых сделок; их земельные владения были более крупными, чем владения остальных свободных, и, видимо, знатные семьи преимущественно использовали труд рабов, перекладывая на них заботы о своем содержании»⁷⁴⁴. Действительно, как отмечает Тацит, «возможности для подобного расточительства доставляют им лишь войны и грабежи. И гораздо труднее убедить их распахать поле и ждать целый год урожая, чем склонить сразиться с врагом и претерпеть раны; больше того, по их представлениям, потом добывать то, что может быть приобретено кровью, - лень и малодушие»⁷⁴⁵. При этом, «когда они не ведут войн, то много охотятся, а еще больше проводят время в полнейшей праздности, предаваясь сну и чревоугодию, и самые храбрые и воинственные из них, не неся никаких обязанностей, препоручают заботы о жилище, домашнем хозяйстве и пашне женщинам, старикам и наиболее слабосильным из домочадцев, тогда как сами погрязают в бездействии, на своем примере показывая поразительную противоречивость природы, ибо те же люди так любят безделье и так ненавидят покой»⁷⁴⁶.

Реконструкцию содержащегося в произведении Иордана образа германского вождя, целесообразно осуществлять путем анализа социально значимых действий данного лидера (аналогичный подход использовался при анализе содержащегося в произведении Иордана образа королевской власти). В качестве материала для анализа взяты фрагменты источника, характеризующие публичные действия вождя, которые оказывают влияние на состояние, либо статус социальной группы, находящейся под его руководством⁷⁴⁷.

В представлении Иордана, «вождь» (*dux, ductor*) совершает следующие социально значимые действия:

1) *Собирает войско*: «славный вождь готов Ситалк собрал 150 тысяч мужей и напал войною на афинян, [двинувшись] против Пердикки, царя македонян»⁷⁴⁸. Формирование войска могло, по всей видимости, происходить описанным Цезарем путем, «когда какой-нибудь князь предлагает себя в народном собрании в вожди и вызывает желающих за ним последовать, тогда поднимаются все, кто сочувствует предприятию и личности вождя, и при

---

⁷⁴⁴ Гуревич А.Я. Избранные труды [В 4 т.] / А.Я.Гуревич. - М., СПб. Т1: Древние германцы. Викинги. 1999. С.48-49.

⁷⁴⁵ *Germania*, XIV.

⁷⁴⁶ *Germania*, XIV.

⁷⁴⁷ Как уже упоминалось, предложенное нами понимание «социально значимого действия» во многом соотносится с концепцией «социального действия» М.Вебера (см.: Вебер М. Основные социологические понятия / Пер. с нем. М. И. Левиной // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С.602-603 и далее), но не в полной мере ему соответствует.

⁷⁴⁸ *Get.* 66.

одобрении народной массы обещают свою помощь»⁷⁴⁹. Согласно сообщению Тацита, молодежь из соседних племен стекалась в отряд влиятельного лидера, желая получить таким образом соответствующее социальное положение: «Если община, в которой они родились, закосневает в длительном мире и праздности, множество знатных юношей отправляется к племенам, вовлеченным в какую-нибудь войну, и потому, что покой этому народу не по душе, и так как среди превратностей битв им легче прославиться»⁷⁵⁰.

2) *Грабит*: «Дав волю своему буйству, Респа, Ведук и Тарвар, предводители готов, взяли корабли и, переправившись через пролив Геллеспонтский, перешли в Азию; в этой провинции они разграбили много городов»⁷⁵¹. Данное сообщение во многом соответствует общей направленности действий германских вождей. Согласно сообщению Цезаря, среди германцев «разбои вне пределов собственной страны... не считаются позорными, и они даже хвалят их как лучшее средство для упражнения молодежи и для устранения праздности»⁷⁵². Регулярные грабительские набеги германцев стали одной из наиболее значимых проблем в жизни европейских провинций Римской империи III-IV вв. Описание одного из таких набегов сохранилось в произведении Григория Турского, который свидетельствует, что «франки в то время, когда у них вождями были Генобавд, Маркомер и Суннон (eo tempore Genobaude, Marcomere et Sunnone ducibus), устремились в Германию и, перейдя границу, перебили многих жителей, опустошили плодороднейшие области, а также навели страх на жителей Кёльна»⁷⁵³.

3) *Захватывает добычу*: «Геберих же, выдающийся вождь готов, после одоления вандалов и захвата добычи вернулся в свои места, откуда вышел»⁷⁵⁴. Захват военной добычи являлся важным элементом поддержания престижа вождя. Согласно классическому выражению Тацита, «прокормить большую дружину можно только грабежом и войной»⁷⁵⁵. Военная добыча давала вождю средства для вознаграждения дружинников, совершения даров, привлечения соплеменников. Влиятельный общинник, «крепкий бонд» (storbondi), выдвигавший свою кандидатуру на роль военного предводителя, рассчитывал на поддержку своих соплеменников и других влиятельных бондов, что требовало от потенциального предводителя проявления значительной щедрости: «...добро Тунни раздавал своим людям. Поэтому его любили и к нему шли»⁷⁵⁶. Следует учитывать тот факт, что богатство кандидата на роль предводителя имело сакральное значение, – его наличие говорило о том, что вождь не обделен

⁷⁴⁹ Julius Caesar. De bello Gallico VI, 23. Русскоязычный перевод цит.по: Цезарь Гай Юлий. Записки о галльской войне. Гай Соллустий Крисп. Сочинения. / Цезарь, Крисп. - М., Ладомир, 2001. С.120.

⁷⁵⁰ Germania, XIV.

⁷⁵¹ Get.107

⁷⁵² Julius Caesar. De bello Gallico VI, 23. Цит.по: Цезарь Гай Юлий. Записки о галльской войне. Гай Соллустий Крисп. Сочинения. / Цезарь, Крисп. - М., Ладомир, 2001.С.120.

⁷⁵³ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 9.

⁷⁵⁴ Get.115.

⁷⁵⁵ Germania, XIV.

⁷⁵⁶ Цит.по: Снорри Стурлусон. Круг Земной / Снорри Стурлусон. - М., Ладомир, Наука, 1995. С.25.

богами и имеет удачу, которая посетит и его боевых товарищей. Щедрый на пиры и подарки вождь получал в складывающейся эпической традиции прозвище «раздающего золото» (gullbrjota), «кольцедробителя» (brjotr gullsins), «щедрого на сокровища» (audmildinga). Слава такого рода создавала лидеру большую популярность в формирующейся дружинной среде: «...владелец готский богато меня одаривал»⁷⁵⁷, «...не скупящийся на подношения... хвалу он да заслужит и славу всевековечную»⁷⁵⁸.

Редистрибуция захваченного в результате военного похода продукта осуществлялась в соответствии с военно-демократическими традициями. Показателен в этом отношении раздел добычи между воинами Хлодвига, участвовавшими в походе на Суассон, когда Хлодвиг не смог получить от воинов ценную чашу, так как она не выпала по жребию в положенную ему долю.

4) *Воодушевляет соратников на борьбу*: «Фритигерн... избавил своих соратников от угрожавшей им смерти и воодушевил их на избиение римлян». Известно, что вождь завоевывал симпатии соплеменников храбростью и дерзкими воззваниями. Как свидетельствует Тацит о нравах германцев, «у варваров в ком больше дерзости, тот и пользуется большим доверием»⁷⁵⁹. Возможность побуждать соплеменников к участию в военном предприятии являлась важным полномочием вождя, и его успех во многом зависел именно от способности вдохновить своих соратников на борьбу. Как отмечает Аммиан Марцеллин, характеризуя деятельность вождя алеманов Хонодомара, он «возбуждал и подстрекал всех без всякой меры; он вмешивался во все и был готов всегда первым решиться на опасные предприятия»⁷⁶⁰. В произведении Иордана сохранилось красочное описание реакции воинов на обращение вождя: «Криками одобряют комиты ответ вождя; радостно вторит им народ; всех охватывает боевой пыл»⁷⁶¹.

5) *Предводительствует, начальствует*: «Осведомленный об этом через гонцов, Витигес посылает вооруженный отряд готов под начальством Гунилы (cum Hunila duce Gothorum) в Перузию»⁷⁶². Функция предводителя является основной функцией вождя, что получило отражение в этимологии самого термина (ср.: русское «вождь» – от «вести», лат. «dux» – от «ducere»). Реализация данной функции осуществлялась путем осуществления руководства вверенным вождю отрядом, принятием вождем участия в схватках с противником, поддержанием боевого духа среди воинов, и поощрением соратников.

Как уже отмечалось, личная храбрость рассматривалась в качестве важнейших предъявляемых германцами к вождю требований: «...если дело

⁷⁵⁷ Цит. по: Древнеанглийская поэзия / Пер. О.А.Смирницкой, В.Г.Тихомирова. М., Наука, 1982. С.19.

⁷⁵⁸ Цит. по: Древнеанглийская поэзия... С.22.

⁷⁵⁹ Тацит Публий Корнелий. *Анналы. Малые произведения. История.* / Тацит. - М., Ладомир, 2001. С.39.

⁷⁶⁰ Ammianus Marcellinus. *Res gestae* (XVI, 12, 4). Цит. по: Древние германцы... С.174.

⁷⁶¹ *Get.* 190.

⁷⁶² *Get.* 311.

дошло до схватки, постыдно вождю уступать кому-либо в доблести, постыдно дружине не уподобляться доблестью своему вождю»⁷⁶³. Как свидетельствуют источники, данное требование выполнялась вождями неукоснительно. Согласно свидетельству Тацита, в ходе тяжелой битвы с римлянами вождь германцев Арминий находился в первых рядах, «словом, примером в бою, стойкостью в перенесении ран побуждая... держаться»⁷⁶⁴. Подобные действия можно отметить и в деятельности предводителя алеманнов Хонодомара, - в решающей битве с римлянами, он, «полный отваги, полагаясь на огромную силу своих рук, выступил впереди... где ожидался самый горячий бой»⁷⁶⁵, в то время, как более легкие участки возглавили другие вожди, «ближе всего стоявшие (к Хонодомару – С.С.) по своему могуществу (potestate proximi reges)»⁷⁶⁶.

б) *Возглавляет*: «он [Острогота] поставил вождями во главе [всех этих племен] Аргаита и Гунтериха знатнейших людей их [готов] племени»⁷⁶⁷. Функция вождя в данном отношении сближается с функцией «царька» (regulus). Как отмечалось выше, Иордан рассматривает в качестве нормы положение, при котором функции главы этнополитической общности исполняет король. В случае отсутствия королевской власти данная общность может возглавляться предводителями меньшего уровня. В частности, характеризуя организацию власти в вестготском обществе эпохи расселения в римских провинциях Мезии и Фракии, Иордан отмечает, что ими управляли «*приматы их и вожди* (primates eorum et duces), которые возглавляли их *вместо королей* (regum vice illis praeerant)» (курсив мой – С.С.)⁷⁶⁸.

Таким образом, употребление термина «вождь» (*dux, ductor*) в произведении Иордана отмечается по отношению к нескольким социальным категориям, преимущественно – к римским военачальникам и должностным лицам, германским военным вождям, а также прочим военным предводителям. В представлении Иордана, «вождь» может выступать и как римский сановник, и как германский военный руководитель, который собирает войско, воодушевляет соратников на борьбу, совершает грабительские и военные походы, предводительствует, и захватывает добычу. Представление Иордана о функциях вождя, в целом, соответствует героическому образу военного предводителя, сложившемуся в рамках различных индоевропейских культур (германской, греческой, римской и др.) эпохи образования вождеств.

---

⁷⁶³ Germania, XIV.

⁷⁶⁴ Цит. по: Тацит Публий Корнелий. Анналы. Малые произведения. История. / Тацит. - М., Ладомир, 2001. С.63.

⁷⁶⁵ Цит. по: Древние германцы... С.176.

⁷⁶⁶ Там же.

⁷⁶⁷ Get. 91

⁷⁶⁸ Get. 134.

Глава 3. Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов в «Истории» Григория Турского

§ 1. Происхождение королевской власти

Обращение Григория Турского во второй книге его «Истории»⁷⁶⁹ к проблеме возникновения правящей династии франков находится во многом в русле позднеантичной историографической традиции. Стремясь продемонстрировать свою осведомленность, и опираясь на сведения античных историков, автор перечисляет известных ему монархов различных народов древности⁷⁷⁰. Приводя свидетельства Священного Писания, автор также отмечает порядок воцарения правителей: «Через Самуила они, по примеру других народов, выпросили у господина царя. Первым царем у них был Саул, вторым – Давид»⁷⁷¹. Повествование же о франкских древностях автор начинает с констатации тезиса о том, что «многие не знают (a multis ignoratur), кто был первым королем (regibus) у франков»⁷⁷².

Поиск сведений о первых королях франков заставляет Григория обратиться к широкому кругу источников, которые характеризуются им как произведения римских авторов (Григорий называет произведения Сульпиция Александра и Рената Профутура Фригериды), а также как сообщения, принадлежащие неким «многим» (multis) повествователям, имена которых Григорий не называет. Ссылка на «многих» авторов неоднократно встречается в рассматриваемой части произведения Григория Турского, указывая, как правило, на источники, транслирующие устные или зафиксированные в письменном виде исторические предания франков. Если предположить, что в приведенном выше фрагменте автор ссылается на франкские источники, то необходимо отметить, что сохранившиеся до нашего времени версии раннесредневекового франкского этногенетического мифа⁷⁷³, представленные в «Хронике» Фредегара⁷⁷⁴ и «Книге истории франков»⁷⁷⁵, называют имена первых легендарных королей франков на Рейне – по двум разным версиям мифа, это имена короля Франкиона (Francio)⁷⁷⁶ либо короля Фарамунда (Faramundus)⁷⁷⁷. По всей видимости, во времена Григория цикл

⁷⁶⁹ Gregorii episcopi Turonensis libri Historiarum X (ed. Bruno Krusch and Wilhelm Levison), Monumenta Germaniae historica. Scriptores rerum Merovingicarum. I.1, Hannover, 1951.

⁷⁷⁰ Gregorii Turonensis libri Historiarum I, 17.

⁷⁷¹ Gregorii Turonensis libri Historiarum I, 12.

⁷⁷² Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 9.

⁷⁷³ Более подробно о проблеме датировки данного мифа: Ghosh, Shami. The barbarian past in early medieval historical narrative. PhD Dissertation. Toronto, 2009. P.94.

⁷⁷⁴ *Chronicarum quae dicuntur Fredegarii scholastici* (Bruno Krusch, ed), Monumenta Germaniae historica. Scriptores rerum Merovingicarum. 2, Hanover: Hahn, 1888. 1–168.

⁷⁷⁵ *Liber Historiae Francorum* (Bruno Krusch, ed.), Monumenta Germaniae historica. Scriptores rerum Merovingicarum. 2, Hanover: Hahn, 1888. 215–328. Русскоязычный перевод фрагментов: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Gesta_Fr/frameset.htm

⁷⁷⁶ *Chronicarum quae dicuntur Fredegarii scholastici*... P.46.

⁷⁷⁷ *Liber Historiae Francorum*... P.244.

этногенетических мифов был представлен шире, либо автор по каким-либо причинам не доверял сведениям, содержащимся во франкских преданиях. Но нельзя также отбросить предположение и о том, что в данном вступлении Григорий мог иметь в виду и римские источники, авторам которых не известно имя первого короля франков.

Далее автор переходит к анализу не сохранившихся до наших дней произведений Сульпиция Александра и Рената Профутура Фригериды: «Хотя о них много рассказывается в истории Сульпиция Александра, однако он вовсе не называет первого их короля, но говорит, что у них были вожди (*non tamen regem primum eorum ullatinus nominat, sed duces eos habuisse dicit*)»⁷⁷⁸. Использование Григорием исторических произведений римских авторов в качестве источников для поиска сведений о ранних периодах истории народа франков является достаточно предсказуемым для галло-римского интеллектуала. Необходимо, однако, отметить, что достоверность и точность семантики отдельных терминов, представленных в цитируемых автором источниках, вызывает сомнения. Сопоставление приведенных Григорием фрагментов произведения Сульпиция указывает на то, что последний использует три различных термина для характеристики статуса одних и тех же лидеров франков:

Вожди (*duces*): «Когда Сульпиций говорит, что Максим, потеряв всякую надежду удержать власть (*amissam omnem spem imperii*), находился в Аквилее в состоянии близком к безумию, он добавляет: «Франки в то время, когда у них вождями (*ducibus*) были Генобавд, Маркомер и Суннон, устремились в Германию и, перейдя границу, перебили многих жителей, опустошили плодороднейшие области, а также навели страх на жителей Кёльна»⁷⁷⁹.

Царственные особы (*regales*): «Затем он говорит: «Спустя несколько дней Валентиниан, быстро закончив переговоры с царственными особами (*regalibus*) франков – Маркомером и Сунноном и, по обычаю потребовав заложников, удалился на зимние квартиры в Трир»⁷⁸⁰.

Царьки (*subregolus*): «Затем Сульпиций продолжает: «В тот же самый год Арбогаст, преследуя Суннона и Маркомера, которые у франков были царьками (*subregolus*), с яростью, свойственной его соплеменникам, в самую зимнюю стужу устремился в Кёльн»⁷⁸¹.

На основании свидетельств Сульпиция автор выделяет в истории франков целый период, кого ими правили вожди: «А в четвертой книге, когда Сульпиций рассказывает об умерщвлении Виктора, сына тирана (*tyranni*) Максима, он говорит: «В то время назначенные вместо Наннина Кариеттон и Сир стояли с войском в Германии против франков». И немного спустя, после того как Сульпиций рассказал о добыче, унесенной франками из Германии, он

⁷⁷⁸ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 9.

⁷⁷⁹ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 9.

⁷⁸⁰ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 9.

⁷⁸¹ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 9.

добавил: «Арбогаст, ничего не желая слышать о промедлении, посоветовал императору (caesarem) наказать по заслугам франков: потребовать от них, чтобы они вернули немедленно если не все, то, по крайней мере, хотя бы то, что они награбили в прошлом году после уничтожения отрядов Квинтина, и чтобы они выдали виновников войны, ответственных за вероломное нарушение мира». Эти события происходили, как рассказал Сульпиций, в то время, когда [у франков] были вожди (cum duces essent)»⁷⁸².

Еще большую неясность вносит уже сам Григорий, начинающий оперировать предложенными Сульпицием понятиями: «Но когда Сульпиций называет их царственными особами (regales), мы не знаем, были ли они королями или они были вместо королей (nescimus, utrum reges fuerint, an in vices tenuerunt regnum)»⁷⁸³. Окончательный сумбур возникает, когда Григорий цитирует фрагмент Сульпиция, позволяющий предположить наличие у франков рассматриваемого периода «полноценной» (с точки зрения титулатуры) королевской власти: «В другом месте Александр Сульпиций не говорит о вождах и царьках (relictis tam ducibus quam regalibus), а ясно указывает, что у франков был король (aperte Francos regem habere designat), не упоминая, однако, его имени. Он говорит: «Затем тиран Евгений, отправившись в поход, поспешил к границе Рейна, чтобы возобновить, по обычаю, союз с королями (regibus) алеманнов и франков и показать диким народам огромное по тому времени войско». Таков рассказ упомянутого историографа о франках»⁷⁸⁴.

Условность используемых Сульпицием терминов очевидна при сравнении его данных с произведением Клавдия Клавдиана, в котором статус Маркомера и Сунно обозначается термином «короли»⁷⁸⁵. Не исключено, что в произведении Сульпиция зафиксирован процесс укрепления власти указанных вождей франков, приобретающих статус, приближавшийся к уровню королевской власти, однако, более вероятно, что смешение терминов носило все же случайный характер.

Приведенные выше фрагменты произведения Григория содержат, по всей видимости, прямые цитаты из текста Сульпиция, на что указывает, в частности, нехарактерный для Григория узус ряда терминов, в частности, использование термина *princeps* в качестве титула императора (сходный узус понятия встречаем в цитате Фригериды).

Обозначение титула императора и императорской власти в произведении Григория Турского

2.11.	De Avito imperatore. Avitus enim unus ex senatoribus et - valde manifestum est - civis Arvernus, cum Romanum ambisset imperium
2.21.	Quo migrante, Sidonius ex praefecto substituetur, vir secundum saeculi dignitatem

⁷⁸² Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 9.

⁷⁸³ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 9.

⁷⁸⁴ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 9.

⁷⁸⁵ Ghosh, Shami. The barbarian past in early medieval historical narrative... P.86.

	nobilissimus et de primis Galliarum senatoribus, ita ut filiam sibi Aviti imperatoris in matrimonio sociaret
4.9.	Italiam ad partem imperatoris captam, nec fuit qui eam ultra reciperet
4.40.	Defuncto igitur apud urbem Constantinopolitanam Iustiniano imperatore, Iustinus ambivit imperio
5.19.	Cum autem Iustinus imperator, amisso sensu, amens effectus esset et per solam Sophiam augustam eius imperium regiretur, populi, ut in superiore libro iam diximus, Tiberium caesarem elegerunt utilem
5.30.	Transactis igitur paucis diebus, adveniens autem Iustinianus, pedibus se proicit imperatoris, quindecem ei centenaria auri deferens ob meritum gratiae.
6.2.	Interea legati Chilperici regis, qui ante triennium ad Tiberium imperatorem abierant, regressi sunt non sine grave damno atque labore.
6.30.	Ноч anno Tiberius imperator migravit a saeculo, magnum luctum relinquens populis de obito suo.

Григорий также избегает использовать в своем дальнейшем повествовании термины *regales*, *subregolus*. Данные понятия воспроизводятся автором в контексте выдержек из произведения Сульпиция, тогда как сам Григорий предпочитает пользоваться понятиями *comites*⁷⁸⁶, *duces*⁷⁸⁷.

Таким образом, Григорий формирует у читателя представление об эволюции власти у франков, подразумевая наличие периода до и после возникновения королевской власти. Данная схема подкрепляется аргументом *ex silentio* со ссылкой на свидетельство Фригерида: «Ренат Профутур Фригерид, о котором мы упоминали выше, рассказывая о падении и взятии Рима готами, сообщает: «Между тем король аланов (*rex Alanorum*) Респендиал, после того как Гоар перешел на сторону римлян, отвел свое войско от Рейна, так как в это время вандалы воевали с франками. Вандалы после гибели их короля Годегизила (*Godigyselo rege*) потеряли в этом сражении почти двадцать тысяч человек, и они полностью были бы уничтожены, если бы к ним вовремя не подоспели на помощь аланы». Здесь мы обращаем внимание на то, что, упоминая о королях у других народов (*aliorum gentium regis nominat*), Фригерид почему-то не упоминает их у франков»⁷⁸⁸. Подводя логическую черту под анализом работ римских историков, Григорий сообщает: «Вот такие сведения о франках нам оставили упомянутые историки, не называя по имени их королей»⁷⁸⁹.

Далее автор вновь повторяет ссылку на некие источники «многие передают...» (*tradunt enim multi*), предваряя изложение сведений, носящих легендарный характер: «Многие же передают, что те же самые франки пришли из Паннонии и прежде всего заселили берега Рейна. Затем отсюда они перешли Рейн, прошли Торингию и там по округам и областям избрали себе длинноволосых королей (*regis crinitos super se creavisse*) из своих первых, так

⁷⁸⁶ Gregorii Turonensis libri Historiarum IV,4

⁷⁸⁷ Gregorii Turonensis libri Historiarum I, 32.

⁷⁸⁸ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 9.

⁷⁸⁹ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 9.

сказать, более знатных родов. Позже это было подтверждено победами Хлодвига [над ними], о чем мы расскажем в дальнейшем»⁷⁹⁰. Данное повествование является, по всей видимости, частью франкского этногенетического (а также генеалогического) мифа, транслированного позже в различных интерпретациях в произведении Фредегара и «Книге истории франков», согласно которому часть троянцев, после переселения в Паннонию, обрела имя франков, и расселилась далее по берегам Рейна. В версии Фредегара в период поселения на Рейне франками правит легендарный король Франкион⁷⁹¹. Согласно «Книге истории франков» ими правят «Маркомир, сын Приама, и Сунно, сын Антенора»⁷⁹², после смерти одного из которых «пришли они к заключению, последовав примеру остальных народов, выбрать себе короля (*regem sibi unum constituerent*). И Маркомир посоветовал им это, и, таким образом они выбрали его сына, Фарамунда, своим королем с вьющимися волосами... После смерти короля Фарамунда избрали они королем с вьющимися волосами его сына Хлодиона в государстве его отца. С этого времени стали правилом короли с вьющимися [волосами]»⁷⁹³. Присутствующее в прологе к Салическому закону свидетельство о правлении среди франков представителей знати, относится к более позднему периоду, а историки видят в этих представителях знати т.н. «малых королей» (*Kleinkönige*)⁷⁹⁴: «Салический закон был продиктован знатными этого народа (*per proceris ipsius gentes*), которые тогда были его правителями (*rectores*)»⁷⁹⁵. Данное свидетельство хотя и было позже интегрировано в этногенетический троянский миф автором «Книги истории франков», но, по всей видимости, не относится к его оригинальной содержательной части. В версии легенды, которой оперировал Григорий, мифологического короля Франкиона также либо еще не прослеживается, либо автор рассматривает свидетельства о его правлении как не вполне заслуживающие внимания. В качестве аргумента, подтверждающего достоверность предания об избрании королей на Рейне, Григорий ссылается на победы Хлодвига над королями рипуарских франков, которые, по всей видимости, рассматриваются автором в качестве потомков легендарных длинноволосых королей.

Далее в повествовании Григория следует небольшая интерполяция из текста Консульских фаст: «В Консульских фастах мы читаем, что Теодомер, король франков, сын Рихимера, и мать его Асцила пали от меча»⁷⁹⁶. Описанное событие, по всей видимости, относится автором к наиболее раннему периоду

---

⁷⁹⁰ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 9.

⁷⁹¹ *Chronicarum quae dicuntur Fredegarii scholastici...* P.46.

⁷⁹² *Liber Historiae Francorum...* P.244.

⁷⁹³ *Liber Historiae Francorum...* P.244.

⁷⁹⁴ Lex Salica // Monumenta Germaniae historica. Legum sectio I. Leges nationum Germanicarum. IV. 2. Hannover 1969. P.4.

⁷⁹⁵ Lex Salica... P.4. Русскоязычный перевод: <http://www.hist.msu.ru/ER/etext/salic.htm>

⁷⁹⁶ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 9.

франкской монархии, и также должно выступить аргументом в пользу достоверности представленной легенды о становлении королевской власти.

Затем автор вновь возвращается к пересказу легенды, на что указывает характерная ссылка «говорят...»: «Говорят также (ferunt etiam), что тогда королем у франков был Хлогион, деятельный и весьма знатный среди своего народа человек. Он жил в крепости, называемой Диспарг, расположенной в области торингов. В этой же области, в южной ее части, до самой реки Луары, жили римляне. По ту сторону Луары господствовали готы. Бургунды, последователи ереси ариан, жили на той стороне Роны, на которой расположен город Лион. Но Хлогион послал в город Камбре разведчиков, и когда они все тщательно разузнали, сам последовал за ними туда, разбил римлян и захватил город. Здесь он пробыл недолго и захватил область до самой реки Соммы»⁷⁹⁷. Представленный выше фрагмент воспроизводится с некоторыми вариациями в «Книге истории франков», но наличие в более позднем памятнике отдельных деталей, не содержащихся в произведении Григория, допускает возможность того, что при передаче сведений авторы пользовались некими общими, не дошедшими до нас, источниками.

Gregorii Turonensis Historia	Liber historiae francorum
<p>Ferunt etiam, tunc Chlogionem utilem ac nobilissimum in gente sua regem fuisse Francorum, qui apud Dispargum castrum habitabat, quod est in terminum Thoringorum. In his autem partibus, id est ad meridianam plagam, habitabant Romani usque Ligerem fluvium. Ultra Ligerem vero Gothi dominabantur. Burgundiones quoque, Arrianorum sectam sequentes, habitabant trans Rhodanum, quod adiacet civitate Lugdunense. Chlogio autem, missis exploratoribus ad urbem Camaracum, perlustrata omnia, ipse secutus, Romanus proteret, civitatem adpraehendit, in qua paucum tempus resedens, usque Sumenam fluvium occupavit.</p>	<p>Venientesque sagaciter in finibus Toringorum, ibique resederunt. Habitavit itaque Chlodio rex in Disbargog castello in finibus Toringorum regionem Germaniae. In illo tempore in his partibus citra Renum usque Ligerem fluvio habitabant Romani, ultra Ligere quoque Gothi dominabantur. Burgundiones itaque paganissimo in Arriana doctrina pravar tenebantur, inhabitantes iuxta Rodanum fluvium, quae adiacet Lugdunum civitate. Chlodiox autem rex misit exploratores de Disbargo castello Toringorum usque ad urbem Camaracum. Ipse postea cum grande exercitu Renum transiita, multo Romanorum populo occidit atque fugavit. Carbonaria silva ingressus, Turnacinsem urbem obtenuit. Exindea usque Camaracum civitatem veniens, illicque resedit paucio temporis spacio; Romanos quos ibi invenit interficit. Exinde usque Sumnam fluvium occupavit.</p>

Следующий фрагмент произведения Григория Турского, в котором автор, вновь ссылаясь на те же источники, упоминает о происхождении Меровея из рода короля Хлогиона, имеет параллели как в произведении Фредегара, так и в

⁷⁹⁷ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 9.

«Книге истории франков»: «Говорят (adserunt), что из этого же рода происходил и король Меродей, у которого был сын Хильдерик»⁷⁹⁸. Примечательно, что в повествовании Фредегара сохранилась подробность мифологического характера о том, что Меродей был рожден женой Хлодиона после того, как во время купания в море ей овладел «зверь Нептуна, похожий на квинотавра»⁷⁹⁹.

Ш.Гош полагает, что до VII века мифа о троянском происхождении франков еще не существовало, аргументируя свое предположение тем, что только в работе Фредегара впервые воспроизведены все составляющие данного мифа⁸⁰⁰. Данный аргумент является достаточно спорным, поскольку расхождение в некоторых деталях между повествованием Григория и нарративом «Книги истории франков» не исключают возможное наличие общего источника о легендарном прошлом франков, с которым авторы, по крайней мере, были знакомы. Более того, не сложно предположить, по какой причине епископ христианской церкви мог опустить многие эпизоды транслируемой легенды. Создание победоносного королевства предстает в его произведении как дело рук ортодоксального христианского короля, в связи с чем версия о великом языческом прошлом франков не вполне устраивает его как историографа. Цель Григория – не розыски легендарных франкских древностей, а показание выгоды союза королевской власти и христианской церкви.

С. Лебек полагает, что появление троянского мифа датируется VI веком, и связано с очарованием франкских королей (прежде всего, Теодеберта и Хильперика) античной культурой⁸⁰¹. Не исключено, на мой взгляд, что миф о троянском происхождении франков действительно начал распространяться в правление просвещенного короля Хильперика, которого Григорий Турский по ряду субъективных причин называет «Нероном и Иродом нашего времени»⁸⁰². Вероятно, Григорий стремился развенчать бродящие мифы о троянских правителях, равно как и миф о происхождении рода Меровингов от морского чудовища, но не имел достаточных источников, чтобы опровергнуть их, поэтому просто обошел данные мифы вниманием, начав свое повествование истории франков с этапа их легендарного расселения в Паннонии, и ограничиваясь лишь констатацией происхождения Меродея от рода Хлодиона. Таким образом, выстраивая собственную концепцию становления королевской власти у франков, Григорий Турский укреплял христианскую историографическую традицию, рассматривая ее в качестве альтернативы складывающейся в VI-VII веках в германской аристократической среде политической мифологии, героическая составляющая которой способствовала ее органичному восприятию носителями традиционной германской культуры.

⁷⁹⁸ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 9.

⁷⁹⁹ *Chronicarum quae dicuntur Fredegarii scholastici...* P.95.

⁸⁰⁰ Ghosh, Shami. The barbarian past in early medieval historical narrative... P.94.

⁸⁰¹ Лебек С. Происхождение франков V-IX века. Том. 1 Новая история средневековой Франции. М., 1993.

⁸⁰² Gregorii Turonensis libri Historiarum VI, 46.

§ 2. Характеристика института королевской власти

Для характеристики королевской власти Григорий Турский пользуется широким спектром понятий, таких как *imperium*⁸⁰³, *dominium*⁸⁰⁴, *principatum*⁸⁰⁵, *regalis sceptri... gloria*⁸⁰⁶. В целях уточнения содержания данных терминов рассмотрим социально значимые действия короля, совокупность которых отражает представления Григория Турского о функциональном содержании королевской власти рассматриваемого периода. Носитель королевской власти совершает следующие действия:

Правит (regnare): «Правил же король Аларих 22 года»⁸⁰⁷. Правление является одной из базовых категорий изложения истории Григория Турского, поскольку датировка событий зачастую излагается в произведении в годах «правления» того или иного короля⁸⁰⁸. Данная традиция, по всей видимости, является развитием принципа датировки событий в римских консуляриях.

Понятие *regnum* используется Григорием Турским как в значении «королевство» (подвластная территория)⁸⁰⁹, так и в значении «королевская власть» (правление)⁸¹⁰. Правление выражается Григорием Турским в терминах *держания* (*tenere*: «Против Сиагрия выступил Хлодвиг вместе со своим родственником Рагнахаром, у которого тоже было королевство (quia et ipse regnum tenebat)»⁸¹¹; «Тогда братья Гундобад и Годагизил владели (*retinebant*) королевством, простиравшимся по Роне и Соне с провинцией Массилийскою»⁸¹²), *собственности* (*posessio*: «После одержанной победы Годагизил, пообещав Хлодвигу часть своего королевства, удалился с миром и со славою вступил во Вьенн, словно он уже владел (*possederit*) всем королевством»⁸¹³; «Сын же, чтобы завладеть его королевством (*tamquam regnum illius possessurus*), подослал к нему убийц и приказал там его убить...»⁸¹⁴), *господства* (*dominatio*: «...во времена правления Агилы в Испании, господство которого легло тяжким бременем на народ (*gravissimo*

⁸⁰³ «Ecce, mortuos fratres meus, ad me restitit omne regnum; mihi universae Galliae subicientur, imperiumque universum mihi fata largita sunt! Ecce inimicis in manu positus inferam quaecumque placuerit!»

⁸⁰⁴ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 27: «Omnia, gloriose rex, quae cernimus, tua sunt, sed et nos ipsi tuo sumus dominio subiugati»; II, 33: «Ipse vero regionem omnem, quod nunc Burgundia dicitur, in suo dominio restauravit. Burgundionibus leges mitiores instituit, ne Romanos obpraemerent».

⁸⁰⁵ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 3.

⁸⁰⁶ Gregorii Turonensis libri Historiarum IX, 9.

⁸⁰⁷ Regnavit autem Alaricus annos 22.

⁸⁰⁸ Gregorii Turonensis libri Historiarum X, 1; X, 10; X, 24.

⁸⁰⁹ Gregorii Turonensis libri Historiarum III, 12;

⁸¹⁰ Gregorii Turonensis libri Historiarum V.1.; III, 25.

⁸¹¹ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 27: Super quem Chlodovechus cum Ragnechario, parente suo, quia et ipse regnum tenebat, veniens, campum pugnae praeparare deprecatur.

⁸¹² Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 32: Tunc Gundobadus et Godegisilus fratres regnum circa Rhodanum aut Ararem cum Massiliensem provinciam retinebant.

⁸¹³ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 32. Godigisilus vero, obtenta victoria, promissam Chlodovecho aliquam partem regni sui, cum pace discessit Viennamque triumphans, tamquam si iam totum possederit regnum, ingreditur.

⁸¹⁴ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 40: inmissis super eum filius percussoribus eum ibidem interfecit, tamquam regnum illius possessurus.

dominationis suae iugo adterriret)»⁸¹⁵ короля в отношении подвластных ему территорий.

Ведет войны, покоряет народы: «Хлодвиг провел много сражений и одержал много побед (multa bella victuriasque fecit). Так на десятом году своего правления он начал войну с тюрингами и покорил их (bellum intulit eosdemque suis dictionibus subiugavit)»⁸¹⁶. «...король Хлодвиг непрерывно одерживает победы, покоряя народы (Chlodovechum regem gentes assiduae debellare)»⁸¹⁷.

Легитимность власти во многом зависела от успеха военных предприятий конунга в отношении недружественных народов. Образ короля как предводителя войска, отрывающего вражеские дружины от их пиршественных залов прослеживается в описании легендарного конунга Скильда Скевинга⁸¹⁸. Удача в военных предприятиях (herespéd) упоминается автором поэмы в качестве одного из определяющих факторов легитимности власти юного конунга Хродгара: «Þá wæs Hróðgáre herespéd gyfen wíges weorðmynd þæt him his winemágas georne hýrdon»⁸¹⁹. Большое влияние на эпический образ короля эпохи Великого переселения народов оказал образ короля гуннов Аттилы, знаменитого своим поистине разрушительным вторжением в европейские провинции Римской империи: «Уйдя из города Меца, король гуннов Аттила (Attela vero Chunorum rex) опустошил еще много галльских городов»⁸²⁰.

Для варварского сознания войны имели не только утилитарное, но и ритуальное значение, проявление связи военного вождя с божественными силами и сакральной удачей, получавшей материальное выражение в военной добыче и вознаграждении воинов. Как отмечает И.Я. Фроянов, «органическое вплетение ритуалов и обрядов в подготовку и осуществление военных дел указывает на сакральную во многом суть войн, наблюдаемых в древности. Под ее знаком проходили... в том числе и те, что уподобляются «регулярному промыслу» по добыче материальных ценностей: захвату скота, рабов и сокровищ. Нельзя, конечно, вовсе отрицать материальных мотивов военных предприятий, затевавшихся... в эпоху варварства. Но если вспомнить, что богатство и тогда имело не столько утилитарное, сколько «трансцендентное» значение, в котором преобладали магико-религиозные и этические моменты, то идеи сакральности, чести и славы зазвучат в войнах с еще большей силой»⁸²¹.

⁸¹⁵ Gregorii Turonensis libri Historiarum IV, 8: Regnante vero Agilane apud Hispaniam, cum populum gravissimo dominationis suae iugo adterriret...

⁸¹⁶ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 27: Multa bella victuriasque fecit. Nam decimo regni sui anno Thoringis bellum intulit eosdemque suis dictionibus subiugavit.

⁸¹⁷ Gregorii Turonensis libri Historiarum II.35: ...Chlodovechum regem gentes assiduae debellare...

⁸¹⁸ Beowulf, 4-7, 9-11.

⁸¹⁹ Beowulf, 64-66.

⁸²⁰ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 7: Attela vero Chunorum rex a Mittense urbe egrediens, cum multas Galliarum civitates oppraemeret,

⁸²¹ Цит. по электронной публикации: http://www.lants.tellur.ru:8100/history/danilevsky/d05_8.htm

Накладывает дань или обязуется ее выплачивать

Покорение народов сопровождалось обложением данью, которая воспринималась германцами как признак несвободы, подчиненного положения: «Лучше отправь к нему посольство и наложи на него дань (tributum), которую он ежегодно выплачивал бы тебе, чтобы таким образом и страна осталась целой, и ты всегда властвовал бы над твоим данником (et tu tributa dissolventi perpetuo domineris)... Затем он отправил посольство к Гундобаду и потребовал, чтобы он выплачивал ему ежегодно наложенную на него дань (ut ei per singulos annos tributa inposita reddere debeat, iubet). И тот выплатил ему за этот год и обещал выплачивать далее»⁸²². Характерно, что обложение свободного населения податью воспринималось как обложение данью. Григорий Турский свидетельствует, что «франки сильно ненавидели Парфения за то, что он во времена означенного короля обложил их податью (tributa)»⁸²³.

Добровольное принятие на себя даннических обязательств имело место лишь в крайних случаях, во время решающих войн и политических кризисов: «И когда Гундобад и Годагизил напали друг на друга, то Годагизил, узнав о победах короля Хлодвига, тайно послал к нему послов с такими словами: «Если ты мне окажешь помощь в преследовании моего брата, чтобы я смог убить его в сражении или изгнать из страны, я буду ежегодно выплачивать тебе установленную тобой дань (tributum tibi, quale tu ipse vellis iniungere) в любом размере»⁸²⁴. Для носителей королевской власти выплата дани воспринималась как унижительная обязанность, умаляющая их достоинство: «После этого Гундобад, вновь собравшись с силами и уже считая для себя низким выплачивать обещанную дань королю Хлодвигу (iam dispiciens rege Chlodovecho tributa promissa dissolvere), выступил с войском против своего брата Годагизила и, заперев его в городе Вьенне, начал осаду»⁸²⁵.

Устанавливает законы, издает правовые акты: «Гундобад же покорил всю область, которая теперь называется Бургундией, и среди бургундов установил более мягкие законы (leges mitiores instituit), по которым они не должны были притеснять римлян»⁸²⁶. В данном фрагменте речь идет о сборнике

---

⁸²² Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 32. Mitte potius legationem et tributum, quod tibi annis singulis dissolvat, inpone, ut et regio salva sit et tu tributa dissolventi perpetuo domineris. Quod si noluerit, tunc quod libuerit facies. Quo consilio rex accepto hostem patriae redire iubet ad propria. Tunc missa legationem ad Gundobadum, ut ei per singulos annos tributa inposita reddere debeat, iubet. Ad ille et de praesenti solvit et deinceps solviturum se esse promittit.

⁸²³ Franci vero cum Parthenium in odio magno haberent, pro eo quod eis tributa antedicti regis tempore inflixisset.

⁸²⁴ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 32. Cumque se invicem inpuerant, auditas Godigisilus Chlodovechi regis victurias misit ad eum legationem occulte, dicens: «Si mihi ad persequendum fratrem meum praebueris solatium, ut eum bello interficere aut de regione eiecere possim, tributum tibi, quale tu ipse vellis iniungere, annis singulis dissolvam».

⁸²⁵ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 33. Post haec resumtis viribus, iam dispiciens rege Chlodovecho tributa promissa dissolvere, contra Godigisilo fratrem suum exercitum conmovet eumque apud Viennam civitatem inclusum obsidit.

⁸²⁶ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 33. Ipse vero regionem omnem, quod nunc Burgundia dicitur, in suo dominio restauravit. Burgundionibus leges mitiores instituit, ne Romanos obpraemerent.

норм римского права, известном под названием «Римский закон бургундов» (*Lex Romana Burgundionum*), изданном около 517 года⁸²⁷. А.И. Неусыхин отмечает, что его «источниками... наряду с самими бургундскими законами, послужили: кодекс Феодосия II и дополнительные новеллы к нему, Институции Гая и другие памятники римского права»⁸²⁸. Данный правовой памятник действовал сравнительно недолгое время, и после завоевания королевства бургундов франками был вытеснен из правоприменительной практики вестготским *Lex Romana Wisigothorum*.

Кодификация вульгарного римского права сопровождала процесс формирования новой системы социальных отношений на территориях, завоеванных германскими народами. Как полагает К. Брунс-Линель, «в отношении... римлян ни у одного из племен завоевателей не возникло и вопроса о том, чтобы распространить на них действие германского права. Римское право было не только терпимо... но и пользовалось признанием. Оно оставалось действующим для всех римлян при сношениях их между собою так же, как оставались неприкосновенными и права покоренных германских народов; но в случае спора между римлянами и германцами отдавалось предпочтение германскому праву»⁸²⁹.

Приказывает, повелевает (*praecipere, iussere*): «А спустя год Хлодвиг приказал всем воинам явиться со всем военным снаряжением...»⁸³⁰ «По его приказу были построены те подземные часовни, которые сохранились и по сей день, а также возведены колонны, находящиеся в храме святого Юлиана. Кроме того, он приказал построить в деревне Ликане базилику святого Лаврентия и святого Германа»⁸³¹.

Право приказывать и требовать исполнения данных приказов является, согласно Максу Веберу, одной из наиболее важных составляющих отношений господства и подчинения: «Господством называется возможность встречать повиновение определенных групп людей специфическим (или всем) приказам... Господство («авторитет») в этом смысле может основываться в конкретном случае на самых разных мотивах повиновения, начиная с неопределенного приучения до чисто целерациональных соображений. Каждое фактическое отношение господства характеризуется определенным минимумом желания подчиняться, а именно: внешними или внутренними интересами повиновения»⁸³².

⁸²⁷ Drew K.F. *The Laws of the Salian Franks*. 1991. P.24.

⁸²⁸ Неусыхин А.И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI–VIII вв. М., 1956. С.52.

⁸²⁹ Брунс-Ленель К. Внешняя история римского права. М., 1904. С.167-168.

⁸³⁰ *Gregorii Turonensis libri Historiarum II*. 27.

⁸³¹ *Gregorii Turonensis libri Historiarum II*, 20. Eoricus autem Gothorum rex Victorium ducem super septem civitatis praeposuit anno XIII, regni sui. Qui protinus Arvernus adveniens, civitatem addere voluit, unde et criptae illae usque hodie perstant. Ad basilicam sancti Iuliani colomnas, quae sunt in aede positae, exhibere iussit. Basilicam sancti Laurenti et sancti Germani Licaniacensis vici iussit aedificare. Fuit autem Arvernus annis novem.

⁸³² Цит. по: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/5765>

Неоднократно Григорий использует категории веления для описания несправедливых действий варварских королей, возлагая на них ответственность за совершение гонений, пыток, убийств христиан: «Тогда он приказал подвергнуть ее мучительным пыткам, чтобы у нее больше не осталось надежды на земную жизнь»⁸³³; «Король Гунерих... приказал подвергнуть святого божия [Лонгина] разного рода пыткам крючьями, огнем и когтями, а затем убить»⁸³⁴; «А святого Виндемиала король приказал зарубить мечом, что и было выполнено»⁸³⁵.

Направляет и принимает послов

В произведении Григория Турского встречаются многочисленные упоминания дипломатических сношений между политическими лидерами эпохи Великого переселения народов и образования «варварских королевств». Послы могли направляться от имени императора, римских сановников и епископов, германских королей, представителей определенных территорий. Предметом переговоров нередко выступает заключение военного союза («Гундобад и Годегизил напали друг на друга, то Годегизил, узнав о победах короля Хлодвига, тайно послал к нему послов»⁸³⁶), выдача врагов и перебежчиков («Хлодвиг отправил к Алариху послов с требованием, чтобы тот выдал ему Сиагрия»⁸³⁷), заключение мирового соглашения и выплата дани («...отправь к нему посольство и наложи на него дань»⁸³⁸), заключение матримониальных союзов («Но так как Хлодвиг часто посылал посольства в Бургундию. то его послы однажды увидели девушку Хродехильду... Тот немедленно направил послов к Гундобаду с просьбой отдать ее ему в жены»⁸³⁹).

В германских обществах постепенно укореняется представление о неприкосновенности послов, что прослеживается в дополнениях к Салическому закону, устанавливающих за убийство посла вергельд в 1800 солидов (тогда как убийство простого франка выкупалось вергельдом в 200 солидов, а убийство королевского дружинника – вергельдом в 600 солидов). Постановления подобного характера встречаются также в аламанском, саксонском, фризском законах. Законодательством устанавливалось право послов на бесплатное

---

⁸³³ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 2. Quae cum venenosum eius iaculum fidei parma propelliret, praecipit rex facultates eius auferre, quae iam mente possedebat regna paradisi, deinde supplicis adplecatam sine spe praesentes vitae torquere.

⁸³⁴ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 3. Videns autem Honoricus rex, assertiones suas per sanctorum fidem gloriosam taliter denuntari, nec erigi sectam erroris, sed potius distrui, famamque pontificis sui in hoc scelere fuisse detectam, sanctus Dei post multa tormenta, post eculeos, post flammas, post unguas, iussit interfici

⁸³⁵ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 3: Sanctum vero Vindimiale gladio percussit praecipit

⁸³⁶ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 32: Cumque se invicem in pugnant, auditas Godigisilus Chlodovechi regis victurias misit ad eum legationem occulte

⁸³⁷ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 27. Chlodovechus vero ad Alarico mittit, ut eum redderet

⁸³⁸ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 32.

⁸³⁹ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 28. Porro Chlodovechus, dum legationem in Burgundiam saepius mittit, Chrotchildis puella reperitur a legatis eius. Nec moratus ille ad Gundobadum legationem dirigit, eam sibi in matrimonio petens. Nec moratus ille ad Gundobadum legationem dirigit, eam sibi in matrimonio petens.

размещение и питание в пути, а также наложение штрафов на тех, кто откажет им в этом⁸⁴⁰.

Большое значение, придававшееся дипломатическим миссиям в рамках германских королевств, получает отражение в творчестве Флавия Кассиодора: «Дело посла, – пишет он, – великое искусство». Послов надо выбирать осторожно. «Поскольку каждое посольство требует мудрого человека, которому можно было бы доверить дела провинции и государства, надо выбирать для этого самого умного, способного спорить с наиболее хитрыми и говорить в собрании мудрых так, чтобы множество искусных людей не могло взять над ним верх в поручаемом ему деле»⁸⁴¹. Послами отправляли самых знатных людей, чтобы оказать честь чужим государям и в то же время повысить авторитет посольства. Через остготские посольства римские обычаи прививались и у западных варваров. При франкском и вестготском дворах устанавливается константинопольский этикет»⁸⁴².

Заключает союзы

Заклучение союзов предполагало оказание взаимной военной помощи при осуществлении военных действий, заключавшееся, как правило, в направлении вспомогательных отрядов: «Тот с радостью принял это предложение, обещал ему помощь, где бы она ни потребовалась, и в условленный срок послал войско против Гундобада»⁸⁴³. Действия с привлечением союзников воспринимаются авторами как совместные: «Одоакр заключил союз с Хильдериком, и они покорили (subiugarunt) алеманнов, захвативших часть Италии»⁸⁴⁴.

Процедура заключения союза сопровождалась символическим обменом дарами, что было, по всей видимости, характерно не только для римской дипломатической практики, но и для традиций различных «варварских» народов. В произведении Григория Турского сохранилось описание заключения соглашения между королем франков Сигибертом и хаканом гуннов, сопровождавшееся обменом подарками: «В самом деле, одарив их подарками, он заключил с королем гуннов договор о том, чтобы никогда при их жизни не было между ними никакой войны; и это по праву расценивается скорее как похвала ему, чем бесчестие. Но и король гуннов дал королю Сигиберту много

---

⁸⁴⁰ См. более подробно: История дипломатии. В 3 томах. / ред. Потемкин, В.П. и др. Т.1. М., 1941. Раздел второй. Дипломатия в средние века (проф. Бахрушин С.В. и проф. Косминский Е.А.). Электронная версия: http://www.diphis.ru/varvarskie_gosudarstva_i_vizantiya-c28.html

⁸⁴¹ Там же.

⁸⁴² Там же.

⁸⁴³ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 32. Quod ille libenter accipiens, auxilium ei, ubicumque necessitas poposcerit, repromisit, et statuto tempore contra Gundobadum exercitum commovit.

⁸⁴⁴ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 19. Odovacrius cum Childerico foedus iniit, Alamannusque, qui partem Italiae pervaserant, subiugarunt

подарков. А самого короля гуннов называли Гаган. Ведь этим именем называли всех королей этого народа»⁸⁴⁵.

Произведение Тацита сохранило описание древнегерманской традиции направления даров вождям соседних племен, что, по всей видимости, способствовало поддержанию отношений между различными этнополитическими образованиями: «Особенно радуют их дары от соседних племен, присылаемые не только отдельными лицами, но и от имени всего племени, каковы отборные кони, великолепно отделанное оружие, фалеры и почетные ожерелья; а теперь мы научили их принимать и деньги»⁸⁴⁶. В рамках существовавших в германских обществах реципрокных отношений, дары, по всей видимости, рассматривались не столько в качестве материальной ценности («Они радуются подаркам; не считая своим должником того, кого одарили, они и себя не считают обязанными за то, что ими получено»⁸⁴⁷), сколько символической.

Получает часть военной добычи

Широкую известность получил описанный Григорием Турским исторический казус с разделом военной добычи в Суассоне, в ходе которого король франков не смог получить от своих воинов один из наиболее ценных военных трофеев – священную чашу из христианского храма, – поскольку военно-демократическая традиция редистрибуции захваченных ценностей не предоставляла ему каких-либо преференций при получении военной добычи: «По прибытии в Суассон, когда сложили всю груды добычи посередине, король сказал: «Храбрейшие воины, я прошу вас отдать мне, кроме моей доли, еще и этот сосуд...», после чего «один вспыльчивый воин, завистливый и неумный, поднял секиру и с громким возгласом: «Ты получишь отсюда только то, что тебе полагается по жребию», – опустил ее на чашу. Все были поражены этим поступком, но король перенес это оскорбление с терпением и кротостью»⁸⁴⁸.

Данное свидетельство весьма точно отражает содержание военно-демократических традиций эпохи становления германских «варварских королевств», а также реальный объем властных полномочий короля. Показательно также то, что при осуществлении возмездия король предпочел сводить счеты с обидчиком своими силами, не прибегая к органам правосудия или иным инструментам государственного принуждения. Личная расправа, по всей видимости, во многих случаях являлась более эффективным методом противодействия заговорам, нежели судебный процесс, поскольку в руках носителя королевской власти зачастую не было достаточных инструментов

---

⁸⁴⁵ Gregorii Turonensis libri Historiarum IV, 29. Nam, datis muneribus, foedus cum rege iniit, ut omnibus diebus vitae suae nulla inter se proelia commoverint; idque ei magis ad laudem quam ad aliquid pertinere opproprium iusta ratione pensatur. Sed et rex Chunorum multa munera regi Sigybertho dedit. Vocabatur enim gaganus. Omnes enim regis gentes illius hoc appellantur nomine

⁸⁴⁶ Tacitus. Germania, XV.

⁸⁴⁷ Tacitus. Germania, XXI.

⁸⁴⁸ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 27.

государственного принуждения для использования их против влиятельных лиц государства. К подобной модели сведения счетов со своим обидчиком, в частности, прибегает король франков Хлодвиг, избравший в качестве способа расправы публичное убийство своего недоброжелателя из числа франкской знати во время проведения военного смотра войска: «Когда он (король – С.С.) обходил ряды воинов, он подошел к тому (своему противнику – С.С.)... и сказал: «Никто не содержит оружие в таком плохом состоянии, как ты. Ведь ни копье твое, ни меч, ни секира никуда не годятся». И, вырвав у него секиру, он бросил ее на землю. Когда тот чуть-чуть нагнулся за секирой, Хлодвиг поднял свою секиру и разрубил ему голову»⁸⁴⁹.

---

⁸⁴⁹ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 27: «Verum ubi cunctus circuire diliberat, venit ad urcei percussorem; cui ait: «Nullus tam inculta ut tu detulit arma; nam neque tibi hasta neque gladius neque securis est utilis». Et adpraehensam securem eius terrae deiecit. At ille cum paulolum inclinatus fuisset ad collegendum, rex, elevatis manibus, securem suam capite eius defixit».

§ 3. Способы передачи и принятия королевской власти

В произведении Григория Турского зафиксированы различные способы получения и передачи королевской власти в германских обществах эпохи V-начала VI веков. Данные способы могут быть охарактеризованы следующим образом:

Принятие власти в порядке наследования (*successio in regno*)

Принятие власти в соответствии с принципом наследования осуществляется, преимущественно, в случае передачи королевства от отца к сыну, либо в ином установленном порядке (например, от старшего брата к младшему). Данный порядок прослеживается в описании Григорием Турским передачи власти в королевстве вандалов («В это время скончался король Гундерих, и после него королевскую власть получил (*obtenuerat regnum*) Тразамунд»⁸⁵⁰; «Ему наследовал (*successit*) Хильдерик по смерти которого королевскую власть получил (*regnum suscipit*) Гелезимер»⁸⁵¹).

При описании истории франкского королевства V века Григорий Турский упоминает о передаче власти от Хильдерика его сыну Хлодвигу: «После этих событий умер Хильдерик, и вместо него стал править (*regnavit*) его сын Хлодвиг»⁸⁵². Сложно сказать, когда именно во франкском обществе установилась традиция наследования власти, а также раздела королевства между сыновьями короля. Свидетельства о легендарных королях Сунно и Маркомере, являвшихся соправителями, позволяют предположить, что уже в IV веке власть могла быть разделена между несколькими представителями королевской фамилии. К VI веку данный способ передачи власти стал во франкском обществе традиционным. Как отмечает Агафий Миринейский, «франки, живя наилучшим образом, управляют собой и повелевают соседями, причем дети наследуют власть отцов»⁸⁵³; «Много раз и раньше и в мое время власть у них делилась то между тремя правителями, то между большим числом, но никогда, как известно, они не начинали войны между собой и не оскверняли отечество кровью сограждан... у них, если они и бывают разделены между многочисленными правителями, не случается ничего подобного»⁸⁵⁴.

Франкская модель организации публичной власти стала основой для выработки специфической теории раннесредневековой государственности, транслированной через наследие марксизма в советскую медиевистику: «Частноправовые элементы государственного строя варварских королевств генетически связаны с германским общественным устройством в период

⁸⁵⁰ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 2: His enim diebus Gundericus rex obierat, in cuius loco Trasamundus obtenuerat regnum

⁸⁵¹ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 3: Huic Childericus successit; quo defuncto, Gelesimeris regnum suscipit. Ipse quoque a re publica superatus, vitam principatumque finivit. Et sic regnum decedit Wandalarum.

⁸⁵² Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 27: His ita gestis, mortuo Childerico, regnavit Chlodovechus, filius eius pro eo.

⁸⁵³ Agathias Scholasticus. De imperio et rebus gestis Iustiniani imperatoris libri quinque. I, 3.

⁸⁵⁴ Ibid.

завоевания новой территории для поселения. Пережитки позднеримского политического устройства и права не играли существенной роли в утверждении частнопровых элементов в раннефеодальном государстве»⁸⁵⁵. В соответствии с данными представлениями раннесредневековое государство «получило наименование «патримониального», «государства-сеньории», где «публичная власть принимала форму частнопрового отношения», «системы вассальных договоров», «совокупности личных отношений между определенными индивидами»; государство, в котором его правители «видели свою вотчину»⁸⁵⁶.

Согласно точке зрения С. Рейнольдс, представление о том, что раннесредневековые короли смотрели на свое государство как на свою собственность, «следует если не пересмотреть полностью, то подвергнуть существенной коррекции. Так, Меровинги довольно часто делили свое государство между собой: но это был лишь способ разделить власть в королевстве между соперниками-родственниками, а не семейную собственность, тем более что различия между королевской собственностью (фиском) и королевством в ту эпоху все же осознавались, равно как существовало и само понятие государства (*res publica*)»⁸⁵⁷. Практика раздела королевства между братьями отмечается, помимо франков, у тюрингов, бургундов, а также остготов в период расселения в Паннонии. Вопрос о наличии подобной практики на более ранних этапах истории готов является не вполне ясным. Как отмечает Д. Клауде, «если Атанарих был единоличным военным предводителем вестготов, то более древние источники позволяют сделать вывод о том, что первоначально вестготы выбирали двух герцогов. Во времена Константина Великого упоминаются два вождя, Ариарих и Аорих, преемником которых был, впрочем, один Геберих»⁸⁵⁸.

Не исключено, что наличие соправителей в германских королевствах является свидетельством древнегерманской традиции деления королевства при получении власти братьями – наследниками власти отца. Не вполне, однако, ясно, является ли данная традиция общегерманской. Если в отдельных англосаксонских королевствах такая традиция прослеживается (Эссекс, Восточная Англия, Кент после 725 г.), то в других (Уэссекс, Мерсия) эта традиция не носила выраженного характера. У лангобардов двоевластие прослеживается в рамках одной из наиболее архаичных моделей потестарной организации, относящейся ко времени легендарного переселения народа из Скандинавии под предводительством братьев Ибора и Айо, назначенных «вождями» (*ordinatis... ducibus*)⁸⁵⁹. Дальнейшая история народа и королевства

---

⁸⁵⁵ Корунский А.Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе М., 1963. С.159. См. критический анализ данного подхода: Глебов А. Г. О некоторых особенностях раннесредневековой государственности в Западной Европе // Власть, общество, индивид в средневековой Европе. М, 2008. С.12.

⁸⁵⁶ Золотарев А.Ю. Государство и суд в раннесредневековой Англии : 07.00.03 Золотарев, Антон Юрьевич Государство и суд в раннесредневековой Англии (VII - XI вв.) : Дис. канд. ист. наук : 07.00.03 Воронеж, 2005 (на правах рукописи).

⁸⁵⁷ Там же.

⁸⁵⁸ Клауде Д. История вестготов... С.17.

⁸⁵⁹ Paulus Diaconus. Historia langobardorum. I, 3.

лангобардов, однако, свидетельствует о том, что традиционной практикой было все же избрание одного короля. Как отмечает А.Р. Корсунский, королевской власти готской Испании также «чужд патримониальный характер, присущий этому институту в некоторых других раннефеодальных государствах, в частности во Франкском. Вестготское королевство ни в юридическом аспекте, ни в реальной жизни не расценивалось современниками как достояние королей, его не делили между сыновьями умершего короля»⁸⁶⁰. Не прослеживается традиции раздела королевской власти между наследниками и у вандалов (после 428 года). По всей видимости, это объясняется тем, что политогенез у германцев шел несколькими путями и под влиянием различных факторов.

Необходимо отметить, что принятие власти в порядке наследования было зачастую связано с конкуренцией между потенциальными наследниками как в случаях раздела власти, так и в случае наследования трона единого королевства, о чем свидетельствуют сообщения Григория Турского и Иордана о переговорах Аэция с наследниками трона вестготского и франкского королевства: «После сражения Аэций сказал Торисмоду: «Скорей возвращайся в свою страну, чтобы из-за происков брата ты не лишился отцовского королевства». Услышав это, Торисмод быстро отправился в путь, чтобы своим приездом опередить брата и раньше его захватить трон отца»⁸⁶¹. В отдельных случаях наследник трона мог предпринимать попытки захвата владений своего отца насильственным способом: «Сын же, чтобы завладеть его королевством (*tamquam regnum illius possessurus*), подослал к нему убийц и приказал там его убить, но по воле Божией сам «попал в яму», которую он вырыл с враждебной целью отцу»⁸⁶².

Избрание (признание) королем (*regem constituere, adsiscere*)

Избрание королем является одной из древнейших форм наделения королевской властью в рамках германских обществ. Избрание первых королей, в соответствии с генеалогическим преданием, транслируемым Григорием Турским, произошло в Тюрингии: «Затем... они перешли Рейн, прошли Тюрингию и там по округам и областям избрали себе длинноволосых королей из своих первых, так сказать, более знатных родов»⁸⁶³. Традиция избрания короля сохраняет во франкском королевстве силу также и на протяжении VI столетия, существуя наряду с другими формами передачи королевской власти в рамках «варварских королевств»: «Все вельможи короля Хильдеберта

---

⁸⁶⁰ Корсунский А.Р. Готская Испания. С.283-284.

⁸⁶¹ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 7. Expletoque bello, ait Aetius Thorismodo: «Festina velociter redire in patriam, ne insistente germano a patris regno priveris». Haec ille audiens, cum velocitate discessit, quasi antecipaturus fratrem et prior patris cathedram adepturus. Simili et Francorum regem dolo fugavit.

⁸⁶² Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 40. inmissis super eum filius percussoribus eum ibidem interfecit, tamquam regnum illius possessurus. Sed iudicio Dei in foveam, quam patri hostiliter fodit, incessit.

⁸⁶³ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 9. Tradunt enim multi, eosdem de Pannonia fuisse degressus, et primum quidem litora Rheni amnes incoluisse, dehinc, transacto Rheno, Thoringiam transmeasse, ibique iuxta pagus vel civitates regis crinitos super se creavisse de prima et, ut ita dicam, nobiliore suorum familia.

потребовали, чтобы Гундовальд был королем»⁸⁶⁴; «Гундовальд обратился к жителям со следующими словами: «Знайте, что все в королевстве Хильдеберта избрали меня королем»⁸⁶⁵. Избрание королем могло, по всей видимости, сопровождать процедуру принятия власти в порядке наследования, - так, согласно свидетельству Григория Турского, короля вандалов Гунериха «сами вандалы поставили во главе»⁸⁶⁶.

Избрание королем, по всей видимости, носит практически тождественный характер с процедурой признания полномочий короля за лицами, власть которых получает распространение на новую этнополитическую общность: «Как только они это услышали, они в знак одобрения стали ударять в щиты и кричать, затем подняли Хлодвига на круглом щите и сделали его над собой королем. Получив королевство Сигиберта вместе с его сокровищами он подчинил себе и самих его людей»⁸⁶⁷; «Тогда франки, которые некогда находились под властью (*aspexerant*) старшего Хильдеберта, направили к Сигиберту посольство с просьбой, чтобы он пришел к ним, а они, оставив (*derelicto*) Хильперика, поставят его самого королем над собой (*super se ipsum regem stabilirent*)»⁸⁶⁸; «А когда он прибыл в виллу, называемую Витри, и когда все войско собралось вокруг него, его поставили на щит, подняли и сделали над собой королем (*sibi regem statuunt*)»⁸⁶⁹. Весьма интересно, что признание королем могло совершаться в отношении римских должностных лиц: «Франки же, прогнав Хильдерика, единодушно признали своим королем Эгидия, магистра армии, посланного, как мы упоминали выше, в Галлию Римской империей»⁸⁷⁰. Не вполне ясно, соблюдались ли при этом германские потестарно-правовые ритуалы, однако, это не исключено, поскольку сходные ритуалы использовались уже и в римской армии, подвергшейся значительному «варварскому» влиянию: «Его поставили на щит и подняли высоко. Раздался единодушный возглас, в котором Юлиан был провозглашен августом»⁸⁷¹. Не исключено, также, что сходный характер носило восстановление в королевской власти лиц, лишившихся королевского статуса: «А Хильдерик, узнав в этом надежный знак того, что его опять желают франки

---

⁸⁶⁴ Gregorii Turonensis libri Historiarum VII, 32.

⁸⁶⁵ Gregorii Turonensis libri Historiarum VII, 34.

⁸⁶⁶ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 3. Defuncto igitur Trasamundo post scelera, quae in sanctis Dei exercuit, Honicus mente crudilior Africanum occupat regnum atque ex electione Wandalorum ipsis praeponitur

⁸⁶⁷ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 40. At ille ista audientes, plaudentes tam parvis quam vocibus, eum clypeo euectum super se regem constituunt. Regnumque Sigiberthi acceptum cum thesauris, ipsos quoque suae ditioni adscivit.

⁸⁶⁸ Gregorii Turonensis libri Historiarum IV, 51. Tunc Franci, qui quondam ad Childeberthum aspexerant seniore, ad Sigiberthum legationem mittunt, ut ad eos veniens, derelicto Chilperico, super se ipsum regem stabilirent.

⁸⁶⁹ Veniente autem illo ad villam cui nomen est Victuriaco, collectus est ad eum omnis exercitus, inpositumque super clypeum sibi regem statuunt.

⁸⁷⁰ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 12. Denique Franci, hunc eiectum, Egidium sibi, quem superius magistrum militum a re publica missum diximus, unanimiter regem adsciscunt.

⁸⁷¹ Ammianus Marcellinus. Res gestae. XX, 4, 17.

и сами даже просят, возвратился из Тюрингии домой, где был восстановлен в королевской власти»⁸⁷².

Признание населением в качестве короля требовалось, по всей видимости, также в случае захвата чужих владений, как это имело место, например, в действиях короля Хлодвига («После их смерти Хлодвиг захватил все их королевство и все их богатство (omnem regnum eorum et thesaurus Chlodovechus accepit). После того как он убил также многих других королей и даже близких своих родственников, боясь, как бы они не отняли у него королевство (ne ei regnum auferrent), он распространил свою власть над всей Галлией (regnum suum per totas Gallias dilatavit)»⁸⁷³; «После того как они были убиты, он завладел их королевством вместе с богатством и людьми (Quibus mortuis, regnum eorum cum thesauris et populis adquisivit)»⁸⁷⁴; «Заполучив Сиагрия, Хлодвиг повелел содержать его под стражей, а после того как захватил его владение (regnoque eius acceptum), приказал тайно заколоть его мечом»⁸⁷⁵).

Лишение власти (de regnum eiecere)

Лишение власти являлось одним из ключевых инструментов социального контроля за функционированием институтов власти в рамках военно-демократических обществ. В архаических германских обществах persona носителя власти не считалась неприкосновенной, более того, максимальным выражением враждебности к правителю становились убийства представителей власти. Подобное убийство описано Прокопием Кесарийским, согласно свидетельству которого герулы убили человека, исполнявшего роль короля, желая жить вообще без правителя⁸⁷⁶. Подобные действия имели место, по всей видимости, и в скандинавских обществах, где существовал «обычай приписывать королю урожай и неурожай»⁸⁷⁷, и конунга могли принести в жертву богам в случае его неудачного правления⁸⁷⁸. По свидетельству Аммиана Марцеллина, «у бургундов каждый король... принуждается к отречению от власти и устраняется в случае, если при нем племя постигнут военные неудачи или земля откажет в достаточном урожае хлеба (segetum copiam negaverit terra)»⁸⁷⁹). Военно-демократические традиции позволяли войску выражать

⁸⁷² Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 12. Ille vero certa cognoscens inditia, quod a Francis desideraretur, ipsis etiam rogantibus, a Thoringia regressus, in regno suo est restitutus

⁸⁷³ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 42. Quibus mortuis, omnem regnum eorum et thesaurus Chlodovechus accepit. Interfectisque et aliis multis regibus vel parentibus suis primis, de quibus zelum habebat, ne ei regnum auferrent, regnum suum per totas Gallias dilatavit.

⁸⁷⁴ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 41. Quibus mortuis, regnum eorum cum thesauris et populis adquisivit

⁸⁷⁵ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 27. Quem Chlodovechus receptum custodiae mancipare praecipit; regnoque eius acceptum, eum gladio clam feriri mandavit.

⁸⁷⁶ Procopius Caesariensis. De bello Gothico, II, 14.

⁸⁷⁷ Цит. по: Ковалевский С.Д. Образование классового общества и государства в Швеции. – М.: "Наука", 1977 С.103.

⁸⁷⁸ Ynglinga saga, XV.

⁸⁷⁹ Цит. по: Древние германцы (сборник документов) / Сост. Граков Б.Н., Моравский С.П., Неусыхин А.И. М., 1937. С.185.

недоверие правителю в случае появления сомнений в его лояльности народу – подобным образом была решена судьба короля остготов Теодахада, – в тот момент, когда поведение доверенных лиц Теодахада показалось «готскому войску... подозрительным», «оно криком требует свергнуть Теодахада с престола и поставить королем вождя их Витигеса, который был теодаховым оруженосцем. Так и было сделано. Тут же, на Варварских полях, Витигес вознесен на престол»⁸⁸⁰.

Одним из наиболее ранних свидетельств лишения королевской власти в произведении Григория Турского является описание «изгнания» Атанариха, выступающего в качестве возмездия за преследование христиан: «Вот почему над ним свершился божий суд, и за то, что он проливал кровь неповинных людей, его изгнали из королевства (a regno depelleretur). Так и жил изгнанником, лишенным родины (et esset exsul a patria), тот, кто преследовал божьи церкви»⁸⁸¹. Концепция божественного возмездия, воспринятая Григорием из позднеантичной историографии, распространяется и на других преследователей христианской веры, в частности короля Гунериха, который «мучаясь безумием, он закончил свою позорную жизнь такой смертью, какую заслужил»⁸⁸². В отношении персонажей из легендарного языческого прошлого франков Григорий более лаконичен, ограничиваясь пересказом предания о том, что «когда Хильдерик был королем над франками, он, отличаясь чрезмерной распущенностью, начал развращать их дочерей. Это вызвало ярость франков, и они лишили его королевской власти (de regnum eum eieciunt)»⁸⁸³.

---

⁸⁸⁰ Get. § 309-310. «quod Gothorum exercitus sentiens suspectum Theodahadum clamitat regno pellendum et sibi ductorem suum Vitiges, qui armiger eius fuerat, in rege levandum».

⁸⁸¹ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 4. Unde factum est, ut, imminente iudicio Dei, pro effusione sanguinis iusti a regno depelleretur et esset exsul a patria, qui Dei ecclesias inpugnabat. Sed ad superiora redeamus.

⁸⁸² Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 3.

⁸⁸³ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 12. Childericus vero, cum esset nimia in luxuria dissolutus et regnaret super Francorum gentem, coepit filias eorum stuprose detrahere. Illique ob hoc indignantes, de regnum eum eieciunt.

§ 4. Ритуалы и символы королевской власти

Произведение Григория Турского сохранило отдельные титулы германских королей эпохи становления германских «варварских королевств». Ценность данных свидетельств повышается документальным характером источников, фрагменты которых включались в авторский текст. Данные титулы, однако, испытали на себе значительное римское влияние, и не вполне ясно, однако, насколько они (или их германские аналоги) были распространены в предшествующую эпоху истории германских народов.

Обращения к германским королям по данным произведения Григория Турского

Содержание обращения	Текст источника	Книга, глава
Славный король	...gloriose rex...	2.27.
Славнейшие господа короли	Dominis gloriosissimis regibus...	10.16
Господин наш король	domino nostro rege	8.43
Прославленный король	...o inclite rex...	9.20
Светлейшие господа короли	praecellentissimi domni... regis	9.20
Славнейшая госпожа королева	gloriosissima domna... regina	9.20
Доброй памяти государь	bonae memoriae domno	9.20
Славнейший король	...o rex gloriosissime...	9.20
Ваше сиятельство	...ad gloriam vestram credo...	9.20.
Благочестивейший король	...piissimi rex...	10.3
Господин мой король	dominus meus rex	10.28

В числе предметных символов власти сакраментальное значение имели длинные волосы представителей правящей династии Меровингов, отчего все короли данного рода получили имя «длинноволосых королей» (reges crinitos).

Описывая сына короля Хлотаря Гундовальда, Григорий Турский упоминает, что «волосы его по обычаю франкских королей ниспадали на плечи»⁸⁸⁴. Длинные волосы служили признаком, по которому можно было отличить представителя королевской фамилии: «Но хотя я не знал, кто этот человек, однако по длинным локонам определил, что это Хлодвиг»⁸⁸⁵. Агафий Миринейский также фиксирует традицию, согласно которой «запрещено правителям франков когда-либо стричься, и они остаются с детства нестриженными как можно видеть, волосы их сзади красиво падают на плечи, и спереди посередине разделены пробором, а не так, как у турок и аваров, - не причесаны, запущены или некрасиво заплетены. Они [правители франков], наоборот, моют их разными снадобьями и за ними очень ухаживают. Это считается как бы некоторым знаком и величайшей прерогативой чести

⁸⁸⁴ Gregorii Turonensis libri Historiarum VI, 24.

⁸⁸⁵ Gregorii Turonensis libri Historiarum VIII, 10 Sed cum ignorarem, quisnam esset, a caesariae prolixa cognovi Chlodovechum esse

королевского рода. Подданные же стригутся в кружок, и иметь им длинные волосы отнюдь не разрешается»⁸⁸⁶.

Острижение длинных волос являлось действием, лишившим претендента на престол возможности принять королевскую власть, что воспринималось как достаточно драматичное по своему значению событие. Весьма характерны слова королевы Хродехильды о детях короля Хлодомера: «Если они не будут коронованы, то для меня лучше видеть их мертвыми, чем остриженными»⁸⁸⁷. Добавление к Салическому закону устанавливало ответственность за острижение «длинноволосого мальчика без согласия его родителей» в виде внушительного штрафа в размере 1800 денариев (45 солидов). Право наследования власти, по всей видимости, возвращалось к претенденту на престол после того, как волосы отрастали снова: «Хлодвиг... хитростью захватил его вместе с сыном, связал их и приказал постричь и рукоположить Харариха в сан пресвитера, а ее сына — в сан диакона. Говорят, что когда Харарих сетовал на то, что его унизили, и плакал, его сын сказал: «Эти ветви срезаны на зеленом дереве, но ветви вовсе не засохли и быстро могут вновь отрасти. Если бы также быстро погиб тот, кто это сделал!». Эти слова достигли ушей Хлодвига. В них была ему угроза: они отрастят себе волосы и убьют его»⁸⁸⁸; «Увидев его, Хлотарь приказал подстричь ему волосы, говоря при этом: «Он не мой сын!». А после смерти короля Хлотаря его взял к себе король Хариберт. Затем его к себе вытребовал Сигиберт, который снова подстриг его и отослал в город Агриппину, называемый теперь Кёльном. Гундовальд же оттуда бежал и, снова отпустив волосы, ушел к Нарсесу, который тогда управлял Италией»⁸⁸⁹.

Транслированное в произведении Григория Турского предание эпохи Великого переселения сохранило сведения об укрепленной резиденции (*castrum*) короля: «Тогда королем у франков был Хлогион, деятельный и весьма знатный среди своего народа человек. Он жил в крепости (*castrum*), называемой Диспарг, расположенной в области торингов»⁸⁹⁰. Традиция возведения укрепленных резиденций, по всей видимости, является характерной для германских обществ эпохи раннего средневековья, о чем можно судить, исходя из текста поэмы «Беовульф», в которой власть в королевстве (*rice*) описывается как право контролировать («держат») народ (*folc gehealdan*), сокровищницу (*hord*) и крепость (*hléoburh*)⁸⁹¹.

⁸⁸⁶ Agathias Scholasticus. *De imperio et rebus gestis Iustiniani imperatoris libri quinque*. I, 3.

⁸⁸⁷ Gregorii Turonensis libri *Historiarum* III, 18. *Satius mihi enim est, si ad regnum non eriguntur, mortuos eos videre quam tonsus*

⁸⁸⁸ Gregorii Turonensis libri *Historiarum* II, 41.

⁸⁸⁹ Gregorii Turonensis libri *Historiarum* VI, 24. *...ut regum istorum mos est, crinium flagellis per terga dimissis... Quo viso, Chlotharius iussit tundi comam capitis eius, dicens: «Hunc ego non generavi». Igitur post Chlothari regis obitum a Charibertho rege susceptus est. Quem Sigyberthus arcessitum iterum amputavit comam capitis eius et misit eum in Agripinensim civitatem, quae nunc Colonia dicitur. Ille quoque ab eo loco dilapsus, dimissis iterum capillis, ad Narsitem abiit, qui tunc Aetaliae praeerat.*

⁸⁹⁰ Gregorii Turonensis libri *Historiarum* II, 9. *Ferunt etiam, tunc Chlogionem utilem ac nobilissimum in gente sua regem fuisse Francorum, qui apud Dispargum castrum habitabat, quod est in terminum Thoringorum*

⁸⁹¹ *Beowulf*, 911-912.

В королевской резиденции находился трон, упоминаемый Григорием Турским в качестве одного из важных потестарно-правовых символов: «И вот Мундерих, выдававший себя за королевского родственника, возгордившись, сказал: «Какое мне дело до короля Теодориха? Ведь и у меня должен быть королевский трон (*solium regni*), как и у него»⁸⁹². Престол в качестве символа власти также упоминается автором при описании ситуации с наследованием престола в вестготском королевстве: «После сражения Аэций сказал Торисмоду: Скорей возвращайся в свою страну (*in patriam*), чтобы из-за происков брата ты не лишился отцовского королевства (*patris regno*). Услышав это, Торисмод быстро отправился в путь, чтобы своим приездом опередить брата и раньше его захватить трон отца (*patris cathedram adepturus*)»⁸⁹³.

Не исключено, что почитание королевского трона восходит к ранним этапам политогенеза германцев. Трон (*bregostól*) как символ и даже синоним королевской власти неоднократно упоминается в северогерманской эпосе «Беовульф»⁸⁹⁴ а для обозначения действий конунга по осуществлению власти составитель текста в отдельных случаях использует выражения «держатъ престол» (*éþelstólas healdan*)⁸⁹⁵ или «держатъ трон» (*bregostól healdan*)⁸⁹⁶. Известно, что скандинавские конунги также придавали особенное символическое значение королевскому сиденью⁸⁹⁷.

В числе прочих предметных символов власти Григорием упоминается королевский перстень-печатка, для хранения которого было предусмотрено специальное должностное лицо (референдарий): «Референдарий Сиггон, хранитель перстня-печати короля Сигиберта и приглашенный королем Хильпериком на ту же должность, какую он занимал во времена правления его брата, также оставил Хильперика и перешел на сторону короля Хильдеберта, сына Сигиберта»⁸⁹⁸.

В числе процессуальных символов, описанных Григорием, выделяются ритуалы получения власти, в рамках которых прослеживаются такие составляющие как провозглашение войском, принятие присяги и королевских почестей от населения, а также усыновление по оружию наследника трона. Провозглашение королем включало процедуру аккламации и поднятия на щит в соответствии с древнегерманской традицией: «А когда он прибыл в виллу,

---

⁸⁹² Gregorii Turonensis libri Historiarum III, 14. Mundericus igitur, qui se parentem regium adserebat, [multa] elatus superbia, ait: «Quid mihi et Theudorico regi? Sic enim mihi solium regni debetur, ut ille.

⁸⁹³ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 7..

⁸⁹⁴ Beowulf 168, 1039, 1087, 1814, 2196, 2327, 2370, 2371, 2389.

⁸⁹⁵ Beowulf, 2372.

⁸⁹⁶ Beowulf, 2389.

⁸⁹⁷ См.: Сага о Харальде Прекрасноволосом (в сборнике Heimskringla).

⁸⁹⁸ Gregorii Turonensis libri Historiarum V, 3. Siggo quoque referendarius, qui anolum regis Sigyperthi tenuerat et ab Chilperico rege ita provocatus erat, ut servitium, quod tempore fratris sui habuerat, obteneret, ad Childeberthum regem, Sigyperthi filium, relicto Chilperico, transivit resque eius, quas in Sessionico habuerat, Ansovaldus obtinuit.

называемую Витри, и когда все войско собралось вокруг него, его поставили на щит, подняли и сделали над собой королем (*sibi regem statuunt*)»⁸⁹⁹; «Гундовальда подняли на щит и провозгласили королем. Но когда в третий раз его обносили по кругу, то, говорят, он упал, так что его едва могли удержать на руках стоящие по кругу люди. Затем он объехал окрестные города»⁹⁰⁰. Города объезжались вновь провозглашенным королем в целях принятия присяги (*sacramentum fidelitatis*) от населения данных городов⁹⁰¹.

Принятие присяги на верность закрепляло власть лица над определенной территорией: «Я пойду и соберу свой народ, и потребую от него клятву в верности, чтобы Теодорих знал, что я такой же король, как и он»... И за ним последовала толпа, состоящая из простых людей, и, как это обычно бывает по человеческой слабости, они присягнули ему на верность (*dantes sacramentum fidelitatis*) и оказали ему королевские почести (*honorantes eum ut regem*)»⁹⁰². Во многих случаях принятие присяги осуществлялось через доверенных лиц, герцогов короля: «Тогда Хильперик послал вестников к упомянутым герцогам, говоря: «Войдите в Буржскую землю, дойдите до самого города и потребуйте от моего имени клятву в верности (*sacramenta fidelitatis*)»⁹⁰³; «Тотчас же после смерти Хильперика герцог Гарарик прибыл в Лимож и принял от жителей присягу на верность Хильдеберту (*et sacramenta de nomine Childeberthi susceperat*)»⁹⁰⁴; «Первые люди из королевства Хильперика, как, например, Ансовальд и другие, собрались около сына Хильперика, нареченного Хлотарем, которому было, как я сказал выше, четыре месяца, и заставили жителей городов, ранее принадлежавших Хильпериду, поклясться в верности (*exegentes sacramenta per civitates... ut scilicet fidelis*) королю Гунтрамну и его племяннику Хлотарю»⁹⁰⁵; «Король Гунтрамн направил войско в Септиманию. Герцог же Австровальд еще раньше пришел в Каркассон, взял с жителей клятву в верности (*sacramenta susceperat*) и подчинил их власти короля»⁹⁰⁶; «Когда король Хильперик увидел, что эти распри между братом и его племянником

---

⁸⁹⁹ Gregorii Turonensis libri Historiarum V, 51. Veniente autem illo ad villam cui nomen est Victuriaco, collectus est ad eum omnis exercitus, inpositumque super clypeum sibi regem statuunt.

⁹⁰⁰ Gregorii Turonensis libri Historiarum VII, 10.

⁹⁰¹ Gregorii Turonensis libri Historiarum VII, 33.

⁹⁰² Gregorii Turonensis libri Historiarum III, 14. Egrediar et collegam populum meum atque exegam sacramentum ab eis, ut sciat Theudoricus, quia rex sum ego, sicut et ille»... Sequebatur autem eum rustica multitudo, ut plerumque fragilitati humanae convenit, dantes sacramentum fidelitatis et honorantes eum ut regem.

⁹⁰³ Gregorii Turonensis libri Historiarum VI, 31. Tunc misit nuntius ad supradictos duces, dicens: «Ingrediemini Beturigum, et accedentes usque ad civitatem, sacramenta fidelitatis exegite de nomine nostro».

⁹⁰⁴ Gregorii Turonensis libri Historiarum VII, 13.

⁹⁰⁵ Gregorii Turonensis libri Historiarum VII, 7. Prioribus quoque de regno Chilperici, ut erat Ansovaldus, et reliqui ad filium eius, qui erat, ut superius diximus, quattuor mensuum, se colligerunt, quem Chlotharium vocitaverunt, exegentes sacramenta per civitates, quae ad Chilpericum prius aspexerant, ut scilicet fidelis esse debeant Gunthchramno rege ac nepote suo Chlothario

⁹⁰⁶ Gregorii Turonensis libri Historiarum IX, 31. Gunthchramnus vero rex exercitum commovit in Septimaniam. Austrovaldus autem dux prius Carcasonam accedens, sacramenta susceperat ipsosque populos ditioni subegerat regiae.

увеличиваются, он призвал герцога Дезидерия и приказал ему чем-нибудь досадить брату. Выступив с войском. Дезидерий обратил в бегство герцога Рагновальда, захватил Перигё и, взяв с жителей присягу (*exactaque sacramenta*), пошел на Ажен»⁹⁰⁷.

Большую ценность имеет сохранившееся описание процедуры усыновления по оружию наследника трона франкского королевства Хильдеберта: «После этого король Гунтрамн, вложив в руку короля Хильдеберта копье, сказал: «Это означает, что я передал тебе все мое королевство (*tibi omne regnum meum tradedi*). Теперь ступай и прими под свою власть все мои города, как свои собственные (*sub tui iuris dominatione subice*). Ведь у меня, по грехам моим, никого не осталось из моего рода, кроме одного тебя, сына моего брата. Итак, будь наследником всего моего королевства (*Tu enim heres in omni regno meo succede*), потому что другие не могут наследовать»⁹⁰⁸. После передачи оружия наследник усаживался на трон с произнесением следующей вербальной формулы: «Один щит нас защищает, и одно копье нас охраняет. Если же у меня будут сыновья, то я буду считать тебя ничем не хуже их, так что та любовь, которую я тебе обещаю ныне, пребудет, Бог свидетель, и с ними, и с тобою»⁹⁰⁹. Копье, по всей видимости, считалось у германцев одним из предметных символов королевской власти, о чем свидетельствует сохранившееся изображение на перстне короля Хильдерика, а также почитание копья в качестве символа королевской власти у лангобардов⁹¹⁰.

Римские государственно-правовые символы являлись существенным фактором легитимации королевской власти на территории бывших римских провинций, населенных, преимущественно, населением галло-римского происхождения. В произведении Григория Турского сохранилось описание провозглашения короля Хлодвига консулом: «И вот Хлодвиг получил от

---

⁹⁰⁷ Gregorii Turonensis libri Historiarum VI, 12. Igitur Chilpericus rex cernens has discordias inter fratrem ac nepotem suum pullulare, Desiderium ducem evocat iobetque, ut aliquid nequitiae inferat fratri. At ille, commoto exercitu, Ragnovaldo duce fugato, Petrogoricum pervadit, exactaque sacramenta, Aginnum pergit.

⁹⁰⁸ Gregorii Turonensis libri Historiarum VII, 33. Post haec rex Gunthchramnus, data in manu regis Childeberthi hasta, ait: «Hoc est indicium, quod tibi omne regnum meum tradedi. Ex hoc nunc vade et omnes civitates meas tamquam tuas proprias sub tui iuris dominatione subice. Nihil enim, facientibus peccatis, de stirpe mea remansit nisi tu tantum, qui mei fratris es filius. Tu enim heres in omni regno meo succede, ceteris exheredibus factis».

⁹⁰⁹ Gregorii Turonensis libri Historiarum V, 17. Post haec Gunthchramnus rex ad Childeberthum, nepotem suum, legatos mittit, pacem petens ac depraecans eum videre. Tunc ille cum proceribus suis ad eum venit; qui ad Pontem quem Petreum vocitant coniuncti sunt, cumsalutantes atque invicem osculantes se. Gunthchramnus rex ait: «Evenit impulso peccatorum meorum, ut absque liberis remanerem, et ideo peto, ut hic nepus meus mihi sit filius». Et inponens eum super cathedram suam, cunctum ei regnum tradedit, dicens: «Una nos parma protegat unaque asta defendat. Quod si filius habuero, te nihilominus tamquam unum ex his reputabo, ut illa cum eis tecumque permaneat caretas, quam tibi hodie ego pollicior, teste Deo». Proceris vero Childeberthi similiter pro eodem polliciti sunt. Et manducantes simul atque bibentes dignisque se muneribus honorantes, pacifici discesserunt, ad Chilpericum regem legationem mittentis, ut redderet, quod de eorum regno minuerat; quod si differret, campum praepararet ad bellum. Quod ille dispiciens, apud Sessionas atque Parisius circus aedificare praecepit, eosque populis spectaculum praebens.

⁹¹⁰ Rituals of Power... P.100-102.

императора Анастасия грамоту о присвоении ему титула консула (*codecillos de consolato*), и в базилике святого Мартина его облачили в пурпурную тунику и мантию (*tunica blattea indutus et clamide*), а на голову возложили венец (*diademam*). Затем король сел на коня и на своем пути от двери притвора базилики [святого Мартина] до городской церкви с исключительной щедростью собственноручно разбрасывал золото и серебро собравшемуся народу. И с этого дня он именовался консулом или Августом (*consul aut augustus*). Из Тура он приехал в Париж и сделал его резиденцией своего королевства. Туда же прибыл к нему и Теодорих»⁹¹¹.

---

⁹¹¹ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 38. De patriciato Chlodovechi regis. Igitur ab Anastasio imperatore *codecillos de consolato* accepit, et in basilica beati Martini *tunica blattea indutus et clamide*, inponens vertice *diademam*. Tunc ascenso equite, aurum argentumque in itinere illo, quod inter portam atrii et ecclesiam civitatis est, praesentibus populis manu propria spargens, voluntate benignissima erogavit, et ab ea die tamquam *consul aut augustus* est vocitatus. Egressus autem a Turonus Parisius venit ibique *cathedram regni* constituit. Ibi et Theudericus ad eum venit.

Глава 4. Психологическое измерение образов основателей германских «варварских королевств»

§ 1. Образы основателей вестготского королевства в произведениях Иордана и Григория Турского

Фигуры вестготских королей Алариха I и Алариха II в произведении Иордана представлены как имеющие мистическую связь, отраженную в судьбе вестготского королевства в Аквитании: «То же самое, что было с Августами, о которых мы говорили выше, произошло, как известно, и с Аларихами: царства (regna) часто кончаются на тех самых именах, с каковых они начались»⁹¹². Образы этих королей легли в основу ряда политических мифов, рассмотрение которых представляет большой интерес для понимания интеллектуальных традиций раннесредневековой историографии. Рассмотрим сначала более ранний миф, представленный в произведении Иордана, генетически восходящий в ключевых своих составляющих к работам Аврелия Августина и Павла Орозия: Аларих как герой и праведник.

Психологический срез образа короля Алариха I в работе Иордана прослеживается уже в характеристике, данной ему автором для отличия этого короля от его далекого потомка, – Аларих «Великий» (Alaricus magnus)⁹¹³. Манифестация величия прослеживается в самом происхождении этого короля, который «отличался чудесным происхождением (origo mirifica) из рода Балтов, второго по благородству после Амалов; род этот некогда благодаря отваге и доблести получил среди своих имя Балты, т. е. отважного»⁹¹⁴. Чудесное происхождение (origo mirifica), на которое в приведенном фрагменте недвусмысленно указывает автор, является в мифологических конструкциях проекцией архетипа Ребенка (юного героя), как правило, формирующего фигуру эпического героя⁹¹⁵.

Следующий фрагмент описания Иордана представляет чрезвычайно большой интерес с точки зрения содержащихся в нем мифологем: «Вскоре, когда вышеназванный Аларих поставлен был королем, он, держа совет со своими, убедил их, что лучше **собственным трудом добыть себе царство** (suo labore quaerere regna), чем **сидя в бездействии** (per otium) подчиняться [царствам] чужим. И, подняв войско, через Паннонию – в консульство Стилихона и Аврелиана – и через Сирмий, правой стороной **вошел он** (intravit)

⁹¹² Get. 245: Nam pari tenore, ut de Augustis superius diximus, et in Alaricis provenisse cognoscitur, et in eos saepe regna deficiunt, a quorum nominibus inchoarunt.

⁹¹³ Get. 245: Huic successit proprius filius Alarichus, qui nonus in numero ab illo Alarico magno regnum adeptus est Vesegotharum.

⁹¹⁴ Get. 146: Postquam vero Theodosius amator pacis generisque Gothorum rebus excessit humanis coeperuntque eius filii utramque rem publicam luxuriose viventes adnihilare auxiliariisque suis, id est Gothis, consueta dona subtrahere, mox Gothis fastidium eorum increvit, verentesque, ne longa pace eorum resolveretur fortitudo, ordinato super se rege Halarico, cui erat post Amalos secunda nobilitas Balthorumque ex genere origo mirifica, qui dudum ob audacia virtutis Baltha, id est audax, nomen inter suos acceperat.

⁹¹⁵ См. более подробно первый раздел главы 1 настоящей работы.

в Италию, которая казалась опустошенной от мужей: никто ему не сопротивлялся, и он подошел (*applicavit*) к мосту Кандидиана, который отстоял на три милиария от столицы Равенны»⁹¹⁶.

Regnum выступает в приведенном выше фрагменте в качестве награды за ратный труд (*labore*), что отражает одну из составляющих героического мифа, в котором герой получает воздаяние судьбы, обретая своими подвигами царство как некую мистическую награду. Далее категория праздности (*otium*), применяемая по отношению к состоянию готов под влиянием сыновей Феодосия, которые «проводя жизнь в роскоши... принялись губить оба государства» (*rem publicam luxuriose viventes adnihilare*), противопоставляется категории движения (*intrare, applicare*), начатого персонально Аларихом: «вошел он (*intravit*) в Италию... подошел (*applicavit*) к мосту Кандидиана»⁹¹⁷. В данном образе четко прослеживается влияние мифологической фигуры проводника, ведущего свой народ к избавлению от тягот странствия и лишений чужбины. Более того, Аларих предстает как спаситель всего римского государства от праздности и расточительства сыновей Феодосия.

Далее Иордан транслирует образ готов как друзей римского народа, испытывающий на себе явное влияние идеологических конструкций эпохи остготского королевства Теодориха: «Итак, когда войско везготов приблизилось к окрестностям Равенны, то послало к императору Гонорию, который сидел внутри города, посольство: если он позволил бы готам мирно поселиться в Италии (*ut Gothi pacati in Italia residerent*), они жили бы с римским народом так, что можно было бы поверить, что оба народа составляют одно целое, (*sic eos cum Romanorum populo vivere, ut una gens utraque credere possit*)». Героический лейтмотив предполагает решение спора между претендентами на власть в поединке, что также достаточно четко прослеживается в повествовании Иордана: «Если же нет, то надо решить дело войной, – кто кого в силах изгнать (*bellando quis quem valebat expellere*), – и тогда победитель пусть и повелевает, уверенный [в своей силе] (*et iam securus qui victor existeret imperaret*)»⁹¹⁸.

Следующая серия составляющих готского мифа прослеживается в повествовании о направлении готов в Галлию и предательском нападении войска Стилихона: «После их ухода, – а они не причинили в Италии никакого вреда (*nes quisquam mali in Italia perpetrato*), – патриций Стилихон, зять императора Гонория (потому что император взял в замужество обеих его дочерей, Марию и Термантию, одну за другой, но Бог призвал к себе их обеих

⁹¹⁶ Get. 147: Mox ergo antefatus Halaricus creatus est rex, cum suis deliberans suasit eos suo labore quaerere regna quam alienis per otium subiacere, et sumpto exercitu per Pannonias Stilicone et Aureliano consulibus et per Sirmium dextroque latere quasi viris vacuum intravit Italiam nulloque penitus obsistente ad pontem applicavit Candidiani, qui tertio miliario ab urbe aberat regia Ravennate.

⁹¹⁷ Get. 147.

⁹¹⁸ Get. 152: Verum enim vero cum in eius vicinitate Vesegotharum applicuisset exercitus et ad Honorium imperatorem, qui intus residebat, legationem misisset, quatenus si permitteret, ut Gothi pacati in Italia residerent, sic eos cum Romanorum populo vivere, ut una gens utraque credere possit: sin autem aliter, bellando quis quem valebat expellere, et iam securus qui victor existeret imperaret.

сохранившими девственность и чистоту); так вот этот Стилихон **тайно подошел** (*dolose accedens*) к Полентии, городу в Коттийских Альпах, – готы же **не подозревали ничего дурного** (*nihilque male suspicantibus*), – и, на **погибель всей Италии** (*ad necem totius Italiae*) и **бесчестье себе** (*suamque deformitatem*), бросился в бой. Внезапно завидев его, готы сначала ужаснулись, но вскоре собрались с духом и, по своему обычаю возбудив себя ободряющими кликами, обратили чуть ли не все войско Стилихона в бегство и, отбросив его, уничтожили полностью; затем, **разъяренные** (*furibundoque animo*), они меняют предпринятый путь и возвращаются в Лигурию, по которой только что прошли»⁹¹⁹.

В приведенном выше фрагменте действия Стилихона, осуществлявшего умелые действия по обороне Италии от разрушительных вылазок войск Алариха в 402 году, представлены как коварные и неудачные предприятия, осуществленные против дружелюбного и ничего не подозревавшего народа. Весьма интересно то, что Иордан, следовавший традиции Марцеллина Комита в описывании действий враждебного Византии короля остготов Бадвилы (Тотилы) как «несчастья Италии» (*malo Italiae*)⁹²⁰, представляет в данном фрагменте причиной «погибели Италии» (*necem totius Italiae*) римского полководца и фактического правителя Западной римской империи Стилихона. Последующие действия вестготов предстают в изображении автора как результат справедливой «ярости», посетившей вестготов после столь подлого предательства их интересов со стороны римлян. При этом, однако, автор отмечает, что, даже несмотря на охватившую их ярость, вестготы, «вступив в Рим... по приказу Алариха, только грабят, но **не поджигают, как в обычае у варваров** (*ut solent gentes*), и **вовсе не допускают совершать какое-либо надругательство над святыми местами** (*nec locis sanctorum in aliquo paenitus iniuria inrogare patiuntur*)»⁹²¹.

В рассматриваемом фрагменте произведения Иордана ключевой для понимания источников образа короля Алариха как праведника может считаться последняя фраза о недопущении разрушения и надругательств готами над христианскими святынями. Данное обстоятельство вторжения Алариха в Рим также являлось одним из ключевых аргументов Аврелия Августина в демонстрации положительного влияния христианства: «Действительно, когда даже те убийцы, которые во всех прочих местах проявляли себя

⁹¹⁹ Get. 154: Post quorum discessu nec quicquam mali in Italia perpetrato Stilico patricius et socer Honorii imperatoris nam utramque eius filiam, id est Mariam et Thermantiam, sibi princeps unam post unam consocians utramque virginem et intactam deus ab hac luce vocavit hic ergo Stilico ad Polentiam civitatem in Alpes Cottiarum locatam dolose accedens, nihilque male suspicantibus Gothis ad necem totius Italiae suamque deformitatem ruit in bello. Quem ex inproviso Gothi cementes primum perterriti sunt, sed mox recollectis animis et, ut solebant, hortatibus excitati omnem pene exercitum Stiliconis in fuga conversum usque ad internicionem deiciunt furibundoque animo arreptum iter deserunt et in Liguria post se, unde iam transierant, revertuntur.

⁹²⁰ Iordanes. Romana... P.50.

⁹²¹ Get. 155: eamque praedis spoliisque potiti Emiliam pari tenore devastant Flamminiaeque aggerem inter Picenum et Tusciam usque ad urbem Romam discurrentes, quidquid in utrumque latus fuit, in praeda diripiunt. Ad postremum Romae ingressi Halarico iubente spoliant tantum, non autem, ut solent gentes, igne supponunt nec locis sanctorum in aliquo paenitus iniuria inrogare patiuntur.

безжалостными, пришли к местам, где было запрещено то, что право войны разрешало во всех остальных местах, их свирепая жажда убийства и пленения была обуздана. Так спаслись многие, кто ныне осуждает христианскую веру, и возлагает на Христа беды, которые обрушились на их город. Но сохранение их собственной жизни – благо, которому они обязаны почитанием Христа среди варваров, они приписывают не Христу, а их собственной удаче»⁹²². Возможный интеллектуальный ренессанс язычества представлялся Августину более опасным явлением, нежели грядущий упадок римской государственности или последствия вторжения готов Алариха, поскольку варвары в решающий для истории римской церкви момент проявили терпимость и уважение к христианской культуре.

Павел Орозий, развивающий историографическую концепцию Августина, отмечает, что Аларих, прежде чем вторгнуться в Рим, «приказал, чтобы все те, кто укрылся в святых местах, прежде всего, в базиликах святых апостолов Петра и Павла, оставались нетронутыми. Он разрешил своим людям сколько угодно предаваться грабежу, но приказал воздерживаться от кровопролития. Еще одним доказательством того, что падение Города было результатом гнева Господа, а не храбрости врага, является то, что благословенный Иннокентий, епископ Рима, который в это время был в Равенне, посредством провидения Господа, подобно тому, как Лот был избавлен от лицемерия гибели жителей Содомы, избежал участи видеть падение грешного народа»⁹²³. Аларих, таким образом, выступает в интерпретации Орозия как орудие гнева Божия, как богопослушный и неистовый варвар, искореняющий семена греха, проросшие в вечном Городе.

Героический образ Алариха дополняется в произведении Иордана чертами отважного мятежника, силой захватывающего сокровища столицы мира, и бросающего вызов не только мировому порядку, но и самой судьбе: «Итак, туда-то и пришел Аларих, король везготов, с богатствами целой Италии, захваченными как добыча, и оттуда, как было сказано, предполагал через Сицилию переправиться в спокойную страну Африку, но, так как не дозволено, **чтобы кто-либо из людей располагал [судьбой своей] без ведома Божия** (quodcumque homo sine notu Dei disposuerit), страшная пучина морская поглотила несколько его кораблей, а многие разбросала»⁹²⁴.

На контрасте с данным образом Иордан обходит вниманием жизнь и правление короля вестготов Алариха II, отмечая лишь, что он был сыном Эвриха: «Ему наследовал собственный его сын Аларих, воспринявший королевство везготов девятым по счету, начиная от того великого Алариха». Упоминания Алариха II в произведении Иордана неизменно уводят его фигуру

⁹²² Aurelius Augustinus. De civitate Dei, I, 1. Перевод мой – С.С.

⁹²³ Paulus Orosius. Historiarum adversum paganos. VII, 39. Перевод мой – С.С.

⁹²⁴ Get. 157: Ibi ergo veniens Alaricus rex Vesegotharum cum opibus totius Italiae, quas in praeda diripuerat, et exinde, ut dictum est, per Siciliam ad Africam quietam patriam transire disponens. Cuius, quia non est liberum quodcumque homo sine notu dei disposuerit, fretus ille horribilis aliquantas naves submersit, plurimas conturbavit. Qua adversitate depulsus Halaricus, dum secum, quid ageret, deliberaret, subito inmatura morte praeventus rebus humanis excessit.

в тень другого великого правителя, Теодориха Амала, который выступал покровителем его сына: «От Алариха родился Амаларих, которого дед Теодорих, когда тот в отроческих годах лишился своих родителей, лелеял и опекал»; «Оруженосца Тиудиса после смерти зятя своего Алариха он поставил опекуном над внуком Амаларихом в королевстве Испании».

В произведении Григория Турского с фигурой Алариха II связан значимый в политическом отношении миф, в рамках которого этот арианский правитель предстает угрозой цивилизованной Галлии. Конструирование данного мифа начинается с описания дружеского соглашения, установленного между Хлодвигом и Аларихом во время визита Хлодвига в Галлию: «И вот когда король готов Аларих увидел, что король Хлодвиг непрерывно одерживает победы, покоряя народы, он направил к нему послов сказать: «Если бы мой брат по милости Бога захотел встретиться со мной, то это было бы и моим желанием». Хлодвиг согласился с этим предложением и прибыл к Алариху. Они встретились на острове реки Луары, расположенном недалеко от деревни Амбуаз в области города Тура. Поговорив между собой, они вместе пообедали, выпили вина и расстались с миром, пообещав друг другу дружбу. Многие жители Галлии очень хотели тогда быть под властью франков»⁹²⁵. Описанные Григорием дружеские интенции Хлодвига, встречающегося с Аларихом недалеко от города Тура, выступают аллюзией патерналистского отношения к галло-римскому населению этой ключевой в стратегическом отношении провинции. Последние слова данного фрагмента о том, что «многие жители Галлии очень хотели тогда быть под властью франков» являются прологом к дальнейшему изложению мифа об освобождении Галлии от вестготского гнета.

Пользуясь методологией Р. Барта, выделим следующие составляющие мифа в нарративе Григория: **Форма мифа (означающее)**: «Вот почему случилось так, что стали изгонять из города Квинциана, епископа родезского. «Ведь ты желаешь, – говорили ему, – чтобы франки владели этой страной и здесь господствовали». А спустя несколько дней между ним и горожанами возникла ссора, и так как последние упрекали Квинциана в том, что он желает подчинить их власти франков, то у готов, живущих в этом городе, возникло к нему подозрение, и они приняли решение убить его мечом»⁹²⁶. Ненависть вестготов к христианскому праведнику, якобы желавшему скорейшего установления франкского господства в Галлии, призвана выступить в контексте повествования Григория признаком того, что вестготам ненавистна всякая форма праведности и порядка. **Содержанием мифа (означаемым)**, таким образом, является положение о том, что притеснение ортодоксальных христиан являлось следствием губительной ереси, поразившей королевскую власть готов, и представлявшей угрозу для Галлии. Хлодвиг, вследствие этого, выступает в качестве избавителя Галлии от гибели: «И вот король Хлодвиг сказал своим: «Я очень обеспокоен тем, что эти ариане владеют частью Галлии. Пойдемте с

⁹²⁵ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 35.

⁹²⁶ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 36.

божьей помощью на них и, победив их, подчиним нашей власти страну». И так как его речь понравилась всем, Хлодвиг, выступив с войском, направился в Пуатье. Там тогда находился Аларих»⁹²⁷. Выявленная **связь означающего и означаемого** подтверждается описанием дальнейших действий Хлодвига характеризующих его как праведника, проводящего ночи в молитвенных бдениях, и защитника интересов ортодоксальной церкви. Наиболее явно мифологические черты данного образа прослеживаются в ремарках автора о том, что «Господь наделил Хлодвига такой небесной благодатью, что при одном его взгляде стены сами собой рушились»⁹²⁸. Победа Хлодвига над Аларихом, таким образом, предстает исполнением воли Бога, восстановлением справедливости и божественного порядка, а образ короля носит очевидные черты мифологической фигуры праведника.

---

⁹²⁷ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 37.

⁹²⁸ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 37.

§ 2. Хлодвиг и Гундобад: дихотомия образов королевской власти в произведении Григория Турского

Образ христианского короля является одним из ключевых, формирующих потестарное пространство образов раннесредневековой западноевропейской историографии. Принятие христианства германским миром проходило достаточно непросто, но от исхода именно этого процесса зависела во многом судьба всей европейской цивилизации. Средневековые авторы, придерживавшиеся ортодоксального вероисповедания, понимали эту зависимость достаточно ясно, в связи с чем конфессиональные сюжеты являлись важнейшей частью повествования.

Впервые развернутый образ средневекового христианского правителя был представлен в произведении Григория Турского, описавшего жизнь и правление Хлодвига, первого германского короля, принявшего ортодоксальное христианство. Одним из ключевых эпизодов произведения может считаться описание обращения короля в католическую веру, которое распадается на три сюжетных составляющих: 1) увещание супруги короля Хродехильды; 2) обращение Хлодвига во время битвы; 3) крещение Хлодвига епископом Ремигием. Весьма точно характеризует значение сохранившегося описания Р.А. Флетчер, отмечая, что «мы должны уделить ему внимание не потому, что данное описание претендует на передачу сведений о том, что на самом деле произошло, а потому что оно показывает нам, как Григорий считал надлежащим показать обращение короля, и в связи с его влиянием на другие описания королевских обращений»⁹²⁹.

По всей видимости, аргументы в пользу христианства, вкладываемые в уста королевы Хродехильды автором, полностью принадлежат самому Григорию: «Так как Хродехильда хотела его (своего сына – С.С.) окрестить, она непрестанно обращалась к мужу и говорила: «Ваши боги, которых вы почитаете, ничто, ибо они не в состоянии помочь ни себе, ни другим, ведь они сделаны из камня, дерева или из какого-либо металла. А имена, которые вы им дали, принадлежали людям, а не богам, как, например, Сатурн, который, чтобы не быть изгнанным своим сыном из царства, обратился в бегство; или, например, сам Юпитер, нечестивейший развратник, осквернитель мужчин, насмешник над родственниками, он не мог даже воздержаться от сожительства со своей собственной сестрой, как она сама об этом говорит: «Я и сестра и супруга Юпитера». А на что способны были Марс и Меркурий? Скорее они были наделены искусством волхвовать, чем божественной силой. Лучше следует почитать того, кто по слову своему сотворил из ничего небо и землю, море и все то, что в них есть. Кто заставил светить солнце и украсил небо звездами, кто наполнил воды пресмыкающимися, землю – живыми существами, воздух – крылатыми птицами; по чьему мановению земля

---

⁹²⁹ Fletcher R.A. The barbarian conversion: from paganism to Christianity. P.103.

украшается плодами, деревья – фруктами, виноградные лозы – виноградом; чьей рукой создан род человеческий; по чьей доброте все это творение служит человеку и предназначено для самого человека, которого он создал». Но как бы часто ни говорила это королева, сердце короля вовсе не склонялось к христианской вере, и он отвечал: «Все сотворено и произошло по воле наших богов, а ваш бог ни в чем не может себя проявить и, что самое главное, не может доказать, что он из рода богов»⁹³⁰.

Как отмечает переводчик и комментатор «Истории франков» В.Д. Савукова, Григорий «в местах наиболее патетических и драматических» (в частности, в главе «О крещении Хлодвига», II, 31; в речи королевы Хродехильды против античных богов, II, 29) «прибегает к выразительным средствам риторики»⁹³¹, а «в сочиненной им речи королевы Хродехильды против языческих богов он заставляет королеву цитировать стих из первой книги «Энеиды»: «...Jovisque et soror et coniux» – «...Я и сестра и супруга Юпитера» (I, 46, 47). Этим цитированием Григорий подчеркивает свое отрицательное отношение к античным богам, в частности к Зевсу (Юпитеру)»⁹³².

Авторским текстом, по всей видимости, является также речь Хлодвига, произнесенная им на поле боя с алеманнами, когда от исхода сражения зависела судьба всего королевства: «Хлодвиг возвел очи к небу и, умилившись сердцем, со слезами на глазах произнес: «О Иисусе Христе, к Тебе, кого Хродехильда исповедует сыном Бога живого, Тебе, Который, как говорят, помогает страждущим и дарует победу уповающим на Тебя, со смирением взываю проявить славу могущества Твоего. Если Ты даруешь мне победу над моими врагами и я испытаю силу Твою, которую испытал, как она утверждает, освященный Твоим именем народ, уверую в тебя и крещусь во имя твое. Ибо я призывал своих богов на помощь, но убедился, что они не помогли мне. Вот почему я думаю, что не наделены никакой силой боги, которые не приходят на помощь тем, кто им поклоняется. Тебя теперь призываю, в Тебя хочу верить, только спаси меня от противников моих»⁹³³.

Несмотря на то, что данный фрагмент вряд ли может с полной достоверностью передавать детали психологического состояния Хлодвига на поле боя, междисциплинарный анализ обстоятельств обращения франкского короля позволяет выявить ключевые факторы его обращения, что убедительно продемонстрировала в своем исследовании И.Ю. Николаева⁹³⁴. В числе данных факторов необходимо назвать кризис идентичности германского короля, установки, ассоциирующие меровингский род с военными победами, а также

⁹³⁰ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 29.

⁹³¹ Савукова В.Д. Григорий Турский и его сочинение / В.Д. Савукова // Григорий Турский. История франков. М., 1987. С.338.

⁹³² Там же.

⁹³³ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 30.

⁹³⁴ Николаева И.Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск, 2005. С.110-116.

наличие трансцендентной форс-идеи, обусловившей трансформацию психологической идентичности потестарных институтов. Подвергнув критическому междисциплинарному анализу свидетельства источника, автор отмечает, что на достоверность отображения Григорием основных моментов обращения короля указывает диалогическая напряженность, которая ощущается между возможностями интерпретации эпизода с позиции применяемых концепций и историческим материалом, а также косвенный исторический материал, привлекаемый для аналогии⁹³⁵.

Для того, чтобы подтвердить эффективность психологического подхода к интерпретации процесса обращения Хлодвига, я предлагаю также рассмотреть альтернативную концепцию, получившую отражение в работе Ж.-П. Сартра, который анализирует описанные Григорием исторические события с точки зрения феноменологических категорий, и приходит к выводу о том, что «именно в проекте и через проект утверждения своего господства над всей Галлией положение Западной церкви явилось для Хлодвига объективно мотивом его обращения», а «единственными строго объективными фактами, которые любое для-себя могло установить, являлись сильная власть церкви над населением Галлии и беспокойство церкви, касающееся арианской ереси»⁹³⁶. В данном тезисе удачно выражена продолжающая существовать вплоть до настоящего времени точка зрения о сугубо политических мотивах обращения Хлодвига в христианскую веру в целях обретения поддержки влиятельного католического епископата.

Необходимо отметить, что в концептуальном отношении приведенное выше заключение Ж.-П. Сартра призвано подкрепить его гипотезу о том, что «отнюдь не мотив определяет действие; он сам появляется только в проекте и через проект действия»⁹³⁷. Данная позиция Сартра относительно невозможности выявления мотивов, предшествующих проекту действия, подвергалась сомнению со стороны других представителей феноменологии, прежде всего, – со стороны М. Мерло-Понти, показавшего «плодотворность идеи бессознательного, которая позволяет рассмотреть – чего не хватает Сартру – конституирование интенционального предмета на более фундаментальном досознательном уровне субъекта»⁹³⁸. При рассмотрении концепции Ж.-П. Сартра очевидно, что автор не занимается выявлением мотивов обращения Хлодвига, а лишь дает интерпретацию воспринятой им из работ историков аксиомы: «Мы можем довольно рационально понять техническую полезность обращения Хлодвига посредством гипотезы, что он проектировал завоевать Галлию»⁹³⁹. Учитывая, что интенция Хлодвига,

---

⁹³⁵ Николаева И.Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск, 2005. С.113.

⁹³⁶ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М., 2000.

⁹³⁷ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто... С.673.

⁹³⁸ Соколова Л.Ю. Феноменологическая концепция М.Мерло-Понти // История философии, культура и мировоззрение. СПб., 2000. Цит.по: http://www.anthropology.ru/ru/texts/sokolova/kolesn_17.html

⁹³⁹ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто... С.674.

направленная на завоевание Галлии, не вызывает никаких сомнений, первая часть гипотезы (техническая полезность обращения) рассматривается автором как не требующая доказательств. Далее автор в своем анализе стремится продемонстрировать, что проект завоевания Галлии первичен по отношению к властолюбию Хлодвига, которое не может рассматриваться в качестве предшествующего действия мотива.

Пренебрегая психологическими аспектами мотивов обращения короля, и рассуждая о «технической полезности» данного действия, Сартр совершенно упускает из внимания другой важнейший момент, отраженный в работе Григория, а именно, то возможное отчуждение комитата и кризис легитимности, которые влекло за собой обращение короля в чуждую германским народам религию. Показательным является ответ Хлодвига епископу города Реймса Ремигию, который проповедовал королю «слово спасения»: «Охотно я тебя слушал, святейший отец, одно меня смущает, что подчиненный мне народ не потерпит того, чтобы я оставил его богов. Однако я пойду и буду говорить с ним согласно твоим словам»⁹⁴⁰. В данном фрагменте Григорий очевидно противопоставляет праведность Хлодвига малодушию короля бургундов Гундобада, который, несмотря на внутреннее согласие с догматами христианской веры, побоялся открыто исповедать христианство ортодоксального вероисповедания, чтобы не навлечь на себя неприязнь своих соратников: «После того как Гундобад понял, что учения еретиков ложны, он признал, что Христос, Сын Божий, и Святой Дух единосущны Отцу и попросил святого Авита, епископа города Вьенна, тайно его миропомазать. На это ему епископ сказал... Ведь ты, король, боишься народа, не зная, что лучше: или чтобы народ следовал твоей вере, или чтобы ты потакал слабости народной? Ибо ты – глава народа, а не народ – глава тебе. Если ты отправишься на войну, ты возглавишь отряды войска, и они последуют за тобой повсюду, куда ты их ни поведешь. Поэтому лучше, чтобы они узнали правду, когда ты ими будешь предводительствовать, чем им остаться в заблуждении, если ты погибнешь... Но так как Гундобад сам заблуждался, то он до конца своей жизни упорствовал в своем безрассудстве и не хотел всенародно признать единосущность Троицы»⁹⁴¹. Преодоление Хлодвигом сдерживающих социальных факторов становится в произведении Григория залогом его победы над Гундобадом: «Король Хлодвиг, исповедуя Троицу, с Ее помощью подавил еретиков и распространил свою власть на всю Галлию. Аларих же, отвергая Ее, лишился королевства и подданных, и, что еще важнее, самой вечной жизни. Господь же воистину верующим в него сторицею воздает то, что они теряют из-за козней врага. Еретики же ничего больше не приобретают, но и то, чем, как им кажется, они обладают, отнимается у них. Доказательством тому служит кончина Годегизила, Гундобада и Годомара, потерявших вместе со страной и свои

---

⁹⁴⁰ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 31.

⁹⁴¹ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 34.

души»⁹⁴². Праведность короля, согласно свидетельству Григория, приносит ему не только победы над конкурентами, но и увеличение земных владений: «Бог предавал врагов его в руки его и увеличивал его владения, ибо он [Хлодвиг] ходил с сердцем правым перед Господом и делал то, что было приятно Его очам»⁹⁴³.

Как отмечает И.Ю. Николаева, «после обращения франков в христианскую веру меровингские короли стали восприниматься как избранные Богом, дарующего им могущество и победу»⁹⁴⁴. Приверженность истинной вере становятся для средневековых авторов более важным фактором могущества, нежели врожденная харизма и принадлежность к определенному сакральному роду, что существенно отличает новые представления от дохристианской германской культуры, в которой принадлежность к роду, восходящему к богам или героям, являлась наиболее значимым фактором легитимности королевской власти. Традиционное германское представление о значимости рода получает отражение в транслированном Григорием высказывании короля Хлодвига, выдвигавшего поначалу следующие доводы против принятия христианства: «Все сотворено и произошло по воле наших богов, а ваш Бог ни в чем не может себя проявить и, что самое главное, не может доказать, что он из рода богов»⁹⁴⁵. Принадлежность к «роду богов», королевскому роду, таким образом, являлась в глазах германцев решающим основанием для притязаний на господство, как в мире людей, так и в мире потусторонних сил. Подтверждением этому служит также тот факт, что, устраняя потенциальных претендентов на власть, Хлодвиг прилагал все усилия именно для выявления людей, состоящих с ним в отношениях родства.

Важным элементом нового образа королевской власти также становится идея трансляции христианской империи. Как отмечает В.И. Уколова, «*translatio imperii* – процесс гораздо более сложный, чем простая передача власти или филиация государственной формы. Это непрекращающееся воспроизведение исторического смысла, универсализма, воплощенного в империи»⁹⁴⁶. Предпосылкой формирования концепции трансляции империи становится образ «нового Константина» как германского властителя территории Западной римской империи, основанный на образе принявшего христианскую веру римского императора Константина: «Новый Константин (Хлодвиг – С.С.) подошел к купели, чтобы очиститься от старой проказы и смыть свежей водой грязные пятна, унаследованные от прошлого»⁹⁴⁷. Образ императора Константина присутствует и в обращении римского папы Григория Великого к

⁹⁴² Gregorii Turonensis libri Historiarum III (praefatio).

⁹⁴³ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 40.

⁹⁴⁴ Николаева И.Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в истории с свете современных концепций бессознательного. Томск, 2005, с. 86.

⁹⁴⁵ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 39.

⁹⁴⁶ Уколова В.И. Империя как «смысл» исторического пространства // Власть, общество, индивид в средневековой Европе. М., 2008. С.33.

⁹⁴⁷ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 31.

королю англосаксов Этельберту, в котором понтифик призывает короля следовать примеру Константина, чтобы приобрести соответствующую славу: «Случилось так, что Константин, благочестивейший император, отвратил римское государство от ложного идолослужения и подчинил его и себя Всемогущему Господу Богу нашему Иисусу Христу, обратясь к нему всем сердцем вместе с подвластными ему народами. Потому он сделался знаменитее всех прежних правителей и превзошел своих предшественников как славой, так и добрыми делами. Пусть же Ваше Величество не медлит в научении подвластных Вам королей и народов знанию о едином Боге, Отце, Сыне и Святом Духе, дабы могли Вы превзойти древних королей Вашего рода по славе и заслугам»⁹⁴⁸.

Христианство не отвергало многие черты образа правителя, выработанные традиционной германской культурой, но дополняло их чертами более значимыми с точки зрения включения германских обществ в формирующуюся средневековую европейскую цивилизацию. Среди различных аспектов влияния христианства на идеологию германских «варварских королевств» в качестве наиболее значительных можно выделить следующие: легитимацию светской власти в соответствии с божественным устройством мира, формирование образов короля-победителя, помазанника, просвещенного короля и короля-просветителя, образа короля как преемника христианской императорской власти, короля как проводника Царства Божия на земле, а также короля-чудотворца. Влияние христианства, таким образом, включало привнесение в политическую идеологию германских «варварских королевств» широкого спектра идей, способствовавших усилению королевской власти и включению германских народов в формирующееся культурно-правовое пространство средневековой Европы.

---

⁹⁴⁸ Беда Достопочтенный. Церковная история народа англос. СПб., 2001. С. 41

§ 3. Преступления Хлодвига: восприятие современников в свете норм германского права

Главы 40-42 второй книги «Истории» Григория Турского посвящены деяниям Хлодвига по установлению единоличной власти и захвату королевств своих правящих родственников. Данные действия, носящие с точки зрения христианской нравственности далеко неоднозначный характер, достаточно подробно описаны в произведении Григория, несмотря на то, что автор вполне мог умолчать о них. В настоящем разделе целесообразно уточнить вопрос о том, почему Григорий освещает данные действия Хлодвига столь подробно, и как подобные деяния правителя могли восприниматься соплеменниками короля. Для этого необходимо, прежде всего, обратиться к пониманию самого явления преступления в германских обществах периода V-VI веков. Анализ комплекса представлений, связанных с пониманием сущности данного явления, может быть осуществлен на материале англосаксонских правовых памятников, сохранивших аутентичные категории германского правового сознания, в меньшей степени подвергшиеся содержательным деформациям, связанным с записью данных памятников, нежели категории памятников континентального права, которые, в отличие от англосаксонских, записывались не на германских языках, а на латыни.

Для обозначения различного рода правонарушений в раннесредневековых англосаксонских памятниках применяется широкий спектр терминов, характеризующихся как родовыми, так и видовыми признаками. Основным родовым понятием, используемым для обозначения правонарушений, является древнеанглийская лексема *daed* («деяние»). От нее образовано такое широко используемое в древнеанглийской правовой лексике понятие как *misdæd*⁹⁴⁹ (букв. «дурное дело», «злодеяние»)⁹⁵⁰, используемое для обозначения правонарушений как частного, так и публичного характера⁹⁵¹. Необходимо отметить, что в рассматриваемом концепте сложно дифференцировать материальную и формальную составляющие, поскольку понятие *misdæd* тесно связано как с представлением об определенном ущербе, «зле», нанесенном пострадавшему лицу (данное понятие по своей семантике близко римскому понятию *maleficium* и русскоязычному *злое дело*), так и с представлением об отклонении от правильной, правомерной модели поведения (в словаре Дж. Босворта – Т. Н. Толлера частица *mis*- трактуется как указание

⁹⁴⁹ Ælfred, preface, 49.7, 49.8; Ælfred, 14, 23 и др.

⁹⁵⁰ Bosworth J., Toller T. N. An Anglo-Saxon dictionary, based on the manuscript collections of the late Joseph Bosworth. Oxford, 1898. «Misdæd. Add :-- Unriðhæmed, árleásta fela, mán and morðor, misdæda worn, Met. 9. 7. Úrum misdædum impietatibus nostris, Ps. Th. 64, 3, Áhwerf nú fram synnum and fram misdédum mínra gylta þine ansióne averté faciem tuam a peccatis meis, Ps. C. 84».

⁹⁵¹ Разделение на частное и публичное право в данном случае является условным, поскольку архаическому германскому праву оно не знакомо.

на дефект или несовершенство, т.е. отклонение от нормы)⁹⁵². Недифференцированность материальной и формальной составляющих прослеживается и в ряде других понятий, использовавшихся в древнеанглийской лексике для обозначения преступного действия или деликта, в частности, понятиях *gylt*⁹⁵³ (букв. «вина») ⁹⁵⁴, *eofot*⁹⁵⁵ (букв. «долг») ⁹⁵⁶, *woh*⁹⁵⁷ (букв. «ошибка, превратное поведение») ⁹⁵⁸.

Правовая культура германцев дает основания для вывода о господствующем значении материального признака в понимании сущности правонарушения. Как отмечает Л. фон Бар, «в соответствии с германской концепцией сущность преступления состоит не в нарушении формального права и порядка, а, скорее, в нарушении материального права. Эта идея должна прочно удерживаться в мыслях тем, кто надеется достичь верного понимания германского уголовного права и его исторического развития. В германской концепции закона так называемое «формальное преступление», т.е. преступление, которое не нарушает какого-либо конкретного права, рассматривается как специальное исключение»⁹⁵⁹. Иначе говоря, принципиальное значение для германской правовой культуры раннего средневековья играл не формальный, а материальный признак преступного деяния. Данная концепция согласуется с точкой зрения российского правоведа В. В. Есипова, который отмечает, что «у германцев основой преступности было грубое понятие вреда, мерою наказуемости был личный ущерб пострадавшего... Преступное деяние продолжало оставаться понятием чисто материальным, связанным с идеей ущерба, убытка, вреда»⁹⁶⁰.

Исследователями также высказывалась точка зрения о том, что преступное деяние рассматривалось в древнегерманской культуре как правонарушение частного характера. Как отмечает в своей работе Генри Чарльз Ли, «идея о том, что преступление (*crime*) является проступком (*offence*) против общества в целом, мало прослеживается в концепциях варварских законодателей. Слабо связанные образования, которые сменили

⁹⁵² Bosworth J., Toller T. N...: «Mis-, miss-, mist-, misse- a prefix denoting *defect, imperfection*, Goth. *missa-* (*for* *miþto-* a participial form connected with root meaning to lose): *O. Sax. O. L. Ger. O. Frs. mis-; Icel. Da. Swed. mis-; O. H. Ger. missa-, missi-; M. H. Ger. misse-; Ger. mis-, miss-.*»

⁹⁵³ Ælfred, 5.4.

⁹⁵⁴ Bosworth J., Toller T. N...: «GYLT, *gilt, gelt, gielt, es; m. Guilt, crime, sin, offence, fault, wrong, debt, fine, forfeiture* :- *Gylt facinus vel culpa*, Wrt. Voc. 86, 67».

⁹⁵⁵ Ælfred, 22.

⁹⁵⁶ Bosworth J., Toller T. N...: «Eofot, *eofut, eofet, es; n. A debt, crime; debitum, culpa* :- *Be eofotes andetlan. Gif mon on ibices gemóte ge-yppe eofot of confession of debt. If a man declare a debt at a folk-mote*, L. Alf. pol. 22 ; Th. i. 76, 6».

⁹⁵⁷ Ælfred, 1.1.

⁹⁵⁸ Bosworth J., Toller T. N. An Anglo-Saxon dictionary. London, 1838. P.473: «Woh: *error, wrong, v. wo.*».

⁹⁵⁹ Bar C.L. A History of Continental Criminal Law... P.65. «This is an idea which should be constantly held in mind if one would hope to gain a proper conception of the German criminal law and its historical development. In the Germanic conception of law, the so-called formal crime i.e. a crime that does not violate a concrete right, is regarded as a special exception». Перевод мой – С.С.

⁹⁶⁰ Есипов В.В. Германцы. Очерки их «правовой» и общественной жизни. Электронная публикация в справочной правовой системе «Гарант» (Платформа F1 Эксперт). С.22.

Римскую Империю, были основаны на двух основных принципах – независимости отдельного гражданина и солидарности семьи; на взаимодействии этих двух принципов основана юриспруденция данного периода. Преступник был ответственен не перед государством, а перед потерпевшей стороной... каждый нес ответственность за свои деяния не перед законом, а перед тем, кому нанесен вред»⁹⁶¹. Данная точка зрения согласуется с изложенным в работе Я. Гримма взглядом на сущность древнегерманских представлений об ответственности правонарушителя⁹⁶². В связи с данными оценками возникает правомерный вопрос о корректности употребления современного понятия *преступления* применительно к анализу германских правовых категорий эпохи раннего средневековья.

Необходимо уточнить, что основанием для условного выделения норм уголовно-правового регулирования в древнегерманском праве является критерий характера правовых последствий, предусмотренных санкцией рассматриваемых норм. Традиционно выделяется четыре вида уголовно-правовых инструмента, характерных для раннесредневекового англосаксонского уголовного права: кровная месть, денежный штраф, объявление вне закона и наказание, связанное с вопросом «о жизни и членах»⁹⁶³. Необходимо отметить, что эволюция форм ответственности за совершение преступного деяния, вероятно, отражает процесс развития сферы публично-правовых отношений у германских народов.

При рассмотрении вопросов становления идеи публично-правовой ответственности в древнегерманской правовой культуре исследователи, как правило, проявляют тенденцию к разделению преступлений по объекту преступного посягательства, выделяя в древнегерманском праве преступления против сообщества в целом (преимущественно, военные преступления), каравшиеся в сакрально-правовой форме, и преступления против отдельного рода, предполагавшие кровную месть или выплату добровольного возмещения. Если при совершении преступления против общества публичный характер правонарушения, подчеркнутый сакральными санкциями, не вызывает сомнения, то при совершении деяний против частного лица публичная ответственность правонарушителя не является очевидной. Как отмечает А. Ф. Бернер, «не нужно особого глубокомыслия для того чтобы придти к тому

---

⁹⁶¹ Lea H.C. Superstition and Force: Torture, Ordeal, and Trial by Combat in Medieval Law. London, 1870. P. 14-15. «The idea that crime is an offence against society at large found little place in the conceptions of the barbarian lawgivers. The loosely-knit organizations which overthrew the Roman Empire were based upon two central principles - the independence of the individual citizen and the solidarity of the family; and on the mutual interaction of these organic laws was based the jurisprudence of the period. The criminal was not responsible to the State, but to the injured part... each man was responsible for his acts not to the law but to those whom he might wrong». Перевод мой – С.С.

⁹⁶² Grimm J. Deutsche Rechtsalterthumer. Göttingen, 1881. P.622.

⁹⁶³ Хатунов С.Ю. Уголовное право феодальной Англии // Сборник научных трудов СевКавГТУ. Серия «Гуманитарные науки», № 10. Ставрополь, 2003.

убеждению, что частная месть должна быть древнее, чем общественное право наказывать»⁹⁶⁴.

Необходимо отметить, что дифференциация гражданской частно-правовой и уголовной публично-правовой ответственности в древнем и средневековом праве была не вполне развита, что находит отражение как в правовой лексике, так и в представлениях о системе права: «Не всякие суды, в которых рассматривается преступление, являются также публичными, но только те, которые возникают на основании законов (о преступлениях, относящихся) к публичным судам, например: Юлия (о преступлении) против величия, Юлия о прелюбодеяниях, Корнелия об убийцах и отравителях, Помпея об убийстве ближайших родственников, Юлия о казнокрадстве, Корнелия о завещаниях, Юлия о частном насилии, Юлия о публичном насилии, Юлия о противоправном домогательстве почетных должностей, Юлия о взяточничестве, Юлия о хлебе»⁹⁶⁵. Деликт и преступление не всегда были четко терминологически дифференцированы в древней и средневековой юридической лексике: «В латинском литературном языке для обозначения правонарушения употреблялись семь основных терминов: *delictum, crimen, maleficium, peccatum, facinus, flagitium, scelus*. Наиболее древним из этих понятий было, несомненно, последнее – *scelus*, – которое активно употреблялось еще в текстах Плавта и Теренция. В то время именно оно было основным для обозначения правонарушения. С формированием корпуса законодательных памятников республиканской эпохи на первое место среди этих терминов выходит *crimen*, в то время, как три последних термина все больше и больше вытесняются из околоправовой терминологии»⁹⁶⁶.

При рассмотрении вопроса о становлении публично-правового регулирования частных правонарушений в древнегерманском праве исследователи уделяют большое внимание структуре денежного возмещения за совершенное преступление. Согласно мнению Н. Д. Иванишева, «в преступлении уже при Таците начинает закон различать две части: оскорбление, причиненное фамилии (роду – *C.C.*), и вред, нанесенный ей умерщвлением одного из ее членов, а с другой стороны нарушение закона, или преступление в смысле уголовном. На этом основании в германских законодательствах, во все времена существования виры, плата за убийства составлялась из двух частей: одна часть принадлежала обиженному, как

---

⁹⁶⁴ Бернер А.Ф. Германское право / Учебник немецкого уголовного права (Часть общая) А. Ф. Бернера. С примечаниями, приложениями и дополнениями по истории русского права и законодательству положительному Н.Неклюдова. Том.І. По изданию 1867. §46. Электронное издание: <http://www.allpravo.ru/library/doc101p0/instrum3264/print3340.html>

⁹⁶⁵ Digestae 48.1.1.: Non omnia iudicia, in quibus crimen vertitur, et publica sunt, sed ea tantum, quae ex legibus iudiciorum publicorum veniunt, ut Iulia maiestatis, Iulia de adulteriis, Cornelia de sicariis et veneficis, Pompeia parricidii, Iulia peculatus, Cornelia de testamentis, Iulia de vi privata, Iulia de vi publica, Iulia ambitus, Iulia repetundarum, Iulia de annonae. Русскоязычный перевод цит. по: Дигесты Юстиниана. Том 7, полутом 2, книги 48-50. Перевод с латинского. Отв. ред. Л.Л.Кофанов. М., 2005.

⁹⁶⁶ Марей А.В. Обязательства ex delicto в «Семи Партидах» Альфонсо X Мудрого. Автореферат диссертации кандидата юридических наук. На правах рукописи. Москва, 2005. С.16-17.

следствие гражданского иска об удовлетворении за причинение вреда, а другая часть принадлежала государству или государю. Следовательно, плата за убийство у германцев уже в древнейший период одной частью принадлежит праву гражданскому, а другая ее половина носит характер чисто уголовного... Мало-помалу элемент уголовного усиливается, уничтожает виру и сам является в виде смертной казни»⁹⁶⁷. Данная точка зрения содержит элемент модернизации древнегерманской правовой культуры, поскольку собственно нарушение закона, вне контекста материальных последствий, вряд ли могло рассматриваться в качестве основания для правовой ответственности. Более точно данный процесс, представляется, выражает В. В. Есипов: «Так как вредоносное действие одновременно нарушало и общий мир, то народ присваивал себе часть буссы (выплаты – *S.C.*), которая считалась вначале за вознаграждение, затем видоизменилась и наконец приняла вид публичного штрафа»⁹⁶⁸.

В то же время, неоднозначной является точка зрения В.В. Есипова о том, что часть выплаты присваивалась в качестве вознаграждения. Известно, что процедура уплаты виры в рамках акефальных германских обществ производилась непосредственно представителям рода потерпевшего, а переговоры об уплате виры велись зачастую без услуг посредников⁹⁶⁹. Из материала саг известно, что половина имущества преступника отходила в пользу определенных лиц соответствующей административной единицы («четверти») в случае объявления преступника вне закона⁹⁷⁰, однако, данный случай должен быть дифференцирован от выплаты виры за совершенное правонарушение. Одним из наиболее ранних свидетельств, указывающих на практику выплаты за совершенное преступление, является свидетельство Тацита, согласно которому в древнегерманских обществах «с изблеченных взыскивается определенное количество лошадей и овец. Часть наложенной на них пени передается царю или племени, часть – пострадавшему или его родичам»⁹⁷¹. Как отмечает А.Ф. Бернер, «Денежные пени были самым обыденным наказанием. Эти денежные наказания имели двойное назначение. Часть их шла обиженному, в виде частного выкупа, часть общине, в виде общественного выкупа или штрафа. Первая часть называлась *Compositio*, пеня; последняя – *Fredum* или вира»⁹⁷². Наиболее архаичной практикой, связанной с выплатой штрафа за совершенное преступление, является, вероятно, выплата за

---

⁹⁶⁷ Иванишев Н.Д. О плате за убийство в древнем русском и других славянских законодательствах в сравнении с германскою вирою. Киев, Университетская типография, 1840. С.6-7.

⁹⁶⁸ Есипов В.В. Преступление и наказание в древнем праве. Варшава, 1903. С.3.

⁹⁶⁹ Сага о Храфнкеле годи Фрейра (*Hrafnkels saga Freysgoða*), VII. Текст источника на языке оригинала и русскоязычный перевод: <http://norse.ulver.com/src/isl/hrafnkel/>

⁹⁷⁰ Сага о Ньяле (*Njáls saga*), LXXIII. Текст источника на языке оригинала и русскоязычный перевод: <http://norse.ulver.com/src/isl/njala/>

⁹⁷¹ Tacitus Cornelius. De origine et situ Germanorum, XII: «*equorum pecorumque numero convicti multantur. Pars multae regi vel civitati, pars ipsi, qui vindicatur, vel propinquis eius exsolvitur*». Русскоязычный перевод цит. по: Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Т.1. Анналы. Малые произведения. Л., Наука, 1969.

⁹⁷² Бернер А.Ф. Германское право / Учебник немецкого уголовного права... §46.

нарушение сакрального мира. Примером подобного воздействия архаического сакрального права являются содержащиеся в раннесредневековом германском праве охранительные нормы, устанавливающие ответственность за нарушение «мира тинга» (*bingsfrip*), то есть учинение раздора в общественном собрании⁹⁷³. Данные нормы имеют несомненное сакральное происхождение, поскольку древнегерманские общественные собрания проводились под руководством жрецов, носили сакральный характер, и проводились в соответствии с определенным порядком, за соблюдением которого наблюдали жрецы, наделенные исключительными полномочиями осуществлять наказание над провинившимися, вплоть до смертной казни⁹⁷⁴. Нарушение сакрального порядка воспринималось как нарушение священного права, публичное правонарушение, возмещение за совершение которого осуществлялось уже не в пользу отдельного рода, а в пользу общественного собрания⁹⁷⁵, земли⁹⁷⁶, или правителя⁹⁷⁷, как хранителя мира.

Само название части выплаты, передававшейся правителю, известное из франкских правовых памятников как *fredum*, указывает на связь данной концепции с сакральной концепцией мира. Концепция «мира» (*frip*) является одной из центральных концепций архаического германского права, которая подразумевала распространение норм права, обеспечивавших сакральную защиту от каких-либо посягательств извне, на свободного полноправного члена общества, либо отдельные общественные институты и наиболее важные события (церковь, тинг, святые дни, и т.д.). Нарушением мира считалось совершение враждебных действий, учинение раздора, обнажение оружия, скандальное поведение, произведенные в соответствующем «круге мира» какого-либо человека, в жилом помещении или в месте отправления религиозного культа, либо в определенный период (например, во время священного поста). Человек, лишенный в судебном порядке мира, оказывался вне закона, лишаясь права на выплату вергельда его родственникам, защиту его прав в суде, или на право прибежища.

Стремление Хлодвига оправдаться перед франками от возможных подозрений в убийстве родственников вполне понятно, поскольку согласно древнегерманским обычаям убийца родственника не мог выступать в качестве его наследника: «Если кто покушался на жизнь своего родича, а именно: если брат покушался на жизнь или замышлял против жизни брата, или *barbanis*, то есть дяди по отцу, или двоюродного брата, и тот, на жизнь которого

---

⁹⁷³ Напр., Гуталаг, 11. См.: Из ранней истории шведского народа и государства. Первые описания и законы. М., 1999. С.127.

⁹⁷⁴ См.: Tacitus Cornelius. De origine et situ Germanorum, VII, XI. Русскоязычный перевод: Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Т.1. Анналы. Малые произведения. Л., Наука, 1969.

⁹⁷⁵ Весьма характерно, что архаическое скандинавское право сохранило такую форму возмещения, как «выплата тингу». Напр., Гуталаг, 2.2., 4 и др. См.: Из ранней истории шведского народа и государства. Первые описания и законы. М., 1999. С.121-123.

⁹⁷⁶ Там же.

⁹⁷⁷ Ælfred, 38. «Gif he hwæt yfla gedon hæbbe ðær he ær wæs, bete ðæt se ðe hine ðonne to men onfo, 7 cyninge .cxx. scillinga to wite».

покушались, сыновей не оставит; не будет ему наследником тот, кто лишил его жизни»⁹⁷⁸. Необходимо отметить, что убийство Сигиберта осуществляется убийцами, подосланными сыном Сигиберта Хлодерихом, что, с точки зрения германских обычаев, является тяжким преступлением. Последующее убийство Хлодериха людьми Хлодвига является, таким образом, своеобразным возмездием, и в словах Хлодвига «во всем этом я совершенно не виновен»⁹⁷⁹ нет фальши с точки зрения его современников. Сигиберт был родственником Хлодвига, а представители королевских фамилий, в соответствии с германскими традициями, имели право на получение вергельда за убитых родственников⁹⁸⁰, либо осуществление кровной мести. При этом, Хлодвиг не проливал кровь Сигиберта собственноручно, а выступил лишь подстрекателем убийства. Как отмечает А.Г. Папия, «Фризская Правда устанавливала, что в случае убийства, совершенного свободным лицом, к ответственности привлекался лишь исполнитель, а другое свободное лицо, являвшееся подстрекателем, ей не подлежит. Вообще вопрос об ответственности подстрекателя решался Варварскими Правдами неоднозначно. По общему правилу, подстрекательство не влекло ответственности...»⁹⁸¹.

Расправа с лицами, не придерживающимися христианской веры и нарушающими германские обычаи, воспринимается носителями средневековой культуры как справедливое деяние. Констатируя праведность и невиновность Хлодвига, Григорий Турский, отмечает, что король «ходил с сердцем правым перед Господом и делал то, что было приятно Его очам»⁹⁸². Подобное восприятие действий Хлодвига прослеживается в эпизоде с предательством короля франков Рагнахара его дружинниками, подкупленными Хлодвигом. Сам Рагнахар предстает в описании Григория Турского недостойным человеком, «который предавался такой необузданной страсти, что едва замечал своих ближайших родственников»⁹⁸³. Описанный автором образ жизни Рагнахара усугубляется недостойным поведением германского короля на поле боя, когда он, согласно свидетельству Григория Турского, «приготовился к бегству»⁹⁸⁴, когда увидел, что его войско терпит поражение. Последующее убийство Хлодвигом связанного Рагнахара и его брата, а также отказ расплатиться с предавшими короля Рагнахара дружинниками предстают справедливым возмездием с точки зрения традиционного германского мировоззрения.

Формируемый образ может, на мой взгляд, быть интерпретирован в контексте двух аспектов культурного развития рассматриваемой эпохи. Прежде всего, имеет место отмеченное И.Ю. Николаевой смещение акцентов в харизме

---

⁹⁷⁸ Edictus Rothari, 163.

⁹⁷⁹ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 40.

⁹⁸⁰ См.: Gregorii Turonensis libri Historiarum III, 31.

⁹⁸¹ Папия, А.Г. Ответственность за совместную преступную деятельность по римскому и западноевропейскому раннефеодальному праву // Правоведение. 1990. № 6. С. 91 – 96.

⁹⁸² Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 40.

⁹⁸³ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 42.

⁹⁸⁴ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 42.

германского вождя, базирующейся уже не столько на физическом и психологическом превосходстве (сугубо «героической» составляющей), сколько на способности контролировать аффективное поведение и направлять усилия варварской общности в необходимое русло, в том числе, с помощью таких средств как отступление перед силой, хитрость, и компромисс⁹⁸⁵. Представляется, что именно в связи с этим Григорий Турский не только не скрывает, но и подчеркивает дальновидность и расчетливость Хлодвига, проявляющуюся в его действиях. Расчетливость и дальновидность короля, по всей видимости, намеренно подчеркиваются Григорием Турским как личные качества, выделяющие Хлодвига из германского «варварского» окружения. В частности, автор упоминает, что король франков убил римского наместника Сиагрия не в открытом бою, а приказав «тайно заколоть его мечом»⁹⁸⁶, уже после пленения и захвата его владений. Согласно описанию Григория Турского, оскорбление королевского достоинства со стороны представителей франкского нобилитета во время раздела добычи в Суассоне Хлодвиг перенес «с терпением и кротостью», «затаив в душе глубокую обиду»⁹⁸⁷, и жестоко отомстив своим обидчикам впоследствии. Подстрекательство королем своего родственника Хлодериха к убийству отца и последующая расправа над самим Хлодерихом получают подробное освещение, и не вызывают у Григория Турского стремления скрыть подобные обстоятельства правления Хлодвига как недостойные христианского правителя. Второй аспект связан с тем, что Григорий Турский использует в формировании образа короля Хлодвига элементы христианской историографической методологии, в частности, идею справедливого возмездия грешникам. Григорий, фактически, снимает с Хлодвига ответственность за убийство Сигиберта, отмечая, что Хлодерих «задумал убить отца», «обуреваемый жадностью»⁹⁸⁸.

В образе Хлодвига как создателя королевства отчетливо доминирует фигура героя, дополненная чертами праведника. Наиболее четко данная структура образа прослеживается в прологе к пятой книге произведения Григория, где автор дает оценку личности и правления Хлодвига следующим образом: «О если бы и вы, о короли, участвовали в таких сражениях, в каких изрядно потрудились ваши предки, чтобы народы, уstraшенные вашим согласием, склонились бы перед вашей силой! Вспомните, что сделал Хлодвиг, основоположник ваших побед. Он перебил королей – своих противников, враждебные племена разбил, собственные же подчинил и оставил вам королевство целым и незыблемым»⁹⁸⁹. Уничтожение политических противников оценивается автором в данном случае как благо, направленное на сохранение единства королевства и грядущие победы франков над другими

⁹⁸⁵ Николаева И.Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск, 2005. С.106-107.

⁹⁸⁶ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 27.

⁹⁸⁷ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 27.

⁹⁸⁸ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 40.

⁹⁸⁹ Gregorii Turonensis libri Historiarum V, praefatio.

народами. Вполне возможно, что столь подробное описание действий Хлодвига было выполнено Григорием также в дидактических целях, для осведомленности клира и будущих наставников монархов Австразии (в частности, сыновей Хильдеберта II) в разнообразии методов политической борьбы, получивших широкое распространение в общественной жизни франкского королевства VI века.

§ 4. *Образы Одоакра и Теодориха как основателей германских королевств в Италии: сравнительный анализ архетипов*

Краткие сообщения о приходе к власти короля Одоакра в Италии содержатся в большом количестве хроник, в том числе, восходящих к римским консуляриям. Необходимо отметить, что сообщения носят довольно фрагментарный характер. Наиболее информативным источником является анонимный хронист⁹⁹⁰ (которого принято условно обозначать по имени издателя «анонимом Валезия»), однако, даже в этом источнике тринадцатилетнее правление Одоакра получает весьма поверхностное отражение.

Наибольший интерес в связи с формированием образа этого короля вызывает эпизод, описывающий пророчество святого Северина о будущем воцарении предводителя германцев в Италии: «Одоакр, которого мы уже упоминали ранее, отстранил Августула от власти (*de imperio*) и был провозглашен королем (*factus est rex*). Он правил в течение тринадцати лет. Его отца звали Эдик, и Одоакр также упомянут в книгах о житии святого Северина, монаха из Паннонии, который дал ему совет и предсказал обретение им королевской власти (*praedixit regnum eius futurum*)»⁹⁹¹. Далее автор обращается к сочинению Евгиппия, цитируя следующий фрагмент: «И с таким же благоговением предстали перед ним некие варвары, которые, идя в Италию, завернули к Северину, желая получить благословение. Среди них был и Одоакр, который позже правил в Италии, в то время юноша высокого роста, облаченный в самые жалкие шкуры. Он, дабы не задевать своей головой очень низкий потолок кельи, нагнулся и, стоя в дверях, спросил человека Божьего о своей судьбе. Ему, прощаясь, Северин сказал так: «Иди в Италию, иди! Ныне ты покрыт самыми жалкими шкурами, но вскоре будешь раздавать великие богатства»⁹⁹².

Евгиппий	Аноним Валезия
Quidam barbari, cum ad Italiam pergerent, promerendae benedictionis ad eum intuitu deverterunt. Inter quos et Odovacar, qui postea regnavit Italiae, vilissimo tunc habitu iuvenis statura procerus advenerat. Qui dum se, ne humillimae tectum cellulae suo vertice contingeret, inclinasset, a viro Dei gloriosum se fore cognovit. Cui etiam vale dicenti: «Vade», inquit, «ad Italiam, vade, vilissimis nunc pellibus coopertus, sed multis cito plurima largiturus	Quidam barbari cum ad Italiam pergerent, promerendae benedictionis ad eum intuitu deverterunt, inter quos et Odoacar, qui postea regnavit Italiae, vilissimo habitu iuvenis statura procerus advenerat; qui dum se, ne humillimae tectum cellulae eius suo vertice contingeret, inclinasset, a viro Dei gloriosum se fore cognovit. Cui etiam vale dicenti "vade," inquit, "ad Italiam, vade vilissimis nunc pellibus coopertus, sed multis cito plurima largiturus."

⁹⁹⁰ Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimorum, T.IX, Vol.I. Berolini, 1892. (Текст включен в раздел Consularia Italica – P.249–339).

⁹⁹¹ Excerpta Valesiana, pars posterior, X. Здесь и далее по тексту перевод с латинского мой – С.С.

⁹⁹² Excerpta Valesiana, pars posterior, X; Eugippius, VII.

Данный эпизод перекликается с предсказанием Святого Бенедикта, данным королю остготов Бадвиле (Тотиле). Весьма интересно то, что арианские короли изображены как получающие благословение ортодоксальных святителей. Встреча героя с мудрым старцем, предсказывающим ему великое будущее и королевскую власть, вне всякого сомнения, является архетипическим сюжетом. Следует также обратить внимание на содержательную часть предсказания Северина, обещающего юному Одоакру что вскоре он будет «раздавать великие богатства». Следует отметить, что раздача богатств могла восприниматься германцами в данный период уже не только в контексте архаических реципрокных отношений. В варварском сознании эпохи Великого переселения народов богатство приобретает значение символическое, «когда обмен уже не оказывается чисто транзитивным, когда предмет (материал обмена) становится чем-то самодовлеющим»⁹⁹³. В данный период в германскую среду постепенно начинает проникать демонстративное (престижное) потребление, которое выступает уже не просто в качестве «обобщенного индивидуального вознаграждения», а уже в качестве своего рода «социальной судьбы, которая с большей степени касается каких-то определенных групп или классов, затрагивает их, противопоставляя друг другу»⁹⁹⁴.

Далее хронист продолжает: «В то время, как слуга Божий предсказывал ему, как только Одоакр вошел в Италию, он получил королевскую власть (*regnum accepit*)»⁹⁹⁵. В данном фрагменте представляет интерес характеристика власти Одоакра. В историографии VI века сложилось как минимум две традиции изображения власти этого правителя – одна из них характеризует его власть как королевскую (*regis*)⁹⁹⁶, другая же – как власть тирана и узурпатора⁹⁹⁷. С формальной точки зрения, Одоакр не был узурпатором – скорее наоборот, отняв у узурпатора Августула символы императорской власти и признав власть Непота в качестве императорской⁹⁹⁸, Одоакр восстановил легитимность императорской власти. Равеннский хронист отмечает, что Одоакр переслал императорские инсигнии в Константинополь, и об этом же свидетельствует Кассиодор: «*Nomenque regis Odovacar adsumpsit, cum tamen nec purpura nec regalibus utertur insignibus*». После смерти Непота Одоакр не узурпировал власть, а испрашивал у императора сан патриция по представлению римского сената, а также просил назначить нового императора для западной части Империи⁹⁹⁹. В связи с этим не вполне ясно, по какой именно причине

⁹⁹³ Ж. Бодрийяр. К критике политической экономии знака. М., 2007. С.71.

⁹⁹⁴ Ж. Бодрийяр. К критике политической экономии... С.15.

⁹⁹⁵ *Excerpta Valesiana, pars posterior*, X.

⁹⁹⁶ Примерами могут служить свидетельства Кассиодора, Мария Аваншского, Виктора Витенского.

⁹⁹⁷ Примерами могут служить свидетельства Сарагосской хроники, Прокопия Кесарийского, Иордана.

⁹⁹⁸ Более подробно данный вопрос освещен в работах: Thompson E. A. *Romans and barbarians: the decline of the Western Empire*. 2002. P.67-68; Wolfram H., Dunlap T.J. *History of the Goths*. California, 1990. P.284-288.

⁹⁹⁹ Малх, Отрывок 12. Электронный текст источника: http://krotov.info/acts/05/marsel/ist_viz_04.htm

сформировался образ тирана и узурпатора власти. Томпсон полагает, что Одоакр принял фактическую власть, и назначал должностных лиц без согласования с восточным императором¹⁰⁰⁰. Однако вряд ли это было достаточным основанием для провозглашения его тираном. Вполне вероятно, что данный образ сформировался во времена правления Теодориха Амала в Италии для легитимации действий остготского короля по занятию Италии.

Образ короля Теодориха в хронике анонима Вalezия выражен значительно более детально и разносторонне. В его образе получают отражение различные мифологические персонажи, черты которых восходят к потестарно-мифологическим архетипам. Для того чтобы проиллюстрировать это, последовательно рассмотрим ключевые фрагменты описания деятельности короля Теодориха, содержащиеся в двенадцатой главе хроники. Формирование образа героя начинается с описания обстоятельств провозглашения Теодориха королем, характеристики его личных качеств и происхождения из королевского рода: «Когда Теодорих вошел в Равенну и убил Одоакра, готы, не дожидаясь повеления нового императора (*non exspectantes iussionem novi principis*), утвердили Теодориха своим королем (*Gothi sibi confirmaverunt Theodericum regem*). Он был отважнейшим и воинственным человеком, отец которого, Валамир, назывался королем готов (*dictus rex Gothorum*); Теодорих был его родной сын; его мать на языке готов звалась Эререлива, но в католической вере при крещении приняла имя Евсевии. Он был мужем выдающимся и благожелательным ко всем (*praecclarus et bonae voluntatis in omnibus*), и правил тридцать три года (*qui regnavit annos XXXIII*)»¹⁰⁰¹.

В описании первых тридцати лет правления Теодориха в хронике доминирует мифологическая фигура защитника (родителя), опекающего свой народ, обеспечивающего мир и процветание: «В его время Италия в течение тридцати лет хранила благополучие (*Cuius temporibus felicitas est secuta Italiam per annos triginta*), так что его преемники также имели мир (*ita ut etiam pax pergentibus esset*). Ничего превратного он не совершал (*Nihil enim perperam gessit*). Он так правил двумя народами в одно время (*duas gentes in uno*), римлянами и готами, что хотя сам он принадлежал к арианской секте, он, тем не менее, не совершал посягательств на католическую веру; он устраивал игры в цирке и амфитеатре, и даже римляне звали его Траяном или Валентинианом (*a Romanis Traianus vel Valentinianus, appellaretur*), временам которых он стремился подражать (*quorum tempora sectatus est*); и готами, поскольку своим эдиктом он установил правосудие (*edictum suum, quo ius constituit*), он считался во всех отношениях сильнейшим их королем (*rex fortissimus in omnibus*). Военную службу для римлян он сохранил на том же основании, что и при императорах (*sub principes*). Он был щедр на дары и раздачу зерна, и хотя казну он застал опустошенной, его трудами она была восстановлена и наполнена»¹⁰⁰².

¹⁰⁰⁰ Thompson E. A. *Romans and barbarians: the decline of the Western Empire*. 2002. P.69.

¹⁰⁰¹ *Excerpta Valesiana, pars posterior, XII.*

¹⁰⁰² *Excerpta Valesiana, pars posterior, XII.*

Теодорих наделяется чертами мудреца, которому народная молва приписывает авторство афоризмов: «Хотя он был неграмотен (*illitteratus esset*), он был, тем не менее, настолько мудрым (*tantae sapientiae fuit*), что до сих пор некоторые из его высказываний считаются среди людей пословицами (*pro sententia*), и поэтому я охотно (*non piget*) записываю некоторые из всего их множества: Он сказал, «тот у кого есть богатство, не сможет скрыть этого, как и тот, кто одержим демоном», а также «бедный римлянин подражает готу, а богатый гот подражает римлянину»¹⁰⁰³. Архетип мудреца четко прослеживается в образе мудрого судьи, принимающего решения, сопоставимые по своей лаконичности с решениями библейского царя Соломона. Хронист пересказывают следующую фабулу, призванную проиллюстрировать мудрость решений короля: «Один человек умер, оставив жену и маленького сына, который не знал матери. Ее сын, еще младенцем, был взят от нее кем-то, отвезен в другую провинцию, и там вырос. Когда он стал юношей, он каким-то образом возвратился к своей матери, которая уже была помолвлена с другим человеком. Когда мать увидела своего сына, она обняла его, благодаря Господа за то, что снова увидела его, и он жил с ней в течение месяца. Но когда вернулся человек, обрученный с матерью, и увидел юношу, он спросил, кто это такой. Она ответила, что это ее сын. Когда мужчина узнал о том, что это ее сын, он стал требовать возврата предбрачного дара и говорить: «Либо ты отрицаешь, что он твой сын, либо я точно покидаю тебя». Мать уступила своему мужчине и стала отвергать своего сына, которого она сама прежде признала, говоря: «Покинь мой дом, юноша, поскольку я приняла тебя как странника (*peregrinum*)». Но он продолжал говорить, что он вернулся к своей матери и в дом своего отца. Короче говоря, пока это продолжалось, сын подал жалобу на свою мать королю, который повелел ей предстать перед ним. И он сказал ей: «Женщина, твой сын подал на тебя жалобу. Что ты можешь сказать? Твой ли он сын, или нет?». Она ответила: Он не мой сын, но я приняла его как странника. И сын женщины пересказал всю историю по порядку королю, он снова спросил женщину: «Он твой сын или нет?» Она сказала: «Он не мой сын». Король сказал ей: «Сколько у тебя богатства (*facultas tua*), женщина?» Она ответила: «Размером в тысячу солидов (*Usque ad mille solidos*)». И король провозгласил с клятвой (*sub iusiurando*), что он не сделает ее мужем никого, кроме этого молодого человека, и что она не получит никакого иного мужа. Женщина была обескуражена (*confusa*) и призналась, что юноша её сын. Это и многое другое рассказывают»¹⁰⁰⁴.

Еще одной составляющей образа короля Теодориха являются черты праведника, опекающего католическую церковь и римские традиции, на что указывает описание его посещения Рима и встречи с римским папой Симмахом: «После того, как мир был заключен в городе Церкви, король Теодорих вошел в Рим (*ambulavit rex Theodericus Romam*) и почтил Святого Петра с таким

¹⁰⁰³ Excerpta Valesiana, pars posterior, XII.

¹⁰⁰⁴ Excerpta Valesiana, pars posterior, XII.

уважением, словно сам был католиком (*et occurrit Beato Petro devotissimus ac si catholicus*). Папа Симмах, и весь сенат и народ Рима, среди общего ликования встретил его за городом. Затем, приближаясь к Риму и входя в него, он появился в сенате, и обратился к народу в Пальмах, обещая, что с Божьей помощью он будет хранить ненарушенным все, что провозгласили прежние римские императоры (*se omnia, Deo iuvante, quod retro principes Romani ordinaverunt inviolabiliter servaturum promittit*)¹⁰⁰⁵. Несмотря на то, что итог правления Теодориха будет в оценке хрониста омрачен конфликтом с представителями христианской конфессии, образ Теодориха как основателя королевства свободен от негативных характеристик, связанных с его принадлежностью к арианской ереси.

Наиболее ярко в образе Теодориха выражены черты именно фигуры защитника (родителя), обеспечивающего такое процветание своей страны, которое приобретает характерные черты архетипа «золотого века»: «Беднякам города он выдавал каждый год сто двадцать тысяч мер зерна, и для восстановления дворца и реконструкцию стен города он повелел две сотни фунтов выдавать каждый год из хранилища, которое содержало налог на вино... И он настолько заслужил расположение соседних народов, что они предлагали ему заключение союзов, в надежде, что он станет их королем (*sibi eum regem sperantes*). В самом деле, купцы стекались к нему из разных провинций. При нем был такой порядок (*disciplinae*), что если кто-либо желал оставить в поле свое серебро или золото, то это было так же безопасно, как если бы происходило в стенах города. И он установил такое правило по всей Италии, чтобы никакой город не устанавливал ворота. А там, где уже были ворота, они никогда не закрывались. И каждый мог вести свое дело в тот час, когда хотел, как если бы это был днем. В его времена шестьдесят мер зерна покупались за один солид, и тридцать амфор вина за один солид»¹⁰⁰⁶.

В данном образе идеального христианского королевства получает отражение представление о «золотом веке», прослеживающееся также и в дохристианской германской культуре. Сходные образы обнаруживаются, например, в тексте «Младшей Эдды», при описании правления легендарного датского конунга Фроди: «Так как Фроди был самым могущественным конунгом в северных странах, считают, что это он водворил мир во всех землях, где говорят по-датски, и люди на севере называют это миром Фроди. Тогда никто не чинил зла другому, даже повстречав убийцу отца или брата, на свободе или связанным. Не было тогда ни воров, ни грабителей, так что одно золотое кольцо долго лежало на Ялангрсхейд-поле»¹⁰⁰⁷.

Сходные описания «золотого века» встречаются и у других раннесредневековых авторов, в частности, Беды Достопочтенного и Павла Диакона. Англосаксонская Нортумбрия эпохи правления Эдвина становится в

¹⁰⁰⁵ Excerpta Valesiana, pars posterior, XII.

¹⁰⁰⁶ Excerpta Valesiana, pars posterior, XII.

¹⁰⁰⁷ Русскоязычный перевод цит. по изданию: Младшая Эдда. М., 1994. С.142

произведении Беда Достопочтенного образом идеального христианского королевства: «Говорят, что в то время в Британии – вернее в той ее части, которой владел король Эдвин, – царил такой мир, что женщина с грудным младенцем на руках могла пройти через весь остров от моря до моря безо всякого вреда для себя. Этот король так заботился о благе своего народа, что велел установить на дорогах возле источников с чистой водой столбы и повесить на них медные кубки для утоления жажды путников. Никто не смел уносить их или использовать не по назначению – не из страха, но из любви к королю»¹⁰⁰⁸.

При описании королевства лангобардов в Италии Павел Диакон также пользуется распространенным в традиционной германской культуре образом «золотого века»: «Это было поистине удивительно в королевстве лангобардов: в нем не было никакого насилия, не замышлялся никакой тайный заговор, никого несправедливым образом не принуждали к повинности, никого не грабили; не было ни воровства, ни грабежей, и каждый мог спокойно и без страха идти, куда ему угодно»¹⁰⁰⁹. Весьма характерно, что подобные модели не воспринимались германцами как утопические, что прослеживается на примере кодекса короля Альфреда, в котором нормы закона Моисея устанавливаются как имеющие прямое действие¹⁰¹⁰.

Резкий контраст с описываемым «золотым веком» представляют последние годы правления Теодориха, которые изображены хронистом как результат козней дьявола, похищающего этого великого человека «для своих целей»: «Вскоре после этого дьявол нашел возможность похитить для своих целей человека, который правил государством (*rem publicam*) хорошо и без недовольства (подданных)»¹⁰¹¹. Преследование представителей католического клира ставит Теодориха в положение врага христианской веры: «Тогда король, после своего возвращения в Равенну, действовал более не как друг Господа, но как враг Его закона»¹⁰¹².

Хронист свидетельствует, что Бог «наложил на Теодориха то же наказание, которое понес и Арий, основатель его религии. Король был поражен диареей, и после трех дней разверзшегося чрева утратил свой трон и саму жизнь в тот день, на который он планировал нападение на церкви»¹⁰¹³. В средневековой историографической традиции было достаточно популярно приписывать еретикам и отступникам от веры смерть от диареи, которая, согласно свидетельству ряда авторов¹⁰¹⁴, постигла ересиарха Ария. Григорий Турский, описывая смерть католического пресвитера, сомневавшегося в

---

¹⁰⁰⁸ Беда Достопочтенный. Церковная история народа англо-саксов. СПб., 2001, с. 67

¹⁰⁰⁹ Ibid.

¹⁰¹⁰ Санников С.В. Перевод пролога к кодексу короля Альфреда // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Том 8. Выпуск 1: История. Новосибирск, 2009.

¹⁰¹¹ Excerpta Valesiana, pars posterior, XIV.

¹⁰¹² Excerpta Valesiana, pars posterior, XV.

¹⁰¹³ Excerpta Valesiana, pars posterior, XVI.

¹⁰¹⁴ Сократ Схоластик «Церковная история», I, 38; Руфин в своей "Истории церкви" (I, 13 // PL. T. 21. Col. 483 – 486).

некоторых догматах веры, отмечает, что «нет сомнения в том, что умерший не менее виновен, чем Арий, у которого также в уборной вывалились внутренности через задний проход, ибо когда человек не внемлет в церкви святителю Божию, которому вручены овцы, чтобы пасти их, и завладевает властью, не данной ему ни Богом, ни людьми, это можно понять только как ересь»¹⁰¹⁵. Виктор Тонненский приписывает смерть от диареи королю вандалов Гуннериху, также известному своими гонениями в отношении представителей ортодоксального христианства: «Гуннерих посреди бесчисленных, [вызванных] его нечестивостью бедствий, которые он насылал на кафоликов, несчастным образом на восьмом году своего правления умер от истечения всех внутренностей, как и его [духовный] отец Арий».

Существует, однако, несколько иное описание смерти Теодориха, представленное в произведении Прокопия Кесарийского. Характер внезапной смерти короля, в соответствии с данным описанием, носит некоторые черты возможного отравления его ядом во время застолья. Об этом говорят следующие признаки, которые можно реконструировать на основании свидетельства Прокопия Кесарийского: у Теодориха во время застолья, вероятно, начались галлюцинации¹⁰¹⁶; во время Теодорих застолья почувствовал внезапный озноб и слабость¹⁰¹⁷; состояние Теодориха характеризовалось внезапной эмоциональной лабильностью¹⁰¹⁸; смерть произошла вскоре после застолья¹⁰¹⁹. Учитывая непростую политическую обстановку в остготском королевстве рассматриваемого периода, можно полагать, что смерть Теодориха и переход власти к его дочери Амаласвенте были выгодны многим влиятельным лицам¹⁰²⁰.

---

¹⁰¹⁵ Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 23.

¹⁰¹⁶ «Когда он обедал несколько дней спустя после этого, слуги поставили перед ним голову какой-то крупной рыбы, Теодориху показалось, что это голова недавно казненного им Симмаха. Так как нижняя губа у нее была прокушена зубами, а глаза ее смотрели грозно и сурово, то она показалась ему очень похожей на угрожающую» (Procopius Caesariensis. De bello Gothico. I, 1).

¹⁰¹⁷ «Испуганный таким ужасным чудом, он весь похолодел и стремительно ушел в свои покои к себе на ложе; велел покрыть себя многими одеждами, он старался успокоиться» (Ibid.).

¹⁰¹⁸ «Затем, рассказав все, что с ним случилось своему врачу Эльпидию, он стал оплакивать свой ошибочный и несправедливый поступок по отношению к Симмаху и Боэцию» (Ibid.).

¹⁰¹⁹ «Раскаявшись в таком своем поступке и глубоко подавленный горем, он умер немного времени спустя, совершив этот первый и последний проступок по отношению к своим подданным, так как он вынес решение против обоих этих мужей, не расследовав дела со всей тщательностью, как он обычно это делал» (Ibid.).

¹⁰²⁰ Характерно, что Григорий Турский отмечает причастность Амаласвенты к отравлению своей матери: Gregorii Turonensis libri Historiarum III, 31. Не исключено, что в подобном искаженном виде до нас дошли подозрения современников о ее причастности к гибели Теодориха.

Глава 5. Компаративный анализ содержательной части образов королевской власти

§ 1. Характер власти германских «вождей» и «королей»: проблема терминологической объективности раннесредневековых источников

Свидетельства об эволюции власти германских «вождей» (лат. *duces*) в королевскую власть обнаруживаются в большинстве раннесредневековых историографических памятников. Сюда можно отнести сообщение Павла Диакона о смене власти вождей властью королей у лангобардов¹⁰²¹, описание Григорием Турским избрания первых королей франков из числа представителей «наиболее знатных родов»¹⁰²², свидетельство Исидора Севильского о становлении власти королей у готов¹⁰²³.

Для отдельных средневековых авторов критическое изучение источников было одним из способов уточнения вопроса о возникновении ранних форм королевской власти. К примеру, Григорий Турский, обращаясь к ранней истории королевской власти у франков, отмечает, что «многие не знают, кто был первым королем у франков (*de Francorum vero regibus, quis fuerit primus, a multis ignoratur*). Хотя о них много рассказывается в истории Сульпиция Александра, однако он вовсе не называет первого их короля, но говорит, что у них были вожди (*non tamen regem primum eorum ullatinus nominat, sed duces eos habuisse dicit*)»¹⁰²⁴. Сходное свидетельство о ранних формах организации власти у готов содержится в произведении Исидора Севильского, который отмечает, что «на протяжении многих веков ими (готами – *C.C.*) правили сначала вожди, а затем цари (*per multa quippe retro saecula ducibus usi sunt, postea regibus*)»¹⁰²⁵.

Проблема соотношения власти королей и герцогов (данный термин традиционно используется в зарубежной историографии для обозначения власти германских вождей) является одной из актуальных проблем современной историографии. Так, А. Стендер-Петерсон полагал, что дуализм королевской власти и власти герцогов получил отражение в терминологии готского языка, в котором он обнаруживает термины *Thiudanassus* и *Draughtinassus*, служившие обозначением, соответственно, королевской и герцогской власти¹⁰²⁶. Как полагает Я. Де Фрис, специфический термин, обозначавший герцогскую власть, вышел из употребления и исчез из готского языка, по всей видимости, в связи с тем, что королевская власть вытеснила

¹⁰²¹ Paulus Diaconus. *Historia langobardorum*. I, 14.

¹⁰²² Gregorii Turonensis libri *Historiarum* II, 9.

¹⁰²³ Isidori Hispalensis *Historia de regibus Gothorum, Wandalorum et Svevorum*. II, 2.

¹⁰²⁴ Gregorii Turonensis libri *Historiarum* II, 9.

¹⁰²⁵ Isidorus Hispalensis. *Historia Gothica*, II, 2. Исидор Севильский. История готов, вандалов и севеов. - Пер. Т.А. Миллера / Исидор Севильский // Памятники средневековой латинской литературы IV-IX вв. М., 1970.

¹⁰²⁶ Stender-Petersen A. *Slawisch-germanische Lehnwortskunde*, Göteborg, 1927. S.198. См. более подробно: Корсунский А. Р. О социальном строе вестготов в IV в. // Вестник древней истории № 3, 1965.

власть герцогов¹⁰²⁷. Уточнению данных вопросов может способствовать анализ конкретно-исторических данных, характеризующих власть «вождей» и «королей», содержащихся в произведении Иордана.

В целом, Иордан проявляет тенденцию к следованию заимствованной у Кассиодора историографической концепции, согласно которой «изложение спускается по поколениям и королям (*per generationes regesque*) от древнейших времен и доныне»¹⁰²⁸. Следуя внутренней хронологии сочинения Иордана, наиболее ранним свидетельством о наличии королевской власти у готов может считаться сообщение о легендарном короле Бериге, при котором готы покинули Скандинавию: «По преданию вышли некогда готы с королем своим по имени Бериг (*cum rege suo nomine Berig*)»¹⁰²⁹.

Для Д. Клауде данное свидетельство является «неоспоримым» подтверждением «сакрального по своему происхождению» института королевской власти: «Исход готов из Скандинавии, по всей видимости, сопровождался значительными изменениями в организации общества. Так, следует предполагать, что уже в то время существовал некий социальный правящий класс. Иордан сообщает, что переселение произошло при короле Бериге; таким образом, неоспоримым кажется существование сакрального по своему происхождению института королевской власти. Так как о могуществе и власти готского короля говорит и Тацит, переезд через Балтийское море, должно быть, способствовал дальнейшему возвышению королей у готов»¹⁰³⁰. Весьма характерна в данном отношении ссылка на сочинение Тацита, отличающееся недостаточной объективностью ряда содержащихся в нем сведений¹⁰³¹.

Действительно, как отмечает Тацит, «за лугиями живут готоны, которыми правят цари (*Gotones regnantur*), и уже несколько жестче (*paulo iam adductius*), чем у других народов Германии, однако еще не вполне самовластно (*nondum tamen supra libertatem*)»¹⁰³². Достаточно сопоставить данное свидетельство Тацита со следующим, логически связанным свидетельством, чтобы понять их более чем сомнительный характер. Так, Тацит отмечает: «Им (свеям – *S.C.*) свойственно почитание власти (*est apud illos et oribus honos*), и поэтому ими единолично (*unus*), и не на основании временного и условного права господствовать (*non precario iure parendi*), безо всяких ограничений (*nullis iam exceptionibus*) повелевает (*imperitat*) царь. Да и оружие в отличие от прочих германцев не дозволяется у них иметь каждому: оно всегда на запоре и охраняется стражем, и притом рабом: ведь от внезапных набегов врага они

¹⁰²⁷ Vries J. *Königtum bei den Germanen* // *Saeculum*, Bd.7 (1956), 3. S.305.

¹⁰²⁸ *Get.* 1. Сам подход к изложению истории в привязке к отдельным правителям и годам их правления, по всей видимости, испытал на себе влияние римских консулярий.

¹⁰²⁹ *Get.* 25.

¹⁰³⁰ Д. Клауде. *История вестготов...* С.14.

¹⁰³¹ Более подробно о проблеме интерпретации сведений Тацита: Гуревич А.Я. *Избранные труды*: В 2 т. Т. 1: *Древние германцы*. Викинги. М., 1999.

¹⁰³² Tacitus. *Germania*, XLIV. *Trans Lygios Gotones regnantur, paulo iam adductius quam ceterae Germanorum gentes, nondum tamen supra libertatem.*

ограждены Океаном, а руки пребывающих в праздности вооруженных людей сами собой поднимаются на бесчинства; да и царям не на пользу (*regia utilitas*) вверять попечение об оружии знатному, свободнорожденному и даже вольноотпущеннику»¹⁰³³.

Как известно из более поздних скандинавских источников, традиция народовластия в обществе свеев, вопреки свидетельству Тацита, была настолько устойчивой, что в течение значительного периода истории Скандинавии реальная власть сохранялась в руках бондов («Все короли свеев позволяли бондам советоваться с ними во всем, в чем те хотели»¹⁰³⁴), что делало их весьма влиятельной общественной силой, нередко противостоявшей власти конунга. Как свидетельствуют более поздние источники, в мирное время власть короля была ограничена волей совета бондов, – по данным Римберта, у свеев «в обычае, что всякое общественное дело более зависит от единодушной воли народа (*in populi unanima voluntate*), чем от королевской власти»¹⁰³⁵. Уточнению вопроса о характере власти организации власти в древних обществах Скандинавии и Северной Германии может способствовать критический анализ данных Иордана о первых королях готов.

Как уже отмечалось выше, в произведении Иордана имя первого короля готов связано с легендарным «исходом» готов из Скандинавии: «С этого самого острова Скандзы (*ex hac igitur Scandza insula*)... вышли некогда готы с королем своим по имени Бериг (*cum rege suo nomine Berig Gothi... egressi*)»¹⁰³⁶. Такая связь сама по себе наводит на предположение о необычном характере власти этого короля, если по каким-то причинам ему пришлось покинуть собственную территорию. Иордан упоминает, что переселение совершалось морским путем: «Лишь только, сойдя с кораблей (*navibus exientes*), они ступили на землю, как сразу же дали прозвание тому месту. Говорят, что до сего дня оно так и называется Готискандза»¹⁰³⁷. В другом фрагменте своего произведения Иордан уточняет связанные с данным переселением детали, свидетельствуя, что готы плыли, якобы, на трех кораблях: «...вначале я рассказал, как готы вышли из недр Скандзы со своим королем Берихом, вытащив всего только три корабля на берег по эту сторону океана (*tribus tantum navibus vectos ad ripam Oceani citerioris*), т. е. в Готискандзу»¹⁰³⁸.

Как отмечает Е.Ч. Скржинская, три корабля Иордана могут служить своеобразным указанием «на разделение готов (совершившееся впоследствии, когда готы передвинулись к Черному морю) на три особых племени:

---

¹⁰³³ Tacitus. *Germania*, XLIV. Est apud illos et opibus honos, eoque unus imperitat, nullis iam exceptionibus, non precario iure parendi. Nec arma, ut apud ceteros Germanos, in promiscuo, sed clausa sub custode, et quidem servo, quia subitos hostium incursus prohibet Oceanus, otiosae porro armatorum manus facile lasciviunt. Enimvero neque nobilem neque ingenuum, ne libertinum quidem armis praepone rege utilitas est.

¹⁰³⁴ Цит. по: Ковалевский С.Д. Образование классового общества и государства в Швеции / С.Д.Ковалевский. - М., Наука, 1977. С.97.

¹⁰³⁵ Там же. С.94.

¹⁰³⁶ Get. 25.

¹⁰³⁷ Get. 25.

¹⁰³⁸ Get. 94.

остроготов, везеготов и гепидов»¹⁰³⁹. П.М. Долуханов полагает, что свидетельство о трех кораблях является одним из признаков, указывающих на мифологический характер данного этногенетического предания¹⁰⁴⁰. Данная точка зрения, в целом, согласуется с мнением современных западных исследователей¹⁰⁴¹. Необходимо отметить, что сходный сюжет содержится в произведении Беда Достопочтенного, свидетельствующего, что «народ англов или саксов, приглашенный Вортигерном, приплыл в Британию на трех кораблях (*Brittaniam tribus longis nauibus aduenitur*)...»¹⁰⁴². Другое свидетельство Беда, о том, что «...первыми их предводителями были два брата, Хенгист и Хорза (*Duces fuisse perhibentur eorum primi duo fratres Hengist et Horsa*)»¹⁰⁴³, дало многим исследователям основания для предположений об их мифологической природе, поскольку имена братьев позволяют сопоставить их с парой близнецов-героев Диоскуров¹⁰⁴⁴.

Мифологичность подобных свидетельств, казалось бы, может считаться доказанной. Тем не менее, некоторые подтверждения их историчности могут быть найдены в других источниках. Как свидетельствует британский автор Гильдас Мудрый о переселении англосаксов, «так случилось, что выводок детенышей из логова свирепой львицы явился на трех циулах (*cyulis*), как это называется на их языке, а по-нашему это боевые корабли (*longis nauibus*) под всеми парусами»¹⁰⁴⁵. Исследователями уже отмечалось, что Беда использовал в своей истории фактологию Гильдаса, что может, по всей видимости, рассматриваться как фактор, уменьшающий причастность Беда к мифологизации германского переселения в Англию¹⁰⁴⁶.

Весьма ценные параллельные сюжеты могут быть отмечены и в «Англосаксонской хронике»¹⁰⁴⁷. Там, в частности, отмечается, что в 449 году «англы, приглашенные королем Вортигерном, явились в Британию на трех

¹⁰³⁹ См. Примечание № 62 // Иордан. О происхождении и деяниях гетов (*Getica*) - Вступит.статья, пер., коммент. Е.Ч.Скржинской./ Иордан - М., Изд.вост.лит., 1960.

¹⁰⁴⁰ См.: Долуханов, П. М. Истоки этноса. СПб., 2000.

¹⁰⁴¹ См., напр.: Yorke B. *Anglo-Saxon Origin Legends // Myth, Rulership, Church and Charters*. Aldershot, 2008. P.17-20.

¹⁰⁴² Церковная история народа англов (I, XV). Русскоязычный перевод здесь и далее цитируется по: Беда Достопочтенный. Церковная история. - Пер. В.В.Эрлихмана. / Беда Достопочтенный. - СПб., Алетейя, 2001.

¹⁰⁴³ Церковная история народа англов (I, XV).

¹⁰⁴⁴ Б.Йорк, например, отмечает, что не только имена Хенгиста и Хорзы, но и имена элдерманов Кердика и Кинрика соответствуют индоевропейской традиции аллитерирующих имен пар-основателей. См.: Yorke B. *Anglo-Saxon Origin Legends // Myth, Rulership, Church and Charters*. Aldershot, 2008. P.17.

¹⁰⁴⁵ Гильдас. О разорении британии. Цит.по: Беда Достопочтенный. Церковная история. - Пер. В.В.Эрлихмана. / Беда Достопочтенный. - СПб., Алетейя, 2001.

¹⁰⁴⁶ Б. Йорк полагает, что Гильдас придерживается саксонской эпической традиции в своем повествовании, на что указывает использование им термина «циула». См.: Yorke B. *Anglo-Saxon Origin Legends*... P.20.

¹⁰⁴⁷ Древнеанглийский текст: <http://www.georgetown.edu/labyrinth/library/oe/texts/asc/a.html>

Русскоязычный перевод цит.по: Англосаксонская хроника (пер. В.В.Эрлихмана) // Беда Достопочтенный. Церковная история. Пер. В.В.Эрлихмана. / Беда Достопочтенный. - СПб., Алетейя, 2001. Классическое англоязычное издание: *The Anglo-Saxon Chronicle* (Everyman Press, London, 1912). Электронная версия: <http://omacl.org/Anglo/>

ладьях (on þrim ceolum) и высадились у Иппинесфлита»¹⁰⁴⁸. Не исключено, что свидетельство о трех ладьях могло бы быть в данном случае символическим обозначением трех германских племен, однако, необходимо отметить, что свидетельство о прибытии англосаксов на трех кораблях сохранилось только в позднем списке хроники XII века (манускрипт E)¹⁰⁴⁹. В прочих, в том числе, более ранних, сохранившихся версиях хроники данная деталь отсутствует, что не исключает интерполяцию сюжета о трех кораблях из произведения Гильдаса.

Сюжеты о прибытии на кораблях присутствуют и в других фрагментах хроники, повествующих о различных этапах завоевания Британии англосаксами. Так, в 477 году «в Британию прибыли Элла и его сыновья Кимен, Вленкинг и Цисса на трех кораблях (mid III scipum) и высадились в месте под названием Кименесора. Там они убили многих валлийцев, а прочие бежали в леса». В 501 году «в Британию прибыл Порта с сыновьями Бидой и Мэглой на двух кораблях (mid II scipum). Они высадились в месте под названием Портесмута и убили там юного бритта из очень знатного рода». Если указание на количество кораблей действительно носит символический характер (в данном случае, обусловленный количеством наследников), то не вполне ясно, каким образом трактовать свидетельство о том, что в 495 году «в Британию явились два элдормена (twegen aldormen), Кердик и его сын Кинрик, на пяти кораблях (mid V scipum)». Кроме того, историчность некоторых упомянутых предводителей германцев вряд ли может оспариваться, учитывая, что имена сыновей Эллы отражены в британской топонимике, восходящей, по всей видимости, к эпохе Великого переселения народов¹⁰⁵⁰.

Мотив морского переселения присутствует и в «Деяниях саксов» Видукинда Корвейского. Как отмечает Видукинд, что ему «достоверно» известно то, что саксы прибыли в Германию на кораблях: «Как достоверное (pro certo) нам известно, что саксы прибыли в эти области на кораблях (his regionibus navibus advectos) и вначале пристали (applicuisse) к тому месту, которое по сей день носит название Гаделы»¹⁰⁵¹. Одной из целей прибытия саксов, как можно понять уже из описания их прибытия, было овладение землями: «[Местные] жители, которыми были, как говорят, тюринги, тяжело восприняли прибытие [саксов] и подняли против них оружие; саксы же, упорно наступая, овладели гаванью (Saxonibus vero acriter resistentibus portum obtinent)»¹⁰⁵². Таким образом, можно заключить, что мотив морского переселения является одним из типичных сюжетов германских народных

¹⁰⁴⁸ gelaðode Wyrhtgeorn Angelcin hider, 7 hi þa coman on þrim ceolum hider to Brytene on þam stede Heopwines fleet

¹⁰⁴⁹ The Laud (or "Peterborough") Chronicle (Bodleian, MS.Laud 636).

¹⁰⁵⁰ См.: Yorke B. Anglo-Saxon Origin Legends...P.18.

¹⁰⁵¹ Widukindus Corbeius. Rerum gestarum Saxoniarum libres tres (I, 3). Здесь и далее по тексту русскоязычный перевод цит. по: Видукинд Корвейский. Деяния саксов. М. 1975. Латинский текст приводится по изданию: Die Sächsengeschichte des Widukind von Korvei. Monumenta Germaniae Historica, Bd. 60 Hrsg. von Paul Hirsch und Hans E. Lohmann, Hannover 1935.

Электронная версия: http://www.fh-augsburg.de/~harsch/Chronologia/Lspost10/Widukind/wid_sax0.html

¹⁰⁵² Widukindus Corbeius. Rerum gestarum Saxoniarum libres tres (I, 4)

историй, причем историчность данных сюжетов выглядит достаточно вероятной. Не вполне ясно, предводители какого уровня осуществляли руководство подобными предприятиями. Сообщение Иордана о том, что переселение готов произошло под руководством короля является одним из немногих имеющихся в распоряжении исследователя свидетельств на этот счет. Существуют, однако, другие свидетельства, дающие возможность критически оценить сообщение Иордана.

Как уже упоминалось, в «англосаксонской хронике» содержится свидетельство о том, что в 495 году «в Британию явились два элдормена (twegen aldormen), Кердик и его сын Кинрик, на пяти кораблях (mid V scipum). Они высадились в месте под названием Кердикесора и в тот же день сразились с валлийцами». Титул «алдормен» (подобно скандинавскому «лагману») восходит, по всей видимости, к практике предводительства в общественном собрании. В словаре древнеанглийского языка Дж.Босворта и Т.Н.Толлера¹⁰⁵³ содержатся следующие дефиниции терминов *aldor* и *aldornes*:

«Aldor, es; *m.* [aldor=ealdor an elder]. I. *an elder, parent, author*; parens, auctor. Cd. 76; Th. 95, 14; Gen. 1578: L. H. E. pref; Th. i. 26, 6. II. *a chief, prince*; præpositus, princeps, Cd. 30; Th. 40, 15; Gen. 639: 82; Th. 103, 1; Gen. 1711: 89; Th. 111, 30; Gen. 1863: 209; Th. 259, 7; Dan. 688: Beo. Th. 744; B. 369: 1340; B. 668: Andr. Kmbll, 110; An. 55: Elen. Grm. 157: Bt. Met. Fox 26, 14; Met. 26, 7. DER. aldor-apostol, -burh, -déma, -dóm, -dugub, -freá, -leás, -líe, -lice, -man, -mon, -nes, -ness, -þægn, -wísa. v. ealdor».

«Aldornes, ness, e; *f.* *Authority*; auctoritas:-- Se bisceop mid biscoplice aldornesse [ealdorlicnyse, S. 553, 35] wæs cýðende *episcopus pontificali auctoritate protestatus*, Bd. 3, 22; Whel. 224, 22»¹⁰⁵⁴.

Таким образом, понятие *aldornes* отождествлялось в древнеанглийском языке с «властью», тогда как наиболее подходящим аналогом термина *aldorman* можно считать термин «старейшина», либо «вождь». Свидетельство англосаксонской хроники представляется достаточно достоверным, поскольку активность подобного рода вполне вписывается в действия германского вождя. Данное свидетельство также согласуется с сообщением Видукинда Корвейского, который, упоминая события эпохи завоевания саксами Британии, говорит о том, что захват острова осуществлялся под руководством «вождей»¹⁰⁵⁵ (*duces*): «Если бы кто - либо захотел узнать обо всем этом подробнее, пусть почитает историю этого народа, там он найдет [описание того], каким образом и при каких князьях (*sub quibus ducibus*) все это произошло...»¹⁰⁵⁶.

В нашем распоряжении также имеется римский источник, рассказывающий о переселении германцев под властью одного из германских

¹⁰⁵³ An Anglo-Saxon Dictionary. Ed. Joseph Bosworth. Rev. T. Northcote Toller. Oxford: Clarendon Press, 1898.

Электронная версия: http://www.ling.upenn.edu/~kurisuto/germanic/oe_bosworthtoller_about.html#images

¹⁰⁵⁴ An Anglo-Saxon Dictionary. Ed. Joseph Bosworth. Rev. T. Northcote Toller. Oxford: Clarendon Press, 1898. P.34.

¹⁰⁵⁵ В переводе Г.Э. Санчука – «князей».

¹⁰⁵⁶ Widukindus Corbeius. Rerum gestarum Saxoniarum libros tres. I, 8.

«царей» (*rex Germanorum*). Речь идет о вторжении предводителя свевов Ариовиста на территорию секванов и свевов: «...в их стране утвердился германский царь Ариовист (*Ariovistus, rex Germanorum*), занял треть земли секванов (*tertiamque partem agri Sequani... occupavisset*), самой лучшей во всей Галлии, и теперь приказывает секванам очистить еще одну треть, так как несколько месяцев тому назад к нему прибыло двадцать четыре тысячи гарудов, которым должна быть предоставлена земля для поселения (*quibus locus ac sedes pararentur*)»¹⁰⁵⁷.

А.И. Неусыхин, рассматривая вопрос о статусе Ариовиста в связи с его титулом *rex* отмечает, что «власть Ариовиста была по происхождению своему несомненно чисто военной властью. Ариовист был тем самым военачальником, который, по словам Цезаря, избирался в военное время и имел неограниченную власть над жизнью и смертью своих подданных. «Королем германцев» Ариовист сделался лишь в силу того исключительного положения, в которое его поставило командование целым грозным военным союзом племен»¹⁰⁵⁸. По всей видимости, Ариовист был именно военным вождем, авторитет которого, однако, был настолько высок ввиду сложившегося положения, что для обозначения его статуса был использован термин *rex*¹⁰⁵⁹.

Мотивы выступления Ариовиста в поход достаточно четко прослеживаются в отдельных высказываниях, переданных автором о том, что «...он (Ариовист – С.С.) оставил свой дом и своих родичей не без великой надежды на большую награду (*non sine magna spe magnisque praemiis*)»¹⁰⁶⁰, и что «Цезарь учинил по отношению к нему (Ариовисту – С.С.) большую несправедливость тем, что своим прибытием уменьшил его доходы (*vectigalia*)»¹⁰⁶¹. Упомянутые доходы Ариовиста заключались во взимании дани с подчиненного им племени эдуев¹⁰⁶², а также в захвате земли для поселения дружинников и их семей¹⁰⁶³. Таким образом, есть все основания предположить, что в случае успешного проведения данного рейда Ариовист не только добыл бы средства к успешному обеспечению своей дружины («...а прокормить большую дружину можно только грабежом и войной»¹⁰⁶⁴), но и значительным образом повысил бы свой общественный статус и авторитет.

О масштабах предпринятой Ариовистом акции может свидетельствовать тот факт, что, по свидетельству Цезаря, у предводителя германцев не было возможности стянуть войско «в одно место без провианта и без сложных

---

¹⁰⁵⁷ Julius Caesar. De bello Gallico. I, 31. Русскоязычный перевод цит. по: Цезарь Гай Юлий. Записки о галльской войне. Гай Соллустий Крисп. Сочинения. / Цезарь, Крисп. - М., Ладомир, 2001.

¹⁰⁵⁸ Неусыхин А.И. Военные союзы германских племен около начала нашей эры... С.399.

¹⁰⁵⁹ Необходимо также отметить, что римские магистраты не всегда могли вполне корректно идентифицировать статус германских предводителей, с которыми им приходилось иметь дело. Сказывалась разница культурных миров, категорий мышления, а также языковой барьер.

¹⁰⁶⁰ Русскоязычный перевод цит.по: Древние германцы... С.15.

¹⁰⁶¹ Русскоязычный перевод цит.по: Древние германцы... С.13.

¹⁰⁶² См. Древние германцы... С.13.

¹⁰⁶³ Древние германцы... С.15.

¹⁰⁶⁴ Тацит. Русскоязычный перевод цит.по: Древние германцы... С.63.

приготовлений (*exercitum sine magno commeatu atque molimento in unum locum contrahere posse*)»¹⁰⁶⁵. Основанный на свидетельствах галлов сценарий развития событий выглядел не вполне оптимистично для римской стороны: «Дело кончится тем, что через немного лет все галлы будут выгнаны из своей страны и все германцы перейдут через Рейн (*omnes ex Galliae finibus pellerentur atque omnes Germani Rhenum transirent*), ибо нельзя и сравнивать галльскую землю с германской, равно как и галльский образ жизни с германским»¹⁰⁶⁶. Особенность переселения заключалась в том, что оно осуществлялось, по всей видимости, в несколько этапов. Как свидетельствует Цезарь, когда известие о поражении Ариовиста достигло Рейна и зарейнской Германии, «уже достигшие его берегов свебы начали возвращаться на родину (*Suebi, qui ad ripas Rheni venerant, domum reverti coeperunt*)»¹⁰⁶⁷.

Подробные свидетельства о мотивах и механизмах миграции германцев в эпоху Великого переселения содержатся в произведении Павла Диакона. В самом начале своей книги автор характеризует Северную Европу как территорию, «благоприятную для увеличения населения»¹⁰⁶⁸. Демографическое давление и ограниченное количество ресурсов называются автором в качестве основных факторов, подталкивавших народы к переселению: «Нередко многие племена уходили из тех мест и сами, потому что людей рождалось столько, что они едва могли прокормиться; частично они переселялись в Азию, но преимущественно в близлежащую Европу»¹⁰⁶⁹. Автор раскрывает механизм принятия решения о переселении следующим образом: «когда население этого острова (Скандинавии – С.С.) так умножилось, что не могло уже более помещаться на нем, жители, как рассказывают, разделились на три части и решили по жребию, какая из них должна оставить родину и искать себе новое местожительство»¹⁰⁷⁰. Характерно, при этом, что переселение осуществлялось под руководством выборных вождей, предание о которых сохранило даже имена – Ибор и Айо: «Те, кому выпал жребий покинуть родную землю и следовать на чужбину, назначили себе предводителями двух братьев, Ибора и Агиона»¹⁰⁷¹.

В произведении Павла Диакона также упоминается, что германцев во время их переселения сопровождали семьи и дети, что свидетельствует о том, что переселение совершалось уже не только с целью поиска добычи в результате военного похода, но и в целях приобретения постоянных мест для поселения: «Собираясь в поход на Италию с лангобардами, Альбоин послал за помощью к своим старым друзьям, саксам, желая, чтобы завоевателей такой

---

¹⁰⁶⁵ Julius Caesar. *De bello Gallico* (I, 34). Здесь и далее по тексту цитируется по: Цезарь Гай Юлий. Записки о галльской войне. Гай Соллустий Крисп. Сочинения. / Цезарь, Крисп. - М., Ладомир, 2001.

¹⁰⁶⁶ Julius Caesar. *De bello Gallico* (I, 31).

¹⁰⁶⁷ Julius Caesar. *De bello Gallico* (I, 54).

¹⁰⁶⁸ Pulus Diaconus. *Historia langobardorum*. I, 1.

¹⁰⁶⁹ Ibid.

¹⁰⁷⁰ Pulus Diaconus. *Historia langobardorum*. I, 2.

¹⁰⁷¹ Pulus Diaconus. *Historia langobardorum*. I, 3.

обширной страны, какой была Италия, было как можно больше. Свыше 20 тысяч саксов, вместе с женами и детьми, поднялись со своих мест, чтобы, по его желанию, отправиться в Италию»¹⁰⁷². Ход одного из сражений Цезаря с германцами свидетельствует о том, что в подобном переселении участвовало много женщин и детей, которые сопровождали воинов: «Здесь те из них, которые успели быстро схватиться за оружие, некоторое время сопротивлялись и завязали сражение между обозными телегами (*inter carros impedimenta*). Но вся остальная масса, состоявшая из женщин и детей (они оставили родину и перешли через Рейн всем народом), бросилась бежать врассыпную (*reliqua multitudo puerorum mulierum (nam eum omnibus suis domo excesserant Rhenum transierant)*); в погоню за ними Цезарь послал конницу»¹⁰⁷³. Сходное свидетельство о переселении германцев вместе с семьями содержится в произведении Иордана. Так, «король Филимер... постановил, чтобы войско готов вместе с семьями двинулось оттуда (*ut exinde cum familiis Gothorum promoveret exercitus*)»¹⁰⁷⁴.

Таким образом, можно заключить, что термином *rex* по отношению к власти Берига, Филимера и других предводителей готов Иордан, по всей видимости, обозначает особый характер власти этих вождей, связанный с возложенным на них правом командовать крупным этнополитическим объединением, в состав которого входили не только вооруженные мужчины, воины, но также их семьи. При этом, нет достаточных оснований для однозначного вывода о существовании в данный период у готов «сакрального по своему происхождению института королевской власти»¹⁰⁷⁵. Необходимо отметить, что Иордан не всегда обоснованно использует термин *rex*, проявляя очевидную тенденцию к демонстрации континуитета институтов власти в готском обществе с древнейших времен до установления Италийского королевства. Данная особенность проявляется и при описании власти вождей более позднего периода. К примеру, характеризуя власть короля Атанариха, Иордан отмечает, что Атанарих «наследовал Фритигерну»: «...короля Атанариха (*Aithanaricoque rege*), который тогда наследовал Фритигерну (*qui tunc Fritigerno successerat*)»¹⁰⁷⁶. При этом, как уже отмечалось выше, Иордан характеризует в других частях своего произведения статус Фритгерна терминами *primat*¹⁰⁷⁷ и *regulus*¹⁰⁷⁸. Как отмечает Д.Клауде, характеризующий организацию власти в готском обществе эпохи поселения в римских провинциях, «в этот период уже нельзя говорить о единой королевской власти, которой подчинялись все группы вестготов. В качестве политических вождей выступают царьки, получившие в римских и греческих источниках названия

¹⁰⁷² Pulus Diaconus. *Historia langobardorum*. II, 6.

¹⁰⁷³ Julius Caesar. *De bello Gallico* (IV, 14).

¹⁰⁷⁴ Get. 26.

¹⁰⁷⁵ Д.Клауде. *История вестготов...* С.14.

¹⁰⁷⁶ Get. 142.

¹⁰⁷⁷ Get. 134.

¹⁰⁷⁸ Get. 135.

reguli и basiliskoi, и, по-видимому, передававшие свою власть по наследству. Королева Гаата передала власть своему сыну Аримеру. Они правили небольшими родами, а их могущество по большей части основывалось на дружине»¹⁰⁷⁹.

Значение терминов, используемых Иорданом для обозначения представителей власти у готов рассматриваемого периода, по всей видимости, нуждается в уточнении. В различных частях своего произведения Иордан использует термин *primat* для характеристики статуса таких исторических фигур, как Фритигерн, Алафей и Сафрак¹⁰⁸⁰, старейшин народа антов¹⁰⁸¹, епископа готов Вульфилы¹⁰⁸², предводителей скиров Эдику и Гунульфа¹⁰⁸³, старейшин народа остготов¹⁰⁸⁴.

Использование Иорданом термина *primat*

Субъект	Использование термина	Getica §
Фритигерн, Алафей и Сафрак	primates eorum et duces, qui regum vice illis praeerant	134
старейшины антов	regemque eorum Boz nomine cum filiis suis et lxx primatibus in exemplum terroris adfixit	247
Вульфила	ipsoque primate Vulfila	267
Эдика и Гунульф (скиры)	cum Edica et Hunuulfo eorum primatibus	277
старейшины готов	convocans Gothos comites gentisque suae primates	304

Указанный термин *primat*, по всей видимости, сближается в представлении Иордана с термином *regulus*, о чем может свидетельствовать использование данных терминов как синонимов в отношении предводителя вестготов Фритигерна¹⁰⁸⁵. Помимо данного фрагмента, Иордан использует термин *regulus* для обозначения статуса королей, находившихся под властью Аттилы¹⁰⁸⁶, царька народа свевов Римисмунда¹⁰⁸⁷, находившегося под властью готов, а также царька из числа готов¹⁰⁸⁸, подчинявшегося власти гуннов.

¹⁰⁷⁹ Клауде Д. История вестготов... С.16-17.

¹⁰⁸⁰ Get. 134.

¹⁰⁸¹ Get. 247.

¹⁰⁸² Get. 267.

¹⁰⁸³ Get. 277.

¹⁰⁸⁴ Get. 304.

¹⁰⁸⁵ Get. 135.

¹⁰⁸⁶ Get. 199

¹⁰⁸⁷ Get. 234

¹⁰⁸⁸ Get. 249

Использование Иорданом термина *regulus*

Субъект	Использование термина	Getica §
Фритигерн	Fritigernum Gothorum regulum in convivio invitaret	135
Короли под властью Атили	eum et Valamerem, Ostrogotharum regem, super ceteros regulos diligebat	199
Римисмунд (лидер свевов под властью готов)	Rimismundum sibi Suavi regulum ordinaverunt	234
Лидер готов под властью гуннов	genti Gothorum semperum proprius regulus, quamvis Hunnorum consilio, imperaret	249

Таким образом, семантика термина *regulus* отличается достаточной определенностью, позволяя характеризовать данный термин как обозначающий статус лидера, лишённого суверенной власти, и подвластного лидеру другой этнополитической общности. Данный термин, вероятно, использовался по отношению к Фритигерну именно подчеркивая его подчиненное отношение по отношению к римскому провинциальному руководству. Указание же на то, что Атанарих наследовал Фритигерну может быть свидетельством изменения статуса самого Фритигерна после проведения столь успешных и масштабных военных акций против римлян, апогеем которых стал полный разгром армии императора Валента под Адрианополем в 378 году. Проведение данных военных акций принесло Фритигерну значительную славу, о чем свидетельствует сообщение Иордана о готской традиции прославления этого вождя как героя: «Перед [этим племенем] воспевали в песнях с припевами и [в сопровождении] кифар деяния предков – Этерпамары (Eterpamara), Ханалы (Hanale), Фридигерна (Fridigerni), Видигойи (Vidigoiae) и других; о них у этого племени высокое мнение, и едва ли сама достойная восхищения древность может похвалиться, что были у нее подобные герои»¹⁰⁸⁹.

В то же время, подлинный характер власти Фритигерна и Атанариха, также как и характер их отношений, требует серьезного уточнения. Как полагает Д.Клауде, «Фритигерна следует называть еще герцогом. В принятии решений он был в высокой степени зависим от знати. Когда в 382 г. вестготы заключили мир с Феодосием, договор с их стороны утвердили «правитель и старейшины». Таким образом, они представляли не Фритигерна, а племя. В военных вопросах Фритигерн также мог только советовать, но не приказывать. После поражения Валента вестготы вопреки воле своего вождя начали осаду Адрианополя. Еще раньше Фритигерн, чтобы избежать ненужных потерь, пытался отговорить соплеменников от проведения осад. Ослабла ли герцогская власть после битвы при Адрианополе, как полагал Л. Шмидт, не вполне ясно. Однако распыление основных сил вестготов, отсутствие у них единого руководства показывают слабость положения Фритигерна. После его смерти,

¹⁰⁸⁹ Get. 43.

точную дату которой мы не можем установить, сначала, по-видимому, на его место не был назначен преемник; вестготы получили нового вождя только с выборами Алариха»¹⁰⁹⁰.

Таким образом, власть Фритигерна вряд ли могла быть настолько значительной, чтобы называть его королем готов, которому мог наследовать преемник. Как полагает Д.Клауде, «Функции Атанариха по большей части заключались в военном руководстве, так что его можно было бы назвать герцогом, если понимать это слово в его исконном значении, то есть полководцем. Атанарих командовал дружиной, которая осталась с ним и после того, как в результате поражения от гуннов вестготы покинули его»¹⁰⁹¹.

Комментируя высказывание Иордана о «короле Атанарихе» (*Aithanaricoque rege*), «который тогда наследовал Фритигерну (*qui tunc Fritigerno successerat*)»¹⁰⁹², необходимо обратиться к данным параллельных источников. Важнейшим среди них является, вероятно, произведение Исидора Севильского, в котором отмечается, что в 369 году Атанарих стал первым, кто «принял власть над готами»: «...на пятом году императора Валента, Атанарих стал первым, кто принял власть над готами (*primus Gothorum gentis administrationem suscepit Athanaricus*), он правил тринадцать лет»¹⁰⁹³. Сходное свидетельство содержится в «Хронике вестготских королей», где отмечается, что Атанарих был первым королем готов: «В четырехсотую эру у готов (*in Gotthis*) первым королем был выбран Атанарих»¹⁰⁹⁴.

Исидор упоминает борьбу между Атанарихом и Фритигерном, начало которой было положено в 377 году: «...на тринадцатом году императора Валента, готы в Истрии разделились между Атанарихом и Фритигерном (*Gothi in Istrum adversus semetipsos in Athanarico et Fridigerno divisi sunt*), устроив взаимную резню (*alternis sese caedibus depopulantes*). Атанарих взял верх над Фритигерном с помощью императора Валента (*Athanaricus Fridigernum Valentis imperatoris suffragio superat*)»¹⁰⁹⁵. В других источниках упоминается продолжительное противостояние с переменным успехом то одной, то другой стороны. Как отмечает Зосим, «две части живших за Рейном германских племен, одна под предводительством Фритигерна, а другая под начальством Аллотея и Сафрака... решили... устранить Атанариха, начальника всего царского рода скифов... они без всякого труда выгнали его из занятой им области. Атанарих бежал к Феодосию»¹⁰⁹⁶.

Иордан, в свою очередь, ничего не сообщает об изгнании Атанариха: «Был он, таким образом, в превеликом восхищении, а император возвеличил его еще большими почестями, как вдруг, по прошествии немногих месяцев, он

¹⁰⁹⁰ Клауде Д. История вестготов... С.41.

¹⁰⁹¹ Клауде Д. История вестготов... С.17.

¹⁰⁹² *Get.* 142.

¹⁰⁹³ *Isidori Hispalensis Historia de regibus Gothorum, Wandalorum et Svevorum*, VI.

¹⁰⁹⁴ Русскоязычный перевод: Опыт тысячелетия. Средние века и эпоха возрождения. М. Юрист. 1996

¹⁰⁹⁵ *Isidori Hispalensis Historia de regibus Gothorum, Wandalorum et Svevorum*, VII.

¹⁰⁹⁶ Зосим. Новая история // Вестник древней истории, 1948. № 4. (Пер.В.В.Латышева) С.285-286.

переселился с этого света. Мертвого, император почтил его милостью своего благоволения чуть ли не больше, чем живого: он предал его достойному погребению, причем сам на похоронах шел перед носилками». По всей видимости, автор не был заинтересован в демонстрации подлинного политического статуса данного вождя, стремясь представить его власть как власть самодержавного монарха.

Возвращаясь к вопросу о статусе Атанариха, отметим, что наибольшее количество мнений вызывает упоминающийся в источниках термин «судья». Как отмечает Д. Клауде, «все племя могло в особых ситуациях объединяться под руководством одного вождя. Таким вождем после 364 г. стал Атанарих, которого наши источники называют «судьей» (*iudex, dikastes*). Уже ко времени миссионерской деятельности Вульфилы мы обнаруживаем некоего безымянного «судью», которого вполне можно считать вождем всего племени. Вероятно, в основании словоупотребления источников лежит какой-то неизвестный нам готский термин. Атанарих сам требовал от римлян называть его не королем, а судьей, так как первое предполагает авторитет, а второе мудрость. По всей видимости, вестготы считали, что королю присуща не только власть, которой, несомненно, обладал Атанарих, но и определенная сакральность»¹⁰⁹⁷.

Как отмечает В.В. Лавров, «Х. Вольфрам и вслед за ним Т. Бёрнс считают, что термином *iudex* Аммиан старался подчеркнуть доминирующее положение Атанариха среди предводителей готских племён. Наименование *iudex*, по мнению исследователей отражало германский институт короля-судьи – одну из важных сторон королевской власти»¹⁰⁹⁸.

Взаимодействие вождей в Мезии и Фракии отражает, на мой взгляд, процесс становления королевской власти у вестготов. Атанарих, по всей видимости, оказался первым историческим лидером, которому удалось объединить под своим началом значительную часть готов. Это принесло ему целый ряд специфических титулов, получивших отражение в античных источниках. Процесс укрепления единоличной власти Атанариха вызвал сопротивление других влиятельных вождей (*primates et duces*) готов, в частности, – Фритигерна, Алафея и Сафрака, которым удалось добиться изгнания Атанариха. Данное обстоятельство свидетельствует, по всей видимости, о том, что процесс становления королевской власти у готов в IV в. н.э. встречал сопротивление со стороны готского нобилитета, что, в свою очередь, может служить подтверждением высокой роли военно-демократических традиций в германских обществах рассматриваемого периода.

---

¹⁰⁹⁷ Клауде Д. История вестготов... С.17.

¹⁰⁹⁸ Лавров В.В. О характере власти у готов в IV в. н. э. Античное общество - 2. Тезисы Докладов научной конференции 29-30 октября 1996 года.

§ 2. Военно-демократические черты в организации ранних форм королевской власти у германских народов

Понятие «военная демократия», являющееся одним из наиболее ёмких, и, в то же время, неоднозначных понятий, применяемых для характеристики общественного строя древних германцев, было введено в научный оборот Л.Г. Морганом¹⁰⁹⁹. Обобщая выраженное в работе Л.Г. Моргана «Древнее общество» представление о характере такого феномена, как «военная демократия», В.М. Хмелинский выделяет следующие определяющие характеристики¹¹⁰⁰: 1) военная демократия представляет собой форму управления, которую Л.Г. Морган логически противопоставляет понятию «царство»; 2) сущность военной демократии – сочетание пронизывающей всю жизнь общества воинственности со свободой народа, которую Л.Г. Морган отождествляет с демократией; 3) эпоха военной демократии по Л.Г. Моргану включает две ступени «варварства» и начало «цивилизации».

Комментируя отдельные аспекты выраженного Л.Г. Морганом представления о «военной демократии», необходимо отметить в качестве очевидной заслуги автора выработку представления об определенной стадии социальной эволюции (оказавшейся, на самом деле, лишь весьма распространенной в рамках индоевропейских обществ формой социальной организации), характеризующейся выборным характером власти, личной свободой и значительным объемом прав большей части населения, а также военизированным характером основных социальных институтов. Предложенная автором пространная характеристика достаточно удобна для обозначения структурно не всегда четко идентифицируемых древнегерманских племенных политий, основанных на родстве, и характеризующихся консенсуальным характером управления. Характеризуя отдельные недостатки концепции Л.Г. Моргана, необходимо отметить его типологию форм социальной организации и родства, не вполне соответствующую исторической действительности, а также излишнюю растяжимость понятия «военная демократия», которое автор склонен применять не только в отношении демократических племенных, но и в отношении стратифицированных политий с иерархической системой управления, которые уже мало общего имеют с демократическими племенными структурами.

Внимание и интерес, проявленные одним из немецких классиков марксизма к типологии архаических обществ Л.Г. Моргана, привели к тому, что советские исследователи оказались во многих случаях вынуждены соотносить результаты своих исследований с этой методологически устаревшей и во

---

¹⁰⁹⁹ Как отмечает В.М. Хмелинский, несмотря на то, что представление о военной демократии было выработано до издания «Древнего общества» Л.Г. Моргана, «понятие военная демократия вошло в историческую науку именно через «Древнее общество». См.: Хмелинский В.М. О понятии «военная демократия» // Советская этнография. 1973, № 4. С.67.

¹¹⁰⁰ Хмелинский В.М. О понятии «военная демократия» // Советская этнография. 1973, № 4.

многих своих составляющих неточной научной конструкцией. Отдельной проблемой стала необходимость признать трансформацию «военной демократии» в «раннефеодальное государство», тогда как становилось все более очевидно, что между этими двумя формами социальной организации лежит значительный промежуточный этап, охарактеризованный А.И. Несыхиным как «дофеодальный период»¹¹⁰¹. Данная точка зрения прекрасно выражена А.М. Хазановым, который отметил, что в германском обществе, как и в целом ряде других исторических обществ, «военная демократия непосредственно не предваряла возникновение государства как органа политического господства одного класса над другим. Эпоха военной демократии у древних германцев в целом охватывает период с I в. до н.э. по IV век. В I в. до н.э. – II в. возникающая королевская власть была выборной и неустойчивой и пока еще служила выразительницей интересов всего племени в целом, а не только племенной знати. В III-IV вв., когда военные союзы германских племен заняли определенные территории, возникли более или менее устойчивые образования с усложнившейся социальной и политической структурой. Только с конца V в. по VI-VII вв. происходит основание государств, обычно называемых «варварскими»; еще недавно их характеризовали как раннефеодальные»¹¹⁰². Как справедливо отмечает автор, «представляется, что через «военную демократию» прошли именно те общества, у которых война стала регулярной функцией народной жизни, где в походы, завоевания и переселения вовлекалось большинство населения. Но рядовой свободный общинник, имевший оружие и знавший, как с ним обращаться не был идеальным объектом для эксплуатации. По всем этим причинам «военная демократия» не могла непосредственно преобразоваться в государство. Для этого она должна была смениться другими или, вернее, трансформироваться в другие политические структуры, более соответствующие характеру общества на следующем этапе его развития»¹¹⁰³.

Современные исследователи не рассматривают военную демократию как универсальную форму догосударственной организации общества. Как отмечает Н.Н. Крадин, «в отличие от вожества военная демократия – это начальная стадия только одного из возможных вариантов происхождения

---

¹¹⁰¹ Неусыхин А.И. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к феодальному: (На материале истории Западной Европы раннего средневековья) // Вопросы истории. 1967. № 1. С. 75-87.

¹¹⁰² Хазанов А.М. «Военная демократия» и эпоха классового образования // Вопросы истории, 1968. № 12. С.93. Необходимо отметить, что А.М.Хазанов, в целом, объективно интерпретирует процесс политогенеза германских народов, несмотря на то, что отдельные хронологические показатели, обозначенные автором со ссылкой на исследования А.И.Неусыхина, могут быть скорректированы. В частности, вряд ли возможно ограничить эпоху военно-демократической организации германского общества рамками I в. до н.э. - IV в. н.э. Вероятно, необходимо более четко обозначать региональную специфику рассматриваемого материала, поскольку, к примеру, общество саксов сохраняло военно-демократические черты вплоть до эпохи завоевания их Карлом Великим в VIII в. н.э.

¹¹⁰³ Хазанов А.М. «Военная демократия» и эпоха классового образования... С.97.

государственности, так называемого «военного» пути политогенеза»¹¹⁰⁴. Уточнению связи институтов военной демократии и стратифицированных социальных моделей может способствовать анализ имеющихся данных об особенностях развития социальной стратификации в континентальных германских обществах периода IV-VI веков.

Генетическая связь королевской власти и военного предводительства прослеживается у континентальных германцев на протяжении всего раннего этапа развития вожеств. Насколько можно заключить на основании имеющихся письменных источников, король, получавший данный статус в присутствии и с одобрения общественного собрания, сохранял безусловное право-обязанность предводительствовать в крупных военных предприятиях, более того, свободные общинники были в праве требовать от своего короля проявления подобного рода активности¹¹⁰⁵.

В произведении Иордана сохранилось упоминание обращения членов одной из этнополитических готских групп к своему королю Тиудимиру с требованием проведения военной акции: «Все они с громким криком (*cum magno clamore*) приступают к королю Тиудимеру и просят его: куда ему ни вздумается, но только вести войско в поход (*tantum ductaret exercitum*)»¹¹⁰⁶. Не исключено, на мой взгляд, что Иордан несколько преувеличивает в данном фрагменте роль общественного собрания в целях оправдания действий Тиудимера и создания образа легитимности военной акции остготов против Восточной римской империи. Тем не менее, даже если подобное преувеличение и имело место, оно не умаляет значения данного свидетельства Иордана, поскольку самостоятельную исследовательскую ценность имеет сам факт того, что Иордан апеллирует к воле народного собрания как средству легитимации политического решения. Данный факт свидетельствует о том, что авторитет общественного собрания мог выступать значимым аргументом в политическом дискурсе эпохи становления германских «варварских королевств».

Высокая роль военно-демократических традиций в легитимации военных акций отражена в свидетельстве Иордана об обращении короля Теодорида, взявшего на себя роль военного вождя вестготов, к народу. Данное обращение, согласно свидетельству Иордана, встречает бурное одобрение слушающих: «Криками одобряют комиты ответ вождя (*adclamant responso comites duci*); радостно вторит им народ (*laetus sequitur vulgus*); всех охватывает боевой пыл (*fit omnibus ambitus pugnae*)»¹¹⁰⁷. Как и в случае с предыдущим примером, автор может быть не вполне объективен в передаче исторических деталей, намеренно акцентируя внимание на энтузиазме вестготов по поводу предстоящей войны с гуннами (например, в целях легитимации выступления вестготов на стороне римлян против близкой им в этнокультурном отношении

¹¹⁰⁴ Крадин Н.Н. Вожество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности / Отв. ред. В.А. Попов. М.: Наука, 1995. С. 19.

¹¹⁰⁵ См., напр.: Прокопий Кесарийский. Война с готами. СПб., 1996. С.155.

¹¹⁰⁶ Get. 283.

¹¹⁰⁷ Get. 190.

общности остроготов). Тем не менее, даже в этом случае данное свидетельство сохраняет свою ценность в связи с тем, что Иордан апеллирует к важным категориям традиционной германской культуры, в основе которых лежит представление о правомерности действий, получающих общественное одобрение, в особенности, если данное одобрение получено от вооруженного войска.

Рассматриваемая модель отношений общества и власти может служить удачной иллюстрацией к концепции И.Ю. Николаевой, отмечавшей сочетание бессознательного и рационального начала в природе харизмы германских предводителей¹¹⁰⁸. Свидетельства эксплицитно выраженного одобрения и неодобрения действий короля иллюстрируют природу отношений лидера и социальной группы, возлагающей на своего лидера ожидания, связанные с реализацией их потребностей в получении добычи и военной победы. Необходимо отметить, что проведение успешной военной акции не было бы возможным без достижения отношений доверия между вождем и его войском. Описывая реакцию германских воинов на выдвижение королевской семьи во главе войска, Иордан дает ёмкую характеристику - «войско счастливо»: «выводит Теодорид, король везеготов, бесчисленное множество войска (*producitur itaque a rege Theodorido Vesegotharum innumerabilis multitudo*); оставив дома четырех сыновей, а именно: Фридериха и Евриха, Ретемера и Химнерита, он берет с собой для участия в битвах только старших по рождению (*maiores natu*), Торисмуда и Теодериха. Войско счастливо (*auxilium tutum*)»¹¹⁰⁹. Реакция войска (вполне укладывающаяся в традиционную модель отношений германского вождя и его дружины, известную на основании широкого круга германских и античных источников) отражает, по всей видимости, перегруппировку глубинных властных архетипов в ментальности комитата и рядовых германцев, когда «глубоко укорененные установки, связанные с агрессией по отношению к фигуре носителя власти, вытеснялись на периферию сознания и замещались противоположными»¹¹¹⁰.

Необходимо отметить, что единение войска и аристократической верхушки, в целом, характеризует традиционный для германского общества способ управления, в основе которого, по всей видимости, лежит описанный И.Ю. Николаевой принцип системной целостности психоэмоционального комплекса чувства страха и восхищения («любви») в отношении харизматического лидера. Авторитет лидера поддерживался демонстрацией воинственности, способности к расправе с противником. Как свидетельствует Аммиан Марцеллин, описавший диспозицию германской знати и войска в битве с римскими войсками при Аргенторате, «преступным зачинщиком всей

---

¹¹⁰⁸ См.: Николаева И.Ю. О харизме меровингов или о возможности методологического синтеза и верификации в истории ментальности // Европейские исследования в Сибири. Томск. 2000. С. 58 – 74.

¹¹⁰⁹ Get. 190.

¹¹¹⁰ Николаева И.Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук (на правах рукописи). Томск, 2006. С.33.

войны был Хонодомар; на его голове торчал пучок огненно-красных волос; полный отваги, полагаясь на огромную силу своих рук, выступил он впереди левого фланга, где ожидался самый горячий бой. Возвышаясь над другими на своем вспененном коне, приготовившись к метанию копья устрашающей величины, он был далеко виден еще и благодаря блеску своего оружия; он превосходил остальных и как храбрый воин и как замечательный полководец (ductor)»¹¹¹¹.

Необходимо отметить, что Хонодомара сопровождали в бою близкие родственники, что усиливало психологический эффект от присутствия лидера среди воинов путем воздействия на установки, связанные с традиционным германским представлением о сакральной значимости рода. Характерно, что сыновьям конунга нередко поручалось руководство войсками. Как свидетельствует Аммиан Марцеллин, «правым флангом предводительствовал Серапий, юноша с небольшим пушком на лице, но по своей энергии опередивший свой возраст; он был сыном брата Хонодомара, Медериха... за ними следовало пять королей, ближе всего стоявших к ним по своему могуществу; затем десять королевских сыновей»¹¹¹². Необходимо также отметить, что знать не только предводительствовала в битве при Аргенторате, но, по требованию рядовых воинов, спешила перед началом битвы, чтобы оказаться в одном строю со своими соратниками. В.Н.Дряхлов отмечает, что «Хонодомар, очевидно, был среди этого отряда, ибо перед началом боя он уже стоял бок о бок в боевом строю с прочими предводителями германцев и не мог не участвовать с ними в атаке. Этого требовал и дружинный кодекс поведения, когда вождю стыдно быть превзойденным в храбрости его воинами»¹¹¹³.

Важным свидетельством высокой роли военно-демократической традиции военного предводительства для института королевской власти могут служить неоднократные упоминания Иорданом эпизодов личного выступления короля на коне перед своим войском. В произведении Иордана упоминаются три случая гибели германских королей во время подобных поездок, носивших, по всей видимости, оттенок сакральности. Как свидетельствует Иордан, «король Теодорид, объезжая войска для их ободрения (*dum adhortans discurret exercitum*), был сшиблен с коня и растоптан ногами своих же»¹¹¹⁴. Сходная участь постигла короля Валамира: «В этом бою был убит король их Валамир: чтобы ободрить своих, он скакал перед войском верхом на коне (*dum equo insidens ad cohortandos suos ante aciem curreret*); испугавшись, конь упал и сбросил седока, который тут же был пронзен вражескими копьями (*tox inimicorum lanceis confossus interemptus est*)»¹¹¹⁵. Наконец, такая же участь постигла короля остготов Торисмуда: «После его (Гунимунда – С.С.) смерти

¹¹¹¹ Ammianus Marcellinus. Res gestae (XVI, 12, 24-25). Цит. по: Древние германцы... С.176.

¹¹¹² Там же.

¹¹¹³ Дряхлов В.Н. Древнегерманская дружина по данным Аммиана Марцеллина / В.Н.Дряхлов // Античный вестник. Вып.1. Омск, 1994.С.147.

¹¹¹⁴ Get. 209.

¹¹¹⁵ Get. 276.

наследовал ему сын его Торисмуд, украшенный цветом юности, на второй год своего правления он двинул войско против гепидов и одержал над ними большую победу, но убился, как рассказывают, упав с коня (*casu equi dicitur interemptus*)»¹¹¹⁶. Не исключено, на мой взгляд, что частые упоминания о гибели королей при падении с коня могут быть связаны с представлениями германцев о сакральной роли коней и реализацией потестарно-мифологического архетипа «жертвы» в образе конунга. Согласно свидетельству Тацита, «лишь у германцев в обыкновении обращаться за предсказаниями и знаменами также к коням. Принадлежа всему племени, они выращиваются в тех же священных дубравах и рощах, ослепительно белые и не понуждаемые к каким-либо работам земного свойства; запряженных в священную колесницу, их сопровождают жрец с царем или вождем племени и наблюдают за их ржаньем и фырканием. И никакому предзнаменованию нет большей веры, чем этому, и не только у простого народа, но и между знатными и между жрецами, которые считают себя служителями, а коней – посредниками богов»¹¹¹⁷.

Традиции демонстрации мастерства верховой езды, осуществлявшейся в присутствии воинского собрания, имеют в германском обществе глубокие корни. Как отмечает Цезарь, германцы «не пользуются даже привозными лошадьми, которыми галлы так дорожат и которых они приобретают за высокую цену, а используют своих туземных лошадей... и доводят их ежедневными упражнениями до величайшей выносливости... по их понятиям нет ничего более постыдного и малодушного, как пользоваться седлами»¹¹¹⁸. В «Саге об Инглинах» упоминается, что Альрек и Эйрик, сыновья эпического конунга Агни, принявшие после него власть, «были могущественны и очень воинственны и владели разными искусствами. У них было обыкновение ездить верхом, приучая коня идти шагом или рысью. Ездили они верхом превосходно и очень соперничали в том, кто из них лучший наездник и у кого лучше лошади»¹¹¹⁹.

В сочинении Прокопия Кесарийского содержится свидетельство о том, что король остготов Тотила показывал мастерство верховой езды не только перед германскими, но и перед римскими войсками: «Один только Тотила держался между двумя войсками, не с тем, чтобы вызвать кого-либо на единоборство, но чтобы затянуть время, отняв у неприятелей благоприятный момент. Получив известие, что отсутствовавшие две тысячи готских всадников находятся очень близко, он откладывал нападение до их прибытия. Он делал следующее: прежде всего он счел нужным ясно показать неприятелям, кто он

---

¹¹¹⁶ Get. 250.

¹¹¹⁷ Tacitus. Germania, X. Уместно вспомнить, в связи с этим, специфические имена англосаксонских вождей, которые находят параллели в культе Алков-Диоскуров. О североевропейских вариациях на тему индоевропейской мифологической пары Диоскуров см.: Петрухин В.Я. Мифы древней Скандинавии. М., 2001. С.30-31. Также см.: Дряхлов В.Н. В священных рощах Вотана / В.Н.Дряхлов. - Киров, Вят.слово, 1999.

¹¹¹⁸ De bello Gallico, IV, 2. Цит. по: Древние германцы... С.19.

¹¹¹⁹ Ynglinga saga, XX.

такой. На нем было надето оружие, богато разукрашенное золотом; украшения его перевязей на шлеме и на копье были пурпурные; развеваясь, они производили удивительное впечатление истинно царского наряда. Сам он, сидя на великолепном коне, между двумя войсками искусно проводил «игру с оружием». Он пускал коня скакать по кругу, затем, поворачив его в другую сторону, вновь заставлял делать круги. Во время этой скачки он пускал в воздух копье, и, схватив это еще дрожащее в воздухе копье, он с большим искусством часто перекидывал из одной руки в другую; он с гордостью показывал свое искусство, то откидываясь назад, то раскачиваясь и склоняясь на ту и на другую сторону, как будто с детства он был вполне обучен для такого рода представления. Всем этим он затянул время до позднего утра»¹¹²⁰.

Роль успешного военного предводительства в возвышении претендентов на королевский трон сохраняет свою роль в остготском обществе вплоть до конца V в. н.э. Так, юный Теодорих Амал, достигнув, по свидетельству Иордана, восемнадцати лет, провел самостоятельную военную акцию: «Пригласив некоторых из сателлитов отца (*ascitis certis ex satellitibus patris*) и приняв к себе желающих из народа и клиентов (*ex populo amatores sibi clientesque consocians*), что составило почти шесть тысяч мужей, он с ними, без ведома отца, перешел Данубий и напал на Бабая, короля сарматов»¹¹²¹. Данное предприятие может, по всей видимости, рассматриваться в качестве своего рода инициационного испытания, обеспечивавшего приобретение воином нового социального статуса. Как отмечает Ф.Кардини, «согласно Тациту, а также Аммиану Марцеллину, внутри комитата существует иерархическая дихотомия (в этимологическом смысле этого термина), то есть проводится разделение, с одной стороны, между старыми и опытными воинами и юношами – с другой. Молодежь выходит из-под опеки старших, только совершив какой-либо смелый поступок, в котором совмещено духовно-символическое и функционально-техническое содержание, например убийство врага, кабана или медведя. Иными словами, речь идет о стратификации по возрастным категориям, в данном случае являющимся также категориями компетентности. Переход из одной категории в другую происходит посредством инициационных испытаний»¹¹²².

Значение традиций военного предводительства и народовластия прослеживается в неоднократных возрождениях военно-демократических порядков в период военных или династических кризисов королевской власти, – так, рядовые остготские воины в решающий для королевства момент производят избрание «воинственного короля» (*regem Martium*)¹¹²³ прямо на поле боя: «Готскому войску (*Gothorum exercitus*) это кажется подозрительным, и оно криком требует свергнуть Теодахада с престола (*clamatat regno pellendum*) и поставить королем (*in rege levandum*) вождя их (*ductorem suum*) Витигеса,

¹¹²⁰ Война с готами (IV, 31). Цит. по: Прокопий Кесарийский. Война с готами. - Пер. Кондратьева С.П. / Прокопий Кесарийский. - М., Изд-во Акад. Наук СССР, 1950.

¹¹²¹ Get. 282.

¹¹²² Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства / Ф.Кардини. - М., Прогресс, 1987. С.130.

¹¹²³ Cassiodori Aurelii Variarum libri XII (X.31.2).

который был теодахадовым оруженосцем. Так и было сделано. Тут же, на Варварских полях, Витигес вознесен на престол (*in regno levatus*)»¹¹²⁴. Важную роль в такого рода избрании играл, по всей видимости, совет знати (старейшин), а также народное собрание (войско). Как отмечал Тацит, «О делах, менее важных, совещаются их старейшины (*de minoribus rebus principes consultant*), о более значительных – все; впрочем, старейшины заранее обсуждают и такие дела, решение которых принадлежит только народу (*de maioribus omnes, ita tamen, ut ea quoque, quorum penes plebem arbitrium est, apud principes pertractentur*)»¹¹²⁵. Важность данной военно-демократической традиции подтверждается, например, тем, что король остготов Бадвила (Тотила) в ходе тяжелой войны с войсками Восточной Римской Империи называет в числе факторов, необходимых для достижения победы, наличие совета старейшин¹¹²⁶.

Связь народных собраний с воинской структурой общества подчеркивает то, что участники подобных собраний всегда вооружены: «Любые дела - и частные, и общественные - они рассматривают не иначе как вооруженные (*Nihil autem neque publicae neque privatae rei nisi armati agunt*)»¹¹²⁷. Необходимо, в связи с этим, отметить, что свобода однозначно отождествлялась в германском обществе с правом ношения оружия, участия в общественном собрании и военных походах, - так, предъявляя свои претензии в отношении римлян, тенктеры объявили, что германцам «не давали собираться для обсуждения... дел, а если и разрешали, то ставили условия, невыносимые для людей, живущих ради войны, - собираться безоружными...»¹¹²⁸. Традиция проведения воинских собраний, равно как и участия в королевском совете вооруженных представителей знати, была в германском обществе достаточно устойчивой, что прослеживается также в рамках «варварских королевств». Как отмечает Исидор Севильский, описавший проведение совета при вестготском короле Эврихе, «однажды, когда готы собрались на совет (*congregatis in colloquio*), Эврих заметил, что оружие, которое они держали в руках, временно изменилось: железо лезвий сменило цвет. Некоторые лезвия стали зелеными, некоторые розовыми, некоторые желтыми, а некоторые черными»¹¹²⁹.

Свобода участников собрания являлась одним из главных условий его проведения, поскольку рассматриваемое общество является еще основным субъектом власти, по отношению к которому неприемлемы меры принуждения. «Если не происходит чего-либо случайного и внезапного, они собираются в определенные дни, или когда луна только что народилась, или в полнолуние, ибо считают эту пору наиболее благоприятствующей началу рассмотрения дел. ...из их свободы (*ex libertate*) проистекает существенная помеха, состоящая в

---

¹¹²⁴ Get.309.

¹¹²⁵ Germania, XI. Цит.по: Тацит Публий Корнелий. Анналы. Малые произведения. История. / Тацит. - М., Ладомир, 2001.

¹¹²⁶ См. Прокопий Кесарийский. Война с готами. М., 1996. С.271.

¹¹²⁷ Tacitus. Germania, XIII.

¹¹²⁸ Цит.по: Тацит Корнелий. Анналы. Малые произведения. История. М., 2001. С.732.

¹¹²⁹ Isidori Hispalensis Historia de regibus Gothorum, Wandalorum et Svevorum, XXXV.

том, что они сходятся не все вместе и не так, как те, кто повинуется приказанию (*non simul nec ut iussi conveniunt*), и из-за медлительности, с какою они прибывают, попусту тратится день, другой, а порою и третий. Когда толпа сочтет, что пора начинать, они рассаживаются вооруженными (*ut turbae placuit, considunt armati*)»¹¹³⁰.

Согласно установленному порядку, «выслушиваются царь и старейшины (*rex vel princeps*) в зависимости от их возраста, в зависимости от знатности (*nobilitas*), в зависимости от боевой славы, в зависимости от красноречия, больше воздействуя убеждением, чем располагая властью приказывать (*auctoritate suadendi magis quam iubendi potestate*). Если их предложения не встречают сочувствия, участники собрания шумно их отвергают; если, напротив, нравятся, - раскачивают поднятые вверх фрамеи (*si displicuit sententia, fremitu aspernantur; sin placuit, frameas concutiunt*): ведь воздать похвалу оружием, на их взгляд, - самый почетный вид одобрения (*honoratissimum adsensus genus est armis laudare*)»¹¹³¹. Данный порядок служит удачной иллюстрацией к свидетельству Тацита о том, что «цари не обладают у них безграничным и безраздельным могуществом (*infinita aut libera potestas*), и вожди начальствуют над ними, скорее увлекая примером и вызывая их восхищение, если они решительны, если выдаются достоинствами, если сражаются всегда впереди, чем наделенные подлинной властью (*imperio*)»¹¹³².

Данная традиция была в германском обществе настолько устойчивой, что, в течении значительного периода истории Скандинавии реальная власть сохранялась в руках бондов («Все короли свеев позволяли бондам советоваться с ними во всем, в чем те хотели»¹¹³³), что делало их весьма влиятельной общественной силой, нередко противостоявшей власти конунга. Как свидетельствуют более поздние источники, в мирное время власть вождя была ограничена волей совета бондов, - по данным Римберта, у свеев «в обычае, что всякое общественное дело более зависит от единодушной воли народа (*in populi unanima voluntate*), чем от королевской власти»¹¹³⁴.

В «Гетике» Иордана сохранились важные свидетельства высокой роли общественного собрания в готском обществе эпохи Великого переселения народов. В частности, автор отмечает, что решение об установлении отношений с императором Валентом вестготы принимали в результате долгого обсуждения (*diu cogitantes*) и по общему согласию (*tandem communi placito*): «Везеготы же, т. е. другие их сотоварищи, обитавшие в западной области, напуганные страхом своих родичей, колебались, на что им решиться в отношении племени гуннов; они долго размышляли (*diuque cogitantes*) и, наконец, по общему согласию

---

¹¹³⁰ Germania, 11.

¹¹³¹ Germania, 11. Цит. по: Тацит Публий Корнелий. Анналы. Малые произведения. История. / Тацит. - М., Ладомир, 2001.

¹¹³² Germania, 7.

¹¹³³ Цит. по: Ковалевский С.Д. Образование классового общества и государства в Швеции / С.Д.Ковалевский. - М., Наука, 1977. С.97.

¹¹³⁴ Там же. С.94.

(*tandem communi placito*), направили послов в Романию к императору Валенту, брату императора Валентиниана старшего, с тем чтобы подчиниться его законам и жить под его владычеством (*eius se legibus eiusque vivere imperiis subderentur*)»¹¹³⁵.

Д. Клауде на основании имеющихся источников предпринял попытку уточнения вопроса о соотношении собрания знати и народного собрания в готском обществе эпохи Великого переселения народов: «В «Страстях св. Сабы» упоминается собрание «мегистанов» (знати), которое вынесло решение о преследовании христиан. Это собрание состояло из людей, пользовавшихся наибольшим уважением у соплеменников или отличавшихся знатностью происхождения. С уверенностью можно говорить о том, что в собраниях участвовали царьки. Неясен вопрос об участии широких народных кругов. Е.А. Томпсон отрицает существование народного собрания и придерживается мнения, что центральным органом всех вестготских родов было только собрание мегистанов; Л. Шмидт, напротив, приравнивает собрание мегистанов к народному собранию. Когда в 376 г. готы приняли решение просить Римскую империю принять их на римской земле, этому решению предшествовали долгие обсуждения. Иордан говорит об «общем решении» (*communi consilio*) вестготов вступить в переговоры с императором Валентом. Остается неясным, указывают ли эти сообщения на всенародное собрание. В «Страстях св. Сабы» далее упоминается совет деревни, обладавший, впрочем, очень узкими полномочиями»¹¹³⁶.

По всей видимости, в ходе развития института королевской власти, совет племенной знати постепенно эволюционировал в сторону королевского совета. Свидетельство Иордана, описавшего почтительный прием королем Теодоридом Беремуда Амала, позволяет сделать вывод о существовании у вестготов королевского совета: «...король (Теодорид) не считал его чужим ни в совете, ни на пиру (*nes consilio suo expertem nes convivio*)»¹¹³⁷. В произведении Иордана содержится важное свидетельство о том, что Аларих, после провозглашения его королем, убеждал своих соратников предпринять военный поход на королевском совете: «Вскоре, когда вышеназванный Аларих поставлен был королем (*creatus est rex*), он, держа совет со своими, убедил их (*cum suis deliberans suasit*), что лучше собственным трудом добыть себе царство, чем сидя в бездействии подчиняться [царствам] чужим»¹¹³⁸. Данный совет, вероятно, был еще вполне самостоятельным органом, объединявшим представителей нобилитета. Как отмечает Д. Клауде «...когда во время похода в Италию его (Алариха – С.С.) войско попало в окружение, он был вынужден выслушивать горькие упреки знатных готов. Перед принятием важных решений Аларих советовался с «одетым в шкуры сенатом готов». Упомянутый Сидонием

¹¹³⁵ Get. 131. См. также: Клауде Д. История вестготов... С.17.

¹¹³⁶ Клауде Д. История вестготов... С.17-18.

¹¹³⁷ Get. 175.

¹¹³⁸ Get. 147.

Аполлинарием в середине V века «совет старейшин», возможно, идентичен собранию, о котором говорит Клавдиан»¹¹³⁹.

Иордан также дает указание на существование практики общественного собрания в правление легендарного короля Эрманариха. В частности, когда готы подверглись нападению гуннов, потребовалось проведение совещательных процедур для выработки решения о дальнейших действиях: «Когда готы увидели этот воинствующий род – преследователя множества племен, они испугались и стали рассуждать со своим королем (*suoque cum rege deliberant*), как бы уйти от такого врага»¹¹⁴⁰. Данное сообщение может, на мой взгляд, служить указанием на ограниченный характер власти Эрманариха, наличие военно-демократических черт в организации его этнополитической общности.

В произведении Иордана содержится свидетельство, которое, на мой взгляд, может расцениваться как указание на обращение Теодориха к народному собранию перед подходом в Италию: «Теодорих из столицы и, возвратясь к своим, повел все племя готов (*omnem gentem Gothorum*), выразившее ему свое единомыслие (*qui tamen ei prebuerunt consensum*), на Гесперию»¹¹⁴¹. Как полагает Е.Ч. Скржинская, «судя по словам Иордана, не все остроготы последовали за Теодорихом в Италию, а лишь те, которые оказались единомышленниками своего вождя»¹¹⁴². На мой взгляд, данный фрагмент вполне может быть истолкован и таким образом, что Теодорих заручился поддержкой всего племени (на что содержится прямое указание *omnem gentem Gothorum*) перед началом его крупной военно-политической акции. В любом случае, факт обращения вождя к своему народу за поддержкой преподносится автором как один из аспектов выдвижения готского войска в Италию.

Таким образом, в произведении Иордана содержатся важные сведения, характеризующие влияние военно-демократических традиций на институт королевской власти. Данное влияние проявлялось как в механизме согласования и принятия решений (согласование решений короля с мнением народа и войска), так и в способах осуществления руководства войском (предводительство королем войска, присутствие членов королевской семьи в военных походах), и в ритуально-символической сфере (инициационные испытания, усыновление по оружию претендентов на королевскую власть). Значение традиций военного предводительства и народовластия прослеживается в неоднократных возрождениях военно-демократических порядков в период военных или династических кризисов королевской власти.

---

¹¹³⁹ Клауде Д. История вестготов... С.42.

¹¹⁴⁰ Get. 129.

¹¹⁴¹ Get. 292.

¹¹⁴² См.: Иордан. О происхождении и деяниях гетов. СПб., 1997. С.354.

Данные свидетельства вступают в противоречие с создаваемым Иорданом образом германского короля как самодержца, что позволяет сделать вывод о недостаточной объективности автора в освещении полномочий германских королей эпохи Великого переселения народов.

§ 3. Возрождение военно-демократических традиций эпохи Великого переселения народов в остготском обществе VI века

Исследователи отмечают, что «ни в одном варварском королевстве преемственность с римской государственностью не была так сильно выражена, как в остготской Италии»¹¹⁴³. Административная система королевства «сохраняла в основном позднеимперские черты»¹¹⁴⁴, высоким уровнем романизации характеризовалась и политическая система королевства в целом. Тем больший интерес вызывает стремительный ренессанс германских военно-демократических традиций, произошедший в остготском обществе в ходе войны с Византией.

Правление Амалов в остготской этнополитической общности второй половины V – начале VI веков начинало, по всей видимости, приобретать отдельные черты традиционной формы господства. Сложно, однако, утверждать с полной определенностью, что «наследственность королевской власти у остготов установилась еще в доитальянский период их истории, причем важнейшее значение имела принадлежность к королевскому роду Амалов»¹¹⁴⁵. В качестве аргумента в пользу данной точки зрения авторы приводят свидетельство о том, что «король Витигис, человек незнатного происхождения, ради упрочения своей власти женился на внучке Теодориха Матасунте»¹¹⁴⁶. Данный довод не является вполне убедительным, поскольку этот союз мог быть заключен в расчете на привлечение персональной харизмы Теодориха Амала, распространявшейся, согласно представлениям германцев, и на его потомков. Весьма характерно в данном отношении, что римский патриций Герман, готовившийся к военным действиям против остготов в Италии, также планировал взять с собой в поход Матасунту, поскольку полагал, что ее присутствие в войске обезоружит готское население.

В остготском королевстве, по всей видимости, не сложилось установленного порядка наследования власти. Согласно свидетельству Прокопия Кесарийского, после смерти Теодориха «власть принял Аталарих, внук Теодориха по дочери»¹¹⁴⁷. Иордан в «Romana» отмечает, что наследование осуществилось в соответствии с назначением преемника, данным королем еще при жизни: «В Италии же, после смерти Теодориха, наследовал его племянник Аталарих, назначенный им самим (*ipso ordinante*)»¹¹⁴⁸. Сама процедура назначения наследника более подробно описано автором в «Getica»: «Когда он

¹¹⁴³ Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской Империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). Москва, 1984. С.179.

¹¹⁴⁴ Там же.

¹¹⁴⁵ Корсунский А. Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской Империи... С.180.

¹¹⁴⁶ Там же (в тексте примечания 61).

¹¹⁴⁷ Procopius Caesariensis. De bello Gothico. I, 2. Русскоязычный перевод – Прокопий Кесарийский. Война с готами. / Пер. С. П. Кондратьева. М., 1950.

¹¹⁴⁸ Iordanes. Romana (De summa temporum vel origine actibusque gentis Romanorum) // Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi., Vol. V., 1., Berolini, 1882. P.48. Перевод с латинского здесь и далее по тексту мой – С.С.

(Теодорих – С.С.) достиг старости и осознал, что через короткое время уйдет с этого света, он созвал готов — комитов и старейшин своего племени — и поставил королем (*regem constituit*) Аталариха, сына дочери своей Амаласвенты, мальчика, едва достигшего десяти лет, но уже потерявшего отца своего, Евтариха. Он (Теодорих) объявил им в повелениях, звучавших как завещание (*si testamentali voce*), чтобы они чтили короля (*regem colerent*)...»¹¹⁴⁹. Аноним Валезия подтверждает, что назначение наследника было осуществлено Теодорихом непосредственно перед уходом из жизни: «Но, прежде чем испустить дух, он нарек наследником своего внука Аталариха»¹¹⁵⁰.

Преждевременная кончина Аталариха и убийство его матери, ставшие формальным поводом для начала военных действий императора Юстиниана против узурпатора остготского трона, а также последующий кризис легитимности Теодахада, завершившийся его свержением, привели к фактическому прерыванию правящей династии. Поскольку традиционный механизм легитимации власти не мог в сложившихся критических условиях обеспечить сохранение фактического суверенитета остготского королевства, военная элита стихийно возвращается к принципам харизматического лидерства, провозглашая своим королем одного из военных предводителей готов – Витигиса: «В тот момент, когда поведение доверенных лиц Теодахада показалось «готскому войску... подозрительным», «оно криком требует свергнуть Теодахада с престола (*Theodahadum clamitat regno pellendum*) и поставить королем (*in rege levandum*) вождя их Витигиса, который был теодахадовым оруженосцем. Так и было сделано. Тут же, на Варварских полях, Витигес вознесен на престол... (*in regno levatus*)»¹¹⁵¹. В «*Romana*» Иордан описывает данное событие, наполняя его дополнительными деталями: «Едва он прибыл на Варварские поля в Кампанию, как армия обратилась на его сторону, поскольку подозревала Тодахада. Что вы хотите? – спросил он. На что они ответили: – Умертвить того, кто жаждет возможности оправдать свои преступления гибелью и кровью готов. И они приступили к нему и единодушно провозгласили Витигиса королем (*consona voce Vitigis regem denuntiant*). Вознесенный в королевское достоинство (*in regnum levatus*), чего он и сам желал, в согласии с волей народа он немедленно отослал нескольких своих товарищей и убил Теодахада на его обратном пути в Равенну»¹¹⁵².

Сам Витигис впоследствии описывал провозглашение его королем путем поднятия на щит, согласно «обычаю предков» (*more maiorum*)¹¹⁵³, «среди обнаженных мечей... не в тесноте покоев, но в широком поле... под рев военных

---

¹¹⁴⁹ Iordanes. De origine actibusque getarum. § 304. Русскоязычный перевод – Иордан. О происхождении и деянии гетов (*Getica*). / Пер. Е.Ч. Скржинской. М., 1960.

¹¹⁵⁰ Anonymi Valesiani pars posterior // Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi. Vol. IX: Chronica minora Saec. IV. V. VI. VII. Vol. I. Berolini, 1892. P. 328. Перевод с латинского мой – С.С.

¹¹⁵¹ *Getica* § 309-310.

¹¹⁵² Iordanes. *Romana*... P.49.

¹¹⁵³ Cassiodori *Variarum libri XII* (X.31).

труб»¹¹⁵⁴. Описанный выше обряд отражает древний военно-демократический ритуал избрания королем, зафиксированный еще в произведении Тацита, согласно которому, после процедуры аккламации новопровозглашенного короля «ставили на большой щит и поднимали на плечи»¹¹⁵⁵. Затем, согласно описанию Григория Турского, короля на щите трижды обносили по кругу (по всей видимости, вокруг войска), после чего он объезжал окрестные города¹¹⁵⁶.

Несмотря на возрождение военно-демократических традиций легитимации власти в остготском обществе рассматриваемого периода, правящая элита не могла ограничиться одними лишь инструментами харизматического господства, поскольку они были явно недостаточными для признания статуса новой варварской монархии на международной арене. В целях укрепления власти Витигис, как уже отмечалось выше, активно привлекал авторитет Теодориха Амала, провозглашая себя его преемником¹¹⁵⁷. Наиболее существенным шагом, направленным на формирование данного образа власти стало принудительное заключение Витигисом брачного союза с внучкой Теодориха. Согласно свидетельству Прокопия Кесарийского, «он против ее воли взял за себя замуж Матазунту, дочь Амалазунты бывшую уже взрослой девушкой, чтобы этим родством с родом Теодориха сделать более крепкой свою власть»¹¹⁵⁸. Данное свидетельство подтверждается Иорданом: «Укрепляя свою королевскую власть (*regnoque suo confirmans*), он прервал военные действия, отверг свою жену, простолюдинку, и, более силой, нежели по любви, взял в жены принцессу Матасвинту, внучку Теодориха»¹¹⁵⁹. Брак с Матасвинтой использовался Витигисом для укрепления легитимности его власти на международной арене, о чем свидетельствует его дипломатическая переписка с императором Юстинианом¹¹⁶⁰.

В ходе военных действий против Византии остготы пользовались коллегиальными институтами управления, характерными для древнегерманского общества: «Витигис... неоднократно собирал большой совет старейшин. И он не раз спрашивал их, что ему придумать или что сделать, чтобы дела пошли лучше. Много мнений высказывалось участниками совещаний; одни из них были неподходящими для данного положения дел, другие же были в некотором отношении заслуживающими внимания»¹¹⁶¹. Наиболее важные вопросы решались королем в ходе обсуждения с представителями нобилитета: «Витигис, много совещаясь с лучшими из готов, решил предпочесть договор с

¹¹⁵⁴ Ibidem.: «...inter procinctuales gladios... Non enim in cubilis angustiis, sed in campis late ...inter ...tubis concrerantibus...». Русскоязычный перевод цит. по: Корсунский А.Р. Возникновение феодальных отношений в Западной Европе. Вып.2. М.,1968. С.27.

¹¹⁵⁵ Тацит. История IV, 15. Цит.по: Тацит Публий Корнелий. Анналы. Малые произведения. История. / Тацит. - М., Ладомир, 2001.

¹¹⁵⁶ Gregorii Turonensis libri Historiarum. VII.10.

¹¹⁵⁷ Cassiodori Aurelii Variarum libri XII (X, 31). Текст источника на языке оригинала: Cassiodori Senatoris Variarum, Monumenta Germaniae Historica, Auctorum Antiquissimorum Tomus XII, Berlin, Weidmann, 1894.

¹¹⁵⁸ Procopius Caesariensis. De bello Gothico. I, 11.

¹¹⁵⁹ Iordanes. Romana... P.49.

¹¹⁶⁰ Cassiodori Aurelii Variarum libri XII (X, 32).

¹¹⁶¹ Procopius Caesariensis. De bello Gothico. II, 22.

императором и отослал назад послов франков, не добившихся никакого результата»¹¹⁶²; «Об этом замысле Витигис стал совещаться с главнейшими из готов»¹¹⁶³.

Многочисленные неудачи Витигиса привели к утрате им королевской харизмы, и его смещение становилось, фактически, делом времени: «Тем временем готы, мучимые голодом, не имея уже сил выносить тяжести положения, с неудовольствием подчинились власти Витигиса, как человека, которому ни в чем нет счастья»¹¹⁶⁴. Наиболее вероятной кандидатурой преемника являлся племянник Витигиса, полководец Урайя, к которому «все из оставшихся у них из знатных и благородных фамилий» обратились со следующим предложением: «Мы бы давно сместили с королевского трона твоего дядю, так трусливо и несчастливо правившего нами, как сделали с Теодатом, племянником Теодориха, если бы, уважая твой энергичный образ мыслей, мы не решили оставить за Витигисом одно только имя королевского достоинства, а фактически передать тебе одному власть над готами»¹¹⁶⁵.

Пленение Витигиса армией Велизария и его отправка в Константинополь вновь остро поставили проблему наследования престола остготского королевства. Племянник короля отказался принять трон, сославшись на то, что «будучи племянником Витигиса, преследуемого всегда столькими несчастиями, я считался бы со стороны врагов человеком, вызывающим к себе мало уважения: ведь люди считают, что счастье или несчастье всегда переходит и на родственников»¹¹⁶⁶. Единодушную поддержку готской элиты получило внесенное Урайей предложение об избрании королем Ильдибада, родственника короля вестготов, «человека высшей доблести и удивительно энергичного»¹¹⁶⁷. Согласно свидетельству Иордана, «готы, которые проживали на другой стороне реки По в Лигурии, воспряли духом к войне, назначив себе царьком (*ordinato sibi regulo*) Хельдибада»¹¹⁶⁸.

Правление Ильдибада оказалось чрезвычайно коротким, а статус этого правителя вызывает ряд вопросов. Прежде всего, Иордан характеризует его как «царька» (*regulus*)¹¹⁶⁹. Этому может быть, на мой взгляд, ряд объяснений. Прежде всего, как отмечает Вольфрам, с точки зрения римских традиций, готское войско после поражения Витигиса в войне с Византией утратило право провозглашать суверенных правителей, и вновь провозглашенный король рассматривался римлянами как «узурпатор» власти¹¹⁷⁰. Иордан, несомненно, мог оценивать провозглашение Ильдибада именно с этой точки зрения (характерно, что в своей «*Romana*» автор также не пользуется термином *rex* по

¹¹⁶² Procopius Caesariensis. De bello Gothico. II, 28.

¹¹⁶³ Procopius Caesariensis. De bello Gothico. II, 9.

¹¹⁶⁴ Procopius Caesariensis. De bello Gothico. II, 29.

¹¹⁶⁵ Procopius Caesariensis. De bello Gothico. II, 30.

¹¹⁶⁶ Ibid.

¹¹⁶⁷ Ibid.

¹¹⁶⁸ Iordanes. Romana... P.50.

¹¹⁶⁹ Iordanes. Romana... p.50.

¹¹⁷⁰ Wolfram H., Dunlap T.J. History of the Goths. University of California, 1990. P.350-351.

отношению к Бадвиле, отмечая лишь его «принятие» (*ascisco*) власти¹¹⁷¹). С другой стороны, автор мог таким образом демонстрировать невысокую оценку статуса и заслуг данного правителя. Как отмечает З.В. Удальцова, со ссылкой на свидетельство Марцеллина Комита, «во главе готов первоначально стояли два вождя: Орайя (Урайя) и Хельдебад (Ильдебад), хотя королем был провозглашен последний»¹¹⁷². Данное объяснение является менее вероятным, поскольку с точки зрения германцев Ильдибад принял полноценную королевскую власть (согласно установленному ритуалу он «был облачен в королевскую порфиру и провозглашен королем готов... вступил на престол»¹¹⁷³), а его правление впоследствии вызывало положительные оценки в среде остготов.

В то же время Прокопий свидетельствует, что «Ильдибад жил очень бедно, не прикасаясь к государственным деньгам»¹¹⁷⁴, чему сложно найти рациональное объяснение, учитывая родство последнего с королем вестготов. Легитимность Ильдибада несколько упала после его личного конфликта и расправы над Урайей, а его недалекость позволила ему держать в числе телохранителей своего личного врага, который расправился с ним за нанесенную обиду, полагая, при этом, что его поступок не вызовет осуждения со стороны готов. «Дождавшись дня, когда Ильдибад пировал с знатнейшими из готов, он решил выполнить свой замысел. Был обычай, чтобы, когда король пировал, многие лица, а также и телохранители стояли около него. Когда Ильдибад, протянув руку за кушаньем, склонился с ложа над столом, Велас неожиданно ударил его мечом по шее, так что пальцы Ильдибада держали еще пищу, а голова его упала на стол, приведя всех присутствующих в величайший ужас и внося крайнее смятение»¹¹⁷⁵. Иордан отмечает, что Ильдибад продержался у власти меньше одного года: «Прошло чуть меньше года, и Хильдибад был убит, и его место занял Эрарий»¹¹⁷⁶.

Провозглашение влиятельной военной группировкой ругов своего вождя Эрариха королем не было поддержано большинством готского войска, в связи с чем его кандидатура изначально была не вполне легитимной: «Руги внезапно провозглашают Эрариха королем. Это было вовсе не по душе готам, и большинство их впало в глубокое отчаяние, так как они видели, что погибают их надежды, которые они возымели при Ильдибаде, так как он действительно был способен вернуть готам власть и господство над Италией... Готы уже тяготились властью Эрариха, видя, что этот человек неподходящ для того, чтобы вести войну с римлянами, и очень многие открыто поносили его, говоря, что он после убийства Ильдибада служит препятствием в совершении великих

---

¹¹⁷¹ Iordanes. Romana... P.50.

¹¹⁷² Удальцова З.В. Социально-экономические преобразования в Италии в период правления Тотилы. // Византийский временник. (13) 1958. С. 10.

¹¹⁷³ Procopius Caesariensis. De bello Gothico. II, 30.

¹¹⁷⁴ Procopius Caesariensis. De bello Gothico. III, 1.

¹¹⁷⁵ Ibid.

¹¹⁷⁶ Iordanes. Romana... P.50.

дел»¹¹⁷⁷. Само по себе провозглашение Эрариха свидетельствует не просто о кризисе королевской власти, но уже о кризисе военно-демократических традиций в остготском обществе. Но трон взошел человек, которого поддерживала лишь часть войска, и даже готами он воспринимался как узурпатор, властью которого они тяготились. Правление Эрариха по этой причине оказалось весьма непродолжительным – согласно свидетельству Иордана, «он также был убит во время своего правления (*in regno*), немногим более чем через год»¹¹⁷⁸. «Когда он был убит, то согласно договоренности Тотила принял власть над готами»¹¹⁷⁹.

Важным фактором получения власти Бадвиллой (Тотилой) стало его родство с покойным королем Ильдибадом: «Они (готы – С.С.) сильно тосковали по власти Ильдибада, и всю свою надежду на победу они перенесли на Тотилу, его родственника, вполне надеясь, что и у него те же цели и желания, как и у них»¹¹⁸⁰. Прокопий отмечает, что он был «человек большого ума, очень энергичный и пользовавшийся большим влиянием среди готов»¹¹⁸¹. Его правление носило настолько успешный и победоносный для готов характер, что провизантийски настроенный историк Иордан, вторя Марцеллину Комиту, охарактеризовал его «несчастьем Италии» (*malo Italiae*): «К несчастью Италии, Бадвила, юный племянник, принял (*asciscitur*) власть Хильдибада»¹¹⁸².

Одинадцатилетнее правление Тотилы, добившегося выдающихся военных и государственных успехов, заслуживает отдельного исследования¹¹⁸³. Необходимо лишь отметить, что в правление данного короля Италия вновь обрела некоторые предпосылки возникновения суверенного королевства. Тем не менее, военные действия Византии ослабили экономику и политическую систему страны, спровоцировав обращение значительной ее части в руины, а гибель Тотилы в битве при Гуальдо Тадино привела к очередному династическому кризису в обескровленном остготском королевстве.

Согласно свидетельству Прокопия Кесарийского, «готы, которые смогли бежать из сражения и спаслись, перейдя через реку По, заняли город Тичино и прилегающие к нему местности и избрали королем Теию»¹¹⁸⁴. Тея стал последним избранным королем остготов, принявшим инсигнии королевской власти. Выбор пал на него, по всей видимости, в связи с тем, что он был одним из наиболее выдающихся полководцев Тотилы. О его происхождении Агафий Миренийский сообщает лишь то, что он был «сын Фридигерна», и вскоре пал в

---

¹¹⁷⁷ Procopius Caesariensis. De bello Gothico. III, 2.

¹¹⁷⁸ Iordanes. Romana... P.50.

¹¹⁷⁹ Procopius Caesariensis. De bello Gothico. III, 2.

¹¹⁸⁰ Ibid.

¹¹⁸¹ Ibid.

¹¹⁸² Iordanes. Romana... P.50.

¹¹⁸³ Более подробно: Удальцова З.В. Социально-экономические преобразования в Италии в период правления Тотилы // Византийский временник (13) 1958. С. 9-27.

¹¹⁸⁴ Procopius Caesariensis. De bello Gothico. IV, 33.

сражении: «после него Теия, сын Фредигерна, получив власть над готами, немного спустя и сам был уничтожен»¹¹⁸⁵.

Короткое правление Теии может считаться одной из наиболее драматичных страниц истории остготов в Италии. Поистине героический характер деяний этого короля в ходе битвы с византийскими войсками у «Молочной горы» описан Прокопием Кесарийским: «Теия был на глазах у всех, держа перед собою щит; с грозно поднятым копьем он с небольшой кучкой своих близких стоял впереди фаланги. Видя его и считая, что если бы он пал, то битва быстро бы окончилась, римляне направили против него все свои усилия, нападая на него в большом числе, кто только стремился к славе. Одни издали бросали в него дротики, другие старались поразить его копьем. Теия, закрывшись щитом, принимал на него все удары копий и, внезапно нападая на врагов, многих из них убил. Всякий раз как он видел, что его щит весь утыкан брошенными в него копьями, он, передав его кому-нибудь из своих щитоносцев, брал себе другой. Сражаясь так, он провел целую треть дня. К этому времени в его щит вонзилось двенадцать копий, и он уже не мог им двигать, как он хотел, и отражать нападающих. Тогда он стал звать настойчиво одного из своих щитоносцев, не покидая строя, ни на единый вершок не отступая назад и не позволяя неприятелям продвигаться вперед; он не поворачивался назад, прикрыв щитом спину, не сгибался набок; он как бы прирос к земле со своим щитом, убивая правой рукой, отбиваясь левой и громко выкрикивая имя своего щитоносца. Он явился к нему, неся щит, и Теия быстро сменил на него свой отягченный копьями. И тут на один момент, очень короткий, у него открылась грудь, и судьба назначила, чтобы именно в этот момент он был поражен ударом дротика и в ту же минуту умер»¹¹⁸⁶.

Учитывая, какое большое значение германцы придавали героическим подвигам, нельзя предположить, что отвага последнего короля остготов осталось бы невостребованной его потомками. Представляется возможным высказать предположение, что сюжет именно этого сражения получил отражение в англосаксонской поэме «Беовульф», – в описании последней битвы конунга гаутов, который погибает в неравной борьбе с драконом, прикрывая своего щитоносца, подошедшего, чтобы оказать поддержку своему вождю¹¹⁸⁷. Как совершенно точно отмечает О.А.Смирницкая, «смерть Беовульфа предвещает крушение гаутского племени... Тема крушения становится, однако, всеохватной в поэме. Смерть Беовульфа сливается в ней с изображением гибели всего героического мира... Это страшное время показывается вместе с тем в поэме не только как будущее, но и как то, что уже свершилось...»¹¹⁸⁸.

---

¹¹⁸⁵ Agathias Scholasticus. De imperio et rebus gestis Iustiniani imperatoris libri quinque. (Пролог). Русскоязычный перевод: Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана. / Пер., ст. и примеч. М. В. Левченко. М.-Л., 1953.

¹¹⁸⁶ Procopius Caesariensis. De bello Gothico.IV, 35.

¹¹⁸⁷ Beowulf, 2538-2693. Электронный текст источника на языке оригинала: <http://www.heorot.dk/beo-intro-rede.html>

¹¹⁸⁸ Смирницкая О.А. Поэтическое искусство англосаксов // Древнеанглийская поэзия. М., 1980. С.171-232.

После гибели Тейи остатки готских войск оказались разрозненными, и, согласно свидетельству Агафия, часть из них заняла оборону под предводительством младшего брата погибшего короля Тейи – Алигерна: «Алигерн же, младший брат предводителя готов, Тейи, находился внутри города и, собрав вокруг себя войско, какое только мог, не желал никакого мира, хотя уже достоверно знал и то, что Тейя убит в сражении, и то, что сила готов подорвана и уничтожена»¹¹⁸⁹. Находясь в осаде, и понимая, что остатки остготов не смогут оказать достойного сопротивления ни византийской армии, ни вторгшимся в Италию войскам франков, Алигерн принял решение об отказе от дальнейшей борьбы и о передаче остготских королевских инсигний византийцам. Данное действие во многом мотивировалось неприязнью, испытываемой Алигерном к франкским претендентам на престол, и нежеланием передавать наследие остготских королей в руки представителей «варварского» народа: «Видя проходящих франков, он осыпал их оскорблениями с высоты и осмеивал, говоря, что напрасно они торопятся, что они опоздали, что все богатство готов уже захвачено римлянами, так же как все инсигнии готской власти, так что если кто в дальнейшем и будет объявлен королем готов, то не будет иметь знаков отличия и достоинства, но должен надевать простую воинскую одежду и по внешнему виду оставаться простым человеком»¹¹⁹⁰.

Говоря о статусе последних королей остготов, необходимо отметить, что они принимали и хранили императорские инсигнии, которые, согласно свидетельству равеннского хрониста, получил в свое время Теодорих Амал от императора Анастасия: «Анастасий... отправил ему знаки дворцового величия (*ornamenta palatii*), которые Одоакр переправил в Константинополь»¹¹⁹¹. Данные символы королевской власти, основным элементом которых было пурпурное облачение, как можно заключить из свидетельств Прокопия Кесарийского, вручались преемникам трона даже в годы войны с Византией. Весьма интересно то, что пурпурное облачение («порфира») не было захвачено византийскими войсками в ходе пленения Витигиса, а было удержано остготами и передано его преемнику Ильдибаду, и, далее, – последним королям остготов. После передачи Алигерном символов королевской власти остготов византийским войскам, данные символы были, по всей видимости, возвращены в Константинополь.

Несмотря на утрату важнейших государственно-правовых символов, остатки остготов надеялись убедить франкских вождей продолжить борьбу за суверенитет Италии, даже обещая одному из них, Бутилину, королевскую власть: «Бутилину, однако, даже клятвою обязался готам, что он будет воевать с ними против римлян, и потому они его чтили и даже обещали выбрать своим

¹¹⁸⁹ Agathias Scholasticus. De imperio et rebus gestis Iustiniani. I, 8.

¹¹⁹⁰ Agathias Scholasticus. De imperio et rebus gestis Iustiniani. I, 20.

¹¹⁹¹ Anonymi Valesiani pars posterior // Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi. Vol. IX: Chronica minora Saec. IV. V. VI. VII. Vol. I. Berolini, 1892. P. 322. Перевод с латинского мой – С.С.

королем...»¹¹⁹², однако, «сам вождь Бутилин и все его войско были истреблены поголовно»¹¹⁹³. Остатки готского войска в количестве семи тысяч человек отступили в крепость Калепсы: «Собравшиеся здесь готы... отнюдь не хотели сдаваться римлянам, но решили всеми силами сопротивляться, если кто нападет на них. Подстрекал их и побуждал к этому варвар, по имени Рагнарис, хотя и не одного с ними рода и племени; он был из так называемых витторов (витторы - гуннское племя), но так как он был ловок, и во всем хитер, и способен любым образом захватить себе власть, то он управлял массой и думал возобновить войну, чтобы благодаря этому стать еще более известным...»¹¹⁹⁴. Этот последний военный предводитель остготов погиб, пораженный стрелой в ходе возникшего конфликта при переговорах с Нарсесом. Согласно свидетельству Агафия, «когда он умер, готы, считая, что они не в состоянии дальше выдержать осаду»¹¹⁹⁵, сдались на милость победителя, и были отосланы в качестве пленников в Византию.

Таким образом, в VI веке кризис постиг не только модель традиционного господства и институт королевской власти у остготов, но и многие военно-демократические традиции данного народа. Довольно часто выборная власть отличалась невысоким уровнем легитимности, нередко ее получали либо представители малых этнических групп, не пользовавшиеся широкой поддержкой готского войска, либо вообще, как это имело место на завершающем этапе истории остготов, представители других «варварских королевств». Помимо этого, харизматические формы лидерства находились в системном противоречии с социально-экономическими и культурными реалиями Италии VI века, нуждавшейся в сильном государственном аппарате и развитой бюрократической системе, попытка создания которой была предпринята при короле Теодорихе. Тенденция к сохранению остготским населением Италии культурной, и, отчасти, политической, автономии, усугубившаяся с началом войны с Византией, привела к стагнации и распаду остготской социальной модели. Возрождение военно-демократических традиций в остготском обществе VI века являлось выражением системного кризиса, и, вероятно, воспринималось современниками как свидетельство упадка остготской государственности. В то же время, традиции военной демократии позволили остготам в течение почти двадцати лет продолжать героическую борьбу с превосходящими силами противника, а отдельные образы королевской власти того времени оказались настолько примечательными, что были увековечены не только позднеантичными историками, но и создателями героического германского эпоса.

---

¹¹⁹² Agathias Scholasticus. De imperio et rebus gestis Iustiniani. II, 2.

¹¹⁹³ Agathias Scholasticus. De imperio et rebus gestis Iustiniani. II, 9.

¹¹⁹⁴ Agathias Scholasticus. De imperio et rebus gestis Iustiniani. II, 13.

¹¹⁹⁵ Agathias Scholasticus. De imperio et rebus gestis Iustiniani. II, 14.

§ 4. Легендарное и историческое в освещении процесса становления германских королевских родов и сакрализации королевской власти

Родовые отношения и структуры играли большую роль в процессе становления института королевской власти у германских народов. Как указывал Тацит, принадлежность к знатному роду являлась определяющим фактором при выборах короля: «...королей выбирают по знатности (ex nobilitate)»¹¹⁹⁶. Данное свидетельство Тацита подтверждается сообщениями других авторов о большом значении, которое придавали германцы принадлежности претендентов на королевскую власть к знатым родам. Одним из такого рода сообщений является, в частности, свидетельство Прокопия Кесарийского о призвании герулами лидера «царского рода»: «И вот эрулы... послали некоторых из знатнейших своих людей на остров Фулу, чтобы они разыскали и привели с собой, если они будут в состоянии найти там кого-нибудь царской крови. Когда эти люди прибыли на остров, они нашли там многих лиц царского рода; выбрав одного, который им особенно понравился, они вместе с ним поехали обратно. Когда они были в пределах данов, он умирает от болезни. Поэтому эти послы вновь вернулись на остров и взяли с собой оттуда другого, по имени Датия. За ним последовал брат его Аорд и двести юношей из бывшей в Фуле эрульской молодежи»¹¹⁹⁷.

Как показывают источники, принадлежность претендентов на королевскую власть к королевскому роду могла в отдельных случаях заменяться военной доблестью предков, как, например, в случае с вождем каннифатов Бринноном, который был избран впоследствии королем: «Он происходил от знатных родителей... отец его много раз восставал против римлян... слава этой мятежной семьи привлекала к Бриннону соплеменников»¹¹⁹⁸. В любом случае, слава родственников играла большое значение при возвышении человека, что можно наблюдать значительно позже и у остготов, – так вождь остготов Урайя говорил своим соплеменникам, что он связан узами родства с королем Витигисом, и по этой причине на него могут распространиться его неудачи¹¹⁹⁹.

Произведение Иордана сохранило важнейшие свидетельства о достоинствах, приносивших претенденту королевскую власть. Прежде всего, автором упоминаются такие факторы, как благородное происхождение, внешность и ум: «Королевскую же власть над везеготами они передали Атаульфу, кровному родичу Алариха, выдающемуся и внешностью, и умом (regnumque Vesegotharum Ataulfo eius consanguineo et forma menteque conspicuo

---

¹¹⁹⁶ Tacitus. Germania, VII.

¹¹⁹⁷ Война с готами (II, 15). Цит.по: Прокопий Кесарийский. Война с готами. - Пер. Кондратьева С.П. / Прокопий Кесарийский. - М., Изд-во Акад. Наук СССР, 1950.

¹¹⁹⁸ Тацит Публий Корнелий. Анналы. Малые произведения. История. / Тацит. - М., Ладомир, 2001. С.697.

¹¹⁹⁹ См.: Прокопий Кесарийский. Война с готами. М., 1996. С.209.

tradent), потому что он был похож на Алариха, если не высотой роста, то красотой тела и благообразием лица»¹²⁰⁰.

Другим важным требованием являлась личная доблесть, подкрепленная успехами в сражениях. Король остготов Гунимунд, согласно свидетельству Иордана, отличался отвагой в бою и внешней красотой: «Вскоре после смерти Винитария стал править ими Гунимунд, сын могущественнейшего покойного короля Германариха, отважный в бою (*acer in bello*) и выдающийся красотой тела. Он впоследствии успешно боролся против племени свавов»¹²⁰¹. Описывая ожидания претендента на вестготский трон Беремуда Амала, Иордан упоминает его «доблесть» и «благородство происхождения»: «Сознавая свою *доблесть* и *благородство* происхождения, он тем легче мог считать, что родичи передадут верховную власть ему, известному наследнику многих королей (*курсив мой – С.С.*)» (*consciis enim virtutis et generis nobilitate facilius sibi credens principatum a parentibus deferre, quem heredem regum constabat esse multorum*)¹²⁰². Воинственность признавалась в германском обществе одним из важнейших качеств, характеризующих в отдельных случаях целые роды. Так, согласно свидетельству Иордана, король вандалов Визимар «происходил из поколения Астингов, отличного среди них [вандалов] и показывающего себя как воинственнейший род (*Asdingorum stirpe, quod inter eos eminent genusque indicat bellicosissimum*)»¹²⁰³. Король вестготов Аларих, в свою очередь, «отличался чудесным происхождением из рода Балтов, второго по благородству после Амалов; род этот некогда благодаря отваге и доблести получил среди своих имя Балты, т. е. отважного»¹²⁰⁴.

Не вполне ясно, в какой именно период проявилась та значительная социальная роль, которая приписывается Иорданом упомянутым королевским родам. Согласно историографической концепции Иордана, готы в период своего пребывания «на Понтийском море, став уже более человеческими и, как говорили мы выше, более просвещенными... разделились между двумя родами своего племени: везеготы служили роду Балтов, остроготы – преславным Амалам»¹²⁰⁵. Вопрос, однако, состоит в том, насколько данное свидетельство соответствует действительности, и когда на самом деле произошло возвышение рассматриваемых королевских родов.

Характеризуя организацию власти у вестготов в период их расселения в Причерноморье, Д. Клауде отмечает, что «если Атанарих был единоличным военным предводителем вестготов, то более древние источники позволяют сделать вывод о том, что первоначально вестготы выбирали двух герцогов. Во времена Константина Великого упоминаются два вождя, Ариарих и Аорих,

---

¹²⁰⁰ Get. 158-159.

¹²⁰¹ Get. 250.

¹²⁰² Get. 174.

¹²⁰³ Get. 113.

¹²⁰⁴ Get. 146.

¹²⁰⁵ Get. 42.

преемником которых был, впрочем, один Геберих»¹²⁰⁶. Данное предположение Д. Клауде полностью основано на следующем свидетельстве Иордана: «Так они прославились в империи при своих королях Ариарихе и Аорихе (sub Ariarici et Aoricis regum suorum). После их кончины преемником их в королевстве стал Геберих, отличавшийся доблестью и благородством (post quorum decessum successor regni extitit Geberich virtutis et nobilitatis eximius). Он родился от отца Хильдерита, деда Овиды, прадеда Нидады и блеск своих деяний приравнял к славе своего рода»¹²⁰⁷. Как уже отмечалось выше, Иордан достаточно произвольно пользуется фактологией для выявления линии «преемства» между лидерами, зачастую никаким образом не связанными между собой. Не исключено, что Ариарих, Аорих, и Геберих вообще были вождями различных германских этносоциальных групп, действовавшими вполне независимо друг от друга в рамках традиционного германского института военного предводительства.

В данном свидетельстве Иордана важна, на мой взгляд, не столько генеалогическая, сколько институциональная составляющая, поскольку автор вновь дает характеристику факторов, которые, в представлении германцев, способствовали социальному возвышению человека. Автор называет в данном случае «доблесть» (*virtus*, понятие, содержание которого раскрывается во фразе Иордана «блеск... деяний»¹²⁰⁸) и «благородство» (*nobilitas*, которое, в свою очередь, раскрывается Иорданом через выражение «слава... рода»¹²⁰⁹).

Свидетельства Иордана об организации готского общества эпохи расселения в Паннонии дают возможность заключить, что Амалы не обладали монополией на организацию власти. Иордан свидетельствует, что среди готов были влиятельные предводители составлявшие конкуренцию представителям рода Амалов, и даже называет имя одного из них: «Теодерих, сын Триария, также готского происхождения (*genere Gothico*), но из другого рода, не из Амалов (*alia tamen stirpe, non Amala procreatum*)»¹²¹⁰. Характеризуя успехи данного лидера, Иордан отмечает, что он «процветает вместе со своими, связан дружбой с римлянами и получает ежегодную выплату»¹²¹¹. По всей видимости, в данный период различные роды боролись в остготском обществе за власть, тогда как победа одного из них позволила впоследствии Кассиодору и Иордану переписать данную часть остготской истории.

Как отмечает И.А. Дворецкая, «остготы... избирали своих королей не только из знатнейшего королевского рода Амалов. Книва, Ариарик, Аорик, Геберих, Витимир, правившие после Остроготы, не были Амалами»¹²¹². Как

---

¹²⁰⁶ Клауде Д. История вестготов... С.17.

¹²⁰⁷ Get. 112.

¹²⁰⁸ Get. 112.

¹²⁰⁹ Get. 112.

¹²¹⁰ Get.270.

¹²¹¹ Get.270.

¹²¹² Дворецкая И.А. Западная Европа V—IX веков: Раннее средневековье / И.А. Дворецкая. - М., Прометей, 1990. С.71.

справедливо отмечает О.В. Шаров, «первое представление о важности происхождения именно от Амала проявляется примерно в третьей четверти V в. у династии наследников Теудемира, так как сестра Теодориха была названа Амалафредой, а дочери самого Теодориха – Амаласвентой и Острогото. Второй великий король остготов начал создавать генеалогию своего дома»¹²¹³.

Римляне возводили род первого царя к Марсу, германцы возводили правящие династии к Одину и Фрейру. Согласно римским преданиям, древним правителем Италии был Сатурн, покровитель плодородия¹²¹⁴. Сходные представления об эпохе правления покровителя плодородия бога Фрейра прослеживаются в скандинавских мифах¹²¹⁵. Принадлежность последующих правителей к роду богов давала им возможность выступать в качестве посредников между богами, как собственниками земли, и народом, населявшим данную землю. Данное явление может, по всей видимости, рассматриваться как фактор укрепления власти путем расширения круга ее источников¹²¹⁶, привлечения сакрально-идеологической составляющей в дополнение к военной и экономической.

Представление о сакральном характере королевских родов отличалось в германских обществах значительной устойчивостью. Даже в произведении христианского автора Беда Досточтимого отмечается, что английские конунги Хенгист и Хорса «были сыновьями Витгисля, сына Витты, сына Векты, сына Водена, к которому восходят правящие роды многих провинций»¹²¹⁷. Средневековые скандинавские конунги возводили свой род к богам из рода Асов: «Скъельдом звали сына Одина, и отсюда пошли все Скъельдунги. Он жил и правил в стране, что теперь называется Данией, а тогда звалась Страной Готов»¹²¹⁸. «Фьельнир, сын Ингви-Фрейра, правил тогда шведами и богатством Упсалы. Он был могуществен, и при нем царили благоденствие и мир»¹²¹⁹.

Значение представлений о родстве правителей с богами обусловлено особенностями традиционного мировоззрения германских народов, в соответствии с которым принадлежность к роду героев и богов, наделявшая человека исключительными врожденными качествами, давала основания для господства в мире людей, подобно тому, как принадлежность к тому или иному сакральному роду определяла расстановку сил в мире богов¹²²⁰. Весьма показательным в данном отношении является приведенное Григорием Турским

¹²¹³ Шаров О. В. Гибель Эрманариха : история и эпос. / О. В. Шаров // *Stratum plus* : структуры и катастрофы. – СПб. ; Кишинев, 1997. С. 73–94.

¹²¹⁴ Кофанов Л.Л. *Lex et ius*: возникновение и развитие римского права в VIII-III вв. до н.э. М., 2006. С.191.

¹²¹⁵ См.: *Ynglinga saga*, X.

¹²¹⁶ Используется понятие М.Манна. См.: Mann M. *The sources of social power*. - Volume. I: *A History of power from the beginning to A.D. 1760*. - Cambridge University Press, 1986.

¹²¹⁷ Церковная история народа англов (I, 15). Цит.по: Беда Достопочтенный. *Церковная история*. - Пер.В.В.Эрлихмана. / Беда Достопочтенный. - СПб., Алетейя, 2001.

¹²¹⁸ Снорри Стурлусон. *Младшая Эдда*. Л. 1970, С. 142.

¹²¹⁹ *Ynglinga saga*, XI.

¹²²⁰ См. более подробно: Санников С.В. Религия на службе королевской власти в дохристианской Германии и Скандинавии // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. Том 4. Выпуск 1: История. – Новосибирск, 2005. – С.33-42.

высказывание короля франков Хлодвига, выдвигавшего поначалу следующие доводы против принятия христианства: «Все сотворено и произошло по воле наших богов, а ваш Бог ни в чем не может себя проявить и, что самое главное, не может доказать, что он из рода богов (*de deorum genere*)»¹²²¹.

В произведении Иордана получило отражение представление, согласно которому род Амалов восходил к древним скандинавским мифологическим персонажам. Как сообщает Иордан, «первым из героев (*horum ergo heroum*), как сами они (готы – *C.C.*) передают в своих сказаниях (*ipsi suis in fabulis referunt*), был Гапт, который родил Хулмула. Хулмул же родил Авгиса. Авгис родил того, которого называют Амал; от него-то и ведут происхождение Амалы (*a quo et origo Amalorum decurrit*)»¹²²². Весьма интересное дополнение содержится в произведении Видукинда Корвейского, который отмечает, что «готы... называются готами по имени собственного своего вождя Гота (*duce nomine Gotha*)»¹²²³. Как полагает В.Я. Петрухин, «догадка готского историка справедлива – ведь Марсом латинские авторы, начиная с Тацита, именовали германского бога войны Тиваца-Тюра, может быть, он и носил в древности имя Гаута – гота. Когда Один потеснил на скандинавском олимпе Тюра, он сам стал именоваться Тюром Гаутов (готов)»¹²²⁴.

Действительно, имя Гаута неоднократно встречается в древнем скандинавском эпосе. Например, в одной из песен Старшей Эдды («Сны Бальдра»), именем Гаута называется Один: «Один поднялся, древний Гаут (*Upp reis Óðinn, alda gautr*)»¹²²⁵. Один также называется именем Гаута в «Речах Гримнира»: «Один ныне зовусь, Игг звался прежде, Тунд звался тоже, Бак и Скильвинг, Вавуд и Хрофтатюр, Гаут и Яльк у богов, Офнир и Свафнир, но все имена стали мной неизменно. (*Óðinn ek nú heiti, Yggr ek áðan hét, hétumk Þundr fyr þat, Vakr ok Skilfingr, Váfuðr ok Hroftatýr, Gautr ok Jálkur með goðum, Ófnir ok Sváfnir, er ek hygg at orðnir sé allir af einum mér*)»¹²²⁶. Как свидетельствует Снорри Стурлусон в своей книге «Язык поэзии», Один иносказательно назывался «Тюром гаутов», т.е. «богом воинов»: «Ещё Эйвинд сказал так: Гёндуль и Скёгуль послал Гаутатюр избрать из рода Ингви конунга, чтобы оного увлечь в Вальгаллу (*Svá kvað Eyvindr enn: Göndul ok Skögul sendi Gautatýr at kjósa of konunga, hverr Yngva ættar skyldi með Óðni fara ok í Valhöllu vera*)»¹²²⁷.

Необходимо, однако, отметить, что Х. Вольфрам не видит достаточных оснований для отождествления готского Гаута с Одином-Вотаном, прежде всего, на основании того, что в готских захоронениях отсутствует оружие, считающееся одним из важных атрибутов культа этого древнего бога¹²²⁸. Не

¹²²¹ Gregorii Turonensis libri Historiarum. II, 29.

¹²²² Get. 79.

¹²²³ Rerum gestarum Saxoniarum libri tres (I, 18).

¹²²⁴ Петрухин В.Я. Мифы древней Скандинавии. М., 2001. С.33.

¹²²⁵ Baldrs draumar, 2.

¹²²⁶ Grimnismal, 54.

¹²²⁷ Наконармал, 1.

¹²²⁸ Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии) СПб., 2003. С.163.

вполне ясно, насколько справедливым может считаться данный аргумент, поскольку германские захоронения, представленные, в частности, в рамках ясторфской культуры, вообще характеризуются незначительным добавлением социальной символики в форме сопроводительного инвентаря, и вещи сопровождают лишь меньшую часть погребений¹²²⁹.

Другим важным свидетельством Иордана, которое может указывать на наличие этногенетического культа среди готов эпохи Великого переселения, является сообщение о распространенной среди готов практике поклонения богу Марсу: «...геты были восхвалены до такой степени, что говорилось, будто бы некогда Марс, провозглашенный в вымыслах поэтов богом войны, появился именно у них... Этого Марса геты постоянно ублажали жесточайшим культом (жертвою ему было умерщвление пленных), полагая, что возглавителя войн пристойно умилостивлять пролитием человеческой крови. Ему посвящалась первая добыча, в его честь подвешивали на стволах деревьев трофеи. Готы более, чем другие, проникнуты были религиозным к нему горением, и казалось, что поклонение их воздается родителю»¹²³⁰.

Е.Ч. Скржинская полагает, что в данном фрагменте Иордан «приписывает предкам готов культ бога войны Арея фракийского, процветавший у гетов. В жертву Арею приносили пленников. Амазонки считались дочерьми Арея и наяды Гармонии. Выхватывая сведения из античной мифологии и пользуясь... тождеством геты - готы, Иордан в целях утверждения древности истории готов приписывает им исконный фракийский культ»¹²³¹. Не вполне ясно, почему Е.Ч. Скржинская столь уверенно отвергает достоверность свидетельства Иордана о поклонении готов Марсу. Сходное свидетельство о поклонении скандинавского народа гавтов (гаутов) Аресу (греческому прообразу Марса) содержится, например, в сообщении Прокопия Кесарийского о нравах жителей «острова Фулы» (Скандинавии): «Но другие жители Фулы, можно сказать, все, не очень отличаются от остальных людей: они поклоняются многим богам и демонам (гениям), живущим на небе и в воздухе, на земле и в море, и некоторым другим мелким божествам, считающимся, что они находятся в водах источников и рек. Они непрерывно приносят всякие жертвы, приносят жертвы мертвым и героям. Из жертв они считают самой прекраснейшей принесение в жертву человека, который был их первым военнопленным. Они приносят его в жертву в честь Ареса, так как этого бога они почитают выше всех. Они посвящают этого пленника богу, не просто убивая его, как приносят жертву, но вешают его на столбе или бросают на спицы или умерщвляют какими-либо другими особыми способами, вызывающими жалость к его мучениям. Так живут обитатели Фулы. Из них

¹²²⁹ См.: Могильников В.А. Погребальный обряд культур III в. до н.э. – III в. н.э. в западной части Балтийского региона // Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н.э. – I тысячелетии н.э. М., 1974. С.191.

¹²³⁰ Get. 41.

¹²³¹ Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica) - Вступит.статья, пер., коммент. Е.Ч.Скржинской./ Иордан. М., Изд.вост.лит., 1960. Примечание 132.

самым многочисленным племенем являются гавты, у которых и поселились пришедшие сюда эрулы»¹²³².

Согласно древнегерманской теологии, Один был принесен в жертву самому себе путем повешения на дереве, в связи с чем развешивание мертвых врагов по деревьям может служить одним из указаний на отправление культа Вотана. Известно, что кимвры, одержавшие победу над римскими войсками, принесли жертвы, в которых может проследиваться культ поклонения этому богу воинских подвигов и колдовских инициаций: «Они разрывали на части и выбрасывали одежды, швыряли в реку золото и серебро, кромсали на куски воинские доспехи, срывали упряжь с лошадей, после чего лошади кидались в реку, и вешали на деревьях людей, так что не было ни добычи победителям, ни пощады побежденным»¹²³³.

С другой стороны, из античных источников известно, что верховным богом древних германцев, отождествляемым римскими авторами с Марсом, был Тивац (Циу), покровительствовавший военно-демократическому устройству, аналогичный позднескандинавскому Тюру, богу войны и народного правосудия. Этот древний бог был чрезвычайно популярен среди германцев именно в период родового строя, и к нему даже обращались как к верховному богу: «Мы благодарим наших общих богов и величайшего среди них – Марса (Тиваца – С.С.)...»¹²³⁴. Тивацу посвящались народные собрания (тинги), - так, в районе древнего Вала Адриана сохранилась германская надпись в честь Mars Thincsus («покровителя тинга», Тиваца)¹²³⁵. Возможному разрешению возникающих противоречий (между указаниями на наличие у готов культа Вотана и Тиваца) может способствовать свидетельство Корнелия Тацита, отмечавшего среди германцев практику принесения совместных жертв Вотану и Тивацу: «...по этому обету (посвящению пленных врагов Вотану и Тивацу – С.С.) подлежат истреблению у побежденных кони, люди и все живое»¹²³⁶. Помимо этого, необходимо отметить, что древнегерманские формы сакрального имени Гаут, Геат, Гот и др. восходят к прагерманскому *Gudán (божество), что позволяет сделать предположение о нарицательном характере данного имени, возможности его исторического применения по отношению к различным персонажам древнегерманского пантеона.

Иордан в одном из фрагментов своего произведения упоминает, что представители знати народа готов были провозглашены «полубогами» (semideos) в связи с одержанной ими военной победой: «...одержав повсеместно большую победу, они провозгласили представителей своей знати (proceres suos), - благодаря фортуне которых они будто бы и оказались победителями, - не простыми людьми, но полубогами (non pueros homines, sed semideos), т. е.

¹²³² Procopius Caesariensis. De bello Gothico. II,15.

¹²³³ Цит. по: Пенник Н., Джонс П. История языческой Европы. СПб., 2000. С.213.

¹²³⁴ Тацит Корнелий. Анналы. Малые произведения. История. М., 2001. С.732.

¹²³⁵ Дряхлов В.Н. В священных рощах Вотана. Киров, 1999. С.58.

¹²³⁶ Тацит Корнелий. Анналы. Малые произведения. История. М., 2001. С.325.

«Лисами» (Ansis)»¹²³⁷. Есть основания полагать, что сакрализации рода предшествовала его героизация, складывание комплекса преданий, связанных с героическими деяниями членов рода. По свидетельству Павла Диакона, имя Альбоина «прославилось везде и всюду так, что даже и до сих пор его благородство и слава, его счастье и храбрость в бою вспоминаются в песнях у баваров, саксов и других народов, говорящих на том же языке»¹²³⁸. Героизм считался в германском обществе элементом сакральной харизмы, что ярко прослеживается в произведении Видукинда Корвейского, описавшего, как саксы после победы над тюрингами «восхваляли до небес вождя (*celebrantes laudibus ducem in caelum*), восклицая, что божественный дух (*divinum ei animum*) и небесная добродетель (*caelestemque virtutem*) присущи этому [вождю], который благодаря своей стойкости (*sua constantia*) дал им возможность добиться такой победы».

Следующий этап сакрализации был связан, вероятно, со складыванием представления об отличительных особенностях и определенной харизме, передающихся членам рода по наследству. Весьма интересно, что врожденным признаком королевской харизмы могло служить даже определенное отклонение от физиологической нормы, причем с элементом бестиальности¹²³⁹. Примером может служить средневековое предание о щетине, покрывающей спину представителей королевского рода Меровингов, ведущих свое происхождение от мифического морского чудовища.

Наконец, решающий этап был связан, вероятно, с мнением жрецов и прорицателей, людей, которые, в представлении окружающих, имели возможность общаться с потусторонним миром и сообщать людям волю божеств. Немаловажным фактором в процессе сакрализации правящего рода могло являться отношение представителей данного рода с кругами германского жречества, а также усердие представителей рода в поклонении определенному сакральному покровителю, выражавшееся в посвящении данному божееству побед и военных трофеев. Весьма характерным примером в данном отношении может служить обращение к Одину правящих вождей лангобардов Ибора и Айо и их матери Гамбары перед решающим сражением лангобардов с вандалами.

Сакральная значимость королевского рода как один из определяющих факторов легитимности публичной власти сохраняется на протяжении значительного периода времени, в том числе, после принятия германскими народами христианства. В частности, даже в VIII столетии, несмотря на фактическое лишение власти правящего франкского рода Меровингов, переход власти к майордомам Австразии не мог быть осуществлен без какого-либо нового средства легитимации, превосходящего по своему значению сакральную силу рода потомков Меровея. Таким средством становится новый

---

¹²³⁷ Get. 78.

¹²³⁸ Paulus Diaconus. *Historia langobardorum*. I, 27.

¹²³⁹ См. подробнее: Ямпольский Б.Я. Физиология символического. Кн. I. Возвращение Левиафана: Политическая теология, репрезентация власти и конец старого режима. М., 2004.

процессуальный потестарно-правовой символ, генетически восходящий к библейской традиции помазания древних царей Израиля, использованный в 751 году при возведении на престол первого короля франков из династии Арнульфингов (Каролингов) Пипина Короткого, принявшего помазание во время коронации.

Помазание короля, впервые среди германцев использованное в королевстве вестготов¹²⁴⁰, представляло собой совершенно новый для германского мира способ легитимации публичной власти, основанный на представлении о Боге как Царе царей и Господе господствующих¹²⁴¹, имеющем власть ставить над народами правителей и лишать их власти. Происхождение публичной власти только от Бога¹²⁴², именуемого в германской поэзии «властелином великих королей»¹²⁴³, свидетельствует, в восприятии современников, об избранности короля Богом. Данное представление является важной предпосылкой формирования идеи о самодостаточности института королевской власти и снятия формальной необходимости координации действий короля с архаическими германскими традициями: «Мы полагаем, что сердце короля находится в руке Господа...»¹²⁴⁴.

Таким образом, представление об избранности короля Богом, получающее отражение в соответствующих потестарно-правовых символах, становится со временем более важным фактором могущества короля, нежели врожденная харизма и принадлежность к определенному сакральному роду, что существенно отличает новую модель легитимации власти от модели, характерной для дохристианской германской культуры. Постепенно снижается значимость способа легитимации королевской власти через согласование образа действий правителя с военно-демократическими традициями, в том числе, в связи с тем, что значительная часть данных традиций имела архаические сакральные корни, утратившие свое значение в связи с принятием германцами христианской религии и формированием христианской политико-правовой доктрины.

---

¹²⁴⁰ Rituals of Power from Late Antiquity to the Early Middle Ages. / Ed. by F.Theuws, J.L.Nelson. Leiden, Boston, 2000. P. 97.

¹²⁴¹ Первое послание апостола Павла к Тимофею (6:15), Откровение Иоанна Богослова (19:16).

¹²⁴² Послание апостола Павла к Римлянам (13:1).

¹²⁴³ Chaney W.A. The Cult of Kingship in Anglo-Saxon England: The Transition from Paganism to Christianity. Manchester, 1970. P. 3.

¹²⁴⁴ Шервуд Е.А. Законы лангобардов: обычное право древнегерманского племени. М., 1992. С.16.

Заключение

Выполненный в рамках настоящего исследования анализ образов королевской власти эпохи Великого переселения народов на материале западноевропейской историографии VI века позволил реконструировать содержательные составляющие потестарных образов, осветить динамику актуализации архетипов, лежащих в основании их психологического измерения, рассмотреть особенности трансформации раннесредневекового «варварского» культурного кода под влиянием различных культурно-исторических традиций, выявить интеллектуальные предпосылки формирования образов власти эпохи становления «варварских королевств», а также обозначить основные тенденции развития раннесредневековой историографической традиции.

Применение междисциплинарного подхода позволило впервые в отечественной науке предложить семиологическое определение понятия «образ власти» – под образом власти в настоящей работе понимается вторичная семиологическая система, включающая в себя связь между совокупностью знаков первого порядка, отражающих содержательные характеристики системы отношений легитимного социального господства и подчинения, и комплексом психических переживаний (феноменов), порожденных восприятием этих знаков. Рассматриваемые в настоящей работе источники представляют большую ценность как с точки зрения реконструкции содержательного измерения образов власти эпохи Великого переселения народов, так и с точки зрения понимания психологических особенностей восприятия институтов власти современниками эпохи. В памятниках западноевропейской историографии VI века представлены сведения о порядке наследования власти в рамках германских обществ эпохи Великого переселения народов и становления германских «варварских королевств», характере и объеме полномочий германского короля, символах и ритуалах, сопровождавших передачу королевской власти. Рассматриваемые сведения освещают характер господства и функциональное содержание власти германских королей, психосоматические и экстрасоматические аспекты королевской харизмы, внешние атрибуты королевской власти, включая предметные, вербальные, и процессуальные потестарно-правовые символы. Анализ данных сведений позволил существенным образом дополнить представления о характере восприятия институтов публичной власти в рамках специфических раннесредневековых этнополитических образований, получивших наименование «варварских королевств».

Образ королевской власти – центральный образ раннесредневековой историографии, связывающий легендарное прошлое с описываемым историческим временем. Передача власти осуществляется непрерывно с самых древних легендарных времен до становления германского владычества в королевствах Западной Европы. Королевская власть носит в восприятии

современников не просто сакральный характер, она в некотором смысле трансцендентна и всеобъемлюща, что ярко прослеживается в отождествлении персоны короля и всей этнополитической общности, объединенной королевской властью. Личность короля как бы поглощает в описании историков институты публичной власти, – в их восприятии данная власть имеет выраженную персональную обусловленность. Следует понимать, что институализация власти в эпоху становления германских варварских королевств проходила очень сложным, зачастую стихийным путем, в связи с чем харизма короля была для современников более осязаемым явлением, нежели институциональные рамки того социального пространства, в котором функционировала публичная власть.

Король выступает своего рода выражением логоса, формирующего пространство *regnum* в стихии человеческих потоков. *Conturbatae sunt gentes inclinata sunt regna*¹²⁴⁵ – эти слова псалмопевца были как нельзя более понятны историографам эпохи заката западной части империи. Если для христианского поэта Коммодиана ожидаемое вторжение готов являлось в свое время предчувствием нового христианского царства, приходящего на смену *Rex Romana*, знамение скорого падения всех человеческих царств и наступлении Царства Божия, а Тертуллиан был уверен в том, что падение Рима станет началом последнего времени, то для христианских авторов VI века падение Рима и возникновение новых «варварских королевств» является уже давно свершившимся фактом. Реалии нового времени таковы, что вторжение вооруженной германской армии в стены вечного Города воспринимается жителями как явление совершенно обыденное, словно «ничего не произошло»¹²⁴⁶.

Варвары, уже не просто вошедшие в вечный Город, но и получившие *imperium*, становятся вершителями судеб европейской культуры. Германцы, объединенные с римлянами едиными индоевропейскими корнями, оказываются способны воспринять величие древнего наследия Рима. Наиболее ярким примером могут служить действия короля остготов Бадвилы, который во время тяжелой и продолжительной войны с превосходящими силами византийской армии пощадил стены вечного Города, воздержавшись от уничтожения древней языческой святыни. Франкский король Хильперик, проникнувшись наследием римской культуры, составит несколько книг латинских стихов, и даже осуществит реформу латинского алфавита, дополнив его новыми литерами, необходимыми для записи германской речи. Вестготские короли будут устраивать для своих подданных цирковые игры и зрелища, столь любимые римлянами времен империи.

Королевская власть делает многое для создания собственного народа, объединяющего «души готов и римлян», но пройдут еще столетия, прежде чем это станет возможным. Непростой оказывается судьба христианства на

---

¹²⁴⁵ Восшумели народы; двинулись царства (Пс. 45, 7).

¹²⁴⁶ «nihil factum...» (Pauli Orosii *Historiarum adversus paganos*. VII, 40).

территории германских королевств. Вторжение вандалов в Испанию и Северную Африку вновь привнесло в христианскую среду семена мученичества, пророставшие духовным подвигом исповедников и возрождением того особенного духа христианства, закалившего его в первые века своего существования и сделавшего его мировой религией. Готы, бургунды, лангобарды, все они оказываются приверженцами враждебного ортодоксальному христианству арианства, а в Испании даже начинают проводиться арианские церковные соборы. Догматические победы христианства IV века вновь оказались под угрозой. Новая волна уже почти забытых гонений, обрушившихся на христиан северной Африки в V веке, продолжает угрожать католическому населению Европы следующего столетия. В христианской литературе вновь актуализируются образы Нерона и Ирода, архетипические фигуры преследователей христианской веры. Появляется, однако, и новая надежда в лице христианских королей франков, которых удалось обратить в католическую веру усилиями праведной Хродехильды и святого Ремигия.

Нельзя не согласиться с мнением Дж. О'Доннелла о том, что произведения раннесредневековой историографии, так или иначе, носят нравственно-дидактическую направленность, будучи призванными наставить читателя в христианской вере. Образы основателей германских королевств глубоко отрефлексированы в ключе христианской доктрины. Первый варварский правитель Италии получает власть согласно предсказанию христианского святителя. Его преемник Теодорих, входя в Рим, оказывает почести христианским святыням и получает благословение римского папы, обещая хранить традиции императоров. Даже древний варвар Аларих оказывается вершителем воли Господа, обрушивающего Свой гнев на великий языческий город. Власть в Галлии выступает своего рода наградой, получаемой королем Хлодвигом, прошедшим испытание веры, которое не выдерживают его основные оппоненты – король бургундов Гундобад и король вестготов Аларих II.

Формирование образов власти эпохи становления германских королевств является результатом кропотливого труда римских интеллектуалов, оперирующих наследием классической греческой философии, стоической философии, концепциями римского права классического и постклассического периодов. Идеальный образ власти, представленный в работах Кассиодора, соответствует глубоким правовым и философским традициям, многие из которых восходят к эпохе «золотого века» римского права и античной философии. Парадигмой формирования данного образа становится преодоление проблемы «варварства», осмысление сущности королевской власти в контексте взаимодействия цивилизации и древней германской культуры, обусловленное необходимостью рефлексии нового политического пространства.

Определяющим геокультурным фактором формирования образов королевской власти эпохи становления германских королевств является, несомненно, культура Византии и образ римского императора. Данное влияние прослеживается как в произведении Иордана, так и в произведении Григория Турского, воспринявших позднеантичную культурно-историческую традицию с ее идеей автократической христианской государственности, ветхозаветной библейской телеологией, евангельской этикой, а также индоевропейскими героическими сюжетами. Создаваемые авторами образы королевской власти испытывает на себе влияние культурного взаимодействия IV-VI веков, сопровождавшегося формированием синкретической системы ценностей, отражающей как христианские, так и традиционные германские представления. Причудливая амальгама культурно-исторических традиций, оказывающих влияние на восприятие институтов власти, включает влияние римской литературы классического периода, германской традиционной культуры, христианской и античной историографии. В отдельных случаях значительное влияние на восприятие образов королевской власти оказывает модель организации власти в Римской империи, гето-фракийских обществах, а также гуннской «кочевой империи».

При формировании образов основателей германских королевств в произведениях авторов получают реализацию потестарно-мифологические фигуры героя, искателя, праведника и защитника. Наиболее ярко черты героя прослеживаются в указании на чудесное происхождение правителя, получение власти как обретение награды или воздаяние судьбы, а также отвагу и бесстрашие короля. Данные черты присутствуют в образе Алариха, Теодориха, Хлодвига, отчасти Одоакра (встреча героя с мудрым старцем, предсказывающим ему великое будущее и королевскую власть, вне всякого сомнения, является архетипическим сюжетом). Образ искателя, ведущего свой народ через превратности судьбы к процветанию в рамках нового королевства, являлся, вероятно, одним из наиболее близких и понятных германским правителям V-VI веков, а его черты прослеживаются в образе Алариха, Одоакра, Теодориха. Роль правителя как защитника страны, родителя, обеспечивающего наступление благоденствия и процветания своих подданных, получает яркое выражение в образах королей Хлодвига и Теодориха. Весьма характерна в данном отношении трансляция древнего индоевропейского мифа о «золотом веке» в описании анонимным хронистом правления Теодориха в Италии. Король как исполнитель божественной воли, восстановитель легитимного порядка, праведник, представлен в образах Алариха, Теодориха и Хлодвига. Создаваемые мифологемы противопоставляют деяния праведного и преданного истинной вере Хлодвига малодушию и слабости его уклоняющихся от праведности и христианской веры политических оппонентов.

Образы основателей германских королевств нравственно окрашены, тогда как образы королей эпического германского прошлого выглядят в произведениях авторов несколько в ином свете. Короли древности живут в

своем собственном мире, не нуждаясь в нравственных оценках потомков, по словам апостола Павла: «Те, которые, не имея закона, согрешили, вне закона и погибнут... ибо когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон»¹²⁴⁷. Григорий обходит молчанием попадающие в поле его внимания мифы о троянских правителях, равно как и миф о происхождении рода Меровингов от морского чудовища, не имея достаточных источников, чтобы опровергнуть их. Выстраивая собственную концепцию становления королевской власти у франков, Григорий Турский укреплял христианскую историографическую традицию, рассматривая ее в качестве альтернативы складывающейся в VI-VII веках в германской аристократической среде политической мифологии, героическая составляющая которой способствовала ее органичному восприятию носителями традиционной германской культуры. Несколько иной подход представлен в произведении Иордана, который, интерпретируя Кассиодора, все же сохраняет в своем повествовании многочисленные генеалогические мифы, включающие архаический субстрат, восходящий к германской потестарной мифологии (наиболее явным выражением которого является миф о происхождении готов от Одина).

Таким образом, в VI веке в Западной Европе формируются две историографические традиции¹²⁴⁸, которые получают свое развитие в VII-VIII столетиях. Одна из них интегрирует элементы этногенетической, потестарной и политической мифологии, возводя королевскую власть к легендарным и мифологическим сюжетам (Кассиодор, Иордан, позже – Фредегар, Павел Диакон), другая интегрирует элементы христианской телеологии, а также сакральной и политической мифологии, освещая, преимущественно, те аспекты истории народа и деяний его правителей, которые укрепляют читателя в христианской вере (Григорий Турский, позже – Исидор Севильский, Беда Достопочтенный). Параллельно с этими двумя традициями продолжает существовать жанр жизнеописания правителя, транслирующий элементы потестарной и политической мифологии, а также жанр исторической хроники, развивающий традиции римских консулярий. Данные направления, характерные для западноевропейской историографии VI века, могут рассматриваться в качестве ключевой составляющей того структурированного интеллектуального поля, в котором формируются основные черты средневекового политико-правового и историко-идеологического пространства.

---

¹²⁴⁷ Epistula Pauli Apostoli ad Romanos 2, 14

¹²⁴⁸ Необходимо отметить, что разделение данных традиций является достаточно условным, поскольку многие их составляющие являются взаимосвязанными.

